

СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ

7

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ

7

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2007

УДК 94"04/14"
С 75

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект № 06-01-16180д)*

Редакционная коллегия:

д. и. н. А. А. Горский (ответственный редактор)
д. и. н. И. Г. Коновалова (зам. ответственного редактора)
чл.-корр. РАН С. М. Каштанов
д. и. н. В. А. Кучкин
д. и. н. А. В. Назаренко
д. и. н. Л. В. Столярова
чл.-корр. РАН Б. Н. Флоря
чл.-корр. РАН Я. Н. Шапов

**Средневековая Русь. Вып. 7 / Отв. Редактор
А. А. Горский. — М.: Индрик, 2007. — 360 с.**

ISBN 978-5-85759-418-6

ISBN 978-5-85759-418-6

© Коллектив авторов, 2007
© Издательство «Индрик», 2007

Предисловие

Очередной, седьмой выпуск сборника «Средневековая Русь» составляют статьи, посвященные проблемам отечественной истории VIII–XV вв. Среди работ, относящихся к проблемам домонгольского периода, — исследования международных отношений Руси в эпоху ее формирования и во второй половине XI столетия, статьи о топографии вечевых собраний в Киеве, об отношениях князя и знати в Юго-Западной Руси, о датировке рождения князя Даниила Романовича Галицкого. Период второй половины XIII — XV в. представлен работой, обобщающей опыт нового направления историко-археологического изучения Северо-Восточной Руси — так называемых «микрорегиональных исследований», а также статьями о договоре Дмитрия Донского с Владимиром Андреевичем Серпуховским 1389 г. и о событиях в Тверской епархии в начале XV столетия.

И. Г. Коновалова

Вхождение Руси в систему политических отношений Хазарии, Халифата и Византии (IX в.)*

В историографии, посвященной истории политических взаимоотношений Древней Руси со странами Востока в IX — первой половине X в., важнейшее место занимает исследование отношений Руси и Хазарского каганата. Рассмотрение вопросов, связанных с историей русско-хазарских контактов, как правило, ограничивается анализом двусторонних отношений Руси и каганата. Говорится о существовании на определенном этапе даннических отношений между некоторыми восточнославянскими племенами и Хазарией; о постепенном освобождении этих племен от хазарской зависимости по мере включения их в орбиту влияния Киева; о походе Святослава на Дон и Волгу, приведшем к закату Хазарского государства; о негативном — или, напротив, позитивном — воздействии Хазарии на становление Древней Руси¹. Такая концен-

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 04-01-00228а).

¹ Историографию см.: *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 196–248; *Петрухин В. Я.* Русь и Хазария: К оценке исторических взаимосвязей / *Хазары*. Иерусалим; М., 2005 (Евреи и славяне. Т. 16). С. 69–100; *Голден П.* Достижения и перспективы хазарских исследований / *Хазары*. С. 27–68.

трация внимания на русско-хазарских отношениях вполне понятна: связи с Хазарией и должны были занимать первостепенное место в структуре русско-восточных контактов IX — первой половины X в. хотя бы вследствие одной территориальной близости обоих государств. Однако при исследовании русско-хазарских отношений *per se* вне поля зрения оказывается тот международный политико-экономический контекст, в котором они только и могли развиваться. В задачу настоящей статьи входит попытка рассмотреть начальные этапы связей Древней Руси со странами Востока как органическую часть системы международных отношений IX в.

Появление русов на международной арене в первой половине IX в. неизбежно должно было сопровождаться их контактами с Хазарией, являвшейся тогда самой могущественной политической силой в Восточной Европе. Среди сообщений средневековых арабо-персидских источников о взаимоотношениях русов и хазар имеется лишь одно, которое может отражать первоначальный период деятельности русов в Восточной Европе, когда они пришли в соприкосновение с Хазарией. Оно содержится в анонимном персоязычном сочинении «Муджмал ат-таварих» («Собрание историй», 1126 г.), автор которого проявлял повышенный интерес к этногенетическим легендам о восточноевропейских народах. Если в многочисленных рассказах мусульманских авторов об «острове русов»² дается описание места обитания, занятий и обычаев русов, но ничего не говорится об их предыстории, то в «Муджмал ат-таварих» содержатся сведения о том, каким образом русы поселились на «острове»: «Рассказывают также, что Рус и Хазар были от одной матери и отца. Затем Рус вырос и, так как не имел места, которое ему пришлось бы по душе, написал письмо Хазару и попросил у того часть его страны, чтобы там обосноваться. Рус искал и нашел

² Литература, посвященная «острову русов», огромна как по числу исследований, посвященных проблеме его локализации, так и по количеству выдвинутых на этот счет версий, географический ареал которых простигается от Приазовья и Нижнего Подунавья до Старой Ладogi, Скандинавии и Фрисландии (подробнее см.: Коновалова И. Г. Состав рассказа об «острове русов» в сочинениях арабо-персидских авторов X–XVI вв. // ДГ. 1999 г.: Восточная и Северная Европа в средневековье. М., 2001. С. 169–189).

место себе. Остров не большой и не маленький, с болотистой почвой и гнилым воздухом; там он и обосновался»³. Как видно, перед нами фольклорное предание, где главными действующими лицами являются культурные герои-эпонимы — Рус и Хазар. О древности источников, использованных составителем «Муджмал ат-таварих» для рассказа о народах Восточной Европы, свидетельствует и упоминание в одном контексте с русами героев иранской эпической традиции. Говоря об «острове русов», автор «Муджмал ат-таварих» замечает: «Место то лесистое и труднодоступное, и никогда ни один человек не достигал того места, разве что Гуштасф⁴ по приказу отца своего Лехрасфа в то время, когда Кей-Хосров⁵ его послал к хазарам и аланам»⁶.

Таким образом, согласно персидскому Анониму, самый ранний этап русско-хазарских связей был отмечен следующими ключевыми обстоятельствами: близким «родством» двух народов; первоначально подчиненным положением русов в системе этих отношений; постепенным освобождением русов от хазарской опеки, сопровождавшимся обретением ими жизненного пространства и — принимая во внимание, что под «островом русов» восточные авторы подразумевают политическое образование русов во главе с верховным правителем-каганом, — образованием собственного государства. Эти легенды, как видно, отражают догосударственный период в истории

³ Муджмал ат-таварих ва-л-кисас / Изд. М. Бехар. Тегеран, 1939. С. 101; Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // ДГ. 1998 г. М., 2000. С. 306.

⁴ Образ царя Гуштаспа в иранской мифологии и эпосе восходит к авестийскому Виштаспе, провозгласившему зороастризм религией Ирана; традиция приписывает Гуштаспу военные победы над Хазарией (*Брагинский И. С. Гуштасп // Мифологический словарь. М., 1990. С. 165.*

⁵ Кей-Хосров — царь из полулегендарной династии иранских царей Кейянидов, в сказание о жизни которого, по всей вероятности, могли быть включены события из жизни Хосрова I Ануширвана (531–579). См.: *Брагинский И. Б. Кай Хусроу // Мифологический словарь. С. 267–268; Лелеков Л. А. Кейяниды // Там же. С. 279–280; Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972. С. 62–63, 315–316.*

⁶ Муджмал ат-таварих. С. 101–102; Новосельцев А. П. Восточные источники. С. 306.

русов и потому могут быть датированы временем до 839 г., когда каган русов впервые упоминается в письменных источниках.

Мы практически ничего не знаем о том, как складывались отношения Руси, Хазарии и Византии в первые десятилетия IX в., до строительства Саркела. Можно только строить догадки относительно того, как развивались эти отношения, что именно заставило Хазарию обратиться к империи с просьбой о строительстве Саркела и побудило византийцев оказать хазарам помощь в возведении крепости. Различные соображения, выдвигавшиеся в историографии насчет возможных врагов Хазарии, для обороны от которых и сооружался Саркел (венгры или русы), пока не позволяют безоговорочно отдать предпочтение какой-либо версии⁷. Достоверно известно лишь то, что Византия не преминула воспользоваться сложившейся ситуацией и вслед за постройкой Саркела предприняла меры для укрепления имперской администрации в Крыму, заменив в Херсоне местных выборных протевонов на назначаемого Константинополем стратига⁸. Даже если в постройке крепости были заинтересованы обе стороны, то создание византийской фемы Климагов с центром в Херсоне объективно имело антихазарскую направленность и, возможно, являлось вынужденной для хазарских властей платой византийцам за помощь в возведении Саркела.

Кажется вполне очевидным, что оба эти события — строительство Саркела и организация византийской фемы в Крыму — вышли за рамки двусторонних византийско-хазарских отношений и

⁷ Историографию см.: *Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий* / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989. С. 334–335, 401; *McGovern M. Sarkel — a Reflection of Byzantine Power or Weakness?* // BSI. 1989. T. L. P. 177–180; *Новосельцев А. П. Хазарское государство*. С. 131–132, 206–207; *Цукерман К. Венгры в стране Леведии: Новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г.* // МАИЭТ. 1998. Вып. 6. С. 659–660.

⁸ *Константин Багрянородный. Об управлении империей*. С. 172–173, 402–403, прим. 32; *Dolger F. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches*. Berlin; München, 1924. Bd. 1. № 4314; *Zukerman C. Two notes on the early history of the *thema* of Cherson* // BMGS. 1997. T. 21. P. 210–222; *Науменко В. Е. Византийско-хазарские отношения в середине IX в.* / Хазары. С. 232–233.

являлись частью более широкого международного контекста 30-х гг. IX в. Именно к этому периоду относятся сообщения источников о набегах русов на Амастриду⁹; о нападении на Византию каких-то северных варваров, предводительствуемых тремя вождями¹⁰, которых Ф. И. Успенский отождествлял с русами¹¹; о приеме русского посольства в Константинополе и Ингельхайме¹²; о тяжелых военных поражениях, понесенных империей от арабов в Малой Азии и Средиземноморье¹³; о настойчивых, но в итоге безуспешных попытках византийской дипломатии побудить различных европейских правителей к совместным выступлениям против арабов¹⁴.

К этому же отрезку времени, по всей вероятности, стоит отнести и рост интереса к Хазарии и ее соседям (прежде всего, к славянам и русам) в странах Халифата, который дал свои плоды уже в следующем десятилетии. Мы имеем в виду, во-первых, организацию при халифе ал-Васике (842–847) специальной экспедиции на поиски стены Йаджуджа и Маджуджа¹⁵, члены которой посетили

⁹ Васильевский В. Г. Труды. Пг., 1915. Т. 3. С. 643–644.

¹⁰ Theophanes Continuatus // Theophanes Continuatus, Ioannes Camenitata, Symeon Magister, Georgius Monachus / Rec. I. Becker. Bonnae, 1838. IV, 7; *Продолжатель Феофана*. Жизнеописания византийских царей / Изд. подг. Я. Н. Любарский. СПб., 1992. С. 68–69. Событие в источнике не датировано, но из контекста сообщения следует, что Феофан приводит его как пример удачных предсказаний Иоанна Грамматика, за которые император Феофил «сначала возвел его в сан синкела, а позже поставил патриархом Константинополя». Таким образом, описываемое нападение варваров на Византию имело место, скорее всего, до того, как Иоанн стал патриархом, т. е. до 837 г.

¹¹ Успенский Ф. И. История Византийской империи VI–IX вв. М., 1996. С. 769–770.

¹² Annales Bertiniani: Annales de Saint-Bertin / Ed. F. Grat, J. Vielliard, S. Clémencet. Paris, 1964. P. 30–31.

¹³ Васильев А. А. Византия и арабы: Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. СПб., 1900. С. 78–105, 119–140.

¹⁴ Там же. С. 140–149.

¹⁵ Йаджудж и Маджудж — библейские Гог и Магог, враждебные людям существа, обитающие на востоке Земли, с пришествием которых в

Хазарию¹⁶, и, во-вторых, появление не дошедшего до нас труда ал-Джарми¹⁷ с описанием европейских народов, в том числе славян и хазар¹⁸, а также создание первой редакции сочинения Ибн

день Страшного суда наступит конец света (Быт. 10: 2; Исз. 38–39; Отк. 20: 7). Апокалиптическая легенда о Гоге и Магоге имела широкое распространение не только на Западе, но и на Востоке, где она была связана с мотивами «Романа об Александре», в котором рассказывалось о деяниях Александра Македонского в Азии. К сирийским версиям «Романа об Александре» восходит образ коранического Зу-л-Карнайна (*Пиотровский М. Б. Зу-л-Карнайн // Ислам. С. 78–79*), построившего стену для защиты от Йаджуджа и Маджуджа (К. 18: 83/82–102; 21: 96). Представление о наличии стены, сдерживающей Йаджуджа и Маджуджа, поддерживалось благодаря хорошему знакомству арабо-персидских географов и путешественников с Великой Китайской стеной, воздвигнутой для защиты от набегов кочевников (*Frähn C. M. Ibn Fozlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit: Text und Übersetzung mit kritisch-philologischen Anmerkungen. SPb., 1823. S. XIX–XX; De Goeje M. J. De Muur van Gog en Magog. Amsterdam, 1888; Пиотровский М. Б. Йаджудж и Маджудж // Ислам. С. 119*). Высказывается также предположение, что под этой стеной мусульманские авторы могли подразумевать укрепления Дербента (*Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge: Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840–940). Leipzig, 1903. S. 89–98; Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962. Т. I. С. 134–135*) или даже один из горных проходов Урала (*Zichy E. Le voyage de Sallam, l'interprète, à la muraille de Gog et de Magog // Kőrösi Csoma-Archivum. 1921–1925. Т. I. P. 190–204*).

¹⁶Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l-Kasim Obaidallah ibn Abdallah Ibn Khordadbeh et Excerpta e Kitab al-Kharadj auctore Kodama ibn Dja'far quae cum versione gallica edidit, indicibus et glossario instruxit M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1889. P. 163; *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран / Пер. с араб., коммент., исслед., указ. и карты Н. Велихановой. Баку, 1986. С. 129–130.

¹⁷Муслим ибн Абу Муслим ал-Джарми — автор известных лишь по позднейшим ссылкам сочинений, содержавших описание Византии, болгар, славян, аваров, хазар, волжских булгар; часть сведений об этих народах он собрал, находясь до 845 г. в плену в Византии (Kitab at-tanbih wa'l-ischraf auctore al-Masudi / Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1894. P. 190–191).

¹⁸*Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература // Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. М.; Л., 1957. Т. IV. С. 131–132.*

Хордадбеха с характеристикой пути купцов-русов в Багдад и Византию.

Теперь попытаемся определить место, занимаемое Русью в системе этих международных отношений. К 30-м гг. IX в. роль русских купцов в освоении торгового пути из Восточной Европы в страны Халифата, по-видимому, стала настолько заметна, что сам этот путь, начиная по крайней мере с 40-х гг. IX в., был известен в Багдаде как путь купцов-русов. Свидетельство Ибн Хордадбеха, впервые давшего характеристику этого пути, говорит о том, что поездки русов на Каспий и далее на Ближний Восток имели в это время более или менее регулярный характер. Последнее обстоятельство позволяло как-то упорядочить торговлю, осуществлявшуюся по этому пути, чем, естественно, должны были воспользоваться государства, по территории которых пролегал торговый маршрут.

В описании пути у Ибн Хордадбеха сказано, что путешественники на Восток русы трижды платят подати: десятину (под которой, по всей вероятности, имеется в виду торговая и проездная пошлина) — византийским властям и хазарскому владыке, а также подушную подать, взимаемую с немусульман на территории Халифата. Где именно взималась с русов подушная подать в пределах Халифата, для нас в данном случае неважно. Что же касается местонахождения пунктов сбора податей в пользу Византии и Хазарии, то рассмотренные выше сообщения Ибн Хордадбеха и Ибн ал-Факиха указывают на один из византийских городов Крыма¹⁹ и на хазарский Хамлидж²⁰.

Если попробовать поставить приходящиеся как раз на 30-е гг. IX в. строительство Саркела и создание византийской фемы в

¹⁹ Историографию см.: *Домановський А.* До локалізації місця збору мита з давньоруських купців за даними Ібн Хордадбеха та Ібн ал-Факіха // *УІЗ.* 2005. Вип. 8. С. 9–17.

²⁰ Местонахождение Хамлиджа остается пока нерешенной проблемой, однако большинство исследователей высказываются в пользу его локализации в Нижнем Поволжье, рядом с Итилем (*Lewicki T.* *Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny.* Wrocław; Warszawa; Kraków, 1956. Т. I. S. 114, прим. 108; *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран. С. 306; *Новосельцев А. П.* Хазарское государство. С. 129–130; *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века. М.; Иерусалим, 1997. С. 184).

Крыму в контекст международной торговли того времени, то не могут не броситься в глаза особенности пространственной локализации указанных двух событий. И Саркел, возведенный в излучине Дона, и византийские города, лежащие на крымском побережье, располагались вдоль маршрута, связывавшего Восточную Европу с Византией и Ближним Востоком. Разумеется, мы не собираемся настаивать на том, что усилия Хазарии и Византии по укреплению своих позиций на юге Восточной Европы предпринимались с единственной целью сбора пошлин. Например, стратегическое положение Саркела уже само по себе позволяло этому пункту выполнять функции и крепости, и таможенного поста, и караван-сарая²¹. Однако, как нам представляется, и возведение Саркела, и образование византийской фемы в Крыму в 30-е гг. IX в. были вызваны к жизни в немалой степени именно экономическими причинами.

В этой связи заслуживают внимания этимология названия «Саркел», а также те переводы, которые даются топониму в различных средневековых источниках. Наименование «Саркел» состоит из двух элементов: тюркского *сар/шар* — «белый» и иранского *гил/кил* — «дом»²². Современник постройки крепости византийский император Константин Багрянородный переводит его как *ἄσπρον ὀπίτιον*, что в русском переводе сочинения Константина передается как «Белый дом»²³. Между тем русское слово «дом» не совсем адекватно термину источника. Греч. *ὀπίτιον* восходит к лат. *hospitium*, обозначающему, действительно, дом, но только не всякий, а имеющий вполне определенное назначение — «пристанище, постоялый двор». Весьма показательным, что Константин при передаче названия по-гречески воспользовался именно этим термином, хотя, рассказывая историю строительства Саркела, он не

²¹ Плетнева С. А. Саркел и «шелковый» путь. Воронеж, 1996. С. 142–158.

²² Кононов А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // ТС. 1975 г. М., 1978. С. 175; Golden P. B. *Khazar Studies*. Budapest, 1980. Vol. I. P. 239–243; Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 334, коммент. 2; Гаджиева Н. З. Хазарский язык // Языки мира: Тюркские языки. М., 1997. С. 139.

²³ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 170–171, 334, коммент. 2.

изменно называет его *κἀστρον*, т. е. «крепостью»²⁴. Выбранный Константином эквивалент для передачи наименования «Саркел», таким образом, заостряет внимание прежде всего на роли Саркела — с точки зрения византийцев, — как перевалочного торгового пункта. Продолжатель Феофана, объясняя значение названия «Саркел», использует выражение *λευκον οἴκημα*²⁵, которое, как и у Константина, подчеркивает не военную, а хозяйственную функцию крепости.

Зафиксированное Повестью временных лет древнерусское название Саркела — «Белая Вежа» — носит несколько иной характер. В древнерусском языке слово «вежа», как и в других славянских языках, в первую очередь имеет значение «башня» и только во вторую — «жилище» (преимущественно кочевых народов)²⁶. Следовательно, в древнерусском названии Саркела выделяется главным образом, его военно-оборонительная функция. Вряд ли, однако, можно полагать, что семантика древнерусской формы топонима целиком связана с хазарским периодом истории города. Принимая во внимание время составления Повести, а также стратегическое положение Белой Вежи на степной границе Руси в X — начале XII в.²⁷, древнерусское наименование города следует рассматривать не как простую передачу иноязычного слова «Саркел» средствами родного языка, но скорее как отражение той роли, которую этот город играл в системе внешних связей самой Древней Руси.

К 30-м гг. IX в. относится еще одно важное событие в международной жизни Восточной Европы и Причерноморья — визит русских послов в Византию. В связи с пребыванием русского посольства в Константинополе и Ингельхайме в 838–839 гг. основное внимание в историографии уделяется вопросу об этническом содержании термина *Rhos*, а также о возможном местонахождении

²⁴ Там же. С. 170–173.

²⁵ Theoph. Cont. III, 28.

²⁶ Новосельцев А. П. Термин «вежа» в древнерусских источниках // ДГ. 1987 г. М., 1989. С. 16.

²⁷ После похода Святослава на хазар Белая Вежа превратилась в степной форпост Древней Руси; в городе проживало древнерусское население (Плетнева С. А. Половцы. М., 1990. С. 22, 62–63, 98).

кагана русов. Что же касается целей, которые преследовали русские послы, то, опираясь на содержащийся в Бертинских анналах пересказ сопроводительного письма Феофила (829–842), к которому они прибыли «ради дружбы», большинство исследователей полагают, что в задачу русского посольства входило установление мирных отношений с Византией²⁸.

Появление русских послов в Константинополе трудно рассматривать лишь как факт двусторонних русско-византийских отношений. Об этом свидетельствует не только дальнейшее путешествие русов вместе с византийским посольством к франкскому императору, но, главное, выбор русами времени для поездки в столицу империи. То обстоятельство, что русское посольство прибыло в Константинополь именно в 838 г., показывает, насколько глубоко к этому времени Древнерусское государство было интегрировано в систему международных отношений Востока и Запада.

838 год был, по выражению А. А. Васильева, «роковым для Византии на Востоке» годом²⁹, когда натиск арабов на границы империи мог создать реальную угрозу и самому Константинополю. Подавление охватившего Азербайджан³⁰, Армению³¹ и Дейлем³²

²⁸ Историографию см.: *Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси. С. 37–42; *Шаскольский И. П.* Известие Бертинских анналов в свете данных современной науки // ЛХ. 1980 г. М., 1981. С. 43–54; *Schramm G.* Gentem suam Rhos vocari dicebant: Hintergrunde der ältesten Erwähnung der Russen (a. 839) // *Ostmitteleuropa: Berichte und Forschungen: Festschrift für G. Rhode.* Stuttgart, 1981. S. 1–10; *Shepard J.* The Rhos guests of Louis the Pious: Whence and wherefore? // *Early medieval Europe.* 1995. Т. 4. P. 41–60; *Коновалова И. Г.* О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси // *Славяне и их соседи.* Вып. 10: Славяне и кочевой мир. М., 2001. С. 108–135.

²⁹ *Васильев А. А.* Византия и арабы. С. 119.

³⁰ Азербайджан (Азарбайджан) — принятое в арабо-персидской литературе наименование южной части исторического Азербайджана, расположенной к югу от р. Аракс (*Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран. С. 289–291).

³¹ Армения (Арминийа) — название земель, завоеванных арабами на территории Закавказья и подразделявшихся ими, по примеру византийцев, на четыре части (*Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран. С. 48–52).

восстания хуррамитов³³ и казнь в конце 837 г. их идейного вдохновителя Бабека позволили халифу ал-Му'тасиму (833–842) сосредоточить войска на византийской границе, с тем чтобы повести наступление на город Аморий, родину правящей в то время в Византии династии. 22 июля 838 г. арабы нанесли поражение армии Феофила, а 1 августа начали осаду Амория. В конце сентября город был взят арабами, захватившими большую добычу и пленных, среди которых были многие византийские военачальники. Направленное Феофилом к ал-Му'тасиму посольство вернулось ни с чем, так как арабы запросили слишком большой выкуп за знатных греческих пленников, а также выдвинули ряд встречных, унижительных для империи, условий. Ал-Му'тасим строил планы о нападении на Константинополь, собираясь обложить столицу с суши и с моря. Только дворцовые интриги заставили халифа в конце концов отказаться от своего намерения³⁴.

В этих обстоятельствах Феофил решил обратиться к европейским государям с предложением о ведении совместных действий против арабов на море. В конце 838 г. византийские послы были направлены к венецианскому дожу Петру Трандонико, которого Феофил просил послать войска в Южную Италию, где арабы заняли Бриндизи. Дож направил флотилию из 60 кораблей к Таренту, но она была наголову разбита арабами, которые в отместку за нападение на них венецианцев совершили набеги на северо-западное побережье Адриатики, дойдя вплоть до устья р. По³⁵. В июне 839 г. послы Феофила прибыли к Людовику Благочестивому (814–840) в Ингельхайм. Просьба византийцев к Людовику о нападении на север Африки, чтобы отвлечь силы арабов от Малой Азии, осталась безответной из-за сложной внутренней обстановки во франкской империи и последовавшей в 840 г. смерти Людовика. В конце

³² Дайлам — арабское название южной гористой части иранской области Гилан на юго-западном побережье Каспийского моря.

³³ Оппозиционное народное движение хуррамитов (от перс. *хуррамдин* — «имеющий радостную, благовую веру») охватило в 816–837 гг. Западный Иран.

³⁴ Васильев А. А. Византия и арабы. С. 119–140.

³⁵ Там же. С. 141–145.

839 г. византийские посланники добрались до Испании, где надеялись обрести поддержку со стороны испанского Омейяда 'Абд ар-Рахмана II (822–852), однако и это посольство не имело результатов, поскольку 'Абд ар-Рахман в это время был поглощен решением внутренних проблем³⁶.

Таким образом, совершенно очевидно, что момент для отправки посольства русов в Константинополь был выбран крайне удачный. По всей вероятности, тогдашние правители Руси хорошо ориентировались в соотношении сил на международной арене. О том, что Византия на протяжении 30-х гг. IX в. потерпела ряд чувствительных поражений от арабов, в связи с чем намеревалась искать союзников в странах Западной Европы, на Руси могли узнать, во-первых, через Хазарию, сблизившуюся с Византией как раз в это время, и, во-вторых, в самом Багдаде, куда добирались русские купцы. Появление в Константинополе иностранных послов в разгар дипломатической активности имперских властей могло быть встречено последними весьма благожелательно. Скорее всего, события развивались именно в этом направлении, судя по проявленной византийцами заботе о благополучном возвращении русского посольства на родину.

О том, что составляло предмет русско-византийских переговоров и каковы были их результаты, можно судить только по косвенным свидетельствам. Не исключено, что византийцы хотели бы склонить их на борьбу с арабами на стороне империи. В свете такого предположения становится понятной поездка русов в Ингельхайм фактически в составе византийского посольства и представление русских послов Людовиду, потенциальному союзнику Феофила в планируемой им антиарабской коалиции.

По-видимому, визит русских послов в Константинополь привел к установлению дружественных отношений между империей и Древнерусским государством. К такому заключению подталкивают сообщения, правда, к сожалению, немногочисленные, о политических событиях в Хазарии и на Северном Кавказе в 40–50-х гг. IX в.

Выше мы уже упоминали о том, что халиф ал-Васик снарядил экспедицию в северные (по отношению к Халифату) области Земли

³⁶ Там же. С. 146–149.

на поиски легендарной стены Йаджуджа и Маджуджа. Об этом путешествии, известном по отчету о нем Саллама ат-Тарджумана («Переводчика»), существует обширная историография, где первоначально скептическое отношение к степени достоверности данных Саллама со временем сменилось более взвешенным подходом³⁷. Если относительно того, куда в конце концов прибыла экспедиция, до сих пор ведутся споры, то с тем, что Саллам и его спутники посетили Хазарию, согласны почти все исследователи³⁸. Путь экспедиции, начавшейся в Самарре, пролегал через столицу провинции Армения город Тифлис, через области аварцев (араб. *ас-Сарир*³⁹), алан, владения Филан-шаха⁴⁰ и Хазарию, откуда путешественники вступили в уже совершенно незнакомые им области⁴¹. Как нетрудно заметить, лишь на последнем этапе, покинув

³⁷ Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. С. 138; *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран. С. 43; *Ахмедов А. А.* Ал-Хорезми и великий шелковый путь // На среднеазиатских трассах Великого шелкового пути: Очерки истории и культуры. Ташкент, 1990. С. 72–81.

³⁸ Изложение различных точек зрения и библиографию см.: *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран. С. 43–46.

³⁹ Ас-Сарир — принятое в арабо-персидской историографии название государства, города и народа, образованное от титула *сахиб ас-Сарир* («владелец трона»). В литературе, упоминающей о Сарире, начиная с IX в., существовала традиция, связывавшая название Сарир с легендой о переносе золотого трона сасанидских царей на Северный Кавказ (обзор источников см.: *Hudud al-'Alam: The Regions of the World: A Persian Geography 372 A.H. — 982 A.D. / Transl. and explained by V. Minorsky.* London, 1937. P. 447; *Бейлис В. М.* Из истории Дагестана VI–XI вв. (Сарир) // Изв. М., 1963. Т. 73. С. 258–259; *Заходер Б. Н.* Каспийский свод. Т. I. С. 124, прим. 50). Современные исследователи помещают Сарир на территории горного Дагестана (*Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербента X–XI вв. М., 1963. С. 132–137; *Бейлис В. М.* Из истории Дагестана. С. 250–255).

⁴⁰ Филан — одно из политических образований на территории горного Дагестана (*Минорский В. Ф.* История. С. 137–138; *Шихсаидов А. Р.* К вопросу о локализации Филана // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976. С. 78–87).

⁴¹ *Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik*. P. 163; *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран. С. 129–130.

Хазарию, экспедиция выполняла, если можно так сказать, собственно исследовательские функции. Отрезок же пути от Самарры и до местопребывания владыки Хазарии, названного у Саллама «Тарханом», представлял собой, в сущности, поездку дипломатического характера. Недаром в отчете Саллама не только скрупулезно перечислены все правители, с которыми он встречался по пути следования, но и сказано, что из Самарры он отбыл с письмом халифа к правителю Армении Исахаку ибн Исмаилу, в Тифлисе получил от последнего письмо к владыке Сарира, от того — к царю алан и т. п.⁴² Мы, конечно, не можем утверждать наверняка, что во время встреч с вышеупомянутыми владыками Саллам обсуждал вопросы, далеко выходящие за рамки обеспечения безопасности его путешествия, однако совсем исключать такую возможность, как нам кажется, было бы несправедливым.

Дело в том, что экспедиция ал-Васика на север пришлось в то время, ознаменовавшееся существенными переменами во внешней политике Халифата, с одной стороны, и Византии — с другой. 5 января 842 г. скончался халиф ал-Му'тасим, а спустя две недели, 20 января, умер и его непримиримый противник император Феофил. Для их преемников на первый план сразу же вышли важные внутренние дела. Халифу ал-Васику, чтобы сохранить власть, пришлось подавлять волнения в Багдаде и восстание в Дамаске, умирять местные арабские племена в Аравии и курдов в Джибале, разрешать религиозные споры, возникшие в связи с дискуссией о «сотворенности» или «несотворенности» Корана. Византия же в 842–843 гг. пережила церковную реформу, имевшую своей целью восстановление иконопочитания. Таким образом, сложившаяся в Халифате и в Византии обстановка вынуждала обе стороны стремиться скорее к урегулированию взаимных отношений в Малой Азии, чем к ведению войны. В 845 г. по инициативе империи были начаты переговоры о мире, приведшие в том же году к обмену пленными⁴³.

Среди выпущенных на свободу арабских пленников был и вышеупомянутый ал-Джарми, которому за время пребывания в плену

⁴² Там же.

⁴³ Васильев А. А. Византия и арабы. С. 156–161.

удалось собрать много данных о народах Европы, в том числе — о хазарах и славянах. Нам неизвестно, как скоро после освобождения из плена было создано сочинение ал-Джарми, содержащее описание европейских народов. Но мы можем не без оснований полагать, что труд ал-Джарми — в части, касающейся характеристики северных народов, — отвечал насущным интеллектуальным и практическим потребностям своего времени. С сочинением ал-Джарми был хорошо знаком и цитировал его современник писателя Ибн Хордадбех⁴⁴, который, начиная с правления ал-Васика, бессменно обретался при халифском дворе в Самарре и Багдаде вплоть до своей смерти в конце IX в. Поскольку вопросы, связанные с освобождением пленных, решались на самом высоком уровне, нельзя исключать, что ал-Джарми был доставлен ко двору ал-Васика, где накопленные им сведения о северных странах стали достоянием как ученых, так и официальных лиц.

Интерес к Хазарии, усилившийся в Халифате в 40-е гг. IX в., стимулировался, на наш взгляд, обстановкой, которая сложилась на кавказском пограничье арабского государства. Несмотря на подавление движения хуррамитов, положение дел в закавказских провинциях Халифата — Армении, Азербайджане и Арране⁴⁵ — оставалось беспокойным. Там постепенно созревали условия, приведшие во второй половине IX в. к переходу власти над этим регионом в руки местных династий. Ближайшей державой, способной оказать кавказским правителям военную помощь в их борьбе за самостоятельность от халифата, была Хазария. Нейтрализация возможных попыток вмешательства во внутренние дела арабов со стороны Хазарии становилась, таким образом, одной из насущных задач внешней политики Халифата.

События, разворачивавшиеся на Кавказе в конце 40-х — начале 50-х гг. IX в., красноречиво свидетельствуют о том, что маршрут поездки Саллама к хазарам был выбран, по всей вероятности, далеко не случайно. Репрессии, обрушившиеся на Закавказье после по-

⁴⁴ Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik. P. 105–108; *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран. С. 98–100.

⁴⁵ Арран — арабское название Кавказской Албании (*Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран. С. 298–300).

давления движения хуррамитов, в свою очередь, привели к волнениям среди местного населения. В самом начале 50-х гг. IX в., после того, как в армянском городе Тароне был убит арабский наместник Йусуф ибн Мухаммад, халиф направил в Армению большое войско во главе с Бугой ал-Кабиром («Старшим»). Расправившись с армянской знатью, Буга принялся за усмирение других правителей, замеченных в нелояльности по отношению к халифу, а также за их союзников. Отмеченный целым рядом источников перечень противников Буги показывает, что военные действия разворачивались почти целиком на тех территориях, которые незадолго до этих событий посетила экспедиция Саллама ат-Тарджумана. Согласно арабским источникам, после победы над армянами Буга разорил Тифлис, разбил абхазского царя Феодосия и, наконец, обратил оружие против горцев Грузии⁴⁶. В грузинских источниках, кроме того, говорится, что Буга пытался вторгнуться и в Овсети (Аланию), но ему помешали погодные условия и охватившие арабских воинов болезни⁴⁷. А местная дербентская хроника⁴⁸ утверждает, что Буга не только осуществил поход против алан, но даже одержал над ними победу и заставил платить подушную подать (*джи-зья*). Кроме того, в этих же источниках упоминается еще один противник Буги — хазары, которым, как и аланам, являвшимся их союзниками, арабский полководец нанес поражение⁴⁹.

Таким образом, в повествующих о кавказских событиях первой половины 50-х гг. IX в. источниках в качестве противников

⁴⁶ Ibn Wadhīh qui dicitur al-Ja'qubi historiae / Ed. M. Th. Houtsma. Lugduni Batavorum, 1883. Т. II. Р. 598–599.

⁴⁷ Новосельцев А. П. Хазарское государство. С. 192.

⁴⁸ Жанр региональной историографии появился в государствах Прикаспия не позднее XI в. Наиболее ранние сочинения, написанные по-арабски и посвященные истории Ширвана, Аррана и Дербента, в первоначальном виде не уцелели. Однако по материалам этих местных летописей в начале XII в. был составлен свод «История Дербента» (*Тарих Баб-ал-абваб*). Он дошел до нас в сокращенном виде в составе написанного по-арабски сочинения турецкого ученого XVII в. Мюнаджжима-баши и был детально исследован и переведен на русский язык В. Ф. Минорским (*Минорский В. Ф. История*).

⁴⁹ Минорский В. Ф. История. С. 46.

Халифата фигурируют Грузия (включая ее столицу Тифлис и области горских народов), Алания и Хазария. Фактически по этому самому маршруту в середине 40-х гг. IX в. проследовали путешественники, возглавляемые Салламом. Не хватает лишь упоминания о Филане и Сарире, однако оба эти региона располагались в непосредственной близости от театра военных действий и вследствие этого могли быть также вовлечены в столкновения с арабами⁵⁰. Поэтому можно полагать, что попытки халифа умиротворить Кавказ не были удачными.

Это заключение находит подтверждение также в одном сообщении современника описываемых им событий, арабского историка и географа IX в. ал-Йа'куби, который некоторое время жил в Закавказье. Согласно ал-Йа'куби, горский народ санаров (или цанарийцев), обитавший в районе Дарьяльского ущелья, проявил упорное сопротивление нашествию Буги ал-Кабира. Нуждаясь в помощи извне, санары, по словам ал-Йа'куби, обратились к трем государям: византийскому императору (*сахиб ар-Рум*), правителю хазар (*сахиб ал-хазар*) и некоему правителю славян (*сахиб ас-сакалиба*)⁵¹.

Обращение к византийскому императору в принципе могло быть чисто символическим жестом. Однако, как нам кажется, цанары все-таки имели некоторые основания надеяться на отклик со стороны Византии. Ее должно было задеть вторжение Буги в Абхазию, которую империя рассматривала как зону своего политического влияния. Мы не располагаем данными, позволяющими утверждать, что византийцы действительно предприняли какие-либо шаги в ответ на просьбу санаров. Однако нельзя не обратить внимание на то, что возобновление арабских вторжений в малоазийские провинции Византии хронологически совпадает с обращением санаров к императору. После обмена пленными в 845 г. на византийско-арабском пограничье в Малой Азии в течение нескольких лет царило затишье. Начиная же с 851 г. арабы стали совершать ежегодные набеги на земли Византии. Одну из таких экспедиций, имевшую место в 858 г., возглавил знакомый нам по кавказской кампании Буга ал-Кабир.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Ibn Wadhīh qui dicitur al-Ja'qubi historiae. P. 598–599.

Что касается хазар, то они, по всей вероятности, откликнулись на призыв санаров. Мы уже говорили выше о сообщениях местных ширванских хроник об имевших место в первой половине 50-х гг. IX в. военных действиях, участниками которых были, с одной стороны, Буга Старший, а с другой — хазары и аланы.

Сложнее сказать что-либо определенное о третьем адресате санаров — владыке славян. Упоминание его в одном ряду с византийским императором и владыкой Хазарии наводит на мысль, во-первых, о достаточно высоком международном политическом статусе управляемого им государства и во-вторых, о наличии у этого «правителя славян» соответствующего титула, сопоставимого с рангом императора или кагана. Сразу же приходящее на ум определение, которое Ибн Фадлан в 922 г. дал правителю Волжской Булгарии — «царь славян» (*малик ас-сакалиба*)⁵², — можно не принимать в расчет как совершенно не отвечающее реалиям середины IX в., когда Булгария не играла сколько-нибудь заметной роли на политической арене, так как находилась в полной зависимости от хазарского каганата. В свете сказанного следует признать обоснованным выдвигавшееся уже в литературе мнение о том, что санары обращались к кагану русов, ибо никакой другой правитель в Восточной Европе в середине IX в. (за исключением Хазарии, разумеется) не имел столь высокого политического статуса⁵³. Почему же тогда в «Истории» ал-Йа'куби фигурирует *сахиб ас-сакалиба*, а не *сахиб ар-рус*? Как нам представляется, это могло быть связано с особенностью ранней арабской литературы, рассматривавшей русов как «разновидность» славян⁵⁴. Что же касается самой возможности существования контактов между санарами и русами, то в параллель к сообщению ал-Йа'куби можно поставить данные Ибн ан-Надима (X в.), упоминающего о том, что «один из

⁵² *Validi Togan A. Z. Ibn Fadlan's Reisebericht. Leipzig, 1939. S. 309; Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 150; Калинина Т. М. «Царь славян» Ибн Фадлана // ВЕДС: Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей. М., 1994. С. 15–16; Мишин Д. Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М., 2002. С. 29–33.*

⁵³ Историографию см.: *Ловмянский Х. Русь и норманны. С. 149–150, прим. 2.*

⁵⁴ *Коновалова И. Г. Путь купцов-русов на Восток.*

царей горы ал-Кабк» (т. е. Кавказа. — *И. К.*) направил посла к «царю русов»⁵⁵.

Логично предположить, что санары взывали к тому, кто мог бы оказать им реальную помощь, что должно свидетельствовать об известной территориальной близости всех адресатов к месту обитания санаров. И Хазария, и Византия вполне удовлетворяли этому требованию, чего нельзя сказать ни об одной из славянских стран. Поэтому если мы допускаем, что санары обращались к кагану русов, то тогда придется признать, что территория, подвластная последнему, должна была находиться не где-то на севере (скажем, в Старой Ладогге, на Рюриковом городище близ Новгорода или в Ярославском Поволжье), а скорее в южной части Восточной Европы, по соседству с Хазарией.

Таким образом, история с санарами свидетельствует о том, что в начале 50-х гг. IX в. Византия, Хазария и — если мы правы в своем предположении — Русь рассматривались на Кавказе как потенциальные противники Халифата. Если вспомнить приходящиеся на 30-е гг. IX в. сотрудничество Византии и Хазарии в строительстве Саркела, а также теплый прием русского посольства в Константинополе, то нахождение этих трех государств в одном политическом лагере кажется вполне объяснимым.

Следует отметить, что для начала 50-х гг. IX в. говорить о союзе Византии, Хазарии и Руси с большей или меньшей степенью вероятности можно лишь по отношению к Халифату. События, развернувшиеся в 860 г. вокруг Константинополя, вполне продемонстрировали сложный характер взаимоотношений внутри самого треугольника Византия — Хазария — Русь.

Полагаем, что здесь нет необходимости излагать ни внутриполитические проблемы империи того времени, ни детали византийско-арабской кампании в Малой Азии, ни подробности осады русами незащищенной византийской столицы летом 860 г. Обо всем этом сообщают многие источники IX–XIII вв., материал которых давно введен в научный оборот⁵⁶.

⁵⁵ *Flugel G.* Kitab al-Fihrist. Leipzig, 1971. Bd. I. S. 20.

⁵⁶ Обзор источников и историографию см.: *Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси. С. 48–59.

Ученые, рассматривавшие роль Руси в событиях 860 г., уже обратили внимание на исключительно удачно выбранный момент для нападения на Константинополь: отсутствие в столице императора Михаила III (842–867), поведшего 40-тысячное войско на восток навстречу арабам; нахождение вдали от города и греческого флота, занятого борьбой с арабами у берегов Крита; распри в среде господствующего слоя Византии в связи с делом патриарха Игнатия. Эти наблюдения заставляют подозревать, что походу предшествовала тщательная подготовка, основанная на хорошем знании русами внутри- и внешнеполитического положения империи. Некоторые исследователи даже предполагают, что, нападая на Константинополь, русы действовали в союзе с арабами⁵⁷.

Что касается последнего предположения, то и сегодня мы можем повторить вслед за писавшим в 1968 г. В. Т. Пашуто: «Согласовывались ли такие русские походы (речь идет о 860 и 969 гг. — *И. К.*) с Багдадом и Каиром, сказать трудно»⁵⁸. Дело в том, что в нашем распоряжении нет источников, которые бы свидетельствовали о существовании политических контактов между Русью и Халифатом. Кстати говоря, отсутствие в обеих редакциях сочинения Ибн Хордадбега каких-либо сведений о правителе русов, в частности об его титуле, косвенным образом указывает на отсутствие такого рода контактов. Ссылка именно на Ибн Хордадбега в данном случае особенно показательна, ибо занимаемая им высокая должность начальника почты позволяла ему обращаться к современным и архивным официальным документам. Поэтому, по нашему мнению, применительно к осаде русами Константинополя следует говорить не об их гипотетическом союзе с арабами, а скорее просто об умелом использовании обстановки, сложившейся в византийской столице летом 860 г., для достижения собственных политических целей.

В то же время есть некоторые основания считать, что какое-то отношение к походу русов на столицу империи имела Хазария. В свете такого предположения логично выглядит дипломатический

⁵⁷ *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913. С. 45.

⁵⁸ *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 139.

шаг, предпринятый Константинополем сразу же по уходе русской флотилии, — хазарская миссия Константина Философа.

Чтобы разобраться в том, насколько византийская составляющая внешней политики Древней Руси была опосредована взаимоотношениями последней с Хазарским каганатом, обратимся к положению дел в Восточной Европе накануне похода русов на Константинополь и вскоре после 860 г. Согласно Повести временных лет, нападению Руси на Византию, которое летописец ошибочно датирует 866 г., предшествовали следующие политические события: разделение сфер влияния между варягами, собиравшими дань с чуди, словен, мери и кривичей, и хазарами, которые взимали дань с полян, северян и вятичей (под 859 г.); начало княжения Рюрика в Новгороде; уход от Рюрика Аскольда и Дира, «отпросившихся» в Константинополь, и вокняжение их в земле полян (все — под 862 г.). Вслед за этим в летописи имеется лакуна для 863–865 гг., а под 866 г. помещено сообщение о походе Аскольда и Дира на Константинополь⁵⁹. Конечно, не следует забывать о шаткости хронологии Повести временных лет для раннего периода русской истории, но в данном случае нам важна не столько точная датировка событий летописцем, сколько их относительная хронология.

Согласно Повести временных лет, в момент появления Аскольда и Дира в земле полян последние были данниками хазар. Следующая фраза летописца — «Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян»⁶⁰ — подразумевает, что новоявленные владыки полян должны были войти в контакт с хазарами для того, чтобы каким-то образом упорядочить с ними свои отношения по поводу полянской дани. О том, как развивались связанные с этим события, Повесть хранит молчание, но по другим источникам известно, что Аскольду и Диру, прежде чем отправиться в Византию, пришлось воевать с окрестными народами, часть которых зависела от Хазарии. Так, Новгородская Первая летопись сообщает о войнах с древлянами и уличами⁶¹, а в более поздних летописях содержатся сведения о ги-

⁵⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 19–22; Т. II. Стб. 13–15.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 21; Т. II. Стб. 15.

⁶¹ НПЛ. С. 106.

бели сына Аскольда в борьбе с булгарами⁶², в которых не без оснований видят обитавших в Подонье и в низовьях Днепра черных булгар, находившихся в зависимости от хазар⁶³.

Ясно, что поход на Константинополь, в котором, по всей вероятности, должны были участвовать основные военные силы русов, мог состояться лишь при условии урегулирования всех конфликтов с ближайшими соседями. Поэтому мы вправе предполагать, что походу 860 г. на Византию предшествовало некое соглашение между Русью и Хазарией, которое обеспечивало бы Руси, как минимум, благожелательный нейтралитет со стороны Хазарии и давало бы русам гарантии от хазарских набегов на Среднее Поднепровье. Не исключено, что сведения о планируемом арабском наступлении на византийские владения в Малой Азии русы могли получить как раз при посредстве Хазарии, поддерживавшей связи со многими кавказскими правителями, которые были неплохо осведомлены в вопросах внешней политики Халифата на Ближнем Востоке. Да и в долгосрочной перспективе для Хазарии было бы предпочтительней, чтобы Русь находилась во враждебных отношениях с Византией, нежели стала бы союзницей империи. Принятие иудаизма правящей верхушкой Хазарии, имевшее место на рубеже VIII–IX вв.⁶⁴, постепенно сужало поле взаимных политических контактов каганата и империи. Это должно было особенно проявиться в обстановке активной миссионерской деятельности, которая была развернута Византией в период первого патриаршества Фотия (857–867). Поэтому сообщения Жития Константина о хазарском посольстве к императору с просьбой о присылке христианского проповедника; о религиозном диспуте при дворе хазарского кагана, завершившемся идейным триумфом христианства; о письме кагана

⁶² ПСРЛ. М., 1965. Т. IX/X. С. 9.

⁶³ Новосельцев А. П. Хазарское государство. С. 210.

⁶⁴ Вопрос о дате обращения хазарской элиты в иудаизм является дискуссионным (историографию см.: Новосельцев А. П. Хазарское государство. С. 148–151; Zuckerman C. On the date of the Khazar's conversion to judaism and the chronology of the kings of the Rus Oleg and Igor: A study of the Anonymous Khazar letter from the Genizah of Cairo // REB. 1995. Т. 53. P. 237–270.

к императору с признанием истинности христианской веры⁶⁵ следует рассматривать скорее как жанровые атрибуты житийной литературы, чем как реальные события начала 60-х гг. IX в.

В то же время из Жития можно извлечь данные, свидетельствующие о существовании какого-то военного конфликта между Хазарией и Византией, который мог иметь место незадолго до миссии Константина. Согласно Житию, Константин перед отъездом просил кагана отпустить на волю греческих пленников, что каган и сделал, освободив человек «до двадцати»⁶⁶. В литературе уже высказывалось справедливое замечание о том, что посольство, в состав которого входил Константин, не являлось исключительно религиозной миссией, но было нацелено прежде всего на достижение политических результатов⁶⁷. Как показывает посольская практика Византии, не последнее место в переговорах с другими державами обычно занимал вопрос об освобождении или выкупе пленных⁶⁸. Поэтому соответствующие инструкции члены хазарской миссии, по-видимому, получили еще до своего отъезда из Константинополя, что позволяет датировать предполагаемый военный конфликт временем до похода русов либо считать, что он мог быть приурочен к нападению русского флота на Византию.

Как отголосок этого конфликта можно было бы рассматривать сообщение Жития о том, что во время пребывания Константина в Крыму случилось нападение хазар на византийские владения⁶⁹. Однако слишком неопределенный характер этого известия (некий «хазарский полководец» осаждает безымянный «христианский город», но уходит восвояси, вняв поучениям Константина и «обе-

⁶⁵ Житие Константина // Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С. 77–85.

⁶⁶ Там же. С. 85.

⁶⁷ Флоря Б. Н. Сказания о начале славянской письменности и современная им эпоха // Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С. 16.

⁶⁸ Васильев А. А. Византия и арабы. С. 156–161, 177–181; Kennedy H. Byzantine-Arab diplomacy in the Near East from the Islamic conquests to the mid eleventh century // Byzantine Diplomacy / Ed. J. Shepard and S. Franklin. London, 1992. P. 137.

⁶⁹ Житие Константина. С. 78.

щавшись ему креститься») заставляет подозревать, что оно является не более чем данью жанровой специфике произведения.

Таким образом, события 860 г., развернувшиеся вокруг Константинополя, наглядно продемонстрировали, во-первых, прочную интеграцию Руси в систему международных отношений в Причерноморском регионе и, во-вторых, взаимную обусловленность византийского и восточного направлений внешней политики древнерусского государства. Прилагательное «взаимную» хотелось бы особенно подчеркнуть, поскольку многие исследователи древнерусской истории хотя и признают связь указанных направлений во внешней политике Руси, но склонны понимать эту связь весьма односторонне, рассматривая византийскую составляющую внешнеполитического курса Руси как определяющую, а восточную — как производную от первой.

П. В. Лукин

**Зачем Изяслав Ярославич
«възгна торгъ на гору»?
К вопросу о месте проведения
вечевых собраний в средневековом Киеве***

В летописном рассказе о восстании в Киеве в 1068 г. и его последствиях есть одно весьма загадочное сообщение. После того, как вернувшийся в «мать городов русских» Изяслав Ярославич утвердился на своём столе, первое, что он сделал, — это, как указывается в статье ПВЛ под следующим 1069 г., «възгна торгъ на гору»¹.

Зачем князю нужно было переносить рынок (рыночную площадь), в тексте источника не объясняется. Естественно, это место многократно и подробно обсуждалось в историографии, причём дискуссия разворачивалась главным образом вокруг вопроса о связи этой княжеской акции с деятельностью киевского веча; ведь,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Народные собрания у восточных и западных славян»), проект № 05-01-01074а, Фонда содействия отечественной науке и Фонда Герды Хенкель (Gerda Henkel Stiftung) (Германия) в рамках проекта «Popular Assemblies of the Eastern and Western Slavs: a comparative Study» (AZ/05/SR/06). Благодарю Анджея Плевиньского (Люблин), П. С. Стефановича, С. Н. Азбелева (Санкт-Петербург) и В. Ф. Андреева (Великий Новгород) за помощь и содействие в получении труднодоступных в Москве работ.

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 174.

согласно летописи, во время восстания «людьє Киевстии при-бѣгоша Киеву и створиша вѣче на торговищи...»². Эту связь усматривал ещё В. Н. Татищев, так комментировавший это событие во второй редакции своей «Истории Российской»: «Изяслав, видя, что неприлично торгу и зборисчу многому быть на низу в отдалении от его дому, повелел торг перевести на гору»³. Впоследствии, однако, исследователями предлагались самые разные объяснения.

Н. М. Карамзин считал, что дело заключалось в самом *месте*, отдалённом от княжеского дворца и потому опасном в плане использования его «мятежниками». По словам историка, «Государь Киевский не забыл, что бедственный для него мятеж сделался на торговой площади: сие место, отдалённое от дворца, казалось ему опасным, и для того он перевёл торг из Подола в верхнюю часть города»⁴. С. М. Соловьёв ссылается на соответствующее место из «Истории Российской» В. Н. Татищева, видимо расценивая её как источник⁵. М. Ф. Владимирский-Буданов, уверенный, что «законным» местом собраний в Киеве были св. София и Ярославль двор, как и в Новгороде, полагал, что в 1068 г. торговище стало экстраординарным местом вечевого собрания, направленного против князя. Изяслав же, по мнению исследователя, «възгна торгъ на гору», «чтобы отнять повод собираться на вече вдаль от двора княжьего»⁶. М. С. Грушевский, сопоставляя описание событий 1068–1069 гг. в ПВЛ с известиями Ипатьевской летописи о вечевых собраниях в Киеве в 1146–1147 гг., приходит к выводу о том, что вече «на Подолье чувствовало себя более свободным, чем на княжьем дворе» (созванные князем на Ярославль двор, киевляне присягнули Игорю Ольговичу, а собравшись у Туровой божницы, предъявили ему свои претензии); «в связи с этим обстоятельством, — полагает

² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 170.

³ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2 (вторая редакция) // Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1995. Т. II и III. С. 86.

⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1991. Т. II–III. С. 50.

⁵ См.: Соловьёв С. М. Сочинения. Кн. 1. История России с древнейших времён. Т. 1–2 // Сочинения: В 18 кн. М., 1993. С. 706, примеч.

⁶ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С. 80, сноска.

историк, — стоял перевод торговища с Подолья на Гору Изяславом Ярославичем: конечно, этим путём Изяслав думал оказывать влияние на народные собрания»⁷.

В советской историографии обсуждение сюжета продолжилось. Н. Н. Воронин исходил из того, что в вечевых собраниях 1068–1069 гг. участвовали сельские жители — смерды и «городская беднота». Князь, по словам историка, перевёл торг («центр мятежного веча») на Гору, т. е. «с Подола в другую часть города, поближе к киевскому княжескому замку, под его надзор». Тем самым Изяслав стремился, думает Н. Н. Воронин, обезвредить «поддерживавшее смердов киевское „Подоліе“»⁸. По мнению Б. Д. Грекова, Изяслав «велел перенести торг, где народ обычно собирался на вече и откуда грозил самому князю <...> в другое место, на гору, где жили бояре и дружинники, всегда готовые выступить в случае народного возмущения»⁹. Эта точка зрения основывалась на господствовавшей в тогдашней научной литературе концепции социальной топографии средневекового Киева, подразумевавшей противопоставление аристократической Горы и торгово-ремесленного Подола. Близкой точки зрения придерживался и Л. В. Черепнин, по словам которого перенос торга «в аристократическую часть города, где были расположены дворы феодалов» было осуществлено с целью «парализовать политическую активность торгово-ремесленного населения, усилить контроль княжеской администрации за деятельностью веча»¹⁰. Немецкий историк К. Цернак также полагал, что таким образом «возвратившийся князь поставил под свой контроль место проведения веча»¹¹. Датский же учёный К. Рабек

⁷ *Грушевский М. С.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 74, 312.

⁸ *Воронин Н. Н.* Восстание смердов в XI веке // Исторический журнал. 1940. № 2. С. 61.

⁹ *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1949. С. 487. См. также: *Мавродин В. В.* Народные восстания в древней Руси XI–XIII вв. М., 1961. С. 66.

¹⁰ *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 179.

¹¹ *Zernack K.* Die burgstädtischen Volksversammlungen bei den Ost- und Westslaven. Studien zur verfassungsgeschichtlichen Bedeutung des Veče.

Шмидт считал, что целью мероприятия Изяслава было «избежать повторения восстания»¹².

Как мы видим, все вышеуказанные историки в целом были согласны в том, что острие акции Изяслава было направлено не собственно против торгового как такового, а против киевлян, стремившихся использовать его в качестве подходящей площадки для антикняжеских действий. Расхождения касались, так сказать, «оформления» этих действий: одни считали, что торговые площадки регулярно или иногда использовались для вечевых собраний, другие — что это была просто отдалённая от князя с дружиной площадь, удобная для «мятежей». Однако М. Н. Тихомиров высказал принципиально иную точку зрения. Он предположил, что киевляне в течение короткого княжения Всеслава Брючиславича «получили торговые льготы и освобождение от стеснительной княжеской опеки», а Изяслав, вернувшись в Киев, отменил это установление и, наоборот, поставил торг «под непосредственное наблюдение князя и его тиунов»¹³. В рамках этого объяснения, таким образом, князь «карает» торг как таковой, а не как место проведения несанкционированных им собраний. В. Т. Пашуто уже прямо предположил, что перенос торгового места был направлен против враждебной Изяславу «купеческой знати»: «...князь распорядился перенести торг „на гору“, чтобы затруднить влияние купечества на чёрных людей»¹⁴. С В. Т. Пашуто согласился П. П. Толочко, видевший в акции Изяслава стремление

Wiesbaden, 1967 (Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsfor-
schung des Europäischen Ostens. Bd. 33). S. 51.

¹² *Rahbek Schmidt K.* Soziale Terminologie in russischen Texten des
frühen Mittelalters (bis zum Jahre 1240). Kopenhagen, 1964. S. 133–134.

¹³ *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси. М.,
1955. С. 100. В другой работе М. Н. Тихомиров вообще видит основную
причину восстания 1068 г. «в стремлении князя контролировать торговлю...
господствовать над торгом». Именно это «позже, после победы Изяслава,
привело к переводу торгового места с низа на гору» (*Тихомиров М. Н.* Древне-
русские города. М., 1956. С. 189).

¹⁴ *Пашуто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси // Древне-
русское государство... С. 26. Неясно, правда, кого В. Т. Пашуто имеет в
виду под «чёрными людьми» и зачем вообще использует это анахроничное
для XI в. понятие.

«затруднить влияние купечества на простых людей», однако он оговорился, что «великий князь» преследовал и цель «поставить под контроль правительства одно из важнейших средоточий общественной жизни Киева»¹⁵. Из слов украинского историка, правда, совершенно не ясно, имеет ли он в виду под «средоточием общественной жизни» именно место вечевых собраний.

Оригинальной точки зрения придерживался А. А. Зимин. Отмечая, что в летописи прямо не сообщается о «переводе веча», он предположил, что дело заключалось в переводе самого торгового места, где «происходили ожесточённые классовые столкновения закабалённых холопов, свободных, разорённых, но ещё не закабалённых общинников...». Переведя торг на гору, «поближе к себе», Изяслав, по мнению учёного, выступил не против киевлян, как полагало большинство историков, а в их защиту, распространив на них своё покровительство¹⁶.

В 1990 г. рассматриваемое известие вкратце упомянул польский историк Я. Банашкевич в статье, посвящённой символам власти и права в славянских «вечевых городах». Предметом его исследования были западнославянские города, однако в примечании он отметил перенос торгового места в Киеве Изяславом. При этом Я. Банашкевич счёл существенной этимологию русского слова «торжественный», которая восходит к древнерусскому «търъгъ» и одновременно может быть равнозначна слову «праздничный»¹⁷. В этом учёный, по-

¹⁵ Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1983. С. 212.

¹⁶ Зимин А. А. Холопы на Руси. М., 1973. С. 145. Вслед за П. П. Толочко к сюжету обратился другой украинский исследователь истории и археологии Киева М. А. Сагайдак. Цель Изяслава, по его мнению, состояла в том, чтобы «мирными засобами послабити роль київського веча». В то же время князь сделал это «під приводом контролю над торговельною діяльністю, у місті...». «Належного результату», правда, как думает М. А. Сагайдак, акция не имела, поскольку на Горе «виникає невеликий „торг“, але Торговище», но и киевский Подол в целом «до кінця XI ст. ... безпосередньо в літописах більше не згадується». Относительно самого «торговища» М. А. Сагайдак повторил тезис М. С. Грушевского о его более свободной обстановке (Сагайдак М. А. Давньокиївський Поділ. Проблеми топографії, стратиграфії, хронології. Київ, 1991. С. 23).

¹⁷ Banaszkiwicz J. Pons mercati, gradus lignei i inne. Uwagi o znaku władzy słowiańskich // Discernere vera ac falsa. Prace ofiarowane Józefowi

видимому, усмотрел близость социальных функций древнерусского торгового и знаменитой древнегреческой агоры (ἡ ἀγορά). Однако старославянское слово «тържьство» (вместе с производными) хотя и происходит, вероятно, от лексемы «търгы», но имеет книжный характер и, более того, представляет собой кальку с греческого ἡ λατῆρα (торжественное собрание)¹⁸. Поэтому терминологические параллели доказывают здесь не функциональную близость древнерусских и греческих явлений (хотя, в принципе, её исключать нельзя), а являются следствием чисто лингвистических процессов. Гораздо существеннее вывод Я. Банашкевича, сделанный им на основе изучения западнославянских данных (в «Хронике» Титмара Мерзебургского и житиях «апостола Поморья» епископа Оттона Бамбергского), о том, что «рыночная площадь в традиционных обществах, как и в славянских общностях раннего Средневековья, была прежде всего санкционированным пространством реализации общественных контактов. Это было то выделенное место, в рамках которого аморфная масса людей приобретала институционализированные формы (вечевые собрания, культовые собрания — праздники, торговля), где происходили встречи власти (представителей града, или акрополя-вышгорода) с народом, где жители представляли собой иерархизованное единство»¹⁹. Сам Я. Банашкевич свои наблюдения к анализу известия русской летописи не применил. Отечественные же исследователи, к сожалению, прошли мимо его чрезвычайно интересного исследования.

В первую очередь это приходится сказать об И. Я. Фроянове, который подверг это сообщение развёрнутому анализу. Он, вслед за

Szymańskiemu w sześćdziesiątą rocznicę urodzin (Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Vol. XLV. Sectio F). Lublin, 1990. S. 81, przyp. Славянский торг в функции вечевой площади с античной агорой сопоставляет и другой польский исследователь П. Боронь. По его мнению, «славянская торговая площадь напоминала своим устройством греческую агору, где также осуществлялись культовые функции, торговля и проходили народные собрания» (*Boroń P. Słowiańskie wiece plemienne*. Katowice, 1999 (Prace Naukowe Uniwersytetu Śląskiego w Katowicach. № 1841). S. 89).

¹⁸ См.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1987. Т. IV. С. 83.

¹⁹ *Banaszkiewicz J. Pons mercati, gradus lignei i inne*. S. 80.

рядом исследователей, отметил, что древнерусский торг был «средоточием общественной жизни», стягивавшим «не только экономические, но и социальные нити». Именно в этом, общественном значении торга и заключался, по мнению историка, «секрет предприятия Изяслава». И. Я. Фроянов исходил из того, что «торг... мгновенно превращался в вечерую сходку, если в ней возникала необходимость». Выдвинул он и предположение о том, вече могло собираться «по торговым дням», отметив, что, аналогичный обычай «замечен у балтийских славян»²⁰. К сожалению, И. Я. Фроянов не развил его и даже не рассмотрел подробно, в чём состоял этот «обычай», сославшись не на первоисточники (жития епископа Оттона Бамбергского) и не на квалифицированное исследование Я. Банашкевича, а на краткое и, как мы увидим ниже, неточное изложение источников в старой работе В. Макушева²¹. Зато учёный, стремясь обойти неудобную для его концепции постоянного усиления киевской «волоостной общины» трактовку переноса торга как карательной меры, предложил не одну, как предшественники, а целых две интерпретации данного известия. С одной стороны, это могло быть вызвано стремлением князя получать более полную и оперативную информацию («зорче следить за настроением народа»). С другой стороны, тот факт, что торг (а значит, как думает И. Я. Фроянов, и вече) оказался на Горе — «престижной части города» — означал введение веча «в круг высших институтов», направлявших течение общественной мысли, что свидетельствует об «упрочении власти киевской общины, заметно потеснившей княжескую власть». Тут И. Я. Фроянов прибегает к аналогиям с античными Афинами с её знаменитой Агорой, опять же без всяких ссылок на Я. Банашкевича, предположившего эту параллель пятью годами раньше²².

Решительной критике построения И. Я. Фроянова подверг М. Б. Свердлов. Он отметил, что известие о переносе торга нахо-

²⁰ Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 192, 193, 193, сноска.

²¹ «У шетинцев народная сходка бывала по два раза в неделю в торговые дни... посреди площади стоял деревянный помост с ступенями, с которого выборные говорили к народу» (Макушев В. И. Сказания иностранцев о быте и нравах славян. СПб., 1861. С. 177, примеч.).

²² Там же. С. 193–194.

дится «в контексте указаний репрессивных действий» Изяслава после ухода из Киева польского войска. По мнению М. Б. Свердлова, в основе этой репрессивной акции Изяслава лежало стремление поставить под эффективный контроль князя и дружины «самый большой торг, на котором могло бы собраться на вече значительное число киевлян» и отрезать его от «преобладавшего на Подоле торгово-ремесленного населения»²³. Сама акция, как подчёркивает, полемизируя с И. Я. Фрояновым, историк, следовала не античным традициям, а «средневековым основам общественно-политической жизни»²⁴ (М. Б. Свердлов не уточняет, правда, каким именно).

Таким образом, до настоящего времени чёткого и однозначного ответа на поставленный в заглавии нашей работы вопрос нет. У исследователей нет единства во мнениях относительно *сущности* акции Изяслава (что было перенесено: именно торг как таковой; торг как центр социальных связей; торг как наиболее удобное место для проведения вечевых собраний; торг как регулярная вечерая площадь). Разные, в том числе взаимоисключающие, соображения высказывались и о её *причинах* (от предположения о репрессивной акции по отношению к киевлянам до идеи о легализации таким образом веча как высшего института власти киевской «общины»). Главной причиной этих расхождений, несомненно, является крайняя лаконичность сообщения, открывающая большой простор для разнообразных, часто противоречащих друг другу интерпретаций. Несмотря на прозвучавший недавно и, в принципе, совершенно верный призыв М. Б. Свердлова «вновь... вернуться к тексту ПВЛ»²⁵, он в данном случае, к сожалению, вряд ли может принести существенные результаты: информация, которую мог бы предоставить этот фрагмент летописного текста, поколениями исследователей, обращавшихся к нему, по-видимому, исчерпана. Поэтому помочь ответить на поставленные вопросы может, как кажется, лишь существенное расширение источниковой базы, некоторые пути которого были от-

²³ Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII вв. СПб., 2003. С. 454–455.

²⁴ Там же. С. 455.

²⁵ Там же. С. 454.

части намечены Я. Банашкевичем, М. Б. Свердловым и И. Я. Фрояновым, но в первых двух случаях не получили достаточного развития, а в третьем — получили, на наш взгляд, развитие во многом превратное (об этом ещё будет говориться ниже). Речь идёт о сравнительно-историческом подходе: сопоставлении известия ПВЛ с некоторыми дошедшими до нас сведениями о традиционных местах проведения «народных собраний» у западных славян: ободритов и, главным образом, поморян.

О том, что у ободритов «народные собрания» проводились на рыночных площадях и, вероятно, в торговые дни, ясно свидетельствует рассказ автора «Славянской хроники» немецкого священника Хельмольда из Бозау († 1177 г.). Рассказывая о своей поездке к славянам в 1155–1156 гг. в свите епископа Герольда, он описал собрание в Любеке, на котором немецкие миссионеры убеждали присутствовавших во главе с князем Прибиславом славян принять христианство: «В ближайшее воскресенье весь народ (этой) земли собрался на любекскую рыночную площадь, и господин епископ, придя (сюда), обратился к народу со словами побуждения, чтобы, оставив идолов, они почитали единого Бога, который на небесах, и, восприняв благодать крещения, отказались от злых дел, а именно от грабежей и убийств христиан. И когда он (епископ. — П. Л.) закончил (свою) речь к народу, Прибислав сказал с согласия остальных...»²⁶. Обращает на себя внимание, очевидно, весьма широкий состав участников собрания: в Любек явно пришли люди со всей округи («universus populus terre»), и тамошняя рыночная площадь («forum Lubicense») была, надо полагать, единственным пространством, где они могли разместиться. Однако из этого сооб-

²⁶ С некоторыми поправками цитируется перевод Л. В. Разумовской по изданию: *Гельмольд. Славянская хроника*. М., 1963. С. 187. В оригинале: «Proxima die dominica convenit universus populus terre ad forum Lubicense, et veniens dominus episcopus habuit verbum exhortacionis ad plebem, ut relictis ydolis colerent unum Deum, qui est in celis, et percepta baptismatis gratia renunciarent operibus malignis, predis scilicet et interfectionibus christianorum. Cumque perorasset ad plebem, innuentibus ceteris ait Pribizlaus...» (*Helmoldi presbyteri Bozoviensis Cronica Slavorum / Rec. B. Schmeidler // Scriptorum rerum Germanicarum in usum scholarum ex MGH separatim editi. Hannoverae, 1937. Lib. I. Cap. 83. Conversio Pribizlai. S. 160–161*).

щения остаётся всё же не ясным, были ли рыночные площади *постоянным* местом «народных собраний» у ободритов, или использовались в зависимости от обстоятельств. То, что славяне собирались, по сообщению Хельмольда, именно в воскресенье, было, по видимому, проявлением уже христианского влияния на их традиции. О возможности последнего прямо свидетельствует известие того же Хельмольда о запрете епископом Герольдом рынка в Плу-не (ныне г. Плён в Германии, к юго-востоку от Киля): «И именем Господа запретил он рынок в Плу-не, который каждое воскресенье посещался славянами и саксами, потому что христианский народ, оставив почитание церкви и месс, в праздничные дни всё свое усердие отдавал торговле»²⁷. О том, что на рынок в Плу-ню люди приходили по воскресеньям не случайно, свидетельствует ещё одно сообщение Хельмольда — о начале строительства по инициативе епископа Гартвига церкви в Ольденбурге (славянском Старграде): «И дал епископ деньги дровосекам на расходы по храму, и начали строить церковь у вала древнего города, куда по воскресеньям жители всей земли имели обыкновение собираться на рынок»²⁸. Хотя в двух последних фрагментах ничего о собраниях не говорится, можно предполагать, что столь подходящие обстоятельства (в Ольденбург, как и в Любек, сходилась «вся земля», *omnis terra*) использовались для решения насущных вопросов не только в Любеке.

Чешский историк Д. Тршешик предположил, что рыночные собрания имели место и в Великой Моравии. По его мнению, упоминающийся в арабских источниках «торг моравов» «мог быть

²⁷ *Гельмольд*. Славянская хроника. С. 211–212. В оригинале: «Forum etiam Plunense, quod singulis diebus dominicis frequentabatur a Slavis et a Saxonibus, in verbo Domini prohibuit, eo quod populus Christianus deserto cultu ecclesiae et missarum sollempniis mercacionibus tantum operam daret» (*Helmold. Lib. I. Cap. 95. Transitus Geroldi episcopi. S. 186*). См. об этом: *Modzelewski K. Barbarzyńska Europa. S. 494, przyp.*

²⁸ *Гельмольд*. Славянская хроника. С. 160. В оригинале: «Dedit autem episcopus pecuniam cesoribus lignorum ad impensas sanctuarii et ceptum est opus fabricae prope vallum urbis antiquae, quo omnis terra die dominica propter mercatum convenire solebat» (*Helmold. Lib. I. Cap. 69. De Hartwigo archiepiscopo. S. 134*).

связан со сроком, в который происходило собрание „всех моравских людей“), о котором идёт речь в «Житии Мефодия»²⁹. Однако предположение Д. Тршешттика остаётся лишь догадкой (хотя и весьма вероятной), поскольку в самом «Житии Мефодия» ничего ни о связи собрания мораван с рынком, ни вообще о месте его проведения не говорится: «Събравъше же вьса люди Моравьскына вельнахъ прочисти прѣдъ ними Епистољъ, да быша слышали изгънанье его... (Мефодия. — П. Л.)»³⁰.

Гораздо более подробные сведения мы имеем о поморских славянах. Они также относятся к XII в. и содержатся в житиях немецкого епископа Оттона Бамбергского, написанных в 40–50-е гг. XII в.³¹. О его миссионерских поездках на побережье Балтийского моря в 1124 и 1128 гг. сохранились обстоятельные повествования в посвящённых ему трёх агиографических произведениях.

Прежде всего выясняется, что в поморских городах обычным делом были так называемые «рыночные собрания». Авторы жизнеописаний епископа Оттона упоминают их неоднократно. Так, один из них, Эбон, рассказывает, что, когда в Щецине начался мор, «рыночные собрания» использовались языческими жрецами для агитации местного населения в пользу возвращения к «вере отцов»: «...в городе случился большой мор, и расспрашиваемые народом жрецы говорили, что это с ними произошло из-за отречения от идолов и все тотчас же умрут, если не постараются задобрить древних богов жертвами и общепринятыми дарами. На этот голос немедленно собирались рыночные собрания, подыскивались избражения и предпринимался сообща нечестивый обряд жертвоприношений и церемония, церкви Христовы были наполовину разру-

²⁹ *Třeštík D.* «Trh Moravanů» — ustřední trh Staré Moravy // *Československý časopis historický*. 1973. Č. 6. R. XXI. S. 887.

³⁰ *Żywoty Konstantyna i Metodego (obszerne)* / Ed. T. Lehr-Splawiński. Poznań, 1959. S. 117. Собрание было создано в связи с конфликтом Мефодия и немецкого духовенства в Моравии; «Епистољъ» — папское послание (см.: *Флоря Б. Н.* Комментарии к Житию Мефодия // *Сказания о начале славянской письменности*. М., 1981. С. 163–164).

³¹ Источниковедческую характеристику этих памятников см.: *Wikarjak J.* *Żywoty Ottona jako źródło historyczne* // *Pomorze Zachodnie w żywotach Ottona*. Warszawa, 1979.

шены»³². Никаких подробностей об этих собраниях агиограф не сообщает, однако ясно, что рыночная площадь была важнейшим центром социальной активности жителей Щецина: именно она стала ареной коллективных общественно-культурных акций, связанных с попыткой вернуться к язычеству. В несколько более раннем, «Прюффенинском житии», где, правда, о *рыночном* собрании не говорится, в соответствующем месте сообщается, что «язычники, собравшись, ворвались в церковь блаженного Адальберта мученика (возведённую в Щецине после обращения местных жителей в христианство в результате первого миссионерского путешествия Оттона Бамбергского. — П. Л.) и прежде всего низвергли колокола, которые висели перед воротами церкви...»³³. Отсюда ещё более ясно видно, что совместные действия щещинцев против христианских святынь были итогом, а вероятно, и следствием решений собраний, которые, как мы знаем из текста Эбона, проходили на рыночной площади.

Столкнулись немецкие миссионеры с «рыночными собраниями» и в другом поморском городе — Дымине, расположенном к западу от Одры. Согласно Эбону, «в самый же день прибытия выдающегося предстоятеля дыминские горожане собрались на рыночное собрание перед воротами». Причём возникла довольно

³² *Ebonis Vita S. Ottonis episcopi Babenbergensis / Monumenta Poloniae Historica* (далее — MPH). Series Nova. Rec. et ann. J. Wikarjak, praef. et comm. est K. Liman. Warszawa, 1969. T. VII. Fasc. 2. III. 1. S. 94 (далее — Ebo). В оригинале: «Accidit... mortalitatem magnam civitati supervenire, et requisiti a plebe, sacerdotes dicebant, abiurationis idolorum causa hoc eos incurrisse, omnesque subito morituros, nisi antiquos deos sacrificiis et muneribus solitis placare studerent. Ad hanc vocem statim conventus forenses aguntur, simulacra requiruntur, et in commune profanus sacrificiorum ritus ac celebritas repetitur, ecclesie Christi ex media parte destruuntur». Здесь и далее перевод житий епископа Оттона Бамбергского мой. Использован также английский перевод Эбона и отдельных фрагментов Харборда: *Robinson Ch. Y. The life of Otto Apostle of Pomerania 1060–1139 by Ebo and Herbordus*. New York, 1920 (Translations of Christian Literature. Series II. Latin Texts).

³³ *S. Ottonis episcopi Babenbergensis Vita Priefflingensis / MPH*. Series Nova. Rec. et ann. J. Wikarjak, praef. et comm. K. Liman. Warszawa, 1966. T. VII. Fasc. 1 (далее — VP). III. 5. S. 62. В оригинале: «...congregati gentiles in ecclesiam beati martyris irruerunt ac primo campanas, quae ante fores ecclesiae suspensae fuerant, deiecerunt...»

курьёзная коллизия, так как собравшиеся горожане, увидев приближающуюся внушительную процессию во главе с Оттоном, заподозрили опасность и решили оказать сопротивление: «...так как город был расположен в долине, в то время как он сам спускался с гор с обильным снаряжением на тридцати телегах, весь народ, устранный этим громким шумом и посчитав, что на него устремляются вражеские боевые порядки, старался как можно быстрее войти в город и приготовиться к сопротивлению»³⁴. Из этого рассказа, между прочим, видно, что рыночная площадь у ворот, на которой собирались жители Дымина, находилась вне городских стен³⁵.

По всей видимости, именно такого рода рыночное собрание использовали миссионеры для проповеди в Волине во время первого путешествия. Вот что сообщает Херборд, автор третьего агрографического повествования об Оттоне: «...мы... дважды в неделю, а именно в рыночные дни, по центру рыночной площади, когда сходилась народ со всей области, одетые в священнические одежды, носили крест и, обращаясь к неверующему народу вовремя и не вовремя³⁶ с речами о вере и познании Бога, чуть ли не каждый

³⁴ Ebo. III. 5. S. 102–103. В оригинале: «Ipsa vero die adventus presulis eximii cives Timinenses ante portam conventus forenses agebant, sed quia civitas in valle posita erat, ipso de montibus cum tam copioso triginta plaustrorum apparatu descendente, plebs omnis tumultuoso hoc perterrita sonitu, hostiumque cuneos super se arbitrata irruere, urbem quantocius ingredi seque ad resistendum preparare molitur».

³⁵ См. об этом: *Leciejewicz L. Początki nadmorskich miast na Pomorzu Zachodnim. Wrocław etc., 1962. S. 278.* Л. Лециевич, уверенный в том, что в Дымине «большую роль могло играть вече на торгу», полагает, впрочем, что термин *conventus forenses* мог означать не только «рыночные собрания», но и просто торг (см.: *Ibidem. S. 278, przyp.*). Однако терминологические нюансы в данном случае второстепенны: не так важно, идёт ли речь о «рыночном собрании» или о собрании на рынке — факт проведения собраний местных жителей на рыночных площадях в западнопоморских городах бесспорен. К. Цернак думает, что собрание в Дымине состоялось «в ярмарочный день» (*Zernack K. Die burgstädtischen Volksversammlungen... S. 230*). Прямо об этом в источнике не говорится, но предполагать это можно, по аналогии с Волином (см. ниже).

³⁶ Ср. 2 Тим. 4: 2: «...проповедей слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием».

день были готовы умереть... Народ же, который был из сёл, в своей простоте и пленённый новизной обстоятельств, отложив свои дела, охотнейше воспринимал проповедь... И так как в определённые дни носили крест и проповедовали, сельские жители стекались более ради слова, чем ради торговли»³⁷. Хотя Херборд не говорит здесь собственно о рыночных собраниях, его повествование проливает свет на специфическую атмосферу рынка, способствовавшую их возникновению. Определённое, заранее известное время сбора («рыночные дни» — *dies mercatus*), а также постоянное присутствие большого количества людей, не только горожан, но и сельских жителей из округи, — всё это, несомненно, было уже готовой основой для проведения «народного собрания», если в нём возникала необходимость³⁸.

Ярким подтверждением тому может служить любопытный эпизод, произошедший уже в ходе второго путешествия Оттона в Вологощи, ещё одном славянском городе к западу от Одры. Этот эпизод, подробный рассказ о котором содержится в «Диалоге» Херборда, представляет собой чрезвычайно живую картину общественной жизни поморянского города. Для нас важна именно она, а не фактическое его содержание, подробности которого вполне могли быть и измышлены миссионерами, чтобы высмеять идеологического противника. Как рассказывает агиограф, некий местный жрец, весьма раздосадованный конкуренцией со стороны христианских проповедников, «вошёл в соседний лес и стоял в возвышенном месте у дороги среди скопления кустов одетый в жреческие одежды, и

³⁷ *Herbordi. Dialogus de vita S. Ottonis episcopi Babenbergensis / MPH. Series Nova. Rec. et ann. J. Wikarjak, praef. et comm. est K. Liman. Warszawa, 1974. T. VII. Fasc. 3. Il. 26 (далее — Herbordus). S. 113–114. В оригинале: «...nos... bis in ebdomada, in diebus scilicet mercatus, per medium fori populo ex omni provincia conveniente, sacerdotalibus induti crucem portavimus et de fide atque agnitione Dei populum incredulum opportune et inproptune alloquendo iugulum neci quodammodo cottidie aptavimus... Plebs autem, que de rure fuit, et simplicitate sua et rerum novitate capta negociis suis postpositis predicacionem libentissime accepit... Et quia certis diebus crux portabatur et sermones fiebant, magis propter verbum quam propter forum ruricole confluebant».*

³⁸ См. об этом: *Leciejewicz L. Początki... S. 163–164, 211.*

рано утром обратился к некоему крестьянину, шедшему из села на рынок...»³⁹. Ничтоже сумняшеся, жрец объявил наивному простаку, что он и есть местный бог, от которого отказались неблагодарные жители Вологощи. Крестьянин поверил и, «войдя в город, начал возвещать о видении». «Народ, — по словам Херборда, — поверил, и снова, и снова окружая (этого) человека, они принуждали многократно рассказывать одно и то же, взволнованные, разумеется, необычайным знамением»⁴⁰. Дело кончилось тем, что туда же (очевидно, на рыночную площадь) явился сам жрец, «как бы незнакомый для всех», и истолковал видение таким образом, чтобы всем стало ясно: во избежание «божественного» гнева миссионеров под угрозой смерти нельзя пускать в город⁴¹. Согласно Эбону, который, правда, не упоминает о рынке, жрец заявил крестьянину: «Я бог твой, которого ты считаешь; не бойся, но поднимайся как можно быстрее и, войдя в город, передай моё поручение властям и всему народу, чтобы, если ученики этого совратителя (епископа Оттона. — П. Л.)... появятся здесь, они безотлагательно были бы преданы жестокой смерти; в противном случае город с его жителями погибнет». Когда крестьянин «божью волю» «с величайшей поспешностью объявил горожанам, они, единодушно собравшись, стали пытаться исполнить приказание своего бога»⁴².

Здесь раскрывается стихийный механизм «рыночных собраний», с одной стороны, и их полная открытость — с другой. Мы

³⁹ *Herbordus*. III. 4. S. 156. В оригинале: «...nocturno tempore vicinam silvam ingressus et in loco ediciori secus viam inter condensa fruticum sacerdotibus indutus astabat, et mane summo quondam rusticum de rure ad forum gradientem ... alloquitur... ».

⁴⁰ *Ibidem*. В оригинале: «Deinde abiens in civitatem cepit annunciare visionem... Credidit populus, iterumque atque iterum circumdantes hominem eadem sepius narrare cgebant moti videlicet monstri novitate».

⁴¹ *Ibidem*. S. 156–157.

⁴² *Ebo*. III. 8. S. 108. В оригинале: «Ego sum deus tuus, quem colis; ne paveas, sed surge quantocius, urbemque ingrediens, legationem meam magistratibus omniq[ue] populo insinua, ut si discipuli seductoris illius ... illic apparuerint, sine dilatione morti acerbissime tradantur; alioquin civitas cum habitatoribus suis peribit. Quod cum rusticus ille summa festinatione civibus denuntiasset, illi unanimiter adunati, mandatum dei sui peragere conabantur».

видим, что инициатором собрания стал простой крестьянин, пришедший в город торговать. Для организации собрания, принявшего весьма серьёзные решения (категорический отказ допускать в город епископа Оттона, чья деятельность была уже одобрена западнопоморским князем Вартиславом, в юрисдикции которого, пусть и во многом эфемерной, находился город; смертная казнь для любого, кто «пришедших ночью или тайком примет в своём доме»⁴³), оказалось достаточно «необычайной новости»: для её моментального распространения лучшего места, чем рынок, конечно, не было. Ясно и то, что такое стихийное собрание с трудом могло контролироваться властями. Мы, к сожалению, не знаем, какими средствами княжеская власть в Поморье боролась с этими проявлениями коллективной социально-политической активности (в частности, был ли испробован такой нетривиальный способ, как перенос рыночной площади с целью лучшего контроля ситуации⁴⁴): пространные повествования Прюффенингского монаха, Эбона и Херборда — это своего рода «луч света в тёмном царстве» истории поморских славян, письменные источники по которой и до, и после миссии Оттона Бамбергского отличаются чрезвычайной бедностью. Известно, однако, что уже во второй половине XII в. в Западном Поморье местными князьями было введено централизованное каштелянское управление по польскому образцу, практически сводившее на нет традиционную роль «народных собраний»⁴⁵.

Приведённые факты показывают, что у поморских славян и, по-видимому, ободритов «народные собрания», проходившие на городских рыночных площадях, были обычным явлением. Однако остаётся ещё вопрос: использовали ли их от случая к случаю как

⁴³ Herbordus. III. 4. S. 157. В оригинале: «...nocte vel clam intrantes quisquam tecto reciperet...».

⁴⁴ Возможно, нечто подобное происходило у полабских славян: не исключено, что запрет рынка в Плуне епископом Герольдом, о чём сообщал в цитировавшемся выше отрывке Хельмольд, был связан не только со стремлением обеспечить благочестивое отношение к воскресному дню (в таком случае рынок мог бы быть перенесён на другой день), но и с желанием не допустить «несанкционированных» собраний. Впрочем, это лишь догадка.

⁴⁵ См.: *Leciejewicz L. Początki...* S. 283–286.

одни из самых удобных мест для такого рода форумов или рынки были регулярным, общепринятым для них местом? В житиях Оттона Бамбергского содержится, на наш взгляд, информация, которая явно свидетельствует в пользу второго варианта.

Когда Оттон Бамбергский вторично прибыл в вернувшийся к язычеству Щецин, он, согласно авторам житий, презрев грозившую ему опасность, немедленно обратился к проповеди. Как свидетельствует Херборд, местом для неё стала рыночная площадь. В связи с этим агиограф сообщает чрезвычайно важные для нас подробности: «...епископ в сопровождении соратников устремился в густейшие толпы язычников в центр рыночной площади. Были же там деревянные ступени, с которых глашатаи и представители власти имели обыкновение произносить речи к народу. Стоя на них, слуга Евангелия начал речь, в то время как Вышак (местный житель, уже обращённый в христианство. — П. Л.) сдерживал ропот несогласного народа рукой и голосом, подобно глашатаю»⁴⁶. По сути, о том же говорит и Эбон, вновь, правда, не называющий место проведения собрания в Щецине «рынком»: «Были же там большие и по языческому обычаю обнесённые стенами пирамиды. Итак, когда народ собрался, благочестивый проповедник, поднявшись вместе со своими спутниками на одну пирамиду, через своего переводчика Адальберта начал открывать заблуждающимся путь истины и грозить вечной погибелью, если они не раскаются в этом отступничестве»⁴⁷. Отличие от сообщения Херборда здесь только в том, что Эбон именуется возвышение, с которого епископ обращался к местным жителям, не «ступенями» (*gradus*), а «пирамидами» (*piramides*)

⁴⁶ Herbordus. III. 17. S. 179. В оригинале: «...in confertissimas turbas paganorum ministris comitantibus in medium forum sese intulit episcopus. Erant autem ibi gradus lignei, de quibus precones et magistrates ad populum concionari soliti erant. In quibus stans minister euangelii sermonem cepit, fremitum autem dissidentis populi Witscacus vice preconis manu et voce sedabat».

⁴⁷ Ebo. III. 15. S. 122. В оригинале: «Erant autem illic piramides magne et in altum more paganico murate. Coadunato itaque populo, pius predicator super unam cum sociis suis ascendens piramidem, per interpretem suum Adalbertum cepit errantibus viam veritatis aperire, et nisi ab hac resipiscerent apostasia, eternum comminari interitum».

и даёт более детальное их описание⁴⁸. Л. Лециевич полагает, что это были «постоянные трибуны, с которых обращались к народу»⁴⁹.

Таким образом, становится ясно, что на рыночной площади было оборудовано специальное место для вечевых собраний с соответствующей «инфраструктурой». О том, что это было серьёзное сооружение, а не наспех устроенный помост, свидетельствует рассказ Херборда о попытке щецинского языческого жреца прямо на собрании расправиться с Оттоном: «...когда все умолкли и слово увещевания большая часть (собравшихся. — П. Л.) охотно слушала, вдруг один из жрецов, муж Велиала, исполненный ярости, толстый и высокий, упорно пролезая в середину толпы, держал в своей руке копье и, вздыхая и пытая, добрался до самых ступеней и, подняв руку, один и другой раз очень сильно ударил по колонне ступеней»⁵⁰. По-видимому, сооружение, точный облик которого установить на основании не во всём ясного свидетельства Херборда трудно, было, по крайней мере, выше человеческого роста. По мнению

⁴⁸ В «Прюфенингском житии» эпизод изложен очень кратко: «...епископ встал неподвижно на возвышенном месте в городе для того, чтобы обратиться к народу... Именно в это место и в это время собралась многочисленная толпа людей послушать, что он наконец желает им сказать» (VP. III. 8. S. 66). В оригинале: «...episcopus locuturus ad plebem in excelso urbis constitit loco... Quo videlicet loco et tempore copiosa hominum multitudo, quid tandem loqui gestiat, auditura convenit». Выражение «excelso urbis... loco», по-видимому, связано с библейской фразой из Притч 9: 14 (см.: Die Prüfeninger Vita Bischof Ottos I. von Bamberg nach der Fassung des Großen Österreichischen Legendars / Ed. J. Petersohn // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover, 1999. T. LXXI. S. 124, ann.), из чего, конечно, не следует, что рыночная площадь и на самом деле не могла находиться на возвышенном месте.

⁴⁹ *Leciejewicz L. Początki...* S. 275. См. также: *Zernack K. Die burgstädtischen Volksversammlungen...* S. 231.

⁵⁰ *Herbordus. III. 18.* В оригинале: «Cumque omnes conticuissent et verbum exhortacionis pars maxima libenter audiret, ecce unus sacerdotum, vir Belial, plenus furoris, pinguis et procerus, in medium turbe sese fortiter — intrudens, canbucam suam manu gestabat spiransque et anhelans usque ad ipsos gradus accessit levataque manu semel et bis columpnam graduum validissime percussit».

Я. Банашкевича, палка («камбутта»), которой орудовал служитель языческого культа, представляла собой «культовый предмет», определявший «надлежащий ритм заседаний» и придававший им «высшую санкцию тем способом, что выступавшие брали его в руку, оглашая свой вопрос, подобно тому, как председательствующий на вече (вероятно, жрец), когда руководил работой собрания». Удары, нанесённые «мужем Велиала», таким образом, носили символический характер: их целью было прекратить выступление епископа и получить слово самому. Учёный сопоставляет также конструкцию на щецинском рынке с псковской вечевой степеню⁵¹. Если говорить в целом, возможность такого сопоставления сомнений не вызывает. Функционально эти сооружения близки: и в Щецине, и во Пскове они представляли собой важнейшую часть инфраструктуры «народных собраний». Как отмечает исследовательница средневекового Пскова И. К. Лабутина, упоминающаяся в трёх статьях Псковской Первой летописи второй половины XV — начала XVI в. степень — «сооружение, связанное с микротопографией псковского веча». Из летописных данных следует, что «на степени были места для сидения». Вероятно, с термином «степень» связано и наименование должности «степенного посадника»⁵². Весьма возможно, что похожи они были и по внешнему виду (который, естественно, вытекал из функциональной необходимости). В 1979 г. во время раскопок в южной оконечности Детинца Псковского кремля было «раскрыто каменное сооружение в виде полуколыца диаметром около 6 м», датируется оно XIV — началом XVI в. Автор находки В. Д. Белецкий считает, что это «остатки вечевой степени»⁵³. На основании археологических и письменных данных И. К. Лабутина

⁵¹ *Banaszkiewicz J. Pons mercati, gradus lignei i inne. S. 87–88; см. также: Idem. Otto z Bambergu i pontifex idolorum. O urzadzeniu i obyczajach miejsca wiecowego pogańskiego Szczecina // Biedni i bogaci. Studia z dziejów społeczeństwa i kultury ofiarowane Bronisławowi Geremkowi w 60. rocznicę urodzin. Warszawa, 1992. S. 280–281; Boroń P. Słowiańskie wiece plemienne. S. 83.*

⁵² *Лабутина И. К. Историческая топография Пскова в XIV–XV в. М., 1985. С. 137, 244.*

⁵³ *Белецкий В. Д. Раскопки в Пскове на вечевой площади // Археологические открытия 1979 года. М., 1980. С. 3.*

предположила, что псковская вечевая ступень представляла собой конструкцию «типа помоста или трибуны»⁵⁴. Это, конечно, явная параллель к щецинским «ступеням/пирамиде» (разница только в материале: щецинская конструкция была деревянной, псковская ступень — каменной). Однако псковская вечевая площадь, на которой стояла ступень, находилась не на торгу, располагавшемся к югу от Домантовой стены, а, по-видимому, на так называемом «буе» («буевище») — площади у церкви св. Троицы у южной стены Крома⁵⁵. Так, по крайней мере, обстояло дело начиная с XIV в., но для более раннего времени у нас нет сведений о топографии псковского веча.

Возможна, однако, параллель и с Новгородом. Хотя там вече собиралось не на торгу, а, как правило, на «Ярославовом дворище», обе площади, по существу, представляли собой единое пространство. Так, церковь св. Параскевы Пятницы, находящаяся к северу от Николо-Дворищенского собора, рядом с которым собиралось вече, в раннее время «связывается не с Ярославовым двором, а с Торгом», с XVI в. «она стала называться церковью Пятницы на Дворище»⁵⁶. Люди, оказывавшиеся на торгу во время проведения вечевых собраний, несомненно, становились их свидетелями и вряд ли оставались равнодушными зрителями. Правда, ни точное место вечевой площади (об этом существуют лишь предположения разной степени убедительности⁵⁷), ни остатки вечевой ступени в Новгороде до сих пор не обнаружены. В. Ф. Андреев интерпретировал как основание вечевой ступени кирпичную кладку близ южной

⁵⁴ *Лабутина И. К.* Историческая топография... С. 244.

⁵⁵ Там же. С. 46–47 (карта), 105, 244.

⁵⁶ *Арциховский А. В.* Раскопки в восточной части Дворища в Новгороде // *Материалы и исследования по археологии древнерусских городов.* М.; Л., 1949. Т. I (Материалы и исследования по археологии СССР. № 11). С. 154.

⁵⁷ См., например: *Янин В. Л.* Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // *Новгородский исторический сборник.* Л., 1982. Вып. 1 (11). С. 93–94; *Андреев В. Ф.* О социальной структуре новгородского веча // *Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы истории города.* Л., 1988 (Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 11). С. 73–74.

стены Никольского собора, раскрытую А. В. Арциховским в ходе раскопок на Ярославовом дворище⁵⁸. Исследователь не обратил, однако, внимания на предположительную датировку, которую обосновал тот же А. В. Арциховский: «Кладка по кирпичу и по стратиграфии датируется *примерно XVI в.* (курсив мой. — П. Л.) ...». Это, разумеется, делает невозможной её интерпретацию как остатков вечерней степени эпохи независимости Новгорода. Более того, данное сооружение обнаружено в так называемом втором слое Дворища, нижняя граница которого датируется 1340 г. В раннее время ничего похожего на трибуну на этом месте не существовало, по нему проходила каменная дорога. Сам автор находки полагал, что кирпичная кладка использовалась как площадка, на которой «оставлялись церковнослужители во время крестных ходов вокруг церкви»⁵⁹. Так или иначе, хотя новгородские вечерние собрания, может быть, и нельзя назвать в полном смысле этого слова «рыночными», место их проведения находилось в непосредственной близости от торгового двора.

Вернёмся к проблеме «рыночных собраний». Разумеется, факт проведения «народных собраний» на рынке не исключает того, что при необходимости они могли происходить и в других местах, но явно свидетельствует о том, что рыночные площади использовались с этой целью не случайно, а скорее всего, в соответствии с устоявшейся традицией.

Примечательно и ещё одно обстоятельство. Из описаний Эбона и Херборда хорошо видно, насколько свободно вели себя щецинцы на «рыночном собрании», не стесняясь выражать и словами, и жестами отрицательное отношение к проповеднику, которого, напомним, поддерживала княжеская власть. И совершенно другой, гораздо более мирной и даже благостной атмосферой характеризуется другое, состоявшееся после «рыночного» собрание в Щецине, на котором, собственно, и было решено принять христианство. Как сообщает Эбон, щецинцы договорились «созвать через четырнад-

⁵⁸ См.: Андреев В. Ф. Об организации власти в Новгородской республике в XIV–XV вв. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции 18–29 ноября 2003 года. Великий Новгород, 2003. С. 7–8.

⁵⁹ Арциховский А. В. Раскопки. С. 169–170.

цать дней общее собрание, на котором жрецы и народ должны были точно определить, принимают ли они бремя Христово или полностью отрекаются (от него. — П. Л.). «Итак, — продолжает агиограф, — в установленный день епископ Господень взшёл на гору Триглава в центре города, где находилась резиденция князя, и вошёл в большой дом, подходящий для этого собрания. Присутствовали там знатные со жрецами и старшими по происхождению...»⁶⁰. Если верить Эбону, это был совещание знати и жрецов. Такой же вывод можно сделать и из слов Херборда, назвавшего участников совещания «старшими и мудрейшими»⁶¹. Польский исследователь Л. Лециевич пишет в связи с этим, что «местами, на которых в Щецине принимались решения о различных политических мероприятиях, были: 1) совет старейшин, часто проводившийся в святилищах, а также 2) вече всего населения на центральной торговой площади»⁶².

Однако наиболее ранний — агиографический текст об Оттоне Бамбергском, «Прюфенинское житие», говорит о другом: «...первые в городе, воссев вместе с остальной толпой, посовещавшись друг с другом, постановили подчиниться епископу и уверовать в Христа»⁶³. Да и сам Эбон вначале говорит, что решение должны были принять «жрецы и народ (курсив мой. — П. Л.)». Как бы там ни было, бросается в глаза, что собрание, принявшее «правильное», с точки зрения власти и большей части местной элиты, решение, было организовано не на рынке, а *близ резиденции князя и на горе Триглава*. Как отмечает специалист по истории Щецина Х. Хлопockая, «в свои пределы „civitas“ (т. е. Щецин. — П. Л.) включал

⁶⁰ Ebo. III. 16. S. 123–124. В оригинале: «Indicatur ergo generale colloquium post quatuordecim dies, in quo certa diffinitione sacerdotes cum plebe iugum Christi aut susciperent, aut penitus abdicarent. Statuta igitur die antistes Domini montem Trigelawi in media civitate, ubi sedes erat ducis, ascendit, magnamque domum, huic colloquio oportunam, intravit. Assunt principes cum sacerdotibus natuque maioribus...».

⁶¹ «...maiores natu et sapienciores» (Herbordus. III. 20. S. 182).

⁶² Leciejewicz L. Początki... S. 273

⁶³ VP. III. 10. В оригинале: «...principes civitatis cum reliqua multitudine consedentes, habita secim deliberatione, obtemperare episcopo et Christo credere decreverunt...».

три холма. Средний, самый высокий из них, посвящён был Триглаву; там находились святилище божества и княжеский замок»⁶⁴. Вполне возможно, что использование для этого совещания возвышенности, связанной в сознании щецинцев с местным языческим божеством, имело и какое-то сакральное значение (ведь в собрании участвовали и жрецы). В любом случае ясно, что соседство места проведения собрания с княжеской резиденцией было неслучайным. Власти были крайне заинтересованы в исходе дела и, разумеется, стремились контролировать ход обсуждения.

Параллель приведённых выше сведений о западных славянах с известием ПВЛ кажется разительной. М. Б. Свердлов⁶⁵ совершенно справедливо обратил внимание на то, что гипотеза об экономическом характере акции Изяслава (контроль над торговлей, купцами и т. п.) неубедительна хотя бы потому, что, судя по информации «Хроники» Титмара Мерзебургского, в Киеве уже в начале XI в. было *восемь* рынков: «В этом огромном городе, который является столицей того королевства, имеется более четырёхсот церквей и 8 рынков»⁶⁶. Маловероятно, что через несколько десятков лет их число уменьшилось. Так, в рассказе Ип. об убийстве киевлянами в 1147 г. князя Игоря Ольговича упоминается «Бабинъ торжекъ», который находился между «Мстиславлим» и «княжим» дворами⁶⁷. На современной карте Киева П. П. Толочко локализует Бабин торжок «в районе выхода Десятинного переулка на ул. Владимирскую» (т. е. на Горе)⁶⁸. Таким образом, перенос одного из рынков вряд ли давал какие-то монопольные преимущества князю. Следо-

⁶⁴ *Chłopocka H. Początki Szczecina // Roczniki Historyczne. Poznań, 1948. R. XVII. S. 317–318.* Замок был разрушен в 1249 г. западнопоморским князем Барнимом I по просьбе получивших за шесть лет до этого магдебургское право жителей Щецина, а «гора Триглава» до сих пор возвышается над щецинским «Старым городом» (см.: *Ibidem.* S. 319).

⁶⁵ См.: *Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 454–455.*

⁶⁶ *Thietmari Merseburgensis episcopi Chronicon / Ed. R. Holtzmann // MGHSS. Nova series. Berlin, 1935. T. IX. VIII. 32. S. 530.* В оригинале: «In magna hac civitate, que istius regni caput est, plus quam quadringente habentur ecclesiae et mercatus VIII...».

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 352–353.

⁶⁸ *Толочко П. П. Древний Киев. С. 197.*

вательно, Изяслав стремился перенести не вообще рынок, а именно определённый рынок. Поэтому речь может идти только о переносе рыночной площади как места вечевых собраний. Так что никак нельзя согласиться с М. Ф. Владимирским-Будановым, считавшим, что в 1068 г. состоялось вече, «происходящее при ненормальных условиях и формах» (народ именно поэтому якобы «ни с того ни с сего сбежался на торговище»⁶⁹). Если принять во внимание западнославянские данные, становится очевидной невероятность и предположения И. Я. Фроянова о том, что акция Изяслава якобы вводила киевское вече в круг высших государственных институтов: ведь именно «рыночные собрания» отличались особой свободой и независимостью по отношению к княжеской власти. Разумеется, полностью отождествлять киевское вече «на торговище» и западнопоморские «рыночные собрания» нельзя. Несмотря на то что хронологически последние фиксируются позднее, типологически, по-видимому, это явления более архаичные. Так, например, вопреки распространённому мнению, нет никаких данных о том, что в киевском вече в 1068 и 1069 гг. участвовали сельские жители (хотя полностью исключать этого нельзя). В высшей степени существенно, однако, что собрание на рынке принципиально могло быть только открытым: если не принимать решения, то уж присутствовать на нём и так или иначе влиять на ход обсуждения мог кто угодно. Поэтому нельзя исключать, что Изяслав ставил цель и определённого контроля над составом и процедурой собраний.

Итак, представляется, что в Киеве в 1068–1069 гг. имели место «рыночные собрания», вероятно схожие с теми, которые наблюдали в XII в. немецкие миссионеры в городах Западного Поморья. Вполне возможно, что на торговой площади столицы Руси («торговище») существовала и определённая инфраструктура для таких собраний. Поскольку Изяслав Ярославич потерял власть в результате волнений, апогеем которых стало вече «на торговище», он, естественно, должен был стремиться не допустить повторения подобных событий в будущем. Поэтому князь прибег к целой серии репрессивных мер: от расправы с замешанными в волнениях лицами до ликвидации самой инфраструктуры «рыночных собраний».

⁶⁹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор... С. 336.

Остаётся только добавить, что в конечном счёте акция Изяслава осталась паллиативом. На определённое время она обеспечила, по-видимому, необходимый результат: мы ничего не слышим о самостоятельной политической активности киевлян по меньшей мере вплоть до конца княжения Всеволода Ярославича, а следующее собрание киевских горожан относится только к 1113 г.⁷⁰ Однако уже в середине XII в., о чём, как говорилось выше, совершенно верно писал М. С. Грушевский, в обстановке политической раздробленности и почти непрерывных конфликтов между представителями разных линий династии Рюриковичей в летописях вновь появляются упоминания вечевых собраний в Киеве, действующих совершенно независимо по отношению к княжеской власти. Хотя проходят они в разных местах города (на «великом Ярославовом дворе», на площади у св. Софии, у Туровой божницы, «под Угорским»), киевляне не забывают и о «торговище» на Подоле. Так, именно там они «повергоша пороуганью» тело убитого ими князя Игоря Ольговича⁷¹: следовательно, «торговище» в какой-то момент вновь оказалось на старом месте.

⁷⁰ См. подробнее об этом: *Лукин П. В.* Вече, «племенные» собрания и «люди градские» в начальном русском летописании // *Средневековая Русь*. М., 2004. Вып. 4. С. 113.

⁷¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 353. Рыночная площадь как место расправы использовалась и в Чехии. Согласно хронике так называемого Каноника Вышеградского, в 1130 г. участники заговора против князя Собеслава, «отведённые на торг, были обезглавлены топором» («ducti ad forum... cum securi decollati sunt») при стечении «множества народа» («inter... populi multitudine»). Это был, правда, вполне легитимный смертный приговор, вынесенный князем и собранием «чешских первых лиц» («Bohemienses primates») (*Canonici Wissegradensis continuatio Cosmae // Fontes rerum Bohemicarum*. Т. II. *Cosmae chronicon cum continuatoribus*. Fasc. III / Ed. J. Emler. V Praze, 1874. S. 209, 211).

С. Н. Азбелев

Походы русских князей на Херсонес в былинной интерпретации

1

Связанная с ранней деятельностью князя Владимира Мономаха, эта редкая былина известна в очень небольшом числе вариантов. Ее название — «Князь Глеб Володьевич» — принадлежит самим ее исполнителям. В былине речь идет об успешном походе новгородского князя на Корсунь: поход предпринят из-за ограбления русских судов и жестокого обращения с задержанными в этом городе русскими моряками. Все записи производились на пространстве древней Новгородской земли¹.

А. В. Марков, осуществивший в конце XIX в. первые фиксации этой былины на Зимнем берегу Белого моря, справедливо усмотрел историческую основу ее в походе на Херсонес новгородского князя Глеба Святославича в 1077 г. Эпическое прозвание главного персонажа Марков объяснил как результат слияния в народной памяти этого исторического имени с именем князя Владимира Всеволодовича Мономаха². Дело в том, что, согласно «Истории Российской»

¹ Перечень их — в книге: Беломорские старины и духовные стихи. Собрание А. В. Маркова / Изд. подготовили С. Н. Азбелев и Ю. И. Марченко. СПб., 2002. С. 780.

² См.: Марков А. В. Из истории русского былевого эпоса. III. К былине о Глебе Володьевиче // Этнографическое обозрение. М., 1904. № 3. С. 1–37.

В. Н. Татищева и еще одному источнику, пересказанному Э. Муральтом, оба они возглавляли поход, предпринятый по просьбе византийского императора Михаила VII Дуки на отложившийся от его власти Херсонес, который русские именовали Корсунь³.

В свое время Н. М. Карамзин скептически отнесся к сообщению В. Н. Татищева, поставив, однако, ему на вид только неточности в упоминании о событиях того времени в Византии⁴. Крупнейший византиновед В. Г. Васильевский, признав текст Татищева «очень ценным», несмотря на «некоторую путаницу» и «неопределенность хронологии»⁵, подверг внимательному рассмотрению исторический фон этих событий. Согласно прямому смыслу татищевского известия, поход Глеба и Владимира имел место в 1076 г. или немного позже. Васильевский, поправляя дату Татищева, отнес поход ко времени не позднее осени 1074 г. Поправка вызвана тем, что с этого времени начинается перечисление походов Мономаха в его «Поучении», где В. Г. Васильевский не нашел подходящего известия. Поэтому он думал, что Владимир ходил с Глебом на Корсунь в 1073 или 1074 г., т. е. до достижения двадцатилетнего возраста, с которого князь начал описание своих походов. М. Д. Приселков, поддержав связанные с этим другие соображения Васильевского, отверг, однако, достоверность самого известия В. Н. Татищева, — без конкретного разбора и, по-видимому, не вникнув в аргументацию В. Г. Васильевского. По словам, М. Д. Приселкова, «известие Татищева <...> приходится отвергнуть, потому что в Поучении Владимир этого похода не упоминает, а Глеб сидел в годы предполагаемого похода в Новгороде»⁶. Исследователь средневекового Херсонеса А. Л. Якоб-

³ См.: *Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1963. Т. 2. С. 91–92; *Muralt E. de.* Essai de chronographie Byzantine 1057–1453. St-Petersbourg, 1871. Т. 1. P. 28.

⁴ Он указал, что вопреки В. Н. Татищеву Михаил VII «тогда не умер, а был пострижен, и Никифор сделался императором не в 1076, а в 1078 году», — не заметив, по-видимому, что в примечании В. Н. Татищева к своему источнику эти поправки сделаны (см.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1991. Т. 2–3. С. 241, примеч. 133).

⁵ *Васильевский В. Г.* Труды. СПб., 1909. Т. 2. Вып. 1. С. 30. Впервые работа напечатана в 1875 г.

⁶ *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киев-

сон, соглашаясь с Васильевским, не сомневался в достоверности сообщений В. Н. Татищева и Э. Муральта и принял датировку похода 1073 или 1074 г.⁷ М. В. Левченко в своей книге о русско-византийских отношениях ограничился тем, что повторил негативное высказывание М. Д. Приселкова об известиях В. Н. Татищева и Э. Муральта, не вдаваясь в рассмотрение вопроса о походе⁸.

Б. А. Рыбаковым этот вопрос обсуждался уже в связи с былиной о Глебе Володьевиче. Общая достоверность сведений В. Н. Татищева не вызывала сомнения у Рыбакова, он соотносил их с другими историческими данными, рассматривая под этим углом зрения былинный текст. «Князь Глеб Святославич, — пишет Б. А. Рыбаков, — княжил в это время в Новгороде и из корсунского похода в Новгород же и возвратился; былина иногда начинается так:

Там ведь был-то жил князь да в Новеграде,
Там-то жил-то ведь как князь да Глеб Володьевич.

В конце былины, вслед за описанием победы над войском корсунян, говорится, что

Уходили они на святую-то Русь, да ищите в Новгород.

Исторической действительности соответствуют и строки:

А в том же было во городе во Корсун
Ни царя не было ни царевича».

Напомнив, что «мятежный Херсонес переживал пору безвластия», приведя сведения А. Л. Якобсона о высоких налогах и пошлинах в Херсонесе того времени и заметив, что «одним из важных элементов былины является красочное описание небывалых и непомерных таможенных сборов», Б. А. Рыбаков заключает: «Ис-

ской Руси X–XII вв. СПб., 1913. С. 129. Появившаяся за девять лет до того работа А. В. Маркова, содержащая разбор этих сведений и суждений В. Г. Васильевского, очевидно, осталась неизвестна М. Д. Приселкову, как и последующим историкам.

⁷ Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. М.; Л., 1950. С. 21–22.

⁸ Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 412.

торическая обстановка 1066–1074 гг. обрисована нашей былиной очень верно», однако «В. Г. Васильевский, поправляя Татищева, относит поход не к 1076, а к 1073–1074 гг.».

Относительно участия Владимира Мономаха Б. А. Рыбаков не согласен с В. Г. Васильевским. Он пишет: «В 1073–1076 гг. Владимир находился на Волыни, воевал в Польше и Чехии и был очень далек как от Новгорода, так и от Херсонеса». В данной связи Б. А. Рыбаков высказал предположение, что «Татищев неправильно понял имевшийся у него источник» и что на самом деле вторым участником похода был князь Владимир Ростиславич, которого летопись называет Володарем. Б. А. Рыбаков напоминает, что «Володарь Ростиславич, как и его отец, был участником ряда причерноморских авантур, он отвоевывал Тмутаракань, кратковременную вотчину своего отца. К Тмутаракани же имел отношение и Глеб Святославич, оставивший там эпитафический след — знаменитый тмутараканский камень 1068 г. с записью об измерении Керченского пролива. Киевскому князю было естественнее всего послать в византийские земли именно Глеба и Володаря, которые очень хорошо по личному опыту знали обстановку в Причерноморье. Былина «„Глеб Володьевич“, — продолжает Б. А. Рыбаков, — отразившая и конечную цель похода, и безвластие в Корсуни, и таможенные тяготы, слила двух князей воедино, и если один из них, несомненно, Глеб Святославич тмутараканско-новгородский, то другой, по всей вероятности, — Володарь Ростиславич, но не Владимир Мономах»⁹.

Таковы основные моменты историографии вопроса. После А. В. Маркова специальное рассмотрение былины в связи с исторической обстановкой и отраженными былиной событиями осуществлено только Б. А. Рыбаковым. Можно было бы не обращаться более к этому вопросу, если бы не три обстоятельства.

Во-первых, остаются сомнения относительно того, бесспорно ли предпочтение Володаря Ростиславича Владимиру Мономаху, о котором достаточно определенно идет речь у В. Н. Татищева. Дело в том, что, согласно летописи, первое появление Володаря в Причерноморье произошло на несколько лет позднее похода на Кор-

⁹ Рыбаков Б. А. Древняя Русь. М., 1963. С. 99–100.

сунь — в 1081 г., поэтому знание тамошней обстановки по личному опыту в 1070-х гг. у него, вероятно, еще отсутствовало. Кроме того, отец Володаря Ростислав незадолго до того дважды прогонял Глеба Святославича из Тмутаракани, отнимая у него княжение военной силой. В связи с этим оказывается спорным предположение, что киевский великий князь счел за лучшее поручить именно Глебу и Володарю совместное руководство походом.

Во-вторых, хотя соотнесение исторических обстоятельств похода Глеба Святославича с былинной дало достаточно очевидные результаты, остается существенное различие: Глеб исторический наказывал корсунян за отпадение от власти византийского кесаря, а Глеб былинный вызволяет русских моряков и возвращает отобранные у них в Корсунь богатые товары.

В-третьих, остается неуточненной дата похода. Б. А. Рыбаков пишет о нем как о походе 1073–1076 гг., оставляя, по-видимому, открытым вопрос, в каком именно году поход был совершен.

2

Поскольку тексты письменных источников, касающихся этого похода, относительно невелики, целесообразно привести их полностью. Во второй редакции труда В. Н. Татищева, в самом конце известий, помещенных под 1076 г., читается следующее. «Михаил царь греческий, иже отца своего Романа царства лиша, сам приал, но вскоре от болгар побежден, и корсуняне ему отреклися, прислал ко Святославу послов со многими дары и обещаниями, прося его и Всеволода о помосчи на болгар и корсунян. Святослав же, согласяся со Всеволодом, хотел на болгары сам идти со сынами, а Владимира сыновца и с ним Глеба послал на корсунян. Но вскоре, сам разболевся, послов отпустил с тем, что сам немедленно поидет или сынов своих пошлет. По смерти же Святослава пришла от грек ведомость, что Михаил умер, а царство приал Микифор. Всеволод же войско все разпустил в дома и сына Владимира из Корсуны возвратил»¹⁰.

Смутившие Н. М. Карамзина неточности в изложении византийских событий достаточно очевидны. Но как раз они заставляют

¹⁰ Татищев В. Н. История Российская. Т. 2. С. 91–92.

полагать, что текст действительно взят В. Н. Татищевым из какого-то русского источника без существенных изменений. В. Н. Татищев счел нужным поправить неточности только в примечании. Привожу примечание тоже полностью: «Михаил Дукас, сын Константина Дука, а Роману Диогену пасынок, воцарился в 1071-м, имел войны с разными, яко турки, болгары и кроаты, а паче с разными бунтовщиками; для того он папу о помощи просил, но Никифор, его воевода, согласуясь с турки, его в 1078-м престола лишил и постриг во Студитский монастырь, где он был 6 лет, и учинен епископом Ефеским, а умер во время Алексея Комнина»¹¹.

Прочитую также краткое сообщение Э. Муральта. Оно снабжено отсылкой к опубликованному в конце XVIII в. труду аббата Одерико, писавшего историю генуэзских колоний, но, как установил еще В. Г. Васильевский, в опубликованной части сочинения Одерико этого известия нет, поэтому приходится вслед за В. Г. Васильевским полагать, что Э. Муральт сделал выписку из, несомненно, использованных им неизданных бумаг Одерико. Под 1074 г. Э. Муральт пишет, что обитатели Херсонеса, «не смогши получить от императора определенные торговые привилегии, восстали против его власти. Он вызвал против них Всеволода, великого князя России, который туда отправил своих сыновей Владимира и Глеба»¹².

Требуют объяснения смысловые расхождения двух источников. Они, в сущности, незначительны. У В. Н. Татищева адресат императора — великий князь Святослав, который принимает решение вместе со своим братом Всеволодом, затем умирает, после чего Всеволод, ставший великим князем, завершает начатое. У Э. Муральта адресатом и принимающим решение назван великий князь Всеволод. Такое смещение вполне могло произойти при сокращении источника, аналогичного источнику В. Н. Татищева. У последнего речь идет об «отречении» корсуян от власти императора, в источ-

¹¹ Там же. С. 249.

¹² *Muralt E. de. Essai de chronographie Byzantine 1057–1453*. Т. 1. Р. 28. А. Л. Якобсон обоснованно отвел предположение Е. Ч. Скржинской, будто бы Муральт заимствовал свои данные у В. Н. Татищева (см.: *Якобсон А. Л. К изучению позднесредневекового Херсонеса // Херсонесский сборник. Симферополь, 1959. Т. 5. С. 231*).

нике Э. Муральта — о их восстании, причем указана причина его — неполучение торговых льгот, отсутствовавшая, по-видимому, в источнике В. Н. Татищева. В данном случае два источника лишь дополняют друг друга, не расходясь по существу. Следует также заметить, что источник Э. Муральта, по-видимому, вследствие непонимания иностранцем сущности различий в русских словах «сын» и «сыновец» назвал обоих участников похода сыновьями великого князя Всеволода, хотя Глеб был его племянником, а не сыном.

Теперь попытаемся выяснить степень вероятности предположения, что в источнике В. Н. Татищева речь шла не о Владимире Мономахе, а о Володаре. У В. Н. Татищева Владимир вполне ясно назван племянником великого князя Святослава. Таковым действительно являлся Владимир Мономах. Володарь Ростиславич приходился Святославу двоюродным внуком. Если в тексте идет речь о нем, то слово «сыновец» употреблено в необычном значении, параллель чему засвидетельствована в источниках пока только один раз — в «Слове о полку Игореве», где в одном случае сыновцами названы удельные князья по отношению к великому князю киевскому, который не приходился им дядей: «Тогда великий Святслав изрони злато слово слезами смешано и рече: О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде!» Если у В. Н. Татищева речь идет о Володаре Ростиславиче, то он же нетрадиционно назван в последней фразе сыном Всеволода. Есть случаи, когда в письменных памятниках того времени слово «сын» применено к удельному князю, если речь идет о его отношении к князю киевскому, не являющемуся отцом этого князя в обычном смысле. Но подобные случаи засвидетельствованы только в прямой речи при обращении к этим удельным князьям¹³. Поэтому текст В. Н. Татищева сюда отнести нельзя. К тому же было бы странно, если бы в обеих фразах применялось нетрадиционное словоупотребление только при наименовании Владимира, тогда как при наименовании Глеба в тех же фразах словоупотребление оставалось традиционным.

¹³ См.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1903. Т. 3. Стб. 871–873. Ср. также: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Л., 1978. Вып. 5. С. 258–259.

Если мы все-таки предположим, что в источнике В. Н. Татищева речь шла о Владимире (Володаре) Ростиславиче, а не о Владимире Всеволодовиче, то приходится считать, что В. Н. Татищев сознательно внес по меньшей мере два изменения в приводимый им текст только затем, чтобы превратить одного князя в другого. Такую текстовую операцию нечем объяснить. Поэтому в дальнейшем изложении мы будем исходить из посылки, что подобных изменений в рассматриваемом тексте нет. Поскольку среди действовавших в то время и известных нам по летописям русских князей был только один Глеб и только два Владимира — Мономах и Володарь Ростиславич, исходим из того, что в тексте идет речь именно о Глебе Святославиче Новгородском и именно о Владимире Всеволодовиче Мономахе. Посмотрим, насколько это согласуется с данными других источников.

Последняя фраза татищевского текста может быть истолкована следующим образом: после смерти Святослава от греков пришло известие, что Михаил умер и воцарился Никифор. Всеволод же к тому времени распустил войско и вернул из Корсуня своего сына Владимира. Поскольку Святослав умер в декабре 1076 г., а Никифор воцарился в Константинополе весной 1078 г., завершение корсунского похода приходится именно на этот отрезок времени.

Когда русское войско отправилось в Корсунь, прямых сведений нет. Однако из текста ясно, что решение о походе Святослав и Всеволод приняли незадолго до смерти Святослава. Выражение «Владимира сыновца и с ним сына Глеба послал на корсунян» означает распоряжение о походе, а не фактическое выступление войска в поход, который требовал, конечно, подготовки, требовал и освобождения от других дел самих князей, назначенных возглавить это военное мероприятие, не связанное с насущными интересами русских княжеств. Поэтому сам поход состоялся, вероятно, уже при Всеволоде, после смерти Святослава (кстати, именно таков прямой смысл известия Муральта) — т. е. в 1077 г. Согласно былине, князь Глеб отправился в Корсунь из Новгорода. Это не противоречит данным летописи: Глеб был новгородским князем 10 лет: с 1069 по 1078 г. Отправление Глеба с войском в Корсунь из Новгорода могло состояться только после вскрытия рек весной 1077 г. Подготовка же к походу должна была происходить в Новгороде зимой.

Обратимся к «Поучению» Владимира Мономаха. Он пишет: «И Свято-славъ умре, и язъ паку Смолиньску, а и-Смолиньска той же зиме та к Новугороду; на весну Глебови в помочь»¹⁴. Поскольку Святослав умер 27 декабря 1076 г., речь идет как раз о зиме мартовского 1076 г. и о весне 1077 г. (согласно тогдашнему календарю, год начинался 1 марта). Правда, по поводу выражения «на весну Глебови в помочь» Н. М. Карамзин высказывал предположение, что Мономах помогал Глебу, «воевавшему тогда, может быть, с соседственною чудью»¹⁵.

Однако это не более чем домысел, так как о столкновении Глеба с чудью в летописях говорится только в отношении весны следующего года. С. М. Соловьев полагал, что Владимир помогал Глебу не против чуди, а против Всеслава Полоцкого¹⁶. Но и это только догадка, которая ничем не может быть подтверждена, кроме общего соображения, что Всеслав враждовал с Глебом. Известно, что Глеб с новгородцами нанес поражение Всеславу у стен Новгорода на 9 лет раньше, последующий же поход Всеслава к Новгороду, согласно перечню Мономаха, был только год спустя после того, как Мономах помогал Глебу.

Поэтому, если опираться на конкретные указания источников, слова Мономаха о его прибытии в Новгород и помощи Глебу можно связать только с сообщениями В. Н. Татищева и Э. Муральта о совместном походе Владимира и Глеба против курсунян. Слова же В. Н. Татищева о том, что Всеволод отозвал Владимира из Курсуня, следует отнести к лету 1077 г., когда, согласно «Поучению», Мономах совершает поход «со отцемъ подь Полтескъ»¹⁷. Что же касается Глеба, то он, очевидно, должен был вернуться в Новгород не позже ледостава к зиме того же года, поскольку следующее летописное известие о нем застаёт Глеба на севере весной 1078 г.

¹⁴ Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 102.

¹⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 2–3. С. 241, примеч. 134.

¹⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1959. Кн. 1. С. 359.

¹⁷ Повесть временных лет. С. 102.

Таким образом, нет оснований полагать, вслед за В. Г. Васильевским, что поход происходил на несколько лет ранее, чем он помещен в известиях В. Н. Татищева. Нет, как видим, и причин для предположения, что В. Н. Татищев об участии в этом походе Владимира Мономаха сообщил ошибочно. Перед нами случай, когда уникальное татищевское известие не только согласуется с данными сохранившихся летописей, но и прямо подтверждается перечнем походов в «Поучении» Владимира Мономаха.

3

Былина «Князь Глеб Володьевич» отозвалась на совместный поход князей Глеба Святославича Новгородского и Владимира Всеволодовича Мономаха на Херсонес в 1077 г. Но первоначальной исторической основой этой былины послужило, очевидно, более раннее событие, с которым ее соотносил еще В. Ф. Миллер — сразу после публикаций первых записей. Он полагал, что поводом для возникновения былины служило взятие Херсонеса князем Владимиром Святославичем в связи с крещением Русской земли¹⁸. Однако, не имея серьезных подтверждений в известных тогда двух текстах былины, В. Ф. Миллер вскоре отказался от своей гипотезы, согласившись с выводом А. В. Маркова, подкрепленным гораздо более основательно содержанием этих текстов¹⁹.

Уже после смерти В. Ф. Миллера и А. В. Маркова на берегах Мезени от превосходного знатока и исполнителя русского народного эпоса М. Т. Антонова была осуществлена запись варианта, который подтвердил правомерность гипотезы В. Ф. Миллера. В этом тексте отобразились некоторые конкретные обстоятельства взятия Херсонеса Владимиром Святославичем.

Как известно из Повести временных лет, после долгой осады судьбу города решил тогда успешный подкоп, с помощью которого русский князь лишил осажденных возможности использовать подземный источник питьевой воды; ранее подкопы успешно ис-

¹⁸ См.: Миллер В. Ф. К былине о князе Глебе Володьевиче // ЖМНП. 1903. Ч. 347. № 6. С. 304–321.

¹⁹ См.: Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. Былины. М., 1910. Т. 2. С. 294–295.

пользовали сами осажденные, унося по подземному ходу землю из вала, который возводили осаждавшие²⁰. Аналогичная ситуация — в записанном А. М. Астаховой мезенском варианте. Здесь рассказ о встречах подкопах с целью лишить город снабжения через подземный ход составляет кульминационный эпизод былины, который оказывается органично связан с другими ее эпизодами²¹.

Акцентировавший на этом внимание Ю. А. Новиков отметил также бóльшую степень исторического соответствия в некоторых собственных именах, связанных с событиями X–XI вв. Точно сохранено древнерусское название осажденного города — «Корсунь» (в отличие от форм «Консырь» ли «Концырь» в других записях); хотя имя былинного князя здесь не «Глеб», а «Лев», зато отчество его — «Володович», а не Володьевич», как в остальных записях. Еще А. В. Марков предполагал, что именно такова могла быть переходная форма от «Всеволодович» (отчество Владимира Мономаха); эта гипотетическая форма оказалась реально существующей в устной традиции²². Надо сказать, что уже А. М. Астахова, комментируя записанный ею текст, обратила внимание на близость к летописному рассказу о взятии Херсонеса Владимиром Святославичем и отмечала, что данный вариант в большей степени «историчен», нежели прежние записи²³.

²⁰ См.: Повесть временных лет. С. 49–50.

²¹ См.: Былины Севера / Записи, вступ. статья и комментарий А. М. Астаховой. М., Л., 1938. Т. 1. С. 206–207.

²² См.: Новиков Ю. А. «Глеб Володьевич»: вымысел или отражение исторической реальности? // Фольклор. Проблемы историзма. М., 1988. С. 193–199.

²³ Былины Севера. Т. 1. С. 564. Правда, А. М. Астахова допускала, что мотив подкопа попал в былинку из более поздних исторических песен о взятии Казани Иваном IV. Но Ю. А. Новиков убедительно отвел это предположение: в былинке речь идет не о подкопе с закатыванием бочек пороха для взрыва городской стены (что в соответствии с исторической истиной присутствует в песнях о взятии Казани), а о контрподкопе с совсем иной конкретной целью — и соответствующим ей результатом. В общей форме Б. А. Рыбаков высказывал предположение, что «былина о походе на Корсунь 1073–1076 гг. наслонилась на более раннюю былинку

Таким образом, эпическое произведение, созданное под впечатлением осады и взятия Херсонеса Владимиром Святославичем, позднее было переработано на основе воспоминаний о походе на Херсонес Владимира Мономаха и Глеба Святославича.

Однако исторические обстоятельства этих двух событий все же не позволяют достаточно полно объяснить идею дошедшей до нас эпической песни. Согласно былине, русские моряки, занесенные бурей в Корсунь, были там задержаны, а богатые товары их под предлогом высоких таможенных сборов оказались конфискованы. Это и служит причиной похода, который оканчивается победой русских и отнятием захваченных богатств. По-видимому, воспоминания о походе князей Глеба и Владимира, осуществленном по просьбе византийских властей в 1077 г., вскоре оказались осложнены преданием о другом походе, вызванном обстоятельствами иного рода.

Как известно, у В. Н. Татищева под 1095 г. есть сообщение о втором походе против корсунян, который был предпринят тем же Владимиром Мономахом, но уже без участия Глеба Святославича. Приведем полностью это известие: «Корсуняне, напав, русские корабли разбили и многое богатство побрали, о чем Святополк и Владимир посылали к царю Алексию просить и к корсуняном, но не получили достойнаго награждения. Для котораго Владимир с Давидом Игоревичем и Ярославом Ярополчицем, имеющим войски Святополковы, к тому взяв торков и козаров, пошел в Корсунь. И сошедшись с войски корсунскими, у града их Кафы победил. По котором корсуняне, заплатя все убытки Владимиру, мир испросили. И Владимир возвратился с честью и богатством великим»²⁴.

В примечании В. Н. Татищев упоминает летописец Симона²⁵. По-видимому, текст взят им оттуда и представляет собой более раннюю версию того рассказа о походе Мономаха в Крым, какой

Владиминова цикла о знаменитом походе 988 г.» (*Рыбаков Б. А. Древняя Русь. С. 100*).

²⁴ *Татищев В. Н. История Российская. Т. 2. С. 103.*

²⁵ «Сей поход Владимиров и поединок с генуэзским генералом, от которого Владимир Мономах проименовался, в некоторых Степенных и у Стрыковского описано; в манускриптах же Несторовых, кроме Симонова, бывшего у Волинскаго, ни похода не упомянуто» (*Татищев В. Н. История Российская. Т. 2. С. 252*).

читается у Стрыйковского, а независимо от него коротко отразился и в сочинениях некоторых иностранцев, писавших о России²⁶. Текст В. Н. Татищева не содержит исторических несообразностей, которые появились в этих позднейших версиях. В былине отразилась именно ранняя версия устного повествования, использованного при дошедшей до нас эпической трактовке похода на Корсунь.

Общий недостаток почти всех работ, в которых предлагались исторические идентификации содержания былины о взятии Корсуни, — стремление видеть в основе эпического сюжета только один реальный факт²⁷. Между тем для устного эпоса характерны наслаения впечатлений от сходных, но разновременных событий: произведение, созданное под воздействием громкого исторического факта, позже дополнялось и видоизменялось, впитывая впечатления о похожих событиях последующего времени. Но вследствие этой похожести не происходило полной переработки, благодаря чему в вариантах сохранялись обычно индивидуальные реалии, обязанные своим происхождением факту более раннему. Именно к этой довольно распространенной категории эпических песен и принадлежит новгородская былина, посвященная «князю Глебу Володьевичу».

Предания об успешном походе новгородцев на Корсунь, по видимому, широко бытовали еще в XVI–XVII столетиях. Сигизмунд Герберштейн, ссылаясь в своем сочинении даже на известные ему летописи Новгорода, упоминал, что новгородцы, «завоевав» Корсунь, «вернулись с войны, везя с собой медные врата покоренного города и большой колокол, который мы сами видели в их соборной церкви»²⁸. Очевидно, речь идет о так называемых Корсунских дверях Новгородского Софийского собора (которые некото-

²⁶ Ср.: *Жданов И. Н.* Русский былевой эпос. СПб., 1895. С. 119–121; *Рогов А. И.* Известия по истории Киевской Руси в хронике Мацея Стрыйковского и их источники // Краткие сообщения Института славяноведения. М., 1964. Т. 42. С. 62–63.

²⁷ Исключение составляет краткое упоминание в кн.: *Плисецкий М. М.* Историзм русских былин. М., 1962. С. 225–226. Здесь учтены все три исходных события.

²⁸ *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 150. В дошедших до нас и изученных новгородских летописях такого известия нет.

рыми авторами смешивались с «Сигтунскими» его дверями). Бывший в Новгороде в середине XVII в. Павел Алеппский писал: «Рассказывают, что правитель этого города, которому издревле дают титул князя, <...> ходил в Кафу, которую они называли на своем языке Карсуна, т. е. Херсон, как ее имя по-гречески, взял и разрушил ее и вывез ту дверь и другие вещи, вместе с благолепными иконами греческими, кои целы и поныне»²⁹.

Происхождение и датировка «Корсунских врат» — предмет дискуссии искусствоведов³⁰; среди основных воззрений ее участников есть вполне согласующиеся с возможностью привоза из Херсонеса в Новгород в 1077 г. или целиком створок дверей, или их металлических украшений — как и некоторых других произведений византийского искусства.

Отзвук этого можно видеть в концовке наиболее полного варианта былины «Князь Глеб Володьевич» — несмотря на внедрение в нее сказочного мотива о хозяйничавшей в Корсуне злой волшебнице:

Тут они-то обирали у ей да всё красно золото,
Они сѡбрали у ей да всё подѡбрали;
Уходили на сѡвѡту-ту Русь, да ишше в Нѡвѡгород
Поживать-то они стали всё по-старому,
Всѡ по-старому стали, всё по-прежнему,
Всѡ по-прежнему стали, по-хорошому³¹.

В рассмотренной былине историческая основа — как бы на периферии: сюжет в существенной мере обязан воздействию сказочного эпоса. Но идейное наполнение эпической песни осталось исторично и после обрастания ее фабулы вымыслом: определяющий основное содержание пафос былины — в стремлении новгородцев

²⁹ Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1898. Кн. 4. Отд. 2. С. 70.

³⁰ Обзор существующих работ см. в кн.: Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI–XV века / Ред.-сост. И. А. Стерлигова. М., 1996. С. 255–257.

³¹ Беломорские старины и духовные стихи. С. 215.

обезопасить свою торговлю за рубежом. Характерное отнюдь не только для XI–XII вв., но и для последовавших эпох новгородской истории, оно обеспечивало актуальность эпического повествования в течение ряда столетий. Благодаря этому былина настолько прочно вошла в устный репертуар Новгородской земли, что уцелела в нем и через несколько веков после утраты своей связи с действительностью.

А. В. Назаренко

Владимир Мономах и Вельфы в конце XI в. *

История драматического супружества германского императора Генриха IV (1056–1106) и Евпраксии, дочери киевского князя Всеволода Ярославича (1078–1093), в Германии принявшей имя Адельхайды, достаточно хорошо известна¹. Выданная замуж ок. 1085 г. за маркграфа Саксонской северной марки Генриха Штадена (1082–1087) и вскоре, в июне 1087 г., овдовевшая², юная Всеволодовна не

* Работа выполнена при финансовой поддержке Немецкого исследовательского сообщества (Deutsche Forschungsgemeinschaft) и Российского гуманитарного научного фонда (проект № 01-01-00130а).

¹ *Krug Ph. Eupraxia // Krug Ph. Forschungen in der älteren Geschichte Russlands. Sankt-Petersburg, 1848. Bd. 2. S. 579–618; Ediger Th. Russlands älteste Beziehungen zu Deutschland, Frankreich und der römischen Kurie. Halle a. S., 1911. S. 57–63* (автор напрасно сомневается в том, что вторая супруга Генриха IV была дочерью именно Всеволода Ярославича); *Шайтан М. Э. Германия и Киев в XI веке // Летопись занятий Археографической комиссии. Л., 1927. Т. 1 (24). С. 14–19; Розанов С. П. Евпраксия-Адельгейда Всеволодовна (1071–1109) // Известия Академии наук СССР. 7-я сер. Отд. общественных наук. Л., 1929. № 8. С. 617–646; Rüss H. Eupraxia-Adelheid: Eine biografische Annäherung // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden; Stuttgart, 2006. Jg. 54. S. 481–518* (содержание этой работы не могло быть нами учтено).*

² О первом браке Евпраксии, который в историографии оказался затронут императорским периодом ее биографии, см., кроме работ, названных в предыдущем примечании: *Bloch R. Verwandtschaftliche Beziehungen des sächsischen Adels zum russischen Fürstenhause im XI. Jahrhundert // FS*

вернулась на Русь, а уже через год, не позднее осени 1088 г., была обручена с Генрихом IV, также вдовцом после смерти его первой жены Берты. Коронация Евпраксии-Адельхайды, в немецких источниках иногда именуемой также Praxedis, состоялась вскоре после Рождества 1089 г. в Кёльне. Уже через несколько лет наступило охлаждение между супругами, которое отмечается современниками с 1093 г.; вероятно, оно связано со смертью Всеволода в апреле 1093 г. Бегство из заключения в Вероне, которому Генрих подверг Евпраксию, неслыханные разоблачения императора, с которыми она выступила перед папой Урбаном II (1088–1099) на соборе в Пьяченце в 1095 г., сделали Всеволодовну центром гомерического всеевропейского скандала, масштабы которого были необычайны даже для того бурного времени, определявшегося беспощадной борьбой империи и папства, борьбой, неразбочивой в средствах и беззастенчивой во взаимных обвинениях.

Несмотря на всю беспрецедентную оскорбительность происшедшего, сведений о какой бы то ни было реакции на него со стороны Владимира Всеволодовича Мономаха, брата Евпраксии, князя черниговского (в 1093–1094 гг.), а затем, в 1094–1113 гг., переяславского и ростовского, в источниках мы не находим. Да, ситуация на Руси, пожалуй, не слишком располагала к международной активности, так как 1095–1096 гг. были наполнены борьбой Владимира и киевского князя Святополка Изяславича (1093–1113) против половцев и Олега Святославича Черниговского (1094–1115)³. Но ведь речь вовсе не шла о каком-то военном возмездии (оно было невозможно уже в силу географических причин), а всего лишь о дипломатических шагах — скажем, контактах с Урбаном II, с которым, несомненно, поддерживал какие-то связи еще отец Мономаха киевский князь Всеволод Ярославич (1078–1093)⁴, или с политическими противниками императора

Adalbert Brackmann. Weimar, 1931. S. 203; Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 539–553.

³ ПСРЛ. 2-е изд. Л., 1926–1928. Т. 1. Стб. 228–240; 2-е изд. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 217–223, 226–230.

⁴ Как уже неоднократно указывалось, характер информации в «Слове на перенесение мощей св. Николая в Бар-град» (90-е гг. XI в.) (Макарий [Булгаков], митр. Московский и Коломенский. История Русской церкви.

внутри Германии, в 1090-е гг. концентрировавшимися вокруг Вельфов. Впрочем, и после урегулирования междукняжеских противоречий на Руси на известном Любечском съезде 1097 г.⁵ ни о чем, что можно было бы трактовать как ответные меры Владимира Всеволодовича на беспримерную обиду, нанесенную Генрихом IV его семейству, не слышно. По понятиям того времени такая политическая кротость выглядела бы чрезмерной — даже для мягкого Владимира Мономаха, склонного иногда к демонстративному христианскому прощению своих противников⁶. Она кажется тем более странной, что полтора десятка лет спустя тот же Мономах в совершенно аналогичной ситуации повел себя совсем иначе: когда ок. 1113/4 г. венгерский король Кальман (1095–1114/6) отослал назад на Русь свою вторую жену — дочь Владимира Мономаха Евфимию, обвинив ее в супружеской неверности⁷, князь реагировал немедленно. В чем именно состоял его ответ, мы точно не знаем, но едва ли подлежит сомнению, что именно его имел в виду Кальман, когда перед смертью призывал венгров отомстить за только что нанесенную ему русскими обиду⁸.

Изложенные соображения заставляют пристальнее присмотреться к тому, что известно о международной политической ситуации 90-х гг. XI в., и поискать в ней следы ответных действий Владимира в защиту чести своей сестры и, следовательно, своей собственной. Похоже, такие следы обнаружить все-таки удается.

Кн. 2 / Под ред. А. В. Назаренко. М., 1995. С. 555–557 [комментир. переиздание 2-го изд. т. 1–3]; *Шляпкин И.* Русское поучение XI века о перенесении мощей Николая Чудотворца. СПб., 1881. С. 3–10 [Памятники древней письменности и искусства. № 19] выдает в его авторе (или информанте автора) непосредственного очевидца событий, связанных с освящением Никольского собора в Бари папой Урбаном II в сентябре 1089 г.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 256–257; Т. 2. Стб. 230–231.

⁶ Эта сторона его характера нередко не без основания акцентируется при анализе известного послания Владимира Мономаха к Олегу, в котором тот прощает черниговскому князю гибель своего сына Изяслава в усобице 1096 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 237; Т. 2. Стб. 226–227).

⁷ *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV / Praef. est, textum rec., annot. instr. A. Domanovszky // Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum.* Budapest, 1937. Т. 1. Cap. 149. P. 429.

⁸ *Ibid.* Cap. 152. P. 431; *Назаренко А. В.* Древняя Русь... С. 605–606.

* * *

Во второй половине 1160-х г. Константинополь стал свидетелем редкого события: император Мануил I (1143–1180) расторг помолвку своей дочери Марии с младшим братом венгерского короля Иштвана III (1162–1172) Белой-Алексеем, будущим Белой III (1172–1196), лишил его титула деспота (δεσποτης), который служил выражением исключительного положения Белы-Алексея в качестве византийского престолонаследника, и отменил уже принесенную ему в столице присягу⁹. Главнейшие историографы эпохи Комнинов — Иоанн Киннам (работал ок. 1180–1183 гг.) и Никита Хониат (первая редакция его хроники датируется до 1204 г.) — разнословают, объясняя непосредственные причины этого необычного акта. Киннам говорит о недопустимо близком кровном родстве Белы и Марии¹⁰, тогда как Хониат связывает развод с рождением у Ма-

⁹ О событиях, связанных с пребыванием Белы в Византии, см.: *Chalandon F.* Les Comnène. Paris, 1912. Т. 2: Jean II Comnène et Manuel I Comnène. P. 475–476; *Moravcsik Gy.* Pour une alliance byzantino-hongroise // *Byzantion.* Bruxelles. 1933. Vol. 8. P. 555–568 (перепечат.: *Moravcsik Gy.* *Studia byzantina.* Budapest, 1967. P. 305–313); *Makk F.* The Árpáds and the Comneni: Political relations between Hungary and Byzantium in the twelfth century. Budapest, 1989. P. 85ff. (добротный анализ источников); *Magdalino P.* The empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180. Cambridge, 1993. P. 79–81 (изложение страдает дескриптивностью, анализ источников и историографии отсутствует).

¹⁰ Повествуя о событиях 1172 г., когда после смерти Иштвана III венгерский престол должен был перейти к Беле и венгры прислали послов к Мануилу I с просьбой отпустить Белу в Венгрию, Киннам замечает: «Между тем этот Бела, поначалу сделавшийся было зятем василевса, как о том я рассказывал выше, из-за препятствовавшего этому [браку] закона о кровном родстве женился на сестре августы. По этой причине он был наречен кесарем, став тогда достоинством выше всей знати Византия» («Ἐτυγχανε δε ο Βελας εις γαμβρον τω βασιλει αφορισθεις προτερων, ως εν τοις εμπροσθεν μοι ερηθη. Νομου δε ζυγγενειας εμποδων αυτω γεγονοτος, την Αυγουστης εγημεν αδελφην. Καισαρ δε δια τουτο αναρρηθεις αξιωματι των εν τω Βυζαντιω τηνικαδε εκρατιστευε μεγιστανων») (*Ioannes Cinnamos.* *Historia* / Ed. A. Meineke. Bonn, 1836. P. 286–287 [*Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*]) (здесь и далее перевод иноязычных текстов везде наш);

нула I сына Алексея, который и был объявлен наследником престола¹¹.

В историографии, как правило, следуют версии Никиты Хониата¹² — видимо, не только потому, что его рассказ в данном случае много более детален, чем сообщение Иоанна Киннама, или потому, что расторжение помолвки с потенциальным престолонаследником вследствие появления мужского потомства в собственной семье все-таки уже имело прецедент в династии Комни-

несколько преувеличивая кесарское достоинство Бельи-Алексея, историк как будто пытается смягчить щекотливость положения, возникшего вследствие того, что Бела был лишен титула деспота.

¹¹ У Мануила I рождается сын Алексей. «Когда же мальчик стал прибавлять в возрасте и, подобно крепкому деревцу, тянуться ввысь, император обновил престолонаследие, перенеся присягу, которую он лишь недавно велел принести своей дочери Марии и ее жениху Алексею, пеонцу, на своего сына <...>. Урегулировав по своему усмотрению престолонаследие, Мануил вскоре после этого разорвал брак своей дочери с Алексеем и женил Алексея на сестре своей жены, которая [сестра] как раз прибыла со своим братом Балдуином из Антиохии» («Ὡς οὖν ὁ παῖς τὴν ἡλικίαν προεκοπτε καὶ κατὰ εὐθαλεῖς καὶ πῶν νεοφυτὸν εἰς αὐξὴν ἀνετρεχεν, ἕτερος σκοπὸς ἀνῆκε τὸν βασιλεῖα. Καὶ δὴ μετατίθεισι τοὺς ὀρκούς εἰς τὸν υἱόν, οὗς ἐπὶ τῇ θυγατρὶ Μαρία καὶ τῷ μνηστορὶ ταύτης Ἀλεξίῳ τῷ Παιονίῳ πρῶτῃν εἶχε τετελεκῶς <...> καὶ διὰ τῆς τελεσιουργίας τῶν ὀρκῶν εἰς τὸν ἐξ ὄσφουος αὐτοῦ τὴν σκηπτουχίαν, ὡς ὤετο, μεταθεμένος μετὰ βραχὺ τοῦ μνηστοροῦ Ἀλεξίου τὸ θυγατρίον ἀποζευγνύσι καὶ αὐτῷ μὲν εἰς γυναῖκα ἐγγυαται τὴν τῆς γυναίκος οἰομοσπορον, ἀρτί συν τῷ ἀδελφῷ Βαλδουίνῳ τῆς Ἀντιοχείας ἀπαρασαν») (*Nicetae Choniatae Historia / Rec. I. A. van Dieten. Berlin; New York, 1975. Pars 1. P. 169–170 [Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. XI/1]*).

¹² *Chalandon F. Les Comnène. T. 2. P. 491; Moravcsik Gy. Pour une alliance... P. 557–558; Hóman B. Geschichte des ungarischen Mittelalters. Berlin, 1940. Bd. 1. S. 400; Dölger F. Ungarn in der byzantinischen Reichspolitik // Dölger F. ΠΑΡΑΣΠΟΡΑ: 30 Aufsätze zur Geschichte, Kultur und Sprache des byzantinischen Reiches. Ettal, 1961. S. 172; Ostrogorsky G. Urum Despoten: Die Anfänge der Despotenwürde in Byzanz // BZ. 1951. Bd. 44. S. 457–459 (FS F. Dölger); Idem. Geschichte des byzantinischen Staates. 3. Aufl. München, 1963. S. 320 (HBAW. Bd. 12, 1, 2 = BHB. Bd. 1, 2); Maier F. G. Byzanz. Frankfurt/M., 1973. S. 281 (Fischer Weltgeschichte. Bd. 13); Schreiner P. Byzanz. München, 1994. S. 24 (Oldenburg Grundriss der Geschichte. Bd. 22); и др.*

нов¹³, но еще и по той причине, что свидетельство Киннама о каком-то неканонически близком кровном родстве между Белой-Алексеем и дочерью Мануила Комнина верифицировать не удавалось. Напрашивающееся предположение, что такое родство могло иметь место через жену императора Иоанна II и мать Мануила Пирошку-Ирину, которая была, как известно, венгеркой, не дает нужного результата. В самом деле, по данным как византийских, так и венгерских источников Пирошка была дочерью венгерского короля Ласло I (1077–1095)¹⁴, хотя изредка в историографии в отце Пирошки видят Кальмана, племянника и преемника Ласло¹⁵. В последнем случае получаем родство в 8-й степени (4 : 4):

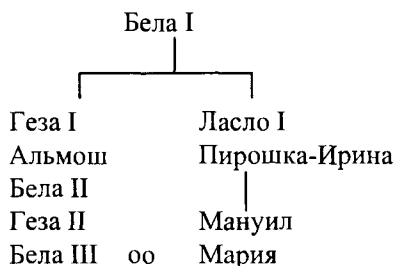
¹³ Помолвка между Анной Комниной, дочерью Алексея I (1081–1118), находившейся тогда еще в младенческом возрасте, и Константином, сыном бывшего императора Михаила VII Дуки (1071–1078), также ребенком, заключенная в первой половине 1080-х гг. по инициативе самого Алексея Комнина, сопровождалась принесением присяги Константину как будущему василевсу. Однако с рождением в 1087 г. у Алексея сына Иоанна она потеряла актуальность и вскоре была расторгнута. Интересно, что эта аналогия с обручением Белы-Алексея и Марии Комнины — абсолютная, поскольку Константин и Анна приходились друг другу родственниками в той же 7-й степени (4 : 3), что и Бела с Марией, являясь соответственно правнуком и праправнучкой Андроника Дуки, отца императора Константина X Дуки (1059–1067).

¹⁴ Chron. Hungar. compos. Cap. 156. P. 439 («imperatrix Constantinopolitana, filia regis Ladislai nomine Pyrisk»); Ioan. Cinn. P. 9–10 («βασιλεὺς Ἰωάννης Εἰρηρην τὴν Βλαδισλαβου παιδα γυναικα γαμετην <...> πεποιημενος»). О Пирошке см.: Thoma G. Namensänderungen in Herrscherfamilien des mittelalterlichen Europa. Kallmünz OPf., 1985. S. 176–177 (Münchener Historische Studien; Abteilung Mittelalterliche Geschichte. Bd. 3).

¹⁵ Так, К. Хайлиг (*Heilig K. J. Ostrom und das deutsche Reich um die Mitte des 12. Jahrhunderts: Die Erhebung Österreichs zum Herzogtum 1156 und das Bündnis zwischen Byzanz und dem Westreich // Mayer Th., Heilig K., Erdmann C. Kaisertum und Herzogsgewalt im Zeitalter Friedrichs I.: Studien zur politischen und Verfassungsgeschichte des hohen Mittelalters. Leipzig, 1944. S. 238–239. Anm. 4 [Schriften der MGH. Bd. 9]*) высказывается в пользу предположения о Кальмане как отце Пирошки ввиду того, что, по его мнению, оно обеспечивает кровное родство Белы III и Марии Комнины в 7-й степени. Однако последнее неверно.

а в первом, наиболее вероятном (более того — почти несомненном), и того дальше — только 9-й степени (5 : 4):

Браки между кровными родственниками 8-й и 9-й степеней с точки зрения канонического права были всегда вполне легитимными¹⁶. Но как тогда понимать недвусмысленное сообщение Киннама, писателя, безусловно, прекрасно осведомленного? О том, что он в данном случае вряд ли лукавил или ошибался, свидетельствуют меры в области брачного права, предпринятые Мануилом I вскоре после помолвки своей дочери с венгерским принцем.

В апреле 1166 г. постоянный патриарший синод под председательством константинопольского патриарха Луки Хрисоверга (1157–1169/70) — владыки весьма принципиального в делах церковного права, как то видно по его категорическому отказу на просьбу владими́ро-суздальского князя Андрея Юрьевича Боголюбского (1157–

¹⁶ Краткий очерк развития византийского брачного права в отношении запрета близкородственных союзов см.: Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959. S. 88–90 (HBAW. Bd. 12, 1, 2 = ВНВ. Bd. 1, 2); подробнее: Zhizhman J. Das Eherecht der Orientalischen Kirche. Wien, 1864.

1174) открыть во Владимире митрополичью кафедру¹⁷ — без видимой конкретной причины рассматривал вопрос о браках между кровными родственниками 7-й степени¹⁸. Внешне дело выглядело вполне рутинным: еще раз разъяснялось и подтверждалось решение, некогда, более столетия тому назад, принятое по этому вопросу синодом при патриархе Алексее Студите (1025–1043)¹⁹. Собор при Алексее констатировал, что браки между родственниками 8-й степени разрешены действовавшим правом²⁰, а между родственниками 6-й степени — запрещены²¹, тогда как о союзах между кровными родичами 7-й степени определенных установлений нет²²; вследствие этого в отношении последних собор пошел по пути «икономии», запретив заключать подобные браки в будущем, но санкционировав уже существующие. В этом последнем пункте, как разъясняют Лука Хрисоверг и его *συνοδος ενδηκουσα*, имеют место злоупотребления: браки между родственниками в 7-й степени не подлежат расторжению только в случае, если были заключены в результате незнания реальной степени родства; иногда же на такие браки идут сознательно, *post factum* объявляя церковным властям о положении дел и требуя утверждения союза как уже совершенного со ссылкой на постановления времен патриарха Алексея Студита. Такое толкование неверно, и подобного рода браки должны расторгаться.

¹⁷ См. послание Луки Хрисоверга к Андрею Боголюбскому: Памятники древнерусского канонического права / Изд. А. С. Павлов. 2-е изд. СПб., 1908. Ч. 1: Памятники XI–XII веков. Стб. 65 (РИБ. Т. 6).

¹⁸ *Grumel / Darrouzès*. № 1068.

¹⁹ *Ibid.* № 844; текст: *Leunclavius J. Juris graeco-romani tam canonici quam civilis tomii duo*. Francofurti, 1596. Т. 2. Р. 217–220 (перепечат.: *Mansi*. Т. 22. Col. 12–13; *Rhallès / Potlès*. Р. 95–98).

²⁰ *Basilicorum libri LX*. Ser. A: *Textus* / Ed. H. J. Scheltema, N. van der Wal, D. Holwerda. Groningen, 1960. Т. 3. § 35.12.30.

²¹ *Epanagoge aucta* / Ed. K. E. Zachariae von Lingenthal // *Zepos J. & P. Jus graeco-romanum*. Athenis, 1931. Т. 6. § 15.8.

²² Историю становления запрета на близкородственные браки 7-й степени см.: *Zhizhman J. Das Eherecht...* S. 242–252; об эволюции брачного права при Комнинах: *Schminck A. Zur Entwicklung des Eherechts in der Komnenenepoche* // *Byzantium in the Twelfth Century*. Athen, 1991. S. 555–587.

Собственно, эта последняя клаузула и есть то новое, из-за чего был издан томос собора. Есть целый ряд обстоятельств, которые практически не оставляют сомнений в том, что он был инициирован Мануилом I.

На это указывает уже сама стремительность, с которой император утвердил соборное решение. Последнее было принято 11 апреля²³, а всего через две недели, 25 числа того же месяца²⁴, на очередном заседании постоянного патриаршего собора была торжественно зачитана подтверждающая новелла Мануила²⁵. Такая поспешность тем более показательна, что подтверждение патриарших постановлений императорской властью вовсе не было чем-то самим собой разумеющимся; это прекрасно иллюстрирует пример томоса патриарха Сисинния II (996–998) от 21 февраля 997 г., также посвященного вопросам брачного права (он запрещал браки по свойству — двух братьев с теткой и племянницей и т. п.)²⁶, но так и не утвержденного императором Василием II (976–1025)²⁷.

Далее, сам текст подтверждающей новеллы Мануила I содержит пассаж, который выглядит как завуалированный, но недвусмысленный намек на ситуацию с Белой-Алексеем и Марией Комниной: «И поскольку часто заключается много браков с *лицами императорского рода* (здесь и ниже выделено нами. — А. Н.) и другими наизнатнейшими и видными по положению, равно как и с *лицами из других земель, которые находятся под управлением королей и князей, прибывающими в сей царственный град*, что без повеления нашего могущества вообще не могут совершаться, то весьма справедливо, чтобы наше могущество было поставлено в

²³ Эта датировка, приведенная в издании И. Левенклавия (см. примеч. 19), принята также в регестах патриарших грамот В. Грюмеля и Ж. Даррузеса, хотя издатели и замечают, что в известных им рукописях она отсутствует.

²⁴ Grumel / Darrouzès. № 1072. P. 519–520.

²⁵ Dölger / Wirth. № 1469b; ее текст: Manuelis Comneni imperatoris novellae constitutiones // PG. T. 133. Col. 769–772; Simon D. Ein Synodaldekret aus dem Jahre 1166 // FM. 1976. Bd. 1. S. 123–125 (FBRG. Bd. 1).

²⁶ Grumel / Darrouzès. № 804.

²⁷ Schminck A. Kritik am Tomos des Sisinnios // FM. 1977. Bd. 2. S. 215–254.

известность о том, что было решено собором по этому важному вопросу, дабы по незнанию не случился какой-либо такого рода недозволенный союз, отнюдь не соответствующий священным канонам и законоустановлениям — к тому же в том самом городе, который возглавляет все прочие из-за венца и короны империи, а также с помощью законов правит вселенной, будучи предпослан всем как некий общий пример правозакония»²⁸.

И еще одна красноречивая деталь. Текст новеллы составлен Михаилом Агиофеодоритом, логофетом дрома, т. е. начальником императорской канцелярии²⁹; в этой должности он пребывал не менее двадцати лет, а до той поры воспитывался при дворце и был императорским секретарем. Словом, речь идет о весьма доверенном лице василевса. А в патриаршем синоде вопрос о браках между родственниками по крови в 7-й степени был поднят почему-то не кем иным, как афинским митрополитом Николаем Агиофеодоритом, родным братом логофета дрома, и в сане митрополита оставшимся не чуждым политике, исполнявшим дипломатические поручения императора в Италии³⁰. Снова случайность? Вряд ли.

И наконец, пожалуй, самое главное. По сообщению южноитальянского хрониста Ромуальда, архиепископа салернского, работавшего

²⁸ «Ἐπει δε πολλὰ πολλακίς προβαίνουσι συναλλαγµατα μετα των εκ βασιλειων γενουc και των αλλων ευγενεστατων και περιδοξων εν αξιωµασι, και των εξ αλλοδαπων χωρων, ων ρηγες και πριγκιπες αρχουσι, μεταγοµενων προσωπων επι την βασιλιδα των πολεων, απερ ουκ ανευ του ηµητερου κρατους κελευσεως συντελεισθαι παντως πεφυκασιν, εν ειδησει γενεσθαι και την ημων βασιλειαν των συνοδικως κυροθεντων περι του τοιουτου αωαγκαιου ζητηµατος ην δικαιοτατον, ινα μη κατα ληθην ισωc αθεσμου τι τοιουτον συμβαιη συναλλαγα, και τοιc ιεροιc κανοσι και τοιc νοµικοιc ανακολουθον διαταγµασι, εν πολει και ταυτα ταυτη, πασων µεν προκαθηµενη τω της αυτης αυτοκρατοριαc στεµµατι τε και διαδηµατι, νομοιc δε, κατα παν διεξαγοµενη και ειc κοινον προκειµενη της ευνοµιαc πασιν υποδειγμα» (PG. T. 133. Col. 769 D–770 A).

²⁹ «Δια του λογοθετου του δρομου του Αγιοθεοδωριτου Μιχαηλ» (PG. T. 133. Col. 772 D).

³⁰ Каждан А. П. Братья Агиофеодориты при дворе Мануила Комнина // Сборник радова Византолошког института. Београд, 1966. Књ. 9. С. 85–94; Schminck A. Studien zu den mittelbyzantinischen Rechtsbüchern. Frankfurt/M., 1986. S. 48–49 (FBRG. Bd. 13).

в 1170-е гг. (ум. в 1181 г.) и детально осведомленного о делах сицилийского королевского дома³¹, спустя всего лишь несколько месяцев после синода 1166 г. Мануил I завязал активные переговоры с новым сицилийским королем Вильгельмом II (1166–1189), вернее сказать — с матерью последнего Маргаритой, которая после смерти мужа, короля Вильгельма I (1154–1166), последовавшей 7 мая 1166 г., осталась регентшей при сыновьях («хранительницей и правительницей всего королевства и [обоих] своих сыновей» — «totius regni et filiorum suorum tutrix et gubernatrix»); по завещанию покойного короля престол и вся держава доставалась старшему из его двух сыновей — 12-летнему Вильгельму, тогда как младшему, Генриху, — герцогство Капуанское): «Эмануил, император константинопольский, узнав о смерти короля В[ильгельма], прислал своих послов в Сицилию к королю В[ильгельму]-младшему с известием, что хотел бы возобновить с ним мир и отдать ему в жены свою единственную дочь и наследницу империи, равно как и самое империю. Король и королева, посоветовавшись, обменялись по этому делу с императором неоднократными посольствами, обновили прежний с ним мир, тогда как вопрос о родстве остался без обсуждения из-за множества образовавшихся препятствий»³². Факт переговоров Мануила с Вильгельмом-младшим о браке, ввиду ясного свидетельства Ромуальда, вне сомнения. По контексту повествования эти переговоры были начаты византийским императором сразу же после получения известия о смерти Вильгель-

³¹ Он был ближайшим советником короля Вильгельма I, короновал Вильгельма II и вел от его имени дипломатические переговоры; о Ромуальде и его «Хронике» см.: *Hoffmann H.* Hugo Falcandus und Romuald von Salerno // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters.* Köln; Wien, 1967. Jg. 23. S. 116–170; *Matthew D. J. A.* The Chronicle of Romuald of Salerno // *The Writing of History in the Middle Ages.* Oxford, 1981. P. 239–274.

³² «Emmanuel autem imperator Constantinopolitanus, cognita morte regis W[ilhelmi], nuntios suos ad regem W[ilhelmum] iuniorem in Siciliam misit, mandans quod libenter pacem cum eo innovaret et filiam suam unicam et heredem sui imperii simul cum imperio illi in uxorem traderet. Rex autem et regina, habito consilio, frequentes pro hoc negotio legatos ad imperatorem misit et recepit, pacem cum eo pristinam innovavit, negotio parentele propter multa capitula, que interveniebant, indiscusso manente» (*Romualdi Salernitani.* Chronicon [A. m. 130 — A. C. 1178] / A cura di C. A. Garufi. Città di Castello; Bologna, 1914–1935. P. 253–254 [RIS NS. T. 7/1]).

ма I; так их и принято датировать в литературе³³. Но как совместить предложение Мануилом юному сицилийскому королю руки «наследницы империи», а вместе с ней — «и самой империи», с тем столь же несомненным фактом, что это место при Марии уже было занято другим — Белой-Алексеем, которому только что, в 1165 или, возможно, даже в начале 1166 г., во дворце принесли присягу как наследнику византийского престола?³⁴ Во всяком случае, в марте 1166 г. венгерский королевич и нареченный Марии уже упоминается в качестве «деспота» в официальном протоколе, где его имя стоит на втором

³³ См., например: *Chalandon F. Les Comnène. T. 2. P. 359. Not. 1* (с большой вероятностью — летом 1166 г.); *Dölger / Wirth. № 1470* (вскоре после 7 мая 1166 г.); к этой последней дате кончину сицилийского норманнского короля относит Ромуальд, но есть и ряд других источников, в том числе и некрологов, говорящих о 15 мая (*Rom. Salern. P. 253. Not. 4*), что, естественно, ничего не меняет в общей ситуации.

³⁴ Бела прибыл в Византию, вероятнее всего, ближе к концу 1163 г. (*terminus post quem* — 19 июня 1163 г., когда Иштван III нанес при Секешфехерваре поражение поддержанному Мануилом Комнином венгерскому антикоролю Иштвану IV: *Pauler Gy. A magyar nemzet története az Árpád-házi királyok alatt. Budapest, 1899. T. 1. 298 l.*; *Makk F. The Árpáds... P. 85*), несколько позже был обручен с Марией Комниной, но присяга Марии и Беле-Алексеем как наследникам престола не могла состояться ранее весны или начала лета 1165 г. Дело в том, что в ней демонстративно отказался участвовать двоюродный брат Мануила I Андроник Комнин (*Nic. Chron. P. 137*), в будущем император Андроник I (1183–1185), а он вернулся в Константинополь из Руси, где искал убежища у галицкого князя Ярослава Владимировича (1153–1187) (которому, весьма вероятно, приходился двоюродным братом), именно весной (*Ioan. Cinn. P. 232–234; Nic. Chron. P. 129–132*), так как успел принять участие в летней кампании 1165 г. против Венгрии: под стенами захваченного венграми Сирмия действовали камнематательные машины его изобретения (*Nic. Chron. P. 134*). Разумеется, присяга состоялась после окончания военной кампании (так и излагает дело Никита Хониат) и до отправления Андроника наместником в Киликию; но когда произошло это последнее? Иногда считают, что еще в 1165 г. (*Jurewicz O. Andronikos I Komnenos. Wrocław, 1970. S. 81; Makk F. The Árpáds... P. 165. Not. 1*), но определенных данных на этот счет нет. Следовательно, единственным реальным *terminus ante quem* остается март 1166 г., когда Бела-Алексей упоминается в документах церковного собора уже в качестве деспота (см. след. примеч.).

месте после имени самого императора и перед именами других членов семейства Комнинов³⁵.

Это очевидное противоречие в науке почему-то чаще всего обходят полным молчанием. Одни и те же историки, принимая сведения Ромуальда Салернского при обсуждении византийско-норманнских отношений, словно забывают о нем, излагая одновременную историю отношений Византии и Венгрии, частью которой было обручение Марии с Белой-Алексеем и запутанная судьба последнего в качестве несостоявшегося наследника константинопольского престола³⁶. Лишь изредка указанная трудность отмечается исследователями, но выводы, которые ими делаются во избежание ее, либо являются натяжками, либо попросту неверны. Так, А. Урбански отказывается принять сообщение Ромуальда и считает, что матримониальные переговоры между Мануилом I и Вильгельмом II начались только в 1170 г., после разрыва помолвки Марии с Белой-Алексе-

³⁵ В постановлениях синода, состоявшегося 6 марта 1166 г. в Большом дворце и утвердившего решения собора трех патриархов (Луки Хрисоверга, Афанасия III Антиохийского и Никифора II Иерусалимского) по вопросу о толковании евангельских слов «Отец Мой больше Меня» (*Dölger / Wirth*. № 1466а; *Grumel / Darrouzès*. № 1059) на первом месте среди «созаседавших» (συνεδριαζόντων) с Мануилом назван «деспот и возлюбленный зять священной его (Мануила. — А. Н.) империи кир Алексей» («του δεσποτου και περιλοθητου γαμβρου της αγιας αυτου βασιλειας κυρου Αλεξιου»), вслед за которым поименованы три патриарха (Εκθειςις των πραχθεντων επι τη ζητησει της εξηγεσεως του εν τω αγιω Ευαγγελιω ρητου του αληθινου Θεου και Σωτηρος ημων Ιησου Χριστου, του κο πατρη μου μειζων μου εστι» / Ed. St. N. Sakkos // *Ο Πατριρ μου μειζων μου εστι*. Thessaloniki, 1968. Т. 2: Εριδεις και συνοδοι κατα τον 1β' αιωνα. Ρ. 153).

³⁶ См., например: *Chalandon F.* Les Comnène. Ρ. 491, 571 (аналогично в другой работе: *Idem.* Histoire de la domination normande en Italie et en Sicile. Paris, 1907. Т. 2. Ρ. 358–359); *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. 2-е изд. М., 1997. [Т. 3:] XI–XV вв. С. 185 (историк не называет даты византийско-норманнских брачных переговоров, но тот факт, что он говорит о них как имевших место «не раз», заставляет думать, что имеются в виду не только переговоры 1171, но и 1166 г.), 203–204; *Barzos K.* Η γενεαλογια των Κομνηνων. Thessaloniki, 1984. Т. 2. № 153. Ρ. 444 (упоминает о норманнском сватовстве Мануила 1166 г., но не объясняет, как это сочеталось с обручением Марии и Белы); *Magdalino P.* The empire... Ρ. 81, 89.

ем³⁷. С таким предположением согласиться трудно прежде всего потому, что оно никак не подкреплено анализом самой хроники Ромуальда Салернского; ведь о переговорах, действительно имевших место в 1171 (не 1170!) г.³⁸, хронист сообщает в своем месте несколькими страницами ниже³⁹, о тех же, которые занимают нас, говорит недвусмысленно в контексте повествования о событиях 1166 г., помещая их между кончиной Вильгельма I и хронологически последовательным рассказом об итальянском походе германского императора Фридриха Барбароссы (1152–1190), который начался в декабре 1166 г. Г. Тома, напротив, допускает, что помолвка Марии с венгерским принцем могла быть уже расторгнута вскоре после апрельского синода 1166 г.⁴⁰ Однако эта естественная, казалось бы, догадка (высказанная, впрочем, в очень уклончивой форме), к сожалению, опровергается прямым документальным свидетельством, которого не учла немецкая исследовательница: Бела-Алексей в качестве «деспота» упомянут рядом с василевсом и своей высокородной нареченной в одной константинопольской грамоте, бесспорно датированной 22 марта 1167 г.⁴¹

³⁷ *Urbansky A. B. Byzantium and the Danube frontier: A study of the relations between Byzantium, Hungary and the Balkans during the period of the Comneni.* New York, 1968. P. 143. Not. 59.

³⁸ *Dölger / Wirth.* № 1504.

³⁹ *Rom. Salern.* P. 261.

⁴⁰ *Thoma G. Namensänderungen...* S. 91–92 и особенно Anm. 31.

⁴¹ Речь идет о договорной грамоте между патриаршей казной и начальником константинопольского подворья монастыря Ксерохорафийон: документ дошел в списке XV в., но развернутая датировка (присутствующая как в заголовке, так и в тексте) 22 марта 6675 г., 15-м индиктом, 24-м годом правления Мануила Комнина представляется безупречной. Грамота издана «в правление благочестивейших <...> василевсов наших: Мануила, великого порфирородного василевса и самодержца ромеев, Комнина <...> и Марии, благочестивейшей августы (Марии, второй жены Мануила, дочери антиохийского герцога Раймунда Пуатевинского. — А. Н.), деспота Алексея и Марии, благочестивейшей порфирородной василиссы» («*επι της βασιλειας των ευσεβεστατων <...> βασιλεων ημων, Μανουηλ μεγαλου βασιλεως πορφυρογεννητου και αυτοκρατορος Ρωμαιων του Κομνηνου <...> και Μαριας της ευσεβεστατης αυγουστης, Αλεξιου δεσποτου και Μαριας της ευσεβεστατης βασιλισσης και πορφυρογεννητου*») (*Wilson N., Darrouzès J. Restes du cartulaire de Hiéra-Xérochoraphion // REB.* 1968. Vol. 26. P. 24).

Как же быть? Положение кажется почти безвыходным. Думается, надо признать бесспорное: вступая в матримониальные переговоры с королевским семейством сицилийских норманнов, Мануил I действительно намеревался расторгнуть помолвку своей дочери с венгерским королевичем, скрепленную договором, но еще не оформленную окончательным браком⁴², или допускал ее расторжение в случае благоприятного хода переговоров, но фактически то ли намеренно не спешил с этим, то ли не мог сделать этого быстро в силу каких-то объективных причин.

Среди последних по меньшей мере одна представляется очевидной. Когда в 1163 г. Иштван III отправлял младшего брата в Константинополь, имелось в виду планировавшимся браком Белы и Марии скрепить византийско-венгерский мирный договор, который делал Византию обладательницей далматинско-хорватских земель, полученных Белой в удел в качестве венгерского престолонаследника. Однако венгры разорвали договор уже весной 1165 г., Иштван предпочел продолжить войну, которая завершилась только через два года. В ходе ее Константинополь объяснял свое вмешательство в венгерские дела именно защитой интересов Белы как правителя Хорватии и

⁴² При патриархе Иоанне VIII Ксифилине (1064–1075) помолвка в правовом отношении была приравнена к браку (*Grumel / Darrouzès*. № 896 [26 апреля 1066 г.]; *Mansi*. Т. 19. Р. 1044–1045; *Rhallès / Potlès*. Т. 5. Р. 51–52). Эту норму подтвердил император Никифор III Вотаниат (1078–1081), а затем и Алексей I Комнин (*Grumel / Darrouzès*. № 1048, 1116; *Rhallès / Potlès*. Т. 5. Р. 277–279). Последний внес только уточнение, что помолвка по своим правовым последствиям приравнивается к браку, если она освящена церковью и помолвленные достигли брачного возраста по законам императора Льва VI (886–912), т. е. жених — 14, а невеста — 12 полных лет. Следовательно, расторжение такой помолвки было возможно только по тем же причинам, что и расторжение брака. Мария Комнина родилась в марте 1152 г. (*Barzos K.* Η γένεαλογία... Т. 2. Р. 439) и, стало быть, достигла брачного совершеннолетия к марту 1164 г. (видимо, после этого и состоялось обручение). С возрастом Белы дело не столь ясно. По существующим оценкам, к моменту прибытия в Византию осенью 1163 г. ему было 12–13 (*Pauler Gy.* A magyar nemzet története... Т. 1. 299 l.), не более 13–14 (*Moravcsik Gy.* Pour une alliance... Р. 556), 13–15 лет (*Makk F.* The Árpáds... Р. 86); таким образом, и Бела к моменту обручения, вероятно, также был совершеннолетним.

Далмации; расторгнуть в это время обручение Белы-Алексея и Марии Комнины значило бы для Мануила I утратить легитимность своей позиции. Он вынужден был ждать окончания войны и возобновления мирного договора, что произошло только в 1167 г. Надо думать, именно эти деликатные обстоятельства (или их в том числе) имел в виду Ромуальд Салернский, говоря о «множестве образовавшихся препятствий», которые помешали переговорам о браке Вильгельма II с дочерью императора.

В то же время налицо также причины, которые могли подвигнуть Мануила пересмотреть свое отношение к Беле-Алексею и к политическим планам, связанным с этим последним. Присяга иноземцу, надо думать, вызвала в столице серьезную оппозицию⁴³; неприятнее всего было то, что категорически отказался присягать двоюродный брат Мануила Андроник Комнин, позволявший себе открыто критиковать решение императора⁴⁴. Здесь крылась прямая угроза дерзкому проекту Мануила, направленному на династическую унию Византии и Венгрии⁴⁵; радикально противодействовать ей можно было только путем нового ареста Андроника. Но император, несмотря на всю свою решительность, на это не пошел, ограничившись высылкой брата из столицы в Киликию на должность тамошнего наместника. Мануил явно колебался; к тому же в начале 1166 г. было еще отнюдь не ясно, чем кончится война с венграми, которых еще надо было заставить подчиниться планам василевса.

Короче говоря, ситуация была неопределенная, и Мануил не был бы политиком и дипломатом, если бы не постарался извлечь выгоду из такой неопределенности, которая ведь есть очень выигрышная дипломатическая позиция при наличии юридических рычагов для того, чтобы повернуть дело в нужный момент в любую сторону. Иными словами, в истории с Белой-Алексеем надо было загодя запастись путями отступления. Искусно подготовив рассмотрение постоянным патриаршим собором в апреле 1166 г. вопроса о незаконности близкородственных браков 7-й степени, император не имел нужды упоми-

⁴³ *Chalandon F. Les Comnène. T. 2. P. 486; Ostrogorsky G. Geschichte... S. 320.*

⁴⁴ См. примеч. 34.

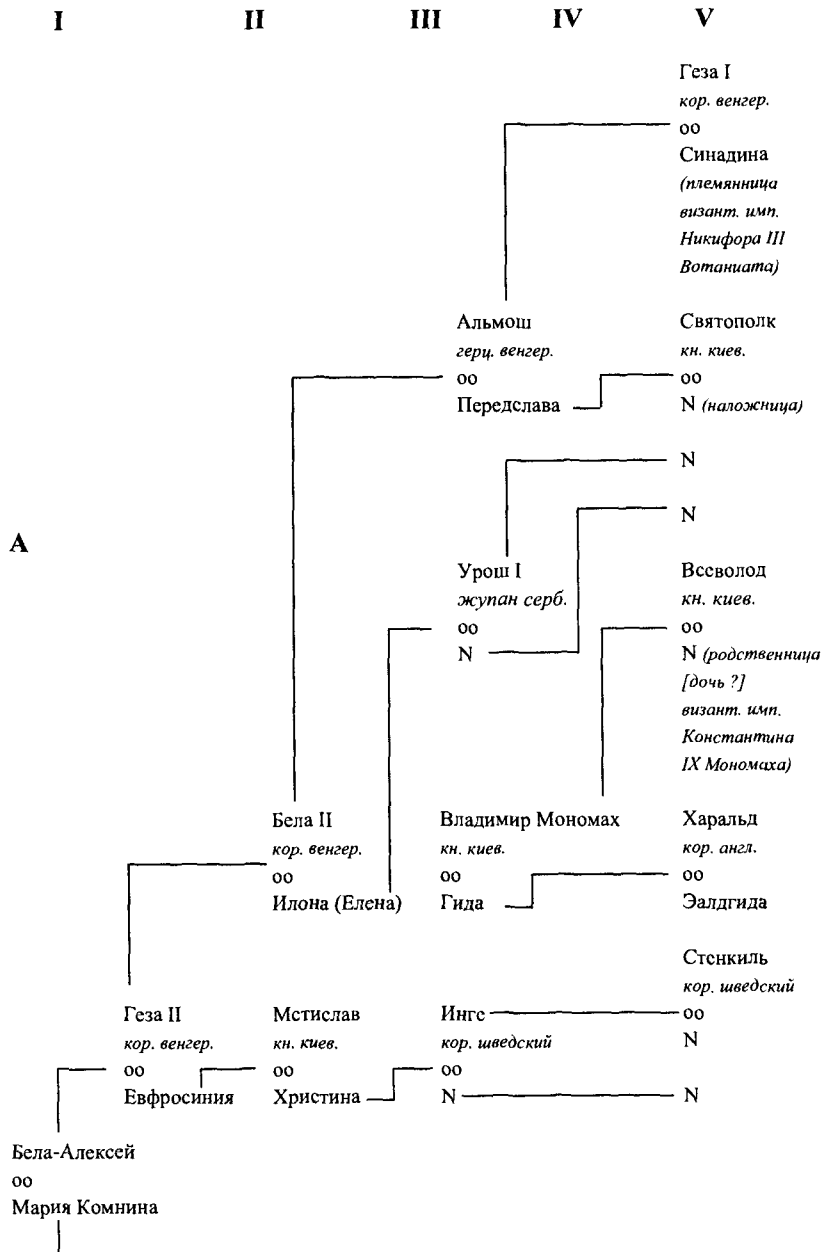
⁴⁵ *Moravczik Gy. Pour une alliance...; Ostrogorsky G. Urum Despoten... S. 448–460; Idem. Geschichte... S. 320.*

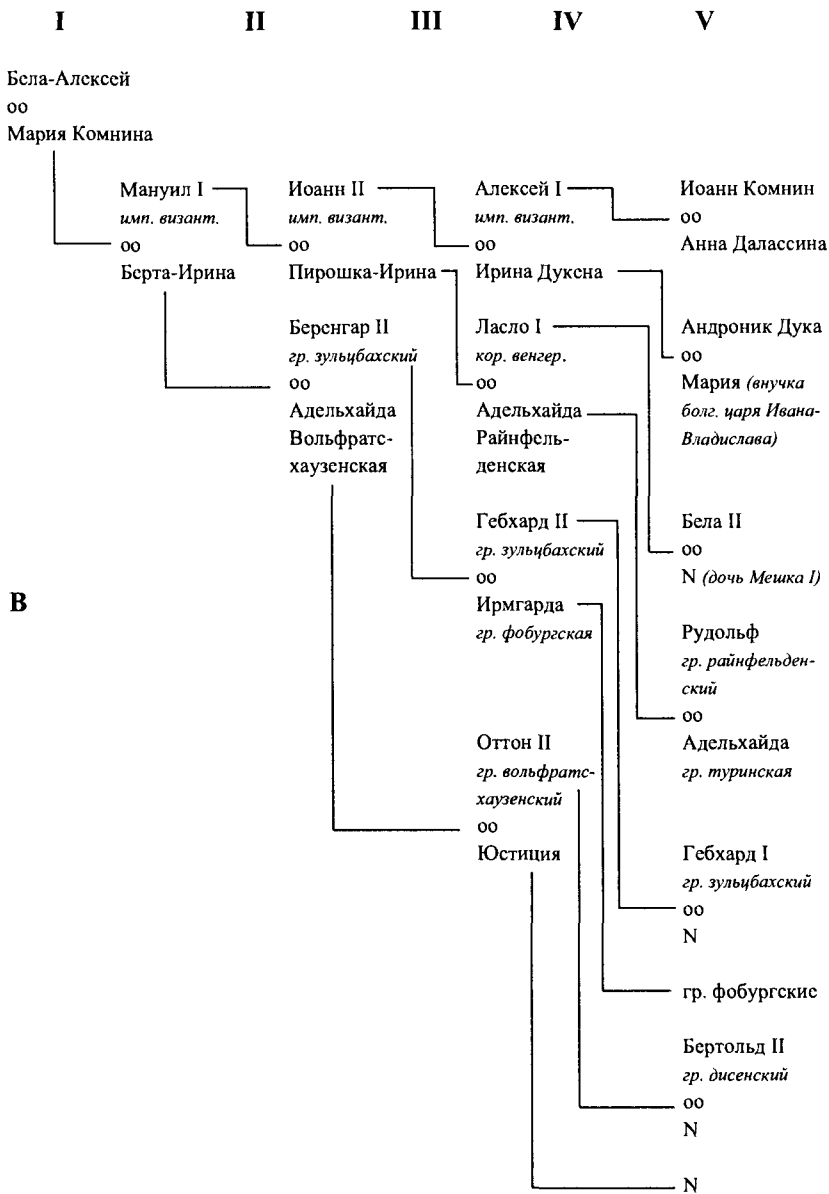
нать имя Белы, но добивался вполне определенного результата. И он его получил. Недаром соборное решение, при всей его внешней жесткости, сформулировано очень аккуратно: оно давало основания как аннулировать помолвку, объявив жениха и невесту кровными родственниками в 7-й степени, так и, при необходимости, превратить ее в полноценный брак под предлогом, что в момент ее заключения это родство еще не было обнаружено. Мануил I получал свободу рук и пространство для политического маневра. А что он в этом нуждался, хорошо видно уже по тому факту, что, имея законную возможность разорвать помолвку дочери сразу после получения известия о решении собора, император сделал это, тем не менее, только в 1169 г., после рождения своего сына Алексея⁴⁶. Таким образом, по своему правы оказываются и Иоанн Киннам, и Никита Хониат.

Все вышесказанное дает, на наш взгляд, достаточные основания для того, чтобы признать вполне достоверным известие Иоанна Киннама о том, что причиной развода Белы-Алексея и Марии Комнины стало неканонически близкое родство; иными словами, апрельский собор 1166 г. фактически разбирает дело об их помолвке, хотя, естественно, не упоминая имени ни того, ни другой. Отсюда следует вывод: Бела и Мария действительно были родственниками по крови в 7-й степени⁴⁷.

⁴⁶ Наиболее вероятной датой его рождения считается сентябрь 1169 г., хотя не исключен и 1168 г. (*Wirth P.* Wann wurde Kaiser Alexios II. Komnenos geboren? // *BZ.* 1956. Bd. 49. S. 65–68; *Barzos K.* Η γενεαλογία... Т. 2. Р. 454). В документах собора, состоявшегося в феврале 1170 г., Бела фигурирует уже без титула «деспот» (*Grumel / Darrouzès.* № 1110 [в реестре о Беле ничего не говорится]; *Petit L.* Documents inédits sur le concile de 1166 et ses derniers adversaires // *Византийский Временник.* СПб., 1904. Т. 11. С. 490–491).

⁴⁷ Бытует мнение, что в качестве предлога для расторжения нежелательных браков нередко выдвигалось *фиктивное* близкое родство и что, видимо, так могло быть и в данном случае (*Thoma G.* Namensänderungen... S. 92). Оно, может быть, и так, но к истории с Белой и Марией такое предположение не очень подходит. Если была нужда в разводе, зачем было апеллировать к пограничному и потому сомнительному случаю с вымышленной 7-й степенью родства и устраивать из-за этого соборные дебаты (рискуя нежелательной оглаской), коль скоро с еще большим успехом можно было в любой момент объявить о столь же вымышленном родстве

Очевидно, что если Бела и Мария находились между собой в кровном родстве 7-й степени (4 : 3), то одно и то же имя должно присутствовать в таблице дважды: либо в полуколонках **АIV** и **BV**, либо в полуколонках **AV** и **BIV**. Таким образом, намечаются следующие *теоретические* возможности:

1) жена сербского жупана Уроша I (ок. 1110 — после 1131) была матерью жены императора Алексея I Комнина;

2) жена Уроша I была матерью либо Ирмгарды Фобургской, либо Оттона Вольфратсхаузенского, либо одной из жен последнего (той, которая была матерью Адельхайды Вольфратсхаузенской);

3) те же самые возможности применительно к жене шведского короля Инге (1080–1112);

4) одна из жен Оттона Вольфратсхаузенского была дочерью либо Уроша I, либо герцога Альмоша, либо Владимира Мономаха, либо Инге;

5) жена Алексея I была матерью Уроша I, т. е. последний был пасынком Алексея I;

6) жена Алексея I была матерью жены Уроша I, иными словами — Урош I был женат на дочери Алексея I;

7) Адельхайда Райнфельденская была матерью жены Уроша I, т. е. последний был женат на дочери венгерского короля Ласло I;

8) Урош I был женат на дочери зульцбахского графа Гебхарда II или его падчерице (дочери Ирмгарды от другого брака);

9) Урош I был женат на родной сестре Адельхайды Вольфратсхаузенской;

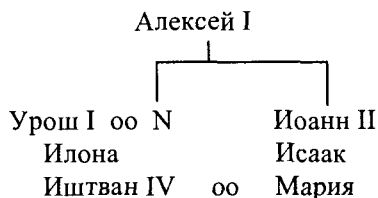
10) возможности 6–9 применительно не к Урошу I, а к шведскому королю Инге.

Варианты 2, 3, 5, 8–10, думается, можно оставить без рассмотрения как чисто умозрительные. Вариант 1 абсолютно нереален хронологически, так как Ирина Дукена родила от Алексея Комнина первого ребенка (дочь Анну, известного историографа) уже в 1083 г.

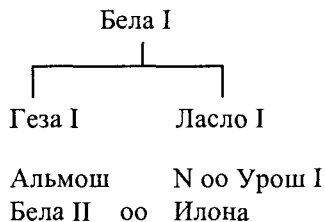
Серьезнее обстоит дело с вариантами 6 и 7. Урош в молодости с 1094 г. провел некоторое время при константинопольском дворе в качестве почетного заложника⁵⁰ и, в принципе, мог вступить в

⁵⁰ Kalić J. Uroš I. // LdMA. 1997. Bd. 8. Sp. 1326.

брак в Византии. Однако женитьба на дочери императора все-таки едва ли вероятна; обычно в таких случаях выбор падал на более отдаленных членов царствующей фамилии. Кроме того, и это немаловажно⁵¹, предположение о супружестве Уроша I и дочери Алексея I Комнина делает неканоническим в степени 3 : 3 хорошо засвидетельствованный брак уже упоминавшегося венгерского антикороля Иштвана IV с Марией Комниной⁵², дочерью Исаака Комнина, старшего брата Мануила I:

Аналогичная трудность возникает и в варианте 7 (хотя чисто хронологически он возможен), при котором становится недопустимо близкородственным брак венгерского короля Белы II (1131–1141) с дочерью Уроша I Илоной (Еленой)⁵³:

Кроме того, «История Вельфов» (ок. 1170 г.), по случаю женитьбы ок. 1095/1100 г. баварского герцога Генриха Черного (1120–1126),

⁵¹ О важности учитывать вопрос о неканоничности ряда постулируемых в науке браков при изучении генеалогической проблематики см.: Назаренко А. В. Древняя Русь... С. 559–584.

⁵² Иштван IV «καὶ Μαρῖαν εὐήμε τὴν τοῦτου (Мануила. — А. Н.) ἀνεψῖαν, ἣν ὁ σεβαστοκράτωρ ἐφύτευσεν Ἰσαάκιος» (Nic. Chron. P. 126).

⁵³ Chron. Hung. comp. Cap. 157, 160. P. 443, 446.

младшего брата Вельфа VI (1101–1120), на Вульфхильде, дочери Магнуса, последнего саксонского герцога из рода Биллунгов, очерчивая по обычаю вельфовских генеалогов круг родни Вульфхильды со стороны матери — Софии, дочери Ласло I («сестры венгерского короля Кальмана»), прямо перечисляет ее сестер: супругу «греческого короля» (уже известную нам Пирошку-Ирину, жену императора Иоанна II) и другую, ставшую матерью «регенсбургского фогта Фридриха» (богенского и фалькенштайнского графа Фридриха)⁵⁴. Как видим, жены сербского жупана среди них нет; при ярко выраженной панегирической тенденции родословия такое умолчание было бы странным тем более, что оно исключало из родни Вельфов не только самого Уроша I, но и его зятя венгерского короля Белу II.

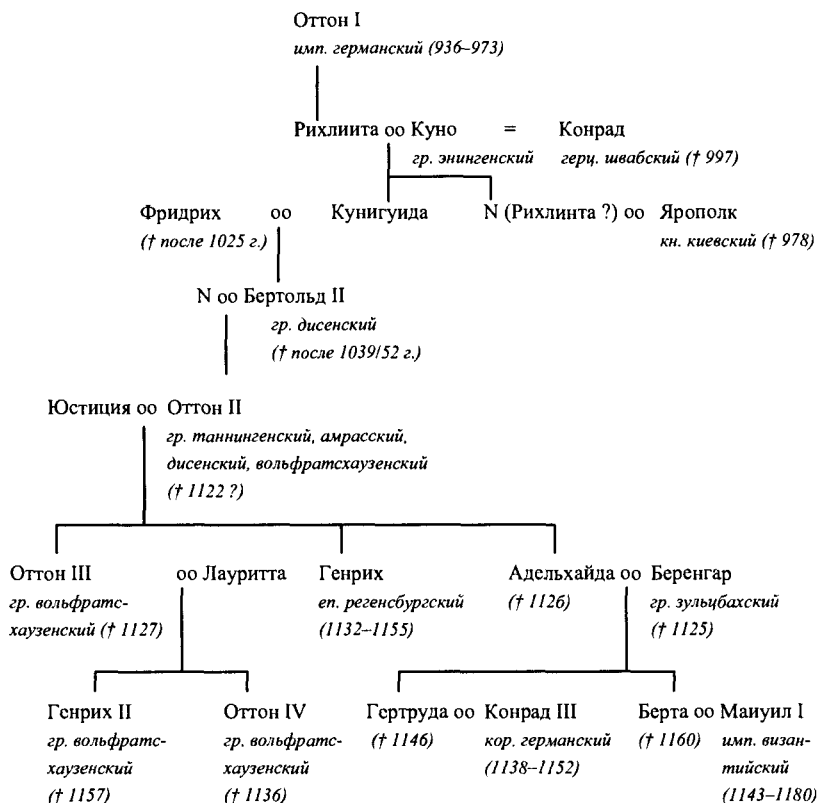
Остается рассмотреть вариант 4, который и оказывается главным. Суммируем в виде генеалогической таблицы данные о семействе графа Оттона⁵⁵, отметив в качестве любопытного штриха его свойство с неким «русским королем» («rex Rugorum»), о котором сообщает генеалогическая традиция Вельфов⁵⁶ и которого мы в предыдущих работах идентифицировали как киевского князя Ярополка Святославича (972–978)⁵⁷:

⁵⁴ *Historia Welforum Weingartensis* / Ed. L. Weiland // MGH SS. Hannover, 1869. T. 21. Cap. 15.

⁵⁵ *Trotter K.* Haus der Grafen von Andechs // *Genealogisches Handbuch zur bairisch-österreichischen Geschichte* / Hg. O. Dungen. Graz, 1931. Lief. 1. Taf. 1. S. 6–7; *Tyroller F.* Die ältere Genealogie der Andechser. München, 1952 (генеалогическая таблица на вклейке); *Schwennicke D.* Europäische Stammtafeln, Neue Folge. Frankfurt/M., 1998. Bd. 1/1: Die fränkischen Könige und die Könige und Kaiser, Stammeshertzege, Kurfürsten, Markgrafen und Herzoge des Heiligen Römischen Reiches der Deutschen Nation. Taf. 86 A: Die Grafen von Diessen und Wolfratshausen (далее — Schwennicke) (о некоторых частных различиях в перечисленных генеалогиях скажем ниже).

⁵⁶ *Genealogia Welforum* / Ed. G. Waitz // MGH SS. Hannover, 1881. T. 13. Cap. 4. P. 734; *Hist. Welf.* Cap. 6. P. 460; оба памятника изданы также в томе: *Schwäbische Chroniken der Stauferzeit* / Hg. E. König. Berlin; Stuttgart, 1938. Bd. 1. S. 12, 76.

⁵⁷ *Назаренко А. В.* Русь и Германия в 70-е годы X века // *Russia Mediaevalis*. München, 1987. T. VI/1. P. 38–89; *Он же.* Русь и Германия в IX–X вв. // ДГ, 1991 год. М., 1994. С. 99–131; *Он же.* Древняя Русь... С. 339–390.

Происхождение Юстиции, жены графа Оттона II, а также неизвестной по имени матери последнего, супруги его отца Бертольда II — это вопросы, ответы на которые при отсутствии в науке современной источниковедчески выверенной генеалогии графов дисенских⁵⁸ представляют трудности.

⁵⁸ *Borgolte M.* Stiftergedenken im Kloster Diessen: Ein Beitrag zur Kritik bayerischer Traditionsbücher mit einem Textanhang: Anlage der ältesten Diessener Necrologien // *Frühmittelalterliche Studien: Jahrbuch des Instituts für Frühmittelalterforschung der Universität Münster.* Berlin, 1990. Bd. 24. S. 241. Anm. 26; работа П. Фрида (*Fried P.* Die Grafen von Diessen-Andechs. München; Zürich, 1988) осталась нам недоступной.

В науке Юстицию иногда считают дочерью то австрийского маркграфа Эрнста Бабенберга (1055–1075)⁵⁹, то его сына Леопольда II Красивого (1095–1136), то эберсбергского графа Зигмара III⁶⁰. Существенные аргументы есть только в пользу традиционной бабенбергской атрибуции⁶¹; в свое время их суммировал Э. Эфеле⁶². Приведем их, дополнив некоторыми собственными соображениями и пояснениями.

В 1156/7 г. австрийский маркграф, а с 1156 г. герцог Генрих Язомирготт (1141–1177) называет графа вольфратсхаузенского Генриха («comes H. de Wolfrateshusen»), внука занимающего нас Оттона II, своим кровным родственником (consanguineus)⁶³. Э. Эфеле видит здесь аргумент в пользу бабенбергского происхождения именно Юстиции, но если быть непредвзятым, то это значит, что из рода Бабенбергов была либо Юстиция, либо ее свекровь, мать Оттона II, либо Лауритта, мать графа Генриха, или что кто-то из представительниц дисенской фамилии вышла замуж за одного из австрийских маркграфов XI в., или, наконец, что маркграф Леопольд III

⁵⁹ *Schwennicke*. Bd. 1/1. Taf. 84 (пунктиром, т. е. со знаком вопроса; в другом месте, в генеалогической таблице Дисенов — Taf. 86 A — указание на возможное бабенбергское происхождение Юстиции отсутствует); *Scheibelreiter G. Babenberger, jüngere* // *LdMA*. 1998. Bd. 9 (генеалогические таблицы в части тома без пагинации).

⁶⁰ *Kempfler A. Abstammung und älteste Geschichte der Grafen von Andechs und späteren Herzöge von Meran* // *Oberbayerisches Archiv für vaterländische Geschichte*. München. 1906. Bd. 52. S. 242 (вместо «Зигмара» следовало бы писать «Зигехарда»: *Isenburg / Schwennicke*. Marburg, 1984. Bd. 3/1. Taf. 28).

⁶¹ В этой связи заметим, что в претендующей на итоговый характер генеалогии эберсбергских графов в последнем издании свода В. К. Изенбурга (см. предыдущее примеч.) Юстиции как дочери Зигехарда III не значится.

⁶² *Oefele E. Geschichte der Grafen von Andechs*. Innsbruck, 1877. S. 15–16 (эта работа чрезвычайно полезна тем, что включает объемный свод регестов документов с упоминаниями о дисенско-андексских графах, которые в большинстве случаев рассеяны по труднодоступным региональным или старым изданиям).

⁶³ В письме к аббату монастыря Тегернзее, фогтом которого был Генрих (*Oefele E. Geschichte... S. 154. № 309*).

(1095–1136) (Леопольд II и т. д.) и вольфратсхаузенский граф Оттон III (Оттон II, Бертольд II) были женаты на родных сестрах.

Видимо, сразу же надо отвергнуть возможность родства Бабенбергов и Вольфратсхаузенов через Лауритту, поскольку в таком случае маркграф Леопольд III не мог бы быть кровным родственником регенсбургского епископа Генриха, будучи всего лишь его свояком; между тем, ввиду упомянутого родства Генриха Язомирготта и графа Генриха, племянника и тезки регенсбургского епископа, надо думать, именно Леопольда III имел в виду составитель «Истории Вельфов», когда сообщал, что в 1133 г. в военном конфликте епископа Генриха с баварским и саксонским герцогом из рода Вельфов Генрихом Гордым (1126–1139) (герцог был недоволен избранием Генриха на регенсбургскую кафедру в 1132 г.) для ликвидации блокады родового замка Вольфратсхаузен, предпринятой герцогом, епископ Генрих мобилизовал своих «родственников и друзей» («*cognati et amici*»), причем только Леопольд назван по имени («*marchio orientalis Leopaldus*») ⁶⁴. Генеалогия Бабенбергов сравнительно хорошо обеспечена источниками и изучена ⁶⁵, и потому можно с известной определенностью отклонить и другую возможность — что среди предков Генриха Язомирготта и Леопольда III по материнской линии были дамы из дисенского дома. Вопрос об еще одной возможности — родства благодаря бракам на родных сестрах, видимо, обречен был бы оставаться без сколько-нибудь внятного ответа, если бы в конце XI в. в первый и последний раз в роду Дисенов не встретилось фамильное имя Бабенбергов «Лю(т)польд» (в латинизированной форме — «Леопольд»). Оно зафиксировано как синодиком монастыря в Дисене, основанного ок. 1130 г. (дошел в списке 1204/12 г. с добавлениями, сделанными в разное время, но в течение того же XIII в.) ⁶⁶, в котором значится под 19 февраля ⁶⁷, так и одной из дарственных монастырю Тегерн-

⁶⁴ Hist. Welf. Cap. 22. P. 466 (ed. L. Weiland).

⁶⁵ Lechner K. Die Babenberger: Markgrafen und Herzöge von Österreich, 976–1246. Köln; Graz; Wien, 1976.

⁶⁶ Necrologium Diessense // MGH Necrologia Germaniae. Berlin, 1888. T. 1: Dioeceses Augustensis, Constantiensis, Curiensis / Ed. F. L. Baumann; Borgolte M. Stiftergedenken... S. 255–289. Taf. X–XII (факсимиле).

⁶⁷ «Liupoldus comes» (Borgolte M. Stiftergedenken... S. 260 B).

зее, где граф Люпольд назван в числе удостоверявших дарение свидетелей рядом со своим родственником андексским графом Бертольдом II («Perhtolt de Andehse, Liutpolt de Dieze») ⁶⁸.

Итак, рассмотрению подлежат два варианта: к роду австрийских маркграфов принадлежала жена либо Бертольда II, либо его сына Оттона II; одна из них и принесла с собой в дисенское семейство имя Люпольда. Давнее предположение о бабенбергских корнях именно Юстиции ⁶⁹ привело к тому, что в некоторых родословиях Люпольд оказывался среди ее сыновей ⁷⁰. Такое решение влечет за собой ряд сложностей. Учитывая хронологические данные о твердо засвидетельствованных детях Оттона II, которые умерли в 1127 ⁷¹ (Оттон III), 1155 (Генрих) ⁷² и 1126 (Адельхайда) гг., все трое, при включении в их ряд скончавшегося в 1102 г. сына Юстиции Люпольда, выглядят отпрысками от более позднего брака. Так и считал Ф. Тироллер, который, сверх того, указывал и предположительное имя второй супруги вольфратсхаузенского графа — Адельхайда (вероятно, потому что так звали единственную дочь от этого брака), и ее возможное регенбургское происхождение (очевидно, ввиду регенбургских связей, позднее приведших на епископскую кафедру Генриха) ⁷³. Это последняя догадка получила некоторое хождение, так что в одном из изданий свода В. К. Изенбурга вторая жена Оттона II обозначена как дочь регенбургского бургграфа Генриха II (бургграф с 1089 г., вероятно, погиб в крестовом походе, начавшемся в 1110 г.) ⁷⁴. Между тем за этой сугубо гадательной филиацией никаких конкретных соображений не стоит, и неудивительно, что в последнем издании генеалогического справочника она исчезла, как

⁶⁸ *Oefele E. Geschichte...* S. 112. № 33 b.

⁶⁹ См. примеч. 60–63.

⁷⁰ См., например: *Trotter K. Haus der Grafen von Andechs. Taf. 1.*

⁷¹ Или в 1135 г., см.: *Polock M. Zur Chronologie der Tegernseer Äbte im 12. Jahrhundert und zur Datierung einiger Tegernseer und Diessener Traditionen // ZBLG. München. 1973. Bd. 36. S. 314.*

⁷² *Hauck A. Kirchengeschichte Deutschlands. 8. Aufl. Berlin; Leipzig, 1954. T. 4. S. 967.*

⁷³ *Tyroller F. Die älteste Genealogie...* (вклейка).

⁷⁴ *Isenburg / Schwennicke. Bd. 1. Taf. 36.*

исчезла и сама вторая супруга графа Оттона II ⁷⁵, хотя заодно с ней исчез также Люпольд вместе с бабенбергскими генеалогическими связями Дисенов XI в. ⁷⁶ (в отношении Люпольда такое усечение, как нам предстоит убедиться, отнюдь не оправдано).

Однако Ф. Тироллер по непонятной причине не учел показаний главного источника по данной теме — дисенского синодика. В самом деле, запись о Юстиции здесь представляет ее «матерью регенбургского епископа Генриха и графа Оттона, нашего основателя», т. е. вольфратсхаузенского графа Оттона III ⁷⁷; это свидетельство нет никаких видимых оснований отвергать ввиду естественного внимания в монастыре к фигуре одного из своих основателей ⁷⁸. Независимо от данных синодика к такому же выводу обязан был бы прийти всякий, кто пожелал бы разделить привычную гипотезу, объясняющую упомянутое кровное родство графа Генриха II и герцога Генриха Язомир-

⁷⁵ *Schwennicke*. Bd. 1/1. Taf. 86 A; ее нет уже и в вышедшем тремя годами раньше томе: *Isenburg / Schwennicke*. Berlin, 1995. Bd. 16. Taf. 79: Die Babonen: Burggrafen von Regensburg.

⁷⁶ Показательно, что применительно к Юстиции этот критицизм не последователен, и в генеалогической таблице, посвященной Бабенбергам, Д. Швеннике ее все-таки оставил, обозначив, хотя и пунктиром, в качестве дочери маркграфа Эрнста (см. примеч. 60).

⁷⁷ Запись под 30 января (III-ми календами февраля): «Iustitia comitissa obiit, sepulta Daniggen [mater Hainrici Ratisponensis episcopi et Ottonis comitis fundatoris nostri]» (*Necrologium Diessense*. P. 10; *Borgolte M. Stiftergedenken...* S. 258 B); интересующие нас сведения содержатся в приписке (в цитате — в квадратных скобках), сделанной, по заключению М. Боргольте, немного позже основного текста (*Ibid.* S. 258. Anm. Januar h). Аналогичные приписки имеются и к имени Оттона II и епископа Генриха, в них также уточняется родство этих последних с Оттоном III: «отец Оттона, нашего основателя», и «брат Оттона, нашего основателя» (под 24 апреля и 11 мая соответственно: «VIII Kal. Otto comes senior et maior domus obiit [de Wolfrathausen], sepultus in meridiana absida ecclesie s. Stephani, [pater Ottonis fundatoris nostri]»; «V Id. anno ab incarnatione Domini 1155 Hainricus Ratisponensis episcopus obiit, [frater Ottonis fundatoris nostri]»: *Necrologium Diessense*. P. 16, 18; *Borgolte M. Stiftergedenken...* S. 267 A, 269 A).

⁷⁸ Наряду с андексским графом Бертольдом II и его супругой Софией, которые также упоминаются в синодике (*Necrologium Diessense*. P. 21, 25; *Borgolte M. Stiftergedenken...* S. 273 A, 279 B).

готта бабенбергским происхождением жены именно Оттона II. Но соединить Люпольда с Оттоном и Генрихом как единоутробных братьев и сыновей Юстиции очень и очень трудно, почти невозможно.

В самом деле, в уже отмеченной выше грамоте монастыря Тегернзее, упоминающей Люпольда, последний предстает в качестве юридически самостоятельного лица, более того — графа диссенского⁷⁹; датировка грамоты — до 1102 г. — ориентируется на дату смерти Люпольда, что заставляет относить рождение последнего ко времени никоим образом не позднее ок. 1080 г. Этот вывод, на первый взгляд, хорошо согласуется с только что процитированной записью синодика о том, что Юстиция была «похоронена в Таннингене»⁸⁰, т. е. первом из родовых гнезд Оттона II; последний в качестве графа таннингенского («*Otto comes de Daningan*») действительно упоминается уже в 1073 г.⁸¹ Отсюда иногда заключают⁸², будто Юстиция была женой Оттона II уже в 1070-е гг., а вероятно, даже и в 1060-е, судя по юридически самостоятельным действиям Оттона, засвидетельствованным документом от 10 мая 1060 г.⁸³ Но, строго говоря, одно из другого вовсе не следует, ведь Таннинген оставался главной резиденцией Оттона II по крайней мере до 1090-х гг. включительно. Его амрасские владения, впервые засвидетельствованные в 1078/97 г. («*comes de Omeras*»)⁸⁴, не могли заменить Таннинген из-за своей удаленности (в районе Инсбрука), а графом диссенским Оттон вообще стал в первые годы XII столетия: упомянут в документах 1100/7 («*comes O. de Diessen*»)⁸⁵ и 1104 гг. («*Otto de Diezzen*»)⁸⁶ (как станет видно ниже, Дисен Оттон

⁷⁹ См. примеч. 69.

⁸⁰ См. примеч. 78.

⁸¹ *Oefele K. Geschichte... S. 110. № 23; Die Traditionen des Hochstifts Freising / Hg. Th. Bitterauf. München, 1909. Bd. 2. № 1469 (QuEBG NF. Bd. 5).*

⁸² См., например: *Kempfler A. Abstammung... S. 242.*

⁸³ Оттон, еще не именуемый графом, а лишь сыном своего отца: «Оттон, сын графа Бертольда» («*Otto filius Perhtolti comitis*»), совершает сделку с фрайзингенским капитулом (*Oefele E. Geschichte... S. 110. № 22; Die Traditionen des Hochstifts Freising. Bd. 2. № 1464.*)

⁸⁴ *Oefele K. Geschichte... S. 110. № 24.*

⁸⁵ *Ibid. S. 111. № 27 d.*

⁸⁶ В качестве свидетеля в двух изданных одновременно грамотах им-

приобрел, вероятно, после смерти Люпольда в 1102 г.); примерно в это же время он впервые выступает под именем по своему последнему и ставшему главным в семействе замку Вольфратсхаузен в документе с довольно неопределенной датировкой — 1098/1116 г.⁸⁷ Таким образом, быть погребенной в Таннингене супруге Оттона II было вполне уместо даже и ок. 1100 г. Именно в это время уводят нас хронологические данные о трех достоверно засвидетельствованных детях первого вольфратсхаузенского графа.

Будущий регенсбургский епископ начал свою духовную карьеру в 1124 г., став диаконом в Бамберге⁸⁸ (следствие того, что фогтство бамбергского епископского капитула было фамильным в семействе зульцбахских графов, в которое вскоре после 1112 г. вошла сестра Генриха Адельхайда), а значит, родился ок. 1100 г. Определенных данных для того, чтобы судить о возрасте брата Генриха — Оттона III нет⁸⁹, но относительно их сестры Адельхайды некоторые соображения возможны. Выше мы определили, что среди потомства зульцбахского графа Беренгара II по меньшей мере трое дочерей (Лютгарда, Гертруда и Берта) должны были происходить от брака с Адельхайдой Вольфратсхаузенской. Если учесть, однако, что для первой жены Беренгара, также Адельхайды, супружество с ним было уже третьим по счету⁹⁰, то, вероятнее всего, дочь Оттона II стала матерью всех шес-

ператора Генриха IV в одном ряду со своим будущим зятем Беренгаром Зульцбахским («Peringer de Sulzbach»): MGH DD Die Urkunden der deutschen Könige und Kaiser. Berlin; Weimar; Hannover, 1941–1978. Bd. 6: Die Urkunden Heinrichs IV / Bearb. D. von Gladiss, A. Gawlik. P. 659, 660. № 483, 484.

⁸⁷ Oefele E. Geschichte... S. 111. № 27 с.

⁸⁸ Schwennicke. Bd. 1/1. Taf. 86 A.

⁸⁹ Согласно уже упоминавшейся грамоте 1100/7 г., связанной с территориальным спором монастыря Тегернзее, граф Оттон II прибыл для разбора конфликта, захватив с собой «двоих своих сыновей, Оттона и Генриха» («comes Otto de Diessen cum duobus filiis suis Ottone et Heinricho»: Oefele E. Geschichte... S. 111. № 27 d). Такое совместное упоминание дает некоторый повод подозревать, что Оттон был только немногим старше Генриха (для церковной стези в семействах знати обычно определялись младшие сыновья).

⁹⁰ В предыдущем, втором, браке она была за пассауским графом Ульрихом (Isenburg / Schwennicke. Bd. 16. Taf. 78: Die Grafen von Vohburg, Markgrafen im Nordgau).

терых известных детей Беренгара II (хронологических трудностей при этом не возникает). Такая плодовитость (шестеро выживших детей за примерно десять-двенадцать лет супружества, причем даже скончалась Адельхайда в очередных родах⁹¹) наводит на мысль, что брак с Беренгаром был для нее первым и, вступив в него вскоре после 1112 г., она должна была, таким образом, родиться ок. 1095 г., будучи лишь несколькими годами старше Генриха. В свете этих хронологических противоречий мысль о Люпольде как сыне Юстиции, думается, надо оставить.

Ввиду сказанного выше, это значит, что придется или отказаться от естественных попыток объяснить родство Бабенбергов и Дисенов, или признать Люпольда не сыном, а братом графа Оттона II. Первое означало бы расписаться в собственном бессилии, второе же — не только возможно, но и напрашивается само собой.

Действительно, каким образом Люпольд мог, как мы видели, выступать в качестве графа дисенского прежде, чем его предполагаемый отец получил родовой Дисен? Именоваться по фамильному дисенскому замку было естественно. Почему же тогда Оттон, коль скоро он был единственным сыном дисенского графа Бертольда II, делает это лишь начиная примерно с 1100 г. — через несколько десятилетий после смерти отца? Но эта ситуация представляется странной только в том случае, если придерживаться привычной генеалогии и считать, что Оттон и Люпольд — это отец и сын. И, напротив, все становится на свои места, если признать, что Люпольд — не сын, а брат Оттона II, причем, очевидно, брат старший. Поэтому именно он после смерти отца, графа Бертольда, унаследовал родовой Дисен, который и достался Оттону естественным образом после кончины бездетного, судя по отсутствию сведений о потомстве, Люпольда. Практическое совпадение даты смерти Люпольда (1102 г.) и восстанавливаемой по документам даты вступления Оттона II во владение Дисеном (ок. 1100 г.) может служить как подтверждением, так и иллюстрацией этого вывода.

В таком случае не только сами собой устраняются все отмеченные нами хронологические противоречия в связи с потомством Юстиции, но и по-прежнему сохраняется удобный способ объяснить

⁹¹ *Weissensteiner J. Tegernsee, die Bayern und Österreich: Studien zu Tegernseer Geschichtsquellen und der Bayrischen Stammesage. Wien, 1983. S. 113 (Archiv für österreichische Geschichte. Bd. 133).*

кровное родство между Генрихом Язомирготтом и графом Генрихом II. Коль скоро Люпольд оказывается сыном не Оттона II, а Бертольда II, то надо думать, что именно последний был женат на представительнице семейства Бабенбергов; по хронологическим соображениям в ней надо признать, видимо, дочь австрийского маркграфа Адальберта (1018–1055). Его сын Люпольд погиб в 1043 г. молодым, успев, однако, проявить себя в войне с венграми⁹²; таким образом, сестра и сверстница Люпольда по расчету времени вполне могла ок. 1040 г. выйти замуж за дисенского графа Бертольда II и вскоре стать матерью будущего Оттона II, первое упоминание о котором как о юридически полномочном лице, но еще не графе, т. е. молодом человеке 15–20 лет, относится, напомним, как раз к 1060 г.⁹³

Мы вплотную приблизились к конечной цели нашего генеалогического анализа. Осталось сделать выбор, кем являлась Юстиция — дочерью сербского жупана Уроша I, венгерского герцога Альмоша, русского князя Владимира Всеволодовича Мономаха или шведского короля Инге. Это не составляет особого труда.

Замужество Юстиции приходилось, согласно нашим вычислениям, на время ок. 1095 г. или, возможно, несколько более раннее. Следовательно, кандидатура Уроша I отпадает сама собой по хронологическим соображениям: ок. 1095 г. он был юношей и не мог иметь взрослой дочери. Чисто хронологически Инге подходил бы в отцы Юстиции (именно ок. 1095 г. дочь Инге Христина вышла замуж за новгородского князя Мстислава, старшего сына Владимира Мономаха⁹⁴), но крайне трудно себе представить, какие причины могли бы

⁹² Кстати, отметим здесь еще один «русский» штрих в рисуемой нами общей картине родословных связей дисенских графов XI в.: по наиболее вероятной генеалогии, именно Люпольд Бабенберг был отцом Оды, второй жены черниговского (1054–1073), впоследствии — киевского (1073–1076) князя Святослава Ярославича (брак был заключен ок. 1070 г.) (подробнее см.: *Назаренко А. В. Древняя Русь... С. 505–522*).

⁹³ См. примеч. 83. Преимущества изложенной гипотезы намного перевешивают ее единственный недостаток: ей противоречит поздняя маргиналия к записи о Люпольде в дисенском синодике, где он назван «братом Оттона, нашего основателя» (*Borgolte M. Stiftergedenken... S. 260. Anm. d*), т. е. графа Оттона III.

⁹⁴ *Назаренко А. В. Древняя Русь... С. 599–600*.

привести к браку шведской королевы и баварского графа. Точная дата рождения Альмоша неизвестна (не позднее 1077 г., когда умер его отец король Геза I), но ясно, что в любом случае его брак с Передславой Святополковной в 1104 г.⁹⁵ — единственный, зафиксированный источниками, — мог быть и не первым, так как Альмошу в то время было уже никак не менее 27 лет. Мог ли он, однако, иметь к середине 1090-х гг. взрослую дочь? Отец Гезы I Бела, будущий венгерский король Бела I (1060–1063), женился на сестре польского князя Казимира I (1038/39–1058) не ранее 1042/3 г.⁹⁶ и, следовательно, Геза как старший сын от этого брака родился не прежде 1043/4 г. и теоретически мог ок. 1060 г. произвести на свет двоих сыновей — старшего Кальмана и младшего Альмоша — так что последний в принципе мог бы ко времени ок. 1095 г. иметь дочь, достигшую брачного возраста.

Вместе с тем, даже помимо максимальной сжатости этой, повторяем, чисто умозрительной хронологии, видеть в Альмоше отца Юстиции мешают по меньшей мере два обстоятельства. Дело в том, что брак Гезы I с Синадиной, племянницей будущего византийского императора Никифора III Вотаниата (1078–1081), относится не к концу 1050-х гг., как требовалось бы согласно обрисованной хронологии, а к периоду между 1065 и 1070 гг.⁹⁷ Но что, пожалуй, еще важнее — к моменту брака Юстиции и графа Оттона II Альмош находился в лагере верных союзников Генриха IV, а

⁹⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 280; Т. 2. Стб. 256.

⁹⁶ Судя по сообщению «Альтайхских анналов» под 1042 г., Бела с братьями («fratruelles Stephani regis») в то время все еще пребывали в Чехии (Annales Altahenses maiores / Ed. E. von Oefele. Hannover, 1891. P. 31–32). См. наши соображения о датировке войн с поморянами, в ходе которых Бела отличился и был удостоен руки дочери польского короля Мешка I (1025–1034, с перерывом), началом правления Казимира Восстановителя — первой половиной 1040-х гг.: Назаренко А. В. Об одном эпизоде венгерской политики Ярослава Мудрого // Норна у источника судьбы: Сб. статей в честь Е. А. Мельниковой. М., 2001. С. 274–275; *Он же*. Племянники венгерского короля Стефана I на Руси // Ad fontem — У источника: Источниковедение и специальные исторические дисциплины (Сб. статей в честь С. М. Каштанова). М., 2003. С. 167–175 (ряд существенных уточнений к предыдущей статье).

⁹⁷ Györffy Gy. Géza I. // LdMA. 1989. Bd. 4. Sp. 1434–1435.

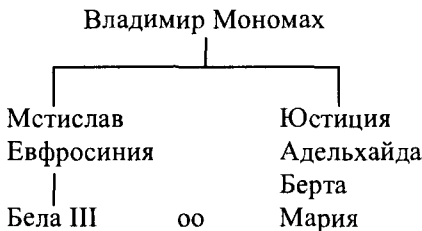
отнюдь не Вельфов. Это со всей определенностью удостоверяет послание Генриха к Альмошу, в котором император благодарит последнего за какую-то оказанную ему военную помощь (как выяснится ниже, речь, вероятно, шла о попытке деблокады альпийских перевалов, перекрытых баварскими противниками императора)⁹⁸; в самом тексте послания датировки нет, но ясно, что оно написано не только после 29/30 июля 1095 г., когда умер король Ласло I⁹⁹, упомянутый как покойный, но и после августа 1096 г., когда войска Кальмана совершили набег на Восточную марку, также упомянутый в послании¹⁰⁰.

⁹⁸ «Генрих, Божией милостью император римский, август, А[льмошу], славному герцогу и верному другу <...>. Когда кто-либо откладывает собственную частную выгоду, чтобы потрудиться на пользу другу, — вот верная дружба. Мы рады, что ты оказал нам благосклонность такой дружбы, и постараемся достойно отблагодарить тебя как достойнейшего вассала и ближайшего друга. Ибо, хотя ты намеревался идти против греков и несмотря на то, что польский герцог (Владислав I [1079–1102]. — *А. Н.*), твой и друг, и кровный родственник, просил твоей помощи против своих врагов, ты остался из-за нас, как наивернейший друг, только для того, чтобы, противодействуя нашим врагам и ни во что не ставя собственную выгоду, способствовать успеху нашего дела» и т. д. («*Heinricus Dei gratia Romanorum imperator augustus A[Imo] glorioso duci et amico fideli <...>. Cum quis privatum commodum suum postponit et in amici utilitatibus insudat, ea est firma amicitia. Quam amicitiae benevolentiam te nobis impendisse gaudemus; et sicut optimo fideli et intimo amico dignam facere remunerationem intendimus. Nam, cum velles contra Grecos ire, et cum dux Poloniae tuus et amicus et consanguineus auxilium tuum contra hostes suos peteret, propter nos sicut amicus fidelissimus remansisti; ut, nostris inimicis resistens, tuum commodum pro nichilo computans, tantummodo ut nostram causam promovendo adiuveres*») (*Jaffé*. BRG. Т. 5: *Monumenta Bambergensia*. № 88. P. 172–173; *Die Briefe Heinrichs IV.* / Hg. C. Erdmann. Leipzig, 1937. № 23. P. 32–34 [*MGH Deutsches Mittelalter: Kritische Studentexte des Reichsinstituts für ältere deutsche Geschichtskunde*. Bd. 1]).

⁹⁹ *Chron. Hung. comp.* Cap. 141. P. 420.

¹⁰⁰ В «Аугсбургских анналах» эти события рассматриваются как исполнение дурного предзнаменования — лунного затмения «в VII иды августа» 1096 г. (*Annales Augustani* / Ed. G. H. Pertz // *MGH SS*. Hannover, 1839. Т. 3. P. 134–135), что и позволяет их точнее датировать. Речь идет, надо полагать, о борьбе Кальмана с войском графа Этихона, предводителя

Итак, перебор возможностей оставил нам последнюю: Юстиция была дочерью Владимира Всеволодовича Мономаха, и, тем самым, кровное родство 7-й степени между Белой III и Марией Комниной, которое имел в виду Мануил I, выглядело следующим образом:

На первый взгляд такое предположение кажется столь же мало-реальным, как и допущение об отцовстве шведского короля. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что именно этот вариант и удовлетворяет всем хронологическим условиям, и прекрасно вписывается в международно-политическую ситуацию, попутно удачно разрешая высказанные в начале этой статьи недоумения относительно бездействия Мономаха в истории с его сестрой Евпраксией.

* * *

Прежде всего, отметим, что к середине 1090-х гг. — *terminus ad quem* для предполагаемой женитьбы графа Оттона II на Мономаховне — у Владимира Всеволодовича естественно было бы ожидать наличия достигшей брачного возраста дочери: в 1075/76 г. родился его первенец от брака с Гидой¹⁰¹ Мстислав¹⁰², в 1096 г. ведет самостоя-

крестьянского крестового похода (*Meyer von Knonau G. Jahrbücher des Deutschen Reiches unter Heinrich IV und Heinrich V. 1085–1096. Leipzig, 1903. Bd. 4. S. 475–477*), которая подробно описана Альбертом Ахенским; к слову сказать, в ходе ее, поначалу складывавшейся неудачно для Кальмана, последний подумывал было даже бежать на Русь («*ad fugam versus regnum Rusciae*») (*Alberti Aquensis Historia Hierosolymitana I, 29 / Ed. P. Meyer // Recueil des Historiens des Croisades: Historiens Occidentaux. Paris, 1879. T. 4. P. 294*).

¹⁰¹ О трех браках Владимира Мономаха и потомстве от них см.: Назаренко А. В. Неизвестный эпизод из жизни Мстислава Великого // ОИ. 1993. № 2. С. 65–78; Он же. Древняя Русь... С. 596–608; Кучкин В. А. «Чудо св.

тельные военные действия и гибнет другой сын Владимира — уже упоминавшийся Изяслав¹⁰³, ок. 1095 г. выходит замуж за византийского самозванца Льва Псевдо-Диогена Мономаховна Марица¹⁰⁴.

Обратившись к политической ситуации 1090-х гг, другим путем приходим *в точности к тем же* хронологическим вехам (*terminus ad quem*), которые были установлены выше на основе генеалогических соображений.

1095–1096 годы — один из периодов кульминационных успехов реформированного папства в борьбе против империи; в лице Урбана II Генрих IV столкнулся со значительно более опасным противником, чем папа Григорий VII (1073–1085), ибо, как справедливо отмечают историки, в отличие от яростного идеалиста Григория, упорство Урбана было подкреплено недюжинным даром дипломата¹⁰⁵. Повторному вторжению императора в Италию в 1090 г. непосредственно предшествовал один из дипломатических успехов папы — заключенный в 1089 г. политический брак юного Вельфа, будущего баварского герцога Вельфа II (1101–1120) (ему было тогда 17 лет), сына смещенного Генрихом IV, но не признававшего этого смещения баварского герцога Вельфа I (1070–1101), с 43-летней тосканской герцогиней Матильдой, главной союзницей

Пантелеймона» и семейные дела Владимира Мономаха // Россия в средние века и новое время: Сб. статей к 70-летию чл.-корр. РАН Л. В. Милова. М., 1999. С. 50–82. Брак с Гидой, дочерью англо-саксонского короля Харальда (январь–октябрь 1066), был заключен ок. 1073 г. (*Назаренко А. В. Древняя Русь... С. 522–524*).

¹⁰² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 247. Приведенная здесь в «Поучении» Владимира Мономаха фраза: «...и в то же лето и детя ся роди старейшее новгородское», — относится к рождению Мстислава, который во время написания «Поучения» занимал новгородский стол (до 1117 г.); «в то же лето» — это в 1075/6 г., одновременно с походом Владимира Всеволодовича и Олега Святославича «ляхом в помочь на чехы» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 199; Т. 2. Стб. 190), который, вероятнее всего, состоялся осенью 1075 г. (*Кучкин В. А. «Поучение»... С. 33* [здесь же попытка обосновать датировку рождения Мстислава февралем 1076 г.]; *Назаренко А. В. Древняя Русь... С. 530–534*).

¹⁰³ См. примеч. 6.

¹⁰⁴ *Назаренко А. В. Древняя Русь... С. 605*.

¹⁰⁵ Об Урбана II в целом см.: *Becker A. Papst Urban II. Stuttgart, 1964–1988. Teil 1–2 (Schriften der MGH. Bd. 19/1–2)*.

папы в Северной Италии. Получил новое подкрепление смертельный для императора союз его сильнейших противников в Италии и собственно в Германии. После первых успехов (овладения Римом) Генрих IV оказался в итальянской западне. Поражение, которое император потерпел в 1092 г. близ роковой для него Каноссы, замка Матильды Тосканской, привело к созданию направленной против него лиги североитальянских городов — Милана, Кремоны, Пьяченцы и Лоди; в 1093 г. на сторону папы перешел старший сын Генриха IV и престолонаследник Конрад, коронованный в Милане в короля Италии; на рубеже 1093 и 1094 гг. за ним последовала императрица Евпраксия-Адельхайда, бежавшая из заключения в Вероне с помощью Матильды; наконец, в марте 1095 г. состоялся уже известный нам синод в Пьяченце, подтвердивший отлучение императора и его сторонников, выслушавший обвинения в адрес Генриха со стороны Евпраксии и оправдавший ее, принявший послов византийского императора Алексея I Комнина, который просил о помощи против угрожавших Константинополю сельджуков не у Генриха IV, как в 1080-е гг., а у папы (отправная точка будущего Первого крестового похода). Но, пожалуй, хуже всего, было то, что умножившиеся противники императора перекрыли альпийские проходы, отрезав ему пути отступления в Германию.

Последнее обстоятельство поможет нам выяснить позицию графа Оттона II в конфликте между Генрихом IV и баварским герцогом Вельфом I. Прямых указаний на этот счет в источниках, насколько нам известно, нет, но целый ряд косвенных соображений свидетельствует о принадлежности Оттона II к сторонникам опального герцога, не слишком многочисленным в Баварии.

В самом деле, кто именно обеспечил блокаду проходов через Альпы? Исследователи излагают дело не очень внятно, так что зачастую складывается впечатление, будто блокада стала следствием образования союза ломбардских городов, ставшего на сторону Конрада¹⁰⁶. Но Фриуль, который был связан с Баварией Бреннером, главным перевалом Северо-Восточных Альп, находился, как известно, под кон-

¹⁰⁶ См., например: *Jordan K. Investiturstreit und frühe Stauferzeit: 1056–1197. München, 1973. S. 56* (Gebhardt Handbuch der deutschen Geschichte. 9. neu bearb. Auflage hg. von H. Grundmann. Bd. 4); *Boshof E. Die Salier. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz, 1987. S. 257.*

тролем аквилейского патриарха, остававшегося верным союзником Генриха IV; во Фриуле (в Падуе, Вероне) в это время пребывал и сам император. Следовательно, приходится думать, что проходы оказались закрыты с баварской стороны. Действительно, из цитированного выше послания Генриха IV герцогу Альмошу видно, что помощь, за которую император благодарит своего венгерского союзника, была оказана ему где-то в Австрийских Альпах, так как в заключение послания, после всех комплиментов и изъявлений признательности, Генрих как бы мимоходом просит «по любви к нам вернуть всех, кто был уведен в плен из челяди зальцбургского архиепископа и других наших вассалов»¹⁰⁷. Не следует забывать также, что земли к северу и северо-западу от Больцано-Боцена (Passeiergau, Vintschgau) являлись районом традиционной доминации Вельфов. Очевидно, решение Генриха о передаче вельфовских ленов в этих краях бриксенской кафедре, принятое в 1078 г.¹⁰⁸, т. е. сразу же после смещения Вельфа I и его швабского коллеги Рудольфа Райнфельденского на съезде в Ульме в мае 1077 г., не удалось провести в жизнь в полной мере. Показательно, что именно здесь андекс-дисенское семейство приобретает существенные земельные владения ок. 1100 г., вскоре после восстановления Вельфа в качестве баварского герцога¹⁰⁹. В свете сказанного выглядит многозначительным тот факт, что как раз в пору конфликта между Генрихом и Вельфом граф Оттон II становится владельцем Амраса¹¹⁰, который расположен ближе к Альпам, много южнее комплекса дисенских родовых владений к востоку от Среднего Леха, в районе озера Аммерзее, где находится и сам Дисен.

О причинах, которые могли подвигнуть Оттона II сохранить верность Вельфу I, остается только догадываться. Не исключено, что

¹⁰⁷ «Quicumque autem de familia Salzburgensis archiepiscopi et aliorum fidelium nostrorum ducti sunt captivi, rogamus ut causa nostrae dilectionis facias reddi» (*Jaffé. BRG. T. 5. № 88. P. 173; Die Briefe Heinrichs IV. № 23. P. 34*). Речь идет, надо полагать, не о папистском архиепископе Тимоне (1090–1101), а об императорском архиепископе Бертольде (1085–1106).

¹⁰⁸ *MGH DD Die Urkunden Heinrichs IV. № 304; Schneidemüller B. Die Welfen: Herrschaft und Erinnerung (819–1252). Stuttgart; Berlin; Köln, 2000. S. 141.*

¹⁰⁹ *Auer L. Andechs // LdMA. Bd. 1, 1980. Sp. 594.*

¹¹⁰ См. примеч. 84.

среди них были и чисто религиозные; как и сам Вельф, остававшийся приверженцем церковной реформы несмотря на все политические компромиссы с императором¹¹¹, граф Оттон II мог быть идейным сторонником реформированного папства. Во всяком случае, таковым был его сын Оттон III, один из основателей конвента каноников-августинцев в Дисене, судя по тому, что сразу же по основании монастыря он передал его под защиту папского престола¹¹², как то сделал в свое время, в 1090-е гг., Вельф I с фамильными монастырями Вайнгартен и Роттенбух¹¹³; о личной религиозности Оттона III говорит и то, что в конце жизни он принял монашество¹¹⁴.

Однако независимо от степени оправданности заключений о церковной позиции отца по таковой его сына, заметим, что нетрудно обнаружить и вполне объективные обстоятельства, которые способны были определить провельфовскую линию Оттона II. Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться в специфическом положении земель андекс-дисенского дома по отношению к аллодиальным владениям Вельфов. Последние концентрировались в Швабии, захватывая, однако, западнобаварские земли на правобе-

¹¹¹ *Schneidemüller B. Die Welfen...* S. 142–149.

¹¹² Оттон III, его жена Лауритта, равно как и другой основатель монастыря андексский граф Бертольд II со своей супругой Софией (см. примеч. 79), упомянуты в качестве дарителей Дисена Святому престолу в булле папы Иннокентия II (1130–1143) от 1132 г.: *Die Traditionen und Urkunden des Stiftes Diessen, 1114–1362 / Bearb. W. Schlögl. München, 1967. № 2. S. 102–105 (QuEBG NF. Bd. 22/1).*

¹¹³ *Schneidemüller B. Die Welfen...* S. 143, Anm. 170; *Mois J. Das Stift Rottenbuch in der Kirchenreform des 11.–12. Jahrhunderts: Ein Beitrag zur Ordens-Geschichte der Augustiner-Chorherren. München; Freising, 1953 (Beiträge zur altbayerischen Kirchengeschichte. Bd. 19).*

¹¹⁴ Но не в Дисене, как его сооснователь граф Бертольд, а в Зееоне: «*Otto comes, post monachus factus, fundator loci istius, sepultus Sewen*»; «*Berhtoldus comes, fundator huius loci, post conversus nostrae congregationis frater obiit*» (*Necrologium Diessense. P. 19, 21; Borgolte B. Stiftergedenken... S. 271 A, 273 A*). Можно, конечно, предполагать, что симпатии к церковной реформе развились в дисенском семействе только после Вормсского конкордата (1122 г.), но отсюда еще далеко до заключения, что «в борьбе за инвеституру графы дисенско-андексские, по всей вероятности, были на стороне короля» (*Borgolte M. Stiftergedenken... S. 241.*)

режье Леха¹¹⁵. Таким образом, дисенские земли, так же как и расположенные севернее земли семейства шайернских графов, непосредственно примыкая к вотчинам Вельфов, служили своего рода пограничьем между ними и внутренними областями Баварии.

В этой связи необходимо обратить внимание на императорскую грамоту, изданную в Вероне в 1096 г. в присутствии «Генриха, римского императора, августа, и герцога Вельфа» («presente Heinrico Romanorum imperatore augusto et duce Welfone»)¹¹⁶, т. е. в момент примирения Генриха IV и Вельфа I, получившего от императора назад свое герцогство (о чем подробнее чуть ниже), тогда как император возвращал себе свободу передвижения через альпийские проходы¹¹⁷. Часть перечня свидетелей в грамоте давно опознана в историографии как список свиты баварского герцога: «Rapoto palatinus comes, Otto de Omeras, Otto de Schire, Perenhart, Cundakaer, Ernest de Cregelingen, Herrant, Herrant, Counrat filius Heinrici de Houartors» и др. Граф Оттон II, названный по своему амрасскому замку, значится в этом списке вторым, что уже само по себе говорит о его высоком месте в окружении Вельфа I.

При анализе перечня надо сделать, правда, важную оговорку: он отражает свиту баварского герцога после урегулирования его затянувшегося на двадцать лет конфликта с императором и потому в нем могут быть имена представителей также и той части баварской знати, которая в 1077–1096 гг. предпочла лояльность Генриху IV. Действительно, первым назван граф Ратбод V из рода графов фобургских, занимавших центральное положение в Северной Баварии¹¹⁸; в одной из императорских грамот 1091 г. он выступает как «верный вассал» (*fidelis*) Генриха¹¹⁹, что, несомненно, отражает его позицию

¹¹⁵ *Störmer W.* Die süddeutschen Welfen unter besonderer Berücksichtigung ihrer Herrschaftspolitik im bayerisch-schwäbischen Grenzraum // Die Welfen: Landesgeschichtliche Aspekte ihrer Herrschaft. Konstanz, 1998. S. 57–96 (Forum Suevicum. Bd. 2).

¹¹⁶ MGH Die Urkunden Heinrichs IV. № 451. P. 609–610.

¹¹⁷ *Meyer von Knonau G.* Jahrbücher... Bd. 4. S. 477–479.

¹¹⁸ *Isenburg / Schwennicke.* Bd. 16. Taf. 78: Die Grafen von Vohburg, Markgrafen im Nordgau (здесь имя Ратбода приведено в баварско-литинизированной форме: Ratpoto).

¹¹⁹ MGH DD Die Urkunden Heinrichs IV. № 424. P. 569.

в схватке: известно, например, что в 1084 г. Ратбод вместе со швабским герцогом Фридрихом I Штауфеном, который был назначен императором вместо мятежного Рудольфа Райнфельденского, возглавил разорение вельфовского замка Зибнах (западнее Аугсбурга)¹²⁰. Будучи баварским пфальцграфом, Ратбод теперь «по должности» возглавил список приближенных восстановленного герцога. То же самое можно сказать и о «Counrat filius Heinrici de Houartors»; независимо от его проблематичной атрибуции как ронингского графа Конрада I (1089–1129), ясно, что перед нами, скорее всего, бывший противник Вельфа, так как «Heinricus de Houartors», отец Конрада, в грамотах 1093 г. дважды фигурирует среди ходатаев и *fideles* императора¹²¹.

Но вот «Otto de Schire», следующий за Оттоном II, — это Оттон из влиятельного рода шайернских графов, северных соседей Оттона II, брат графа Бернхарда, фогта соборного капитула во Фрайзинге (с ним, вероятно, следует отождествить значащегося следом *Repenhart'a*), и графа Эккехарда, сын которого стал родоначальником известной герцогской фамилии Виттельсбахов¹²². Думается, не случайно два представителя шайернского семейства, земли которого, как только что говорилось, подобно землям дисенских графов, играли роль своеобразного «буфера» между швабскими и западнобаварскими владениями Вельфов, с одной стороны, и центральными областями Баварии — с другой, в списке также стоят рядом с Оттоном II. Кто такой *Sundakaer*, неясно, но за ним названо еще одно громкое имя — грёглингского графа Эрнста, фогта соборного капитула в Айхштетте; вскоре после 1078 г., т. е. почти сразу после смещения Вельфа I, Эрнст женился на Лютгарде, вдове маркграфа Северной Баварии Дипольда II, дочери каринтийского герцога Бертольда I Церингенского¹²³, который был одной из ведущих фигур южнонемецкой оппозиции Генриху IV, наряду с Вельфом I и швабским герцогом, а затем антикоролем Рудольфом Райнфельденским (1077–1080).

Таким образом, на переговоры с Генрихом IV в Верону Вельф I явился в сопровождении своих виднейших баварских сторонников,

¹²⁰ *Schneidmüller B.* Die Welfen... S. 142.

¹²¹ MGH DD Die Urkunden Heinrichs IV. № 431–432. P. 577–578.

¹²² *Schwennicke.* Bd. I/1. Taf. 90: Die Grafen von Scheyern, 1115 von Wittelsbach, 1124–1209 Pfalzgrafen von Bayern.

¹²³ *Isenburg / Schwennicke.* Marburg, 1992. Bd. 12. Taf. 33.

которые занимают центральный блок в перечне свидетелей грамоты 1096 г. Да и было бы странным, если бы герцог оказался в окружении исключительно своих вчерашних противников — это слишком походило бы на поражение, каковым мир с императором отнюдь не являлся. То был компромисс, практически вынужденный с обеих сторон. Первым среди баварских приверженцев Вельфа был таннингский и амрасский граф Оттон II. За него-то (если верны наши предшествующие рассуждения), более чем пятидесятилетнего вдовца, и была выдана дочь Владимира Мономаха. Знатности ему было не занимать: графы дисенские считались происходившими по прямой линии от самого императора Оттона Великого (936–973); Оттон II приходился последнему праправнуком. Хотя эта генеалогия, на которой настаивает родословное предание Вельфов, представляя жену графа Куно Энингенского, т. е. швабского герцога Конрада, дочерью императора Оттона I¹²⁴, приводит в затруднение историков, у которых нет «свободной» дочери Оттона I для Куно-Конрада¹²⁵, в данном случае нам важнее знать, что на рубеже XI–XII вв. эта генеалогия признавалась. Именно благодаря ей, надо полагать, в дисенском семействе закрепилось династическое имя Оттон. Политический смысл брака, направленного против Генриха IV, заставляет датировать его, как мы сейчас покажем, 1094–1096 гг.

В Пьяченце собором епископов Италии, Бургундии, Франции и юга Германии после публичной исповеди в неслыханных надругательствах, которым Евпраксия Всеволодовна подверглась со стороны своего венценосного супруга, императрица была прощена¹²⁶, но затем ее судьба прослеживается с трудом. Во всяком случае, в Италии ей

¹²⁴ Gen. Welf. Cap. 4. P. 734 (ed. G. Waitz); Hist. Welf. Cap. 6. P. 460 (ed. L. Weiland).

¹²⁵ См. краткий историографический обзор: *Назаренко А. В.* Русь и Германия в IX–X вв. С. 126, примеч. 86; С. 130, примеч. 147.

¹²⁶ Снисходительность папы и епископов понятна: процесс вокруг Евпраксии Всеволодовны стал, по образному выражению Донилона, автора стихотворного «Жизнеописания герцогини Матильды» (начало XI в.), тем «колом», которым израильтянка Иаиль насмерть поразила хананейского военачальника Сисару (Суд. 4) (*Vita Mathildis celeberrimae principis Italiae carmine scripta a Donizone presbytero, qui in arce Canusina vixit* / Ed. L. Simeoni. Bologna, 1930–1940. Cap. 8. P. 80. Vers. 743–744 [Fonti per la storia d'Italia pubblicati dall'Istituto Italiano per il medio evo. T. 5/2]).

делать было больше нечего, и она, несомненно, искала возможности вернуться на родину. О том, что ей это удалось, известно благодаря согласным сообщениям немецких и древнерусских источников, на что указывал еще Ф. Круг¹²⁷. Едва ли приходится сомневаться, что папа и герцогиня Матильда и здесь приняли участие в отчаянном положении Евпраксии; вполне возможно, сыграли свою роль также давние связи Урбана II со Всеволодом Ярославичем, природа которых, впрочем, не вполне ясна¹²⁸. Судя по тому, что сведения о жизни Евпраксии после ее возвращения на Русь спустя десятилетие отложились в папистской немецкой анналистике¹²⁹, даже в 1110-е гг. продолжались какие-то

¹²⁷ *Krug Ph. Eupraxia...* S. 217 и Anm. 38. В трирских «Дисибоденбергских анналах» (40-е гг. XII в.) рассказ о конфликте императора со своей русской супругой заканчивается сообщением: «Королева, как утверждают некоторые, вернулась в свою страну и, уйдя в монастырь, стала аббатисой» («*Regina reversa est in regionem suam, et ingressa monasterium, facta est abbatissa, ut quidam dicunt*»: *Annales sancti Disibodi* / Ed. G. Waitz // MGH SS. Hannover, 1861. Т. 17. P. 14 [под 1093 г.]); аналогичное сообщение есть и в «Штаденских анналах» Альберта (середина XIII в.) (*Annales Stadenses auctore Alberto* / Ed. I. M. Lappenberg // MGH SS. Hannover, 1859. Т. 16. P. 317). Оба памятника воспроизводят текст какого-то несохранившегося современного событиям источника пропащской направленности. «Повесть временных лет» ограничивается краткой заметкой, что Евпраксия в декабре 1106 г., т. е. сразу же после того, как узнала о смерти Генриха IV, приняла монашество (это означает, заметим кстати, что формально ее брак с императором так и не был расторгнут): «Пострижесе Еупракси Всеволожа дщи месяца декабря в 6» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 281; Т. 2. Стб. 257–258). В каком именно монастыре приняла постриг вдова германского императора, летопись не уточняет; возможно, им был Андреевский монастырь, построенный Всеволодом для другой своей дочери — Яньки, после смерти которой ее сестра и могла занять место игуменнии. Так или иначе, но погребена была Евпраксия в Печерском монастыре, что говорит, кажется, о душевном сокрушении, которое она сохраняла до конца жизни: «Преставися Евпракси дщи Всеволожа месяца иулия в 10 день (в Ипатьевской летописи — «в 9 день». — А. Н.) и положена бысть в Печерском монастыре у двери, яже ко угу, и зделаша над нею божонку, идеже лежить тело ея» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 283; Т. 2. Стб. 260); в словах летописца о погребении Евпраксии сквозит несвойственный ему в остальном лиризм.

¹²⁸ См. примеч. 4.

¹²⁹ См. примеч. 127.

контакты между Всеволодовной (вернее, конечно же, ее братом Владимиром Мономахом) и пропапской «партией» в Германии, т. е., в известном смысле, «партией» Вельфов. Начались же они, надо думать, даже не с того момента, когда Евпраксия, сыграв предназначенную ей папой политическую роль, стала искать обратного пути на Русь, а вскоре после ее бегства из-под стражи в Вероне в конце 1093 или начале 1094 г.¹³⁰, когда Урбану II, готовившемуся к решительному наступлению на Генриха IV в Италии и отвоеванию Рима, было естественно дорожить каждым новым союзником (помимо традиционных южноитальянских норманнов), пусть даже и только номинальным¹³¹. Трудно думать, чтобы конфликт между императором и его русской супругой, ее заключение под стражу и бегство долго оставались тайной для Владимира Мономаха. Поэтому тема брачного союза между кем-либо из видных сторонников антиимператорской коалиции и переяславским князем вполне могла возникнуть уже в 1094 г.

Осуществление этой задачи, надо заметить, было сильно облегчено тем, что Владимир Всеволодович с момента своего брака с Гидой, дочерью англо-саксонского короля Харальда, заключенного, напомним, ок. 1073 г.¹³², состоял в династической близости с Вельфом I, который чуть ранее, ок. 1070/1 г., вторым браком женился на вдове нортумберлендского ярла Гости, погибшего в 1066 г. претендента на английский престол и родного брата Харальда; именно Юдита и стала прародительницей всех позднейших Вельфов, материю баварских герцогов Вельфа II и Генриха Черного. Главным союзником Гости, отстаивавшим его права в роковой для обоих битве при Стэмфордбридже, был норвежский король Харальд (1046/7–1066), женатый на дочери Ярослава Мудрого Елизавете. Это значит,

¹³⁰ Meyer von Knonau G. Jahrbücher... Bd. 4. S. 423–425 и Anm. 12.

¹³¹ Ср. его послание к венгерскому королю Кальману от 27 июля 1096 г. с призывом отказаться от союза с Генрихом IV, которому следовал в 1090-х гг. предшественник Кальмана король Ласло I: «Уже давно народ Венгрии плурует по бездорожью заблуждений и, оставив пастырей своего спасения, следует по следам чуждых стад» («Jam diu enim Ungarorum populi errorum devia secuti sunt, et derelictis suae salutis pastoribus, alienorum gregum vestigiis adhaeserunt») (Beati Urbani II, pontificis Romani, epistolae et privilegia // PL. T. 150. Col. 481 A–B).

¹³² См. примеч. 102.

что еще в пору своего первого замужества имя Юдиты должно было быть известным на Руси. Так как Юдита происходила из рода фландрских графов, будучи, вероятнее всего, дочерью графа Балдуина IV (ум. в 1035 г.)¹³³ и, таким образом, сестрой Балдуина V (1035–1067), который являлся опекуном при малолетнем французском короле Филиппе I (1060–1108) и в 1060-е гг. управлял королевством вместе с матерью Филиппа Анной Ярославной, другой теткой Владимира Всеволодовича, то еще и по этой причине семейство Вельфа I и Юдиты (скончавшейся в 1094 г.) должно было в последней четверти XI в. находиться в поле зрения Всеволода Ярославича и его сына Владимира Мономаха. Уместно было бы даже задаться вопросом, не стало ли свойство Гиды и Вельфа I одним из мотивов (наряду с проекцией датского короля Свена Эстридсена [1047–1075/6], которую по понятным причинам акцентирует датский хронист Саксон Грамматик¹³⁴) при выборе невесты для сына Всеволода — ведь брак должен был подкрепить союз младших Ярославичей с императором Генрихом IV против изгнанного киевского князя Изяслава Ярославича и поддерживавшей его Польши Болеслава II (1058–1079)¹³⁵, а в это время только что получивший из рук Генриха баварский герцогский стол Вельф I был одним из наиболее близких и верных сторонников императора, в сущности — его креатурой¹³⁶.

Нижней хронологической границей для реконструируемого замужества сестры Мономаха служит дата мира между Генрихом IV и Вельфом I. Упомянутая веронская грамота датируется 1096 г. в целом, но эту общую датировку можно уточнить. В самом деле, в уже известном нам послании императора венгерскому герцогу Альмошу

¹³³ О происхождении Юдиты и истолковании несколько сбивчивого показания «Истории Вельфов», в которой вторая супруга Вельфа I именуется «овдовевшей королевой Англии» (*Hist. Welf. Cap. 13* [ed. L. Weiland]), см.: *Hlawitschka E. Zur Herkunft der Herzogin Judith von Bayern († 1094) // idem. Stirps regia: Forschungen zu Königtum und Führungsschichten im früheren Mittelalter. Ausgewählte Aufsätze. Frankfurt/M.; Bern; New York; Paris, 1988. S. 511–528* (первая публ. — в 1983 г.).

¹³⁴ *Saxo Grammaticus. Gesta Danorum / Ed. J. Olrik, H. Ræder. Hauniae, 1931. T. 1. Cap. XI, 6, 3. P. 308.*

¹³⁵ *Назаренко А. В. Древняя Русь... С. 506–539.*

¹³⁶ *Schneidmüller B. Die Welfen. S. 130–134.*

Вельф еще рассматривается как враг, к борьбе с которым Генрих призывает не только самого Альмоша, но и его старшего брата венгерского короля Кальмана¹³⁷; между тем послание, как выяснено выше, можно определенно отнести ко времени после августа 1096 г. Следовательно, веронский компромисс состоялся ближе к концу 1096 г. Вместе с тем еще в течение 1095 г., после Пьяченцы, произошел разрыв между Вельфом-младшим и его влиятельной супругой. Все попытки отца, Вельфа I, спешно прибывшего с этой целью в Италию, уладить дело, оказались тщетны. Причины разрыва не до конца понятны, но, вероятнее всего, прав швабский хронист Бернольд, современник событий, писавший, что речь шла о выяснившейся наконец невозможности для Вельфов рассчитывать на обширные земельные владения Матильды¹³⁸ (они еще при жизни папы Григория VII были тайно завещаны апостольскому престолу). Перед Вельфом I обозначилась перспектива борьбы за североитальянские земли с местными родственниками (Вельфом он был только по матери, отцом же его был маркграф Альберт Аццон II из семейства Эсте), и вести ее, не имея тыла в Германии, было невозможно. Так что компромисс с Генрихом IV вызревал с рубежа 1095–1096 гг. Однако подготовительные переговоры едва ли могли стать препятствием для планировавшегося союза с Владимиром Мономахом. Ведь и возвращение Баварии не значило полного взаимопонимания с императором. Веронский компромисс до конца не устраивал никого: достаточно сказать, что Вельф I отказался признать императорского антипапу Климента III, так и оставшись приверженцем Урбана II.

Итак, исходя из анализа политической ситуации, наиболее вероятной датой брака Оттона II и Мономаховны следует считать 1094–1096 гг., хотя вполне исключить ближайших последующих

¹³⁷ «Итак, возлюбленный, любым способом, каким только можешь, убеди своего брата преследовать N., который не герцог, а судебным порядком отрешенный [от герцогства], и во всем противодействовать ему как самому заклятому врагу нашему» («*Tu ergo, dilectissime, id modis omnibus, quibus vales, fratri tuo persuade, ut N. non ducem sed iudiciario ordine abiudicatum persequatur, et in omnibus ei adversetur sicut infestissimo hosti nostro*» (см. примеч. 99); под N. разумеется, конечно же, Вельф I.

¹³⁸ *Bernoldi Chronicon* / Ed. G. H. Pertz // MGH SS. Hannover, 1844. T. 5. A. 1095. P. 461.

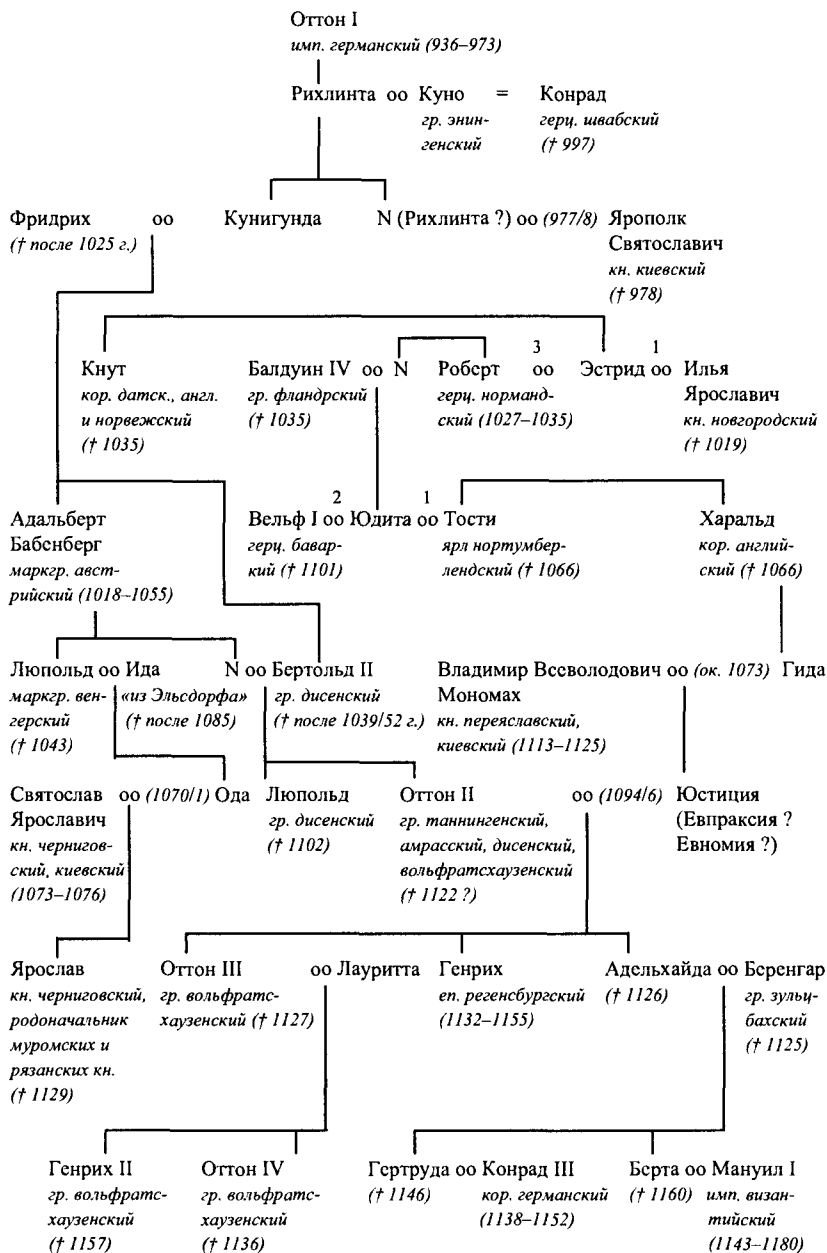
лет нельзя. Впрочем, более поздняя датировка практически исключается расчетом срока рождения Адельхайды, которая, как показано выше, вряд ли могла родиться существенно позже 1097/8 г.

В заключение несколько слов об именах жены графа Оттона II и его дочери. Родившаяся ок. 1096/7 г. Адельхайда получила имя, вполне вероятно, в честь своей знаменитой двоюродной бабки; это было бы естественно при той политической связи, которая существовала между судьбой Евпраксии-Адельхайды и браком Всеволодовны, матери Адельхайды-младшей, с графом Оттоном II. Но вот имя русской жены последнего, принятое ей в Германии, — *Iustitia* выглядит необычным. Собственно говоря, это даже и не имя (в латинских святцах его нет) и больше походит на какое-то латиноязычное прозвище; недаром Ф. Тироллер в своей генеалогической таблице, по ничем не мотивированной догадке, прибавил к нему в скобках созвучное распространенное имя *Iudita*¹³⁹. Учитывая реконструированное нами русское происхождение Юстиции, логично было бы предположить, что ее уникальное для латинского антропономастикона имя могло быть калькой с ее русско-греческого православного имени из числа популярных среди женского потомства Всеволода Ярославича имен на греч. *Ευ* — «благо»: Евпраксия (дочь Всеволода Ярославича), Евфимия (дочь Владимира Мономаха, вторая супруга венгерского короля Кальмана), Евфросиния (дочь Мстислава Владимировича, жена венгерского короля Гезы II), Евдокия (дочь Изяслава Мстиславича, жена польского князя Мешка III Старого). Этимологически в этом отношении лучше всего подходили бы имена «Евпраксия», «Евномия» с близким значением «благодетельная, справедливая». Полагаем, что возможность предложить столь естественное разрешение загадки, связанной с именем супруги вольфратсхаузенского графа Оттона II, служит косвенным свидетельством в пользу нашей гипотезы о происхождении Юстиции.

В результате генеалогическая схема, с которой мы начали свое рассмотрение, приобретает окончательный вид¹⁴⁰:

¹³⁹ См. примеч. 55.

¹⁴⁰ Для полноты и наглядности в таблицу включены также генеалогические связи древнерусского княжеского дома, о которых не было речи в тексте и которые были обоснованы нами в других работах (см. прежде всего: Назаренко А. В. Древняя Русь... С. 451–558).

П. С. Стефанович

Отношения князя и знати в Галицком и Волынском княжествах до конца XII в.*

Введение. — Первые известия о волынской знати и становление южноволыньских княжеств. — Из истории Владимиро-Волынского княжества: бояре Ярослава Святополчича. — Галицкое боярство в 1144–1189 гг.: на пути к «олигархии»?

Введение

Политические судьбы городов и областей, входивших в состав Галицкого и Волынского княжеств, были тесно переплетены на протяжении всей домонгольской эпохи.

Есть основания предполагать, что эти земли, присоединённые к Древнерусскому государству в конце X в., вначале составляли внутри него некое административно-территориальное целое¹. Но с

* *Ich bedanke mich bei der Gerda Henkel Stiftung für die Unterstützung dieser Untersuchung. Автор признателен Фонду Герды Хенкель за поддержку данного исследования.* Приношу также глубокую благодарность Б. Н. Флоре за ценные замечания по рукописи данной статьи.

¹ Видимо, в составе удела, который был выделен Владимиром Святославичем сыну Всеволоду (*Грушевський М. С.* История України-Руси. Львів, 1905. Вид. 2. Т. II. С. 362–363, 390). «Повесть временных лет» сообщает, что Владимир посадил сына Всеволода во Владимире — городе, основанном на Волыни, наверное, самим князем (ПСРЛ. Т. 1. Л., 1926. Стб. 121). Сообщение «Чтения о Борисе и Глебе» иногда понимают так, что якобы Владимир посадил на какое-то время во Владимир-Волынский

конца XI в., т. е. с того времени, относительно которого мы располагаем более ясными данными о них, они оказываются уже разделены на несколько княжеств, образовавших позднее два — Галицкое и Владимиро-Волынское. Только в 1199 г. состоялось объединение этих княжеств под властью одного князя — Романа Мстиславича († 19 июня 1205 г.), внука Изяслава Мстиславича, князя киевского и владимири-волинского († 14 ноября 1154 г.), и праправнука Владимира Всеволодовича Мономаха († 19 мая 1125 г.)². Единство двух княжеств под властью сыновей черниговского князя Игоря Святославича († 1202 г.), принявших власть после смерти Романа, продержалось только до 1208 г. Сыновьям Романа Даниилу († 1265 г.) и Васильку († 1269 г.) пришлось вести долгую и упорную борьбу за воссоединение обоих княжеств, и окончательно завершилась она уже тогда, когда почти все русские земли находились в политической зависимости от ханов монгольской Орды (власть Романовичей над Юго-Западной Русью стала непоколебимой только после битвы под Ярославом 17 августа 1245 г.). Перипетиям этой борьбы, а также правлению братьев и их сыновей и внуков до зимы 1289–1290 гг. посвящена так называемая Галицко-Волынская летопись — весьма своеобразный памятник русского летописания, сохранившийся в составе Ипатьевской летописи.

Бориса Владимировича, — однако это неправильная трактовка выражения Нестора (см.: *Бугославський С. А. Україно-руські пам'ятки XI–XVIII вв. про князів Бориса та Гліба: Розвідка й тексти.* Київ, 1928. С. 185, прим. 180).

²Здесь и далее все даты, кроме специально оговорённых случаев, приводятся (с максимально возможной точностью) в переводе на современное летосчисление по Ипатьевской и Лаврентьевской летописям с учётом следующих справочников летописной хронологии: *Грушевський М. С. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Записки Наукового Товариства ім. Т. Г. Шевченка.* Львів, 1901. Т. XLI; *Бережков Н. Г. Хронология русского летописания.* М., 1963. В том случае, если приводится летописная дата по летосчислению от сотворения мира без комментария, подразумевается, что она — достоверная. Дата смерти Романа Мстиславича известна по польским источникам (см., например: *Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI) /* Ред. А. В. Назаренко. М., 2004. С. 347).

Первая часть Галицко-Волынской летописи, наиболее интересная и яркая, удачно названная Л. В. Черепнинным «Летописец Даниила Галицкого»³, посвящена прежде всего добыванию Даниилом своей «отчины» (т. е. собиранию земель, принадлежавших его отцу), причём основное внимание обращено на события, имевшие место в одной из частей этой отчины — в Галиче (хотя на самом деле деятельность Романовичей в первой трети XIII в. разворачивалась в основном на Волыни). Главными героями этих событий выставлены галицкие бояре, которые оцениваются как «неверные» и «безбожные» «мятежники» и «кормольники», не желающие признать власть их «отчича». Учёные уже давно заметили и эту негативную оценку, и действительную напряжённость борьбы Даниила с галичанами и пришли к выводу, что «Летописец» отражал реальные силу и независимость галицкого боярства. Эта «боярская олигархия» (как часто пишут историки) — без сомнения, заметное и своеобразное явление нашей древней истории.

Среди разнообразных вопросов, которые обсуждаются в историографии в связи с этим явлением, один из важнейших — о его *происхождении*. Естественно, что определение корней выдающегося положения галицких бояр даёт возможность судить и о его сущности. В настоящей работе центральным поставлен именно этот вопрос, который можно сформулировать и более конкретно: обнаруживается ли указанная специфика галицкого общественного уклада до времени, описываемого «Летописцем», т. е. до рубежа XII и XIII вв., и в каком отношении она находится к традиционному дружинному строю отношений князя и знати? Поскольку при такой постановке проблемы неизбежно придётся обращаться к истокам, которые были общими для Галицкого княжества и прочих русских земель, составлявших до начала XII в. единое Древнерусское государство, затрагивается также и вопрос о том, существовали ли аналогии этой специфике в других землях, прежде всего, в соседней Волынской. Рубеж XII–XIII вв. представляется удобным хронологическим рубежом для наших целей, поскольку позволяет сосредоточиться на древнейших данных и оставить за рамками исследова-

³ См.: Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого // ИЗ. М., 1941. Т. 12.

ния Галицко-Волынскую летопись, жанровое своеобразие и обилие данных которой требуют специального подхода.

Единственной возможной методикой исследования нам представляется анализ *всех* более или менее надёжных известий о галицкой и волынской знати с древнейшего времени в поисках каких-либо особенных черт в её положении до конца XII в. Разумеется, основным «поставщиком» такого рода известий является древнейшее русское летописание. Первые упоминания о знатных людях в окружении князей, которые правили или стремились к правлению в стольных городах Волынской и будущей Галицкой земель, восходят к концу XI в. и содержатся в «Повести временных лет». Ряд известий из истории Галицкого княжества 40–80-х гг. XII в., описывающих, среди прочего, и взаимоотношения князя и боярства, находится в Киевском своде конца XII в., вошедшем в состав Ипатьевской летописи⁴. Почти полное отсутствие сведений из внутренней истории Владимиро-Волынского княжества в XII в. объясняется, по-видимому, тем, что оно принадлежало в это время князьям «Мономахичам» (т. е. Потомкам Мономаха), предъявлявшим прежде прочих князей претензии на киевский престол, и рассматривалось ими (а вслед за ними, и летописцами) скорее как база для «добывания» Киева и некий придаток киевской волости. Более мелкие княжества

⁴ Эти известия дают основания некоторым учёным предполагать существование во второй половине XII в. независимого галицкого летописания. В таком случае Галицко-Волынская летопись предстаёт в каком-то смысле продолжением этой летописной традиции (*Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. // Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 573–574, 581 (первое издание: СПб., 1908)*). Сообщение галицких известий за третье десятилетие XII в. Яном Длугошем (ср.: *Грушевський М. С. Історія... С. 573–574*, а также комментарий А. В. Назаренко в издании: *Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории»... С. 419, прим. 271*) и нескольких уникальных сведений из истории Галицкой и Волынской земель XII — начала XIII в. В. Н. Татищевым наталкивает на мысль, что в их распоряжении могла оказаться некая летопись, представлявшая эту традицию. Однако более вероятно, что они имели дело с особой редакцией «Киевской летописи», отличной от той, которая дошла до нас в составе Ипатьевской летописи, и содержавшей более подробные сведения из истории Юго-Западной Руси.

(Луцкое, Белзское и др.), образовавшиеся с течением времени в результате раздела Владимирского княжества Изяславом Мстиславичем между его сыновьями Мстиславом († 19 августа 1170 г.) и Ярославом (последний раз упоминается как князь киевский в 1174 г.), находились, очевидно, вне круга интересов киевского летописца. Многие историки Юго-Западной Руси, стремясь охватить по возможности все доступные данные, обращались также, кроме древнерусских летописей, к польским средневековым хроникам, поздним русским летописям и «Истории Российской» В. Н. Татищева. Эти источники, особенно уникальные «татищевские известия», ещё ждут специальных источниковедческих исследований; степень достоверности их сведений может оцениваться очень по-разному⁵. Мы не строим на основе этих сведений своей аргументации, однако, поскольку в ряде случаев специальный анализ показывает, что им всё-таки можно в какой-то степени доверять, считаем, что полностью игнорировать их было бы неправильно.

Остановимся коротко на историографии вопроса⁶. Из-за того, что в работах историков проблема взаимоотношений князя и боярства (или дружины) в Галицко-Волынской земле рассматривается, как правило, на протяжении всей домонгольской эпохи — и даже более того: период до начала XIII в. оценивается сквозь призму борьбы Даниила Романовича с галицким боярством, — по необходимости нам придётся привести их суждения и относительно этой

⁵ Ср., например, новейшее исследование «татищевских известий»: *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. Автор этого интересного исследования придерживается скептического взгляда относительно этих известий и считает В. Н. Татищева сознательным мистификатором. Полагаем, что такие вопросы, как достоверность уникальных сведений Татищева, методы его работы, источники, бывшие в его распоряжении, и др., отнюдь не закрыты, но работа украинского историка, несомненно, даст мощный импульс дальнейшим исследованиям в этом направлении. Ср. обсуждение этой работы: *Стефанович П. С.* «История Российская» В. Н. Татищева: споры продолжаются // ОИ. 2007. № 3.

⁶ Подробный, хотя и несколько односторонний, историографический обзор исследований общественного уклада Галицко-Волынской Руси домонгольской эпохи см. в работе: *Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь. СПб., 2001.

борьбы, невзирая на хронологический рубеж, выбранный для нашего исследования. Однако, акцент мы делаем именно на проблеме причин и происхождения «боярской олигархии» в Галиче (поэтому ряд работ, посвящённых специально Галицко-Волынской летописи, Роману Мстиславичу и его детям, их борьбе за Галич и другим героям и событиям XIII в., в наш обзор не попали).

На галицкое боярство как особо выдающееся явление древнерусской общественной жизни первым обратил внимание Н. М. Карамзин, который первый ввёл в научный оборот и широко использовал данные Ипатьевской летописи. Его суждения о «своевольстве» галицких бояр, которые «всем управляли» в Галицкой земле, и сочувственное отношение к Даниилу Романовичу, «способному править землю, обуздывать Вельмож, смирять неприятелей», стали распространёнными стереотипами, повторяемыми в исторической литературе до сих пор⁷.

Общие оценки Н. М. Карамзина были развиты более подробно в трудах русских и украинских историков 50–70-х гг. XIX в., поставивших изучение истории Галицко-Волынской Руси на сравнительно серьёзный научный уровень. Например, один из первопроходцев исследований в этой сфере Д. И. Зубрицкий, отмечая «возвышение» боярства в Галиче, относил начало этого процесса к ещё более раннему времени, нежели Н. М. Карамзин, и уже пытался найти ему объяснение. Комментируя известие летописи о приглашении галичанами в 1145 г. Ивана Ростиславича Берладника († 1161/1162 г.) править ими вместо Владимира Володаревича († зима 1152/1153 г.), Д. И. Зубрицкий делал вывод, что летописные «галичане» — это не только «граждане-жители того города», но и «разбогателые уже вельможи». Эти «вельможи» или их предки состояли прежде в княжеской дружине, которая, «в Галиции заранее наделенная землею и угодьями, усилилась и возгордела» и «преобразилась из дружинников в поместных владельцев». Это «необузданное богатое сословие, образовавшееся по примеру Венгерских и Польских вазалов, стремилось ограничивать власть государей, усиливая собственную». В отличие от других русских земель, в Нов-

⁷ Карамзин Н. М. История Государства Российского. М., 1991. Т. II–III. С. 425, 445, 456–7 (первое издание: СПб., 1816). Первая публикация Ипатьевской летописи была осуществлена в 1843 г. во II томе ПСРЛ.

городе и Галиче управляли «самовольные торгаши и мещанство» и «высокопарная олигархия», которые стали «виновниками бесчисленных народных бедствий». В основе социальных конфликтов в Галиче во второй половине XII в. Д. И. Зубрицкий видит лишь «мятеж корыстолюбивых бояр», которые стояли за всеми переменами на галичском престоле, неизменно стремясь «стеснить законную власть Галичских государей»⁸. В это время и позднее — в первой половине XIII в. — историк отмечает разные «партии» в боярской среде, однако не находит никаких других причин к их образованию кроме «ветрености и непостоянства» галичских бояр, их «своевольства, властолюбия, спесивости и бурливого нрава». В круговороте событий и князей в первой трети XIII в. он не видит «никакой политической системы, никакой постоянности, хаотическое только замешательство, беспорядочное шатание и смутность». Спасение от этой анархии мог представить только «сильный и законный государь», каким был Даниил Романович, который опирался на симпатию простых «галичских жителей»⁹.

С теми или иными модификациями такие же по сути характеристики галицкого боярства (хотя и не в столь резких выражениях) повторяются в трудах С. М. Соловьёва, М. П. Смирнова, И. И. Шараневича, В. Б. Пассека, М. П. Погодина и Н. И. Костомарова¹⁰.

⁸ Зубрицкий Д. И. История древнего Галичско-Русского княжества. Львов, 1852. Ч. 2. С. 62–63, 115–116, 121.

⁹ Там же. Ч. 3. С. 38, 45–46, 50, 107, 121, 126.

¹⁰ Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Т. 2 // Соловьёв С. М. Сочинения. М., 1988. Кн. I. С. 545, 568 (первое издание: М., 1852); Т. 3 // Там же. Кн. II. С. 127 (первое издание: М., 1853); Смирнов М. П. Судьбы Червонной или Галицкой Руси до соединения ее с Польшею (1387). СПб., 1860; Шараневич И. И. История Галицко-Володимирской Руси от найдажнейших времен до року 1453. Львів, 1863. С. 54, 56–57, 70, 82, 85–86; Пассек В. Княжеская и докняжеская Русь // Чтения в ОИДР. 1870. Кн. 3. С. 48–69; Погодин М. П. Древняя русская история до Монгольского ига. М., 1871. Т. I. С. 264; Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. М., 2004. С. 198–199 (впервые: М., 1873); Он же. Черты народной южнорусской истории // Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. СПб., 1863. Т. I. С. 119–217; Он же. Начало единодержавия в Древней Руси // Косто-

С этого времени общим местом стали утверждения о торговом капитале и землевладении бояр Галича как основе их экономического господства, стремлении их иметь князя по своей воле, о вечном раздоре между «партиями» в их среде и, наконец, торжестве справедливости, который установил ради народного блага князь Даниил, усмирив непокорных «крамольников».

Первой попыткой пересмотреть некоторые устоявшиеся стереотипы была работа Н. П. Дашкевича. Этот автор считал, что первоначально «склад общественной жизни в Червонной Руси» — боярство во главе княжеской дружины отдельно от «земли» — «не носил в себе никакого особенного отпечатка» по сравнению с другими русскими землями. Но в середине XII в. благодаря династическим обстоятельствам — единовластие одного князя без «той смены князей, которая имела место в других областях», — «бояре получили самую широкую власть». В правление Ярослава Владимировича († 1 октября 1187 г.) «верхний слой служилого сословия», хотя ещё и назывался «дружиною», «желает и начинает влиять на князя не так, как вообще влияли тогда дружинники». «Князь был один, а земля обширна», поэтому «управление областями» поручалось, причём на долгие сроки, боярам, и именно оно «должно было им дать особенную силу»: «„княжие мужи“ сделались крепкими земле и получили в ней важное значение, ставши не только „княжими“, но и „Галицкими“ мужами». Так как основу благосостояния боярства составляло это «управление областями», оно должно было быть заинтересовано в их сохранении и не допускать политического «раздробления галицкой земли во все последующее время». С другой стороны, по этой же причине галицкую элиту как «целый общественный класс» объединяли общие интересы, что вело и к её политическому единству. Н. П. Дашкевич возражал против мнения (уже в то время общепринятого), что бояре были всегда разделены на «партии», каждая из которых имела своего ставленника и рассчитывала в случае его победы на собственное преобладание и обогащение. «Князья были вводимы в Галич или изгоняемы из него не отдельными партиями, но всем боярством», — писал историк. Разумеется, возможны были разногласия, но в итоге принималось всё равно скоординированное

решение, и водворение в городе «князя одной партии не влекло за собой преследования и бегства другой». Таким образом, «особенное положение» галицкого боярства образовалось «вследствие чисто местных условий», а не под влиянием «аристократического строя» западных соседей. Отлично от западной аристократии, но подобно новгородской, галицкая элита «юридически не обособилась от массы» (т. е. не представляла «замкнутого сословия») и была существенно связана «вечевыми правами» последней. И в конечном итоге галицкое боярство оказалось не в силах ни решительно стеснить эти права, ни оградить себя от притязаний княжеской власти. Победа Даниила, который сумел утвердиться в Галиче как «отчич», а не как ставленник (на определённых условиях) боярства, знаменовала торжество «строга остальной Руси»¹¹.

На исходе XIX в. вышли две статьи, затрагивавшие вопрос о социально-политическом значении знати в Галицком княжестве в домонгольскую эпоху. В статье тогда ещё начинающего историка М. С. Грушевского речь идёт прежде всего об экономических основах могущества галицкого боярства. По его мнению, несмотря на то, что происхождение галицкого боярства было двойственным — из дружинной аристократии и «земской», — к середине XII в. материальные основы этого класса были однородны: главным источником дохода было для бояр исполнение государственных должностей. М. С. Грушевский интерпретирует отрывочные летописные известия о «сёлах», «волостях» и «градах», которые «держат» бояре, как их «кормления», которые им раздаёт князь «для сбора доходов и исполнения государственных функций». Назначение на должности находилось в руках князя лишь *de jure*, а фактически этим делом распоряжались сами бояре, причём «целый ряд второстепенных держаний раздавал определённо не сам князь, а „великие бояре“» «своей клиентеле» («мелким боярам»). Историк также допускает, что право на определённые «кормления» переходило по наследству в отдельных боярских родах. Для подкрепления этих выводов, сделанных на не совсем ясных сообщениях летописи, М. С. Грушевский приводит ретроспективные данные актов конца XV — начала XVI в., из которых явствует, что, например, в Киеве

¹¹ *Дашкевич Н. П.* Княжение Даниила Галицкого, по русским и иностранным известиям. Киев, 1873. С. 22–25, 30, 37–47, 58.

в то время «волости держали» местные бояре по очереди по году. Эти данные, по его мнению, объясняют, «каким образом независимо от княжей милости бояре могли сами держать важнейшие должности: если тот или иной стоял на очереди, будучи „достоин“ (по родовым заслугам. — П. С.) той или иной высокой должности, со стороны князя было бы крайним самовольством его обойти и дать должность какому-нибудь менее значительному кандидату»¹². В соответствии с выводами о «монополии боярского управления» и уже устоявшимися историографическими представлениями, М. С. Грушевский формулирует политическую программу галицкого боярства: «...оставив за князем номинальную власть, взять управление в свои руки». Также присоединяясь к мнениям других историков, он относит первый пример проявления независимости галицкого боярства от князя к началу 1170-х гг. (кризис в семейных делах Ярослава Владимировича), различает в боярской среде в начале XIII в. разные «партии» и основной причиной победы Даниила считает «национальные чувства» и «народные симпатии» галичан¹³.

М. М. Кордуба в общем присоединяется к заключениям М. С. Грушевского, уточняя их в некоторых деталях. Так, признавая, что в исправлении государственных должностей коренился источник богатства галицкого боярства, Кордуба подчёркивает «оседание» бояр на местах, порученных им в управление, посредством частнопроводного освоения (своего рода приватизации) этих должностей и передачи их по наследству. В этом он видит основу частного боярского землевладения и черту, сближающую строй Галицкой Руси с западноевропейским феодализмом¹⁴. В политическом плане он наблюдает «полную зависимость» бояр от князя до 70-х гг. XII в., а затем стремление их в качестве «местной аристократии» влиять на князя и на управление в княжестве. Боярский класс, как он считает, выдвинул две политические «партии» — «династическую»

¹² Грушевський М. С. Галицьке боярство XII–XIII в. // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1897. Т. XX. С. 2–8.

¹³ Там же. С. 11–18.

¹⁴ Кордуба М. Суспільні верстви та політичні партії в Галицкім князівстві до половини XIII століття // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1899. Т. XXXI–XXXII. С. 5–6.

и «оппозиционную». Первая «стремится через крепкую связь с князем достичь большего богатства и значения», её составляли «главным образом менее зажиточные, мелкие бояре»; вторая — «значительно сильнейшая» — «хотела самоутвердиться за счёт борьбы против княжеской власти». Проследивая борьбу двух «партий» за влияние, М. М. Кордуба приходит к выводу, что идеалом правления для «оппозиционной партии» было формальное владычество венгров, а для «династической партии» — власть таких сильных князей, как Роман и его сын Даниил. Стремления «династической партии» в каком-то смысле совпадали («с политикой мещанства») (эту партию можно даже назвать «демократической»). Благодаря этому обстоятельству, а также отсутствию сословного единства в среде бояр и татарскому нашествию, Даниилу удалось взять власть в Галиции, а «великое боярство» пришло в упадок¹⁵.

В капитальной «Истории Украины-Руси» М. С. Грушевский обобщил как собственные выводы и наблюдения относительно галицкого и волынского боярства, так и других исследователей; его обобщения — своего рода квинтэссенция разработок дореволюционной науки по предмету¹⁶. Прежде всего, он вполне традиционно признаёт как «наиболее характерное явление общественного строя Галичины» «необычайное, неслыханное где-либо ещё на Украине развитие боярской силы и влияния. Оно наложило свой отпечаток на политические отношения земли: его последствия проявились здесь в подчинённом положении общины против боярства, а иногда политические стремления боярства парализовали княжескую власть до полной беспомощности». С 1145 г., когда Владимир Во-

¹⁵ Там же. С. 12–24.

¹⁶ К изысканиям и суждениям М. С. Грушевского и тех его предшественников, которые названы выше, восходят так или иначе те высказывания о галицко-волынском боярстве и его отношениях с князьями и горожанами, которые можно найти в исторических трудах конца XIX — начала XX в. Характерно, что даже такой пытливый и оригинальный исследователь, как А. Е. Пресняков в части своего лекционного курса, относящейся до Галицко-Волинской Руси, просто повторяет высказывания М. С. Грушевского (*Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. II. Вып. 1: Западная Русь и Литовско-Русское государство. М., 1939. С. 26–27, 32, 34*).

лодаревич, опираясь на свою дружину, подавил мятеж горожан в Галиче против его власти, «община» (*громада*) была задавлена¹⁷. Слабость общины, а также династический фактор способствовали тому, что в конце XII в. боярство выросло в мощный класс, способный противостоять княжеской власти. К началу XIII в. оно выдвигает свою политическую программу: не позволить утвердиться в Галиче какой-нибудь русской династии (прежде всего — Романовичам, которые рассматривали землю как свою «отчину») и, поддерживая конкуренцию среди разных претендентов на престол, давать власть слабейшему, чтобы его власть была только номинальной. Но благодаря тому, что бояре не имели опоры в «общине» (этим оно принципиально отличалось от новгородского боярства), не испытывавшей никаких симпатий к «капиталистам и земельным можновладцам», но сохранившей всё-таки некоторое значение, а также внутренним противоречиям среди них самих (борьба «партий» и отдельных лидеров), Даниил смог победить враждебных ему «олигархов»¹⁸.

На Волыни же боярство, по оценке М. С. Грушевского, в домонгольский период никогда «не имело такой силы, как боярство галицкое». «В отсутствие всякой устойчивости в политических отношениях Волыни, при частых сменах династий здесь не могло сформироваться такое влиятельное и консолидированное боярство, как в Галичине». Те случаи в конце XI — начале XII в., когда боярство волынских князей обнаруживает своё «влияние», «не имеют в себе, — считал историк, — ничего особенно характеристичного» в условиях «княжеско-дружинного режима»¹⁹.

Советская историография восприняла общепринятые положения дореволюционных историков о политической роли галицкого боярства в XII–XIII вв. настолько, насколько они соответствовали

¹⁷ Грушевський М. С. Історія... Т. II. С. 473–474.

¹⁸ Там же. Т. II. С. 478–482; Львів, 1905. Т. III. С. 41.

¹⁹ Там же. Т. II. С. 400–402. Эта мысль М. С. Грушевского близка позиции П. А. Иванова (*Иванов П. А. Исторические судьбы Волынской земли. Одесса, 1895*), но не сходна с мнением А. М. Андрияшева, видевшего на Волыни «сильное сословие» бояр или «боярскую партию» (*Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887. С. 116–117, 155*).

новой точке зрения на экономические основы его могущества. Поскольку господствующей марксистско-истматовской концепцией древнерусское общество было объявлено феодальным, а основой феодализма считалось крупное сеньориальное землевладение, то при характеристике галицких, как и волынских и всех прочих, бояр акцент делался на их земельных владениях. Кроме того, к ним применялись универсальные характеристики любой знати на этапе «феодальной формации»: «классовое господство» и центробежные, сепаратистские устремления.

В специальных работах, посвящённых истории Галицко-Волынской Руси, можно найти следующие утверждения. Например, А. А. Савич утверждал, что феодальное землевладельческое боярство в Галиче, аналогичное западноевропейской знати, существовало со времён ещё «до появления князей-варягов»²⁰. В статье В. В. Мавродина упор делался на классовой борьбе галицких горожан «против достигшей исключительной силы боярской аристократии». Бояре характеризуются как «изменники», сговорившиеся с зарубежными интервентами, «расхитители земли» и носители «феодальной раздробленности»²¹.

К. А. Софроненко также убеждена, что определяющим для общественного строя Галицко-Волынской Руси было крупное вотчинное землевладение бояр, которые «вышли из родоплеменной знати», но в то же время принципиально не отличались от «сословий» феодалов соседних западных стран²². В согласии с общепринятыми суждениями автор утверждает, что со второй половины XII в. в Галиче «власть по существу была сосредоточена в руках крупного боярства», и даже повторяет мнение М. С. Грушевского

²⁰ Савич А. А. Борьба феодалов в Галицко-Волынской Руси // Ученые записки МГПИ им. К. Либкнехта. Серия историческая. М., 1937. Вып. I. С. 72–73.

²¹ Мавродин В. В. О народных движениях в Галицко-Волынском княжестве XII–XIII веков // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. Л., 1939. Вып. 5. С. 12, 14.

²² Софроненко К. А. Общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси XI–XIII вв. М., 1955. С. 47, 55–56. Впервые опубликовано в сокращённом виде в издании: Материалы по истории государства и права СССР. М., 1948. Вып. I.

(хотя и не ссылаясь на него), что «раздача должностей только юридически оформлялась князем, на деле же этот вопрос решался по договоренности бояр в совете (т. е. на думе. — П. С.)». Также традиционно говорится о «своеволии» и «мятежах» бояр, раздорах в их среде и т. п. Фактически вслед М. М. Кордубе (но не ссылаясь и на него), выделявшему в Галицком боярстве «династическую», или «демократическую», «партию», К. А. Софроненко считает, что опорой Романа и его сына Даниила было «мелкое и среднее служилое боярство». Новым является отрицание серьезной политической роли горожан и городского веча, которое в XII–XIII вв. стало «орудием правящей группы феодалов города» (правда, кто это такие, в работе не объясняется)²³. В этом пункте явно проглядывает ориентация на положения работы С. В. Юшкова²⁴.

В книге, специально посвященной Галицко-Волынской Руси XIII в., В. Т. Пашуто предпринимает серьезный анализ летописания и политической истории (с акцентом на международном положении), однако его очерк «социально-экономических отношений в юго-западной Руси» представляет собой такое же смешение традиционных мнений (хотя повторенных практически без ссылок на «домарксистских» предшественников²⁵) и новых идеологическо-теоретических постулатов. Главный тезис В. Т. Пашуто относительно боярства сводится к тому же: основа могущества галицких бояр — крупное землевладение (хотя признаётся и некоторая роль доходов от исполнения должностей), в политическом плане они — носители сепаратизма, главные виновники «феодальной войны»

²³ Там же. С. 92, 95–99, 108, 110–112.

²⁴ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. Небольшой раздел этой работы посвящён «Галиции» (с. 248–249).

²⁵ Например, имя М. С. Грушевского, из трудов которого фактически более всего и заимствуются общие оценки и суждения по истории и общественному строю Галицко-Волынской Руси, упоминается в книге В. Т. Пашуто всего несколько раз. В одном из этих упоминаний М. С. Грушевский характеризуется как «буржуазный националист», непосредственный предшественник «украинских „историков“-националистов» 1930-х гг., «врагов народа» и «фальсификаторов истории» (Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 150).

первой трети XIII в., которые приводят «иноземных захватчиков» и против которых в первую очередь направлены «массовые народные движения горожан и смердов». Русское боярство в домонгольский период в целом — «вполне оформившееся сословие, такое же как в Польше и Венгрии». В частности, типологически сходны, по мнению В. Т. Пашуто, волынское и галицкое боярство; просто в силу обстоятельств волынское боярство было сломлено раньше Романом, а галицкое — позже его сыном Даниилом. «Бесспорным» считает историк, что «XII–XIII вв. характеризуются одновременно и ростом политического значения землевладельческой знати, и развитием борьбы с ней великокняжеской знати, что экономически означало борьбу за перераспределение ренты»²⁶. Также не подлежит для него сомнению, что и «внутри господствующего класса» была «борьба групп»: позицию, отдельную от «непокорного сеньориального боярства и мелкого княжья», занимали дворяне или «служилый феодалитет» (в другом месте обозначенный В. Т. Пашуто также как «„служашее“ боярство»), а также «правлящая знать городов», летописные «мужи градские». Этой «борьбой групп» объясняется постоянная политическая нестабильность в Галицком княжестве, возникновение разных «партий» и т. д. Именно опора на вторую и третью «группы господствующего класса» обеспечила победу сильной княжеской власти, которую представляли Роман Мстиславич и Даниил Романович. Так же, как С. В. Юшков и К. А. Софроненко, В. Т. Пашуто фактически отказывает в политическом значении другим социальным слоям, на долю которых остаются только «вспышки классовой борьбы»²⁷.

В параграфе о Галицко-Волынской Руси «Очерков истории СССР» В. Т. Пашуто повторяет свои выводы относительно боярства в XIII в., а для более раннего времени ограничивается расплывчатыми формулировками. Хотя признаётся, что «весьма рано (когда именно, непонятно. — П. С.) сложились в юго-западной Руси феодальные отношения, приведшие к развитию боярского землевладения и росту политического значения боярства», но в то же время утверждает: «...в господствующую силу галицкое боярство

²⁶ Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 134, 143–144, 147, 155.

²⁷ Там же. С. 156–157, 175–177, 191, 202, 207, 234.

сложилось не сразу». Утверждение, что в течение XII в. бояре «не раз именуются „мужами галицкими“, отличающимися от прежних „княжих мужей“», никак не развивается, и что из этого должно следовать, неясно²⁸. В разделе более поздней коллективной монографии В. Т. Пашуто старается доказать, что политическая власть в древнерусских землях, и в Галиче в том числе, принадлежала не народу и даже не столько князьям, сколько знати — землевладельческой (боярам) и городской («бюргерству»). В поисках «вассалитета» в домонгольской Руси историк обращается к межкняжеским отношениям, однако принципы и механизмы отношений князя и знати, а также участия последней в политической жизни разных земель остаются у него не раскрыты²⁹.

Выводы В. Т. Пашуто вместе с более общими высказываниями Б. Д. Грекова³⁰ были поддержаны Б. А. Рыбаковым³¹ и стали основополагающими для советской историографии по теме Галицко-Волынской Руси.

Эти выводы в целом были приняты в советское время и в украинской историографии. Например, Н. Ф. Котляр и до сих пор в

²⁸ Пашуто В. Т. Галицко-Волынское княжество [в разделе: «Феодальные княжества и республики XII–XIII вв.»] // Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв. М., 1953. Ч. I. С. 358–359.

²⁹ Пашуто В. Т. Черты политического строя древней Руси // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 11–76.

³⁰ См., например, утверждения о землевладении и сословных правах как главных чертах «класса феодалов» в Галицкой Руси: Греков Б. Д. Общественный строй Галицкой Руси в XIV–XV вв. // Греков Б. Д. Избранные труды. М., 1960. Т. III (впервые опубликовано в 1944 г.). С. 13–28.

³¹ См., например, в книге: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993 (первое издание: М., 1982). Б. А. Рыбаков делал упор на мысли о сепаратизме бояр — «феодалов, стремившихся замкнуться в своих вотчинах». По его мнению, «вся история» Галицко-Волыньских земель с середины XII в. — это «борьба центростремительного начала с центробежным», причём первое «олицетворяли князья», второе — «удельные князья (что это за князья в Галиче второй половины XII — первой половины XIII в., совершенно неясно. — П. С.) и богатое, привыкшее к самостоятельности боярство» (Там же. С. 512, 516).

принципе руководствуется суждениями и оценками В. Т. Пашуто, только в деталях корректируя их. В Галиче, по его мнению, как и в Новгороде, было «исключительно сильное боярство», «социальное и политическое могущество» которого «зидилось на крупной земельной собственности»³². Основной источник «феодального землевладения» в Галиче — это «владения племенной знати, превратившейся в процессе развития феодализма в вотчинников-феодалов». Опираясь на землевладение, боярство «стремится само править страной», что приводит к «феодальным усобицам». Первое проявление независимости боярства и попытки диктовать свои условия князю историк, как и Д. И. Зубрицкий, относит к 1145 г. (приглашение галичанами Ивана Берладника). Поддержку Даниилу Романовичу оказывали прежде всего «служилое боярство» и «верхушка ремесленно-торгового населения городов». Повторяя здесь мнение В. Т. Пашуто, Н. Ф. Котляр не причисляет, однако, эту «верхушку» к «господствующему классу» и большее значение придаёт вечу, посредством которого выражали свои интересы широкие городские круги³³. Похожие выводы находим и в работах П. П. Толочко³⁴.

³² Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волинской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985. С. 92–93.

³³ Там же. С. 128–129, 135–137, 145. Эти же выводы автор повторяет в более поздних работах, вышедших на украинском и русском языках. См., например, в контексте экономического и политического развития всех древнерусских земель: Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 297–298, 302–303, 307–309, 311–313, 335, 340 и др. Ср. также популярную работу: Котляр М. Ф. Галицько-Волинська Русь. Київ, 1998. Статья «Княжеский двор Галича в XII в. » (Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2006. № 4 (26). С. 50–66) вышла в свет уже после того, как данная работа была сдана в печать, однако её выводы принципиально не отличаются от высказанных Н. Ф. Котляром ранее.

³⁴ Ср., например, приведённую выше цитату Б. А. Рыбакова и утверждение П. П. Толочко: в Галиче, как и в других русских землях, «в 80–90-е годы» XII в. проявляются «противоречия между княжеской властью, олицетворявшей центростремительное начало в политическом развитии Руси, и боярской оппозицией, содействовавшей центробежным тенденциям» (Толочко П. П. Древняя Русь: Очерки социально-политической истории. Киев, 1987. С. 152).

Труд И. П. Крипякевича отличается фактографическим характером, а в общих выводах обнаруживает некоторую противоречивость, видимо, вследствие стараний автора совместить итоги работ дореволюционных историков с новыми установками. Так, автор заявляет: «В Галицко-Волынском княжестве, как и в других княжествах Руси периода раздробленности, государственная власть принадлежала князю, который опирался на феодальную верхушку земли — крупных землевладельцев-бояр и городской патрициат». Но в другом месте оказывается, что «верхушка галицких бояр» на самом деле противостоит княжеской власти, а князь находит поддержку в «среднезажиточном боярстве, населении городов и селянах». Хотя в общем плане заявлено о «крупном землевладении» бояр, при анализе конкретных летописных свидетельств о боярских «держаниях» выясняется, что автор не уверен, идёт ли речь о «постоянном господстве» бояр над ними (в какой форме — неясно) или же только о «временной обязанности управлять какой-то территорией», а конфликт с князем объясняется не борьбой за землевладение или доходы с земли (как утверждал, например, В. Т. Пашуто), а за «государственные доходы, которые захватили бояре»³⁵.

В современной, как и в эмигрантской 50–80-х гг. XX в., украинской историографии преобладает оценка ведущей роли бояр в общественной жизни Галича в негативном ключе — сепаратизм, непатриотизм, противодействие «общинному» началу и т. п. Здесь, по-видимому, сказываются как традиции советской историографии, так и ориентация на концепцию М. С. Грушевского³⁶.

В настоящее время единственным направлением в изучении древнерусской истории, которое категорически не приемлет такого рода оценки и вообще тезис об особенной силе и независимости галицкого боярства, является так называемая «общинно-вечевая теория» И. Я. Фроянова. Этот историк считает, что в Галицко-Волынской земле, как и в других русских землях домонгольской эпохи, вся «полнота власти была сосредоточена не в руках бояр или князей, а у городских общин в целом». Бояре, которые жили не за счёт крупного землевладения, а кормлений, предоставляемых им

³⁵ Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. Київ, 1984. С. 51, 85, 87–88, 114, 130. Работа писалась в 1950-е гг.

³⁶ См. подробнее: Майоров А. В. Указ. соч. С. 79–82.

«общинной», не представляли сословия, а были лишь «лидерами в городской общине». «Всесилие бояр» в Галиче, по мнению И. Я. Фроянова, это «миф старой историографии»³⁷.

Идеи И. Я. Фроянова развиваются в обширном сочинении его ученика А. В. Майорова, которое охватывает социально-политическую историю Галицкого и Волынского княжеств с конца XI в. до татаро-монгольского нашествия. Целью автора было показать, что эти княжества не являются исключением в ряду других «древнерусских земель-волостей», которые понимаются в свете концепции его учителя как «демократические, основанные на общинных (земских, — по традиционной терминологии) отношениях государственных образования, лишённые сословной розни и непримиримых классовых противоречий»³⁸. А. В. Майоров вслед И. Я. Фроянову пытается оживить старые теории русской дореволюционной науки о «земских боярах» и «общинном укладе», а с другой стороны, с помощью этнографических и фольклорных параллелей выявить некие архаические языческие «ритуально-мифологические» основы «общинного бытия». В итоге галицкая «волостная (вечевая) община» предстаёт неким идеальным социальным целым, лишённым внутренних противоречий и функционирующим на принципах «общинной демократии», в котором бояре — это лишь «общинные лидеры» (наследники «старейшин родоплеменной эпохи»), борющиеся за «общее благо». Единство этого целого обеспечивалось, едва ли не в первую очередь, исполнением «древних языческих обрядов» — например, ритуалом расправы над «врагами общины» (так толкуется, например, казнь Игоровичей галичанами³⁹). Претензии волынских князей на галицкий стол в конце XII — начале XIII в. и борьба их с боярством рассматриваются как «навязывание общине своей воли»: «...терроризируя бояр, новый правитель стремился повлиять на умонастроения простых людей, сломить волю к сопротивлению и в итоге полностью подчинить общину своей власти». Достичь заветной цели Даниилу удалось лишь благодаря

³⁷ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 150–154; Фроянов И. Я. Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 575.

³⁸ Майоров А. В. Указ. соч. С. 82–84.

³⁹ Там же. С. 391–405.

«сплочению» общины перед лицом внешней угрозы (татаро-монгол) и с помощью «военной поддержки татар»; в условиях ига «княжеская власть начинает приобретать монархические черты» и начинается разложение «общинности без первобытности»⁴⁰.

Нетрудно заметить в этих идеях ориентацию на старые теории славянофильского толка. Стремление обозначить «особый путь» Руси представляет собой, очевидно, реакцию на настойчивые, однако далеко не всегда убедительные попытки советской историографии вписать историю России в европейские схемы. Конечно, можно понять неудовлетворённость И. Я. Фроянова и А. В. Майорова избытками стереотипами, которыми в историографии характеризуется такое сложное явление, как социально-политическая борьба в домонгольской Галицко-Волынской Руси, и тенденциозностью в интерпретации источников, свойственной многим (особенно советским) историкам. Однако смена одного догматического подхода другим не может быть решением проблемы. Тем более таким подходом, который просто игнорирует ясные и прямые свидетельства источников, в нашем случае — указания на явно выдающееся и независимое положение галицкого боярства, на сложные социально-политические отношения, никак не укладывающиеся в некое «общинное единство» и т. д. В случае, когда интерпретация источников производится строго в соответствии с априорными установками заранее выбранной теории, получить сколько-нибудь убедительные научные результаты, с нашей точки зрения, невозможно.

Никак не соглашаясь с этими идеями, мы должны, тем не менее, признать, что в работах И. Я. Фроянова и его учеников можно найти отдельные интересные наблюдения и иногда удачную критику мнений предшественников. В частности, А. В. Майорову в некоторых местах, особенно в части книги, посвящённой периоду с конца XII в., как нам кажется, удалось нащупать слабые места традиционных воззрений на роль боярства в Галиче и привычных оценок политики Романа и его сына Даниила. Показывая неудачи Даниила в борьбе за Галич в 20–30-х гг. XIII в., А. В. Майоров довольно убедительно заключает, что «поддержка, которой Романовичи будто бы постоянно и безусловно пользовались у галичан, простых граж-

⁴⁰ Там же. С. 607–612.

дан, — не более, чем историографическая фикция»; в противопоставлении бояр и простых горожан «сказалось идущее еще от летописца крайне враждебное отношение к галицким боярам... а усиленно выражаемое им сочувствие к делам князя было воспринято как проявление народной любви»⁴¹.

Оценивая накопленный историографический опыт в целом, констатируем, что за исключением представителей «школы И. Я. Фроянова» практически никем не ставилось под сомнение особо выдающееся положение боярства в Галицком княжестве в XII–XIII вв. Почти все сходятся в том, что оно пользовалось большой свободой в отношениях с князьями, сидевшими на галицком столе или претендовавшими на него, сопоставимой даже с новгородским принципом «вольности в князьях». Преобладающим является мнение, что боярство в Галиче заявляет о себе в таком качестве не позднее последней трети XII в. или даже ранее. Генерализующим оценкам советских историков противостоит мнение о том, что в независимом положении боярства в Галиче проявлялась значительная специфика этой области относительно других древнерусских земель, в том числе Волыни. В пользу скорее «дружинно-служебных» отношений знати и князей на Волыни свидетельствует единственный специальный разбор скудных сведений о волынском боярстве, осуществлённый М. С. Грушевским.

Спорными вопросами социально-политической истории Галицко-Волынского княжества остаются следующие: каковы происхождение и источники возвышения и силы галицких бояр, почему они с трудом уживались с князьями Рюриковичами и каким образом последним всё-таки в конце концов удалось установить свою власть в Галиче. Неясно также, было ли галицкое боярство едино в социальном и политическом отношениях и имело ли опору в других слоях населения. В литературе прослеживается устойчивая тенденция, с одной стороны, разделять галицкое боярство на социальные слои и конкурирующие группы, а с другой стороны, искать союз княжеской власти с «демократической партией», враждебной главным боярским лидерам (кто попадает в эту «партию», решается историками по-разному). Однако, были выдвинуты веские доводы и против такого подхода. Спорным является и тезис, распространённый особен-

⁴¹ Там же. С. 525; ср.: с. 578–579 и др.

но среди советских историков, о «сепаратизме» бояр и их «центробежных» устремлениях. На самом деле Галицкое княжество с момента своего образования почти никогда не подвергалось политическому дроблению, и мысль Н. П. Дашкевича, что здесь сказались интересы знати, нужно принять во внимание. По необходимости нам придётся затрагивать эти вопросы, но постараемся сконцентрироваться именно на политических отношениях бояр с князем.

Экономические вопросы мы оставляем в стороне прежде всего потому, что, как показывает историографический опыт, немногочисленные и туманные известия летописей по этому поводу практически не поддаются однозначной интерпретации. Исходя из общих соображений, можно поддержать скорее подход к решению этих вопросов и вывод М. С. Грушевского (корпоративное владение разного рода «кормлениями» как главный источник могущества галицкого боярства). Утверждения о существовании крупного землевладения сеньориального типа в Древней Руси, его родоплеменном происхождении и т. п. выглядят либо голословными, либо идеологизированными. В перспективе здесь необходимы широкие сравнения, применение ретроспективного метода, использование данных археологии и топонимики.

В методологическом плане накопленный исследовательский опыт заставляет обратить внимание на два момента. Во-первых, просматривается тенденция «опрокидывать» реалии периода борьбы Даниила Романовича за галицкий стол и оценки, данные галицкому боярству автором «Летописца Даниила Галицкого», в предшествующее время. Как нам кажется, следствием излишней доверчивости историков автору «Летописца» стали стереотипные образы (закреплённые ещё авторитетом Н. М. Карамзина) «мятежного» галицкого боярства и «сильного» князя, каким выступает, окутанный романтическим флёром, Даниил Романович⁴². Нашу задачу мы

⁴² Типичный, а иногда даже утрированный пример такого подхода демонстрирует Н. Ф. Котляр. Восхищаясь талантом автора «Летописца», историк ни на секунду не усомнился в его объективности и верности образа галицких бояр, созданного им. В унисон древний и современный историографы поют славу народному герою князю Даниилу, восторжествовавшему «в борьбе с феодальной оппозицией», и проклинают его врагов. Так, например, комментирует очередной выпад автора «Летописца» про-

видим в том, чтобы, отвлекшись от этих образов, начать исследование «с другой стороны», т. е. с древности, и проанализировать отношения князя и знати в Галицкой и Волынской землях с точки зрения традиционного дружинного строя и процессов, развернувшихся в XI–XII вв. на всей территории Русского государства (подъем городского движения, «оседание» дружины и др.).

Во-вторых, следует быть предельно осторожным в интерпретации летописных обозначений жителей городов и земель — «галичане», «галичские мужи», «владимирцы» и т. п. Историки часто понимают эти обозначения слишком однозначно и произвольно, в зависимости от их собственных общих суждений. Одни, например, считают, что под «галичанами» в летописи всегда имеются в виду только или, во всяком случае, в первую очередь бояре⁴³, а другие уверены в том, что речь идет на самом деле о «простых горожанах»⁴⁴. Некоторые пытаются разглядеть в понятии «муж» определенное социальное содержание и видят, например, в «галичских мужах» старшую княжескую дружину (противостоящую боярам как местной знати)⁴⁵ или в «мужах градских» — «правящую знать городов» (также отдельно от бояр)⁴⁶. В итоге в историографии

тив галицких бояр Н. Ф. Котляр, нисколько не дистанцируясь от своего источника: «Кажется, это одно из лучших в древнерусской литературе обличений хищного и заносчивого, предательского и беспринципного боярства, заботящегося лишь о собственных эгоистических интересах и без тени сомнения бросающего свою землю в водоворот феодальных войн, „мятежей и ратей“» (*Котляр Н. Ф.* Галицко-Волынская летопись (источники, структура, жанровые и идейные особенности) // ДГ. 1995 год. М., 1997. С. 109).

⁴³ М. П. Смирнов, например, утверждал: «Нечего обращать внимание на то, что летописец действующие лица постоянно называет Галичанами; под этим именем в большей части случаев должно разуметь бояр галицких, а не массу горожан» (*Смирнов М. П.* Указ. соч. С. 117). Ср. также: *Савич А. А.* Указ. соч. С. 74.

⁴⁴ См., например: *Мавродин В. В.* Указ. соч. С. 12.

⁴⁵ *Кордуба М.* Указ. соч. С. 3–4. Сомнительность такого подхода здесь же отметил М. С. Грушевский в редакторском примечании к статье М. М. Кордубы (Там же. С. 1).

⁴⁶ *Пацукто В. Т.* Указ. соч. С. 175.

можно найти массу сколь категоричных, столь же бесосновательных выводов, сделанных вследствие заданности или произвольности в толковании летописной терминологии. С нашей точки зрения, эти и подобные им термины и понятия в принципе имеют самое общее значение, и какое-либо социальное содержание можно обнаружить в них только в контексте одного отдельно взятого известия или отрывка текста (например, под «галичанами» можно понимать широкие круги горожан только тогда, когда в пределах одного летописного сообщения речь идёт именно о жителях города, которые при этом явно противопоставляются боярам). Специальные терминологические исследования показывают, что термин «муж» носил самый общий, социально не окрашенный характер (собственно, «полноправный мужчина»), а под боярами приблизительно до конца XI — начала XII в. подразумевались члены старшей дружины, а позднее, когда в результате процессов, известных как «оседание дружины», их могли уже обозначать по принадлежности к той или иной земле, — высший слой княжеского «двора»⁴⁷.

Первые известия о волынской знати и становление южноволынских княжеств

Первые известия о представителях знати, действовавших на территории будущего Галицко-Волынского княжества, относятся к 80-м гг. XI в. и связаны с князем Ярополком († 22 ноября 1086 г.⁴⁸), сы-

⁴⁷ Schmidt K. R. Soziale Terminologie in russischen Texten des frühen Mittelalters. Kopenhagen, 1964. S. 470–472, 491–495; Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989. С. 48.

⁴⁸ Дата приводится по Лаврентьевской летописи (6494 г.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 206). В Ипатьевской летописи сообщение о гибели Ярополка приводится под 6595 (1087) г. (ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 197). А. А. Шахматов принимал датировку Лаврентьевской (а также Радзивилловской и Московской Академической летописей) (*Шахматов А. А. Повесть временных лет // Шахматов А. А. История русского летописания. Кн. 2. СПб., 2003. Т. I. С. 838* (первое издание: Пг., 1916)). По-видимому, он считал, что датировка Ипатьевской возникла из-за добавления в третьей редакции «Повести временных лет» под 6494 г. известия о закладке Всеволодом Ярославичем церкви св. Андрея с монастырём, в котором по-

ном киевского князя Изяслава Ярославича († 3 октября 1078 г.). События этого времени, в центре которых была борьба за Владимирское княжество, расцениваются историками как «коренная перемена в междукняжеских отношениях», когда принцип отчинных прав начал побеждать тенденции единства Киевской Руси⁴⁹. Обстоятельства этой борьбы — запутанные и до конца не ясные — заслуживают специального внимания в данном случае ещё и потому, что в её результате выделились те земли, которые позднее составят Галицкое княжество.

Ярополк Изяславич был посажен во Владимире-Волынском его дядей Всеволодом Ярославичем († 13 апреля 1093 г.), занявшим Киев после смерти Изяслава Ярославича⁵⁰. Отношения между дядей и племянником были, видимо, не самые простые, хотя изначально, в принципе, Ярополк, по-видимому, считался своего рода наместником Всеволода и его наследником на киевском «столе»⁵¹. По лапидарным

стриглась его дочь Янка. Передатировка статьи 6494 г. второй редакции годом позже была облегчена, как предполагают, тем, что 6595 год не содержал в этой редакции никаких сообщений (*Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 547). Проблема, однако, заключается в том, что уже в статье 6597 г. о Янке говорится «нареченная прежде» (Радзивилловская и Академическая: «реченая»), причём это пояснение есть как в Лаврентьевской, так и в Ипатьевской летописях. Шахматов считал эти слова вставкой третьей редакции, но не объяснял, каким образом они оказались также и в летописях, отражавших, по его классификации, вторую редакцию «Повести» (*Шахматов А. А.* Повесть временных лет... С. 842). В отсутствие такого объяснения напрашивается заключение, что известие об основании Андреевского монастыря было не добавлено в тексте «Повести», отражённом Ипатьевской, а опущено в тексте Лаврентьевской. В таком случае датировка смерти Ярополка оказывается смещённой (следовательно, неправильной) не в первой, а во второй летописи. Полагаясь на авторитет А. А. Шахматова, считаем этот вопрос до конца не прояснённым.

⁴⁹ См.: *Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий // *Пресняков А. Е.* Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 48 и след. (работа впервые опубликована в 1909 г.).

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 204.

⁵¹ Ср. оценку А. Н. Насонова, обратившего внимание на то, что Все-

известиям «Повести временных лет» трудно понять всю подоплёку этих отношений, но ясно, в частности, что определённое влияние на них оказывали князья Ростиславичи — Рюрик († 1092/1093 г.), Володарь († 1124/1125 г.) и Василько († 1124/1125 г.), сыновья Ростислава Владимировича, князя Тмутараканского († 3 февраля 1067 г.), а также Давид († 25 мая 1112 г.), сын Игоря Ярославича († 1060 г.). Обделённые старшими Ярославичами, князья Ростиславичи и Давид Игоревич добивались у Всеволода своей «части» в Русской земле. После смерти Ярополка Давид занял Владимир-Волынский, а Ростиславичам в 1080-е гг. удалось обосноваться в южноволынских городах, ставших позднее центрами Галицкого княжества, — Перемышле, Звенигороде и Теревовле. Любечский съезд князей (1097 г.), провозгласивший знаменитый принцип: «кождо до держить отчину свою», закрепил эти города за ними. В списке князей, кому что следовало «держать», о Давиде и Ростиславичах было сказано так: «...а имже роздаяль (РА: раздаваль) Всеволодь городы: Д(а)в(и)ду Володимерь, Ростиславичема — Перемышль Володареви, Теревовль и Василкови» (Рюрик в постановлении не упоминается, так как его к 1097 г. уже не было в живых)⁵².

Таким образом, ясно, что именно Всеволод — очевидно, в бытность его киевским князем — признал за этими князьями указанные города⁵³. Не совсем, правда, понятно, какие основания у них были

волод дал Ярополку не только Владимир, но и Туров: «Соединение в одних руках Турова и Владимира-Волынского не было следствием захвата со стороны Владимирского стола, а совершилось по распоряжению из Киева... По мысли Всеволода, Ярополк был его наместником» (*Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование // *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. Монголы и Русь: История татарской политики на Руси. СПб., 2002. С. 121–122; работа впервые вышла в 1951 г.).

⁵² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 257. Союз «и» перед «Василкови» в рукописи Лаврентьевской летописи приписан над строкой и должен, по-видимому, рассматриваться как лишний, см.: *Шахматов А. А.* Повесть временных лет... С. 878. Здесь и далее: РА — варианты или дополнения по Радзивилловской и Московской Академической летописям.

⁵³ См., например: *Грушевский М. С.* История... Т. II. С. 75, 363–364.

изначально претендовать на Волынскую землю и за счёт чего им удалось добиться своей «доли». Проще решить вопрос о правах Давида Игоревича: у того были отчинные права, так как его отец Игорь Ярославич получил владимирский «стол» после смерти Ярослава Владимировича «Мудрого» († 19 февраля 1054 г.⁵⁴) и сидел там до 1057 г., когда был выведен тремя старшими Ярославичами в Смоленск, где и умер в 1060 г.⁵⁵. Но по какому праву и каким именно образом закрепились на Волыни Ростиславичи, — достоверно неизвестно. На основании известий Яна Длугоша сначала о захвате польским князем Болеславом II Перемышля в 1071 г., а затем о походе Василька Ростиславича на Польшу и захвате им «нескольких крепостей» в 1081 г.⁵⁶ некоторые историки предполагают, что Ростисла-

⁵⁴ Дату приводим исходя из указания Лаврентьевской летописи: «...в субботу 1 пос[та] святого Феодора» (эта суббота в тот год приходилась на 19 февраля). Подробное изложение причин, по которым эта датировка предпочтительней датировки Ипатьевской летописи и граффити в киевском Софийском соборе (20 февраля), а также других датировок, см.: *Карпов А. Ю.* Ярослав Мудрый. М., 2001. С. 452–454, 555–557.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 162. А. А. Шахматов обоснованно предполагает, что Владимир был завещан Игорю Ярославом, а пропуск Игоря в «Ярославовом завещании» в основных списках «Повести временных лет» (восстановливаемый по Новгородско-Софийскому своду) объясняет интересами Святополка Изяславича, при котором была составлена первая редакция «Повести» (*Шахматов А. А.* Повесть временных лет... С. 782).

⁵⁶ *Щавелева Н. И.* Древняя Русь... С. 114–115, 126, 263–265, 276. Известие об осаде и взятии Перемышля Болеславом не находит параллелей в других источниках. О походе Василька с половцами на Польшу сообщает «Повесть временных лет» под 6600 (1092) г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 215). А. В. Назаренко, редактор указанного издания, вслед за М. С. Грушевским (однако не ссылаясь на него) считает, что Длугош взял именно это сообщение, передатировав его (*Щавелева Н. И.* Древняя Русь... С. 402; *Грушевский М. С.* История... Т. II. С. 75). А. В. Назаренко замечает также, что в 1081 г. никто из Ростиславичей не мог предпринять такой подход, потому что «в это время родившиеся в 1060-е гг. Ростиславичи скорее всего еще не имели собственных столов и уж во всяком случае не могли предпринимать самостоятельных политических действий, находясь под опекой волинского князя Ярополка Изяславича, дружественного Польше». Замечание это, однако, нельзя назвать обоснованным. Во-первых, принимая во

вичи отвоевали южноволыньские города у поляков⁵⁷. Однако более правильным кажется искать обоснование претензий князей в их отчинных правах. В этом случае надо предполагать, что отец братьев Ростислав Владимирович когда-то держал эти города — либо отдельным уделом, либо в составе Владимиро-Волынского удела. Дед Ростиславичей Владимир, старший сын Ярослава «Мудрого», сидел до своей смерти 4 октября 1052 г.⁵⁸ в Новгороде. По «Повести временных лет» о Ростиславе известно только как о князе Тмутаракани, куда он в 1064 г. «бѣжа» — откуда, при этом не говорится⁵⁹. В конце 1060-х — 1070-е гг. Волынью распоряжались Изяслав, Святослав и Всеволод Ярославичи либо непосредственно, либо отправляя туда княжить своих сыновей. М. С. Грушевский думал, что Ростислав владел Перемышлем и другими «Червенскими градами»⁶⁰ ещё до

внимание, что Владимир Ярославич, отец Ростислава, родился в 1020 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 146), можно допустить, что Ростиславичи или, во всяком случае, кто-то из братьев родился в середине или конце 1050-х гг. По крайней мере, старший из них — Володарь — к 1081 г. был вполне дееспособен: в этом году он сел на столе в Тмутаракани (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 204). Занимали ли его братья какие-либо столы в это время, неизвестно, однако, безусловно, у них должны были быть свои дружины, с помощью которых они могли захватывать города и совершать «самостоятельные политические действия». Во-вторых, предположение об «опеке» Ярополка над Ростиславичами должно быть как-то обосновано, потому что летописное сообщение не только не говорит об этом прямо, но даже, напротив, подразумевает скорее враждебные отношения между ними (см. ниже).

⁵⁷ См., например: *Соловьёв С. М.* Указ. соч. Кн. I. С. 354; *Крип'якевич I. П.* Указ. соч. С. 68–69.

⁵⁸ См.: НПЛ. С. 16.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 163.

⁶⁰ Об этих «градах» см. подробнее: *Исаевич Я. Д.* Грады Червенские и Перемышльская земля в политических взаимоотношениях между восточными и западными славянами (конец IX — начало XI в.) // Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья: Киевская Русь и её славянские соседи. М., 1972; *Головкин А. Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X — первой трети XIII в. Киев, 1988. С. 8–12. В древности Перемышль и Червен составляли, видимо, некое единство. Позднее, однако, Перемышль вошёл в состав Галицкого княжества, а Червен — Владимиро-Волынского.

смерти Ярослава⁶¹. Однако эта догадка чисто гипотетическая. Можно также предположить, что Ростислав получил Владимир-Волынский после Игоря и потерял его по каким-то причинам (наверное, поссорившись с Ярославичами) в 1064 г. Так рассуждал ещё В. Н. Татищев, который считал, что Ростислав после смерти Ярослава получил Ростов и Суздаль, а потом был переведён во Владимир⁶².

Так или иначе, в начале 80-х гг. XI в. Ярополк Изяславич явно находился в конфликте с Ростиславичами и другим князем-изгоем, действовавшим в тот момент заодно с ними, — Давидом Игоревичем. Под 6589 (1081) г. «Повесть временных лет» сообщает, что Давид Игоревич и Володарь Ростиславич захватили Тмутаракань, а под 6591 (1083) г. — что они взяты в плен Олегом Святославичем, пришедшим туда, но вскоре отпущены. В следующей годовой статье рассказывается: «Приходи Ярополкъ ко Всеволоду на Великъ д(е)нь. В се же время выбѣгоста Ростиславича 2 от (Р: Ростиславич(а) Д(а)в(ы)дь и) Ярополка и пришедше прогнаста Ярополка. И посла Всево[ло]дь Володимера с(ы)на своего и выгна Ростиславича и посади Ярополка Володимери. В се же лѣто Д(а)в(и)дь зая Грькы (РА: гречники) въ Оле-

⁶¹ Грушевський М. С. Історія... Т. II. С. 46, 75.

⁶² Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1963. Т. II. С. 83; М., 1964. Т. IV. С. 153, 424. Вне сомнения, в данном случае мы имеем дело с суждением историка, который в первой редакции «Истории Российской» разделил летописные данные и собственные заключения, а во второй — включил последние в погодное изложение. Форма подачи материала, выбранная Татищевым во второй редакции, ввела в заблуждение некоторых историков, которые стали воспринимать его выводы и догадки как аутентичные сведения летописи (см., например: Рапов О. М. Княжеские владения на Руси X — первой половины XIII в. М., 1977. С. 74). А. Плахонин, отвергая предположения В. Н. Татищева и основанные на них мнения О. М. Рапова о владениях Давида Игоревича и Ростиславичей до 1080-х гг., допускает, однако, ещё более гадательные предположения. Например, он считает, что Рюрик Ростиславич получил Перемышль «ещё от Изяслава и держал его не на правах отчины» (Плахонін А. Перша волинська криза (1084–1087 рр.) // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). Київ 2003. Вып. 3. С. 51, 55–57). Оснований для этого мнения никаких не приводится.

шьи и зая у них [все — РА] имѣнье. Всеволодь же пославъ приведе ѿ и вда ему Дорогобужь»⁶³.

Из приведённого сообщения следует, что у Ярополка до 1084 г. находились два из трёх братьев Ростиславичей⁶⁴: по-видимому, это были Рюрик и Василько, поскольку Володарь в предыдущем году упоминается вместе с Давидом Игоревичем в Тмутаракани. Жили ли Ростиславичи на Волыни «волею или неволею, то есть в плену», непонятно, — пишет М. С. Грушевский и отказывается от каких-либо догадок на этот счёт⁶⁵. Однако нам сложно представить, каким образом могло так получиться, что они оказались у Ярополка «волею». Скорее надо предположить, что ещё до 1084 г. они пытались предъявить какие-либо претензии на волынские земли и были задержаны владимирским князем. Слово «выбегоста» скорее указывает на недобровольность их пребывания у Ярополка. Откуда «выбегоста» братья, тоже неясно. Если они находились под стражей или домашним арестом, то необязательно могли быть именно во Владимире. Во всяком случае, Святополк Владимирович «Окаянный», в последние годы правления отца, как известно, содержавшийся под стражей, жил не в Киеве, а в Вышгороде. В пользу того, что Ростиславичи находились не во Владимире, говорит слово «пришедше», которое летописец употребляет,

⁶³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 205. Ср.: *Присёлков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. СПб., 2002. С. 163–164 (первое издание: Л., 1956).

⁶⁴ Упоминание в этом месте Радзивилловской летописью Давида — то ли он бежал с Ростиславичами (или с одним из Ростиславичей), то ли был вместе с Ярополком — следует признать ошибочным (ср.: ПСРЛ. Т. 38. Л., 1989. С. 83). И в том, и в другом случае сообщение противоречит другим летописным данным и общей картине межкняжеских отношений в тот момент. Вероятно, это ошибка переписчика, перепутавшего слово «два» (или «дѣва», как в ИХ) и имя «Давыд», написанное под титлом. Сообщение В. Н. Татищева, что Давид Игоревич участвовал в захвате Владимира вместе с Ростиславичами (*Татищев В. Н.* Указ. соч. С. 94), также признаётся ошибкой переписчика, принявшего Давида по незнанию или недоразумению за одного из Ростиславичей (см. подробнее: *Кучкин В. А.* К спорам о В. Н. Татищеве // Проблемы истории общественного движения и историографии: К 70-летию академика М. В. Нечкиной. М., 1971. С. 257–258). Ср. также: *Шахматов А. А.* Повесть временных лет... С. 838.

⁶⁵ *Грушевський М. С.* История... Т. II. С. 74.

очевидно имея в виду занятие ими Владимира. В любом случае, поскольку целью их устремлений был этот город, надо думать, что там у них были сторонники⁶⁶. Последнее тем более очевидно, что выгнать Ростиславичей из Владимира Ярополку удалось только с помощью Всеволода⁶⁷. Куда бежали Ростиславичи, не ясно. Давида Игоревича, другого претендента на Вольтину, Всеволод удовлетворил выделением из Киевской земли Дорогобужа.

Статья 6393 (1085) г. начинается с известия: «Ярополкъ же хотяше ити на Всеволода, послушавъ злыхъ свѣтнѣкъ». Летописец не объясняет, что послужило причиной резкого поворота в отношениях киевского и владимирского князей — ведь ещё в прошлом году они выступали явными союзниками. Объяснения современных историков разные. Некоторые историки связывают замыслы Ярополка с передачей Дорогобужа Давиду, поскольку в последнем владимирский князь должен был видеть претендента на свой собственный стол. Так объяснял дело уже В. Н. Татищев (во второй редакции «Истории»), а за ним и С. М. Соловьёв⁶⁸. Однако всё-таки Давид был наделён Всеволодом за свой счёт (Дорогобуж всегда был киевской «волостью»⁶⁹), и прямой обиды Ярополку нанесено не было. Более убедительным выглядит другое объяснение: Всеволод, восстановив Ярополка на владимирском столе, решил

⁶⁶ На это обращал внимание ещё С. М. Соловьёв: Указ. соч. Кн. I. С. 353.

⁶⁷ Всеволод послал в помощь Ярополку Владимира Мономаха. Последний вспоминал о своих походах вместе с Ярополком в «Поучении». Причём, как можно понять из коротких, в одном месте явно испорченных и трудно «состыкующихся» между собой замечаний Мономаха, походов этих было два или даже три. Первый из походов представлял собой погону за Ростиславичами. Последний закончился «любовью великою», т. е. каким-то договором, между Владимиром и Ярополком. См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 248; Соловьёв С. М. Указ. соч. Кн. I. С. 353, 675; Ивакин И. М. Князь Владимир Мономах и его Поучение. М., 1901. Ч. 1. С. 170–173, 183; Гиппиус А. А. Сочинения Владимира Мономаха: опыт текстологической реконструкции. II // Русский язык в научном освещении. М., 2004. № 2 (8). С. 155–157.

⁶⁸ Татищев В. Н. Указ. соч. Т. II. С. 94; Соловьёв С. М. Указ. соч. Кн. I. С. 354.

⁶⁹ См.: Насонов А. Н. Указ. соч. С. 121, а также карту Киевской земли на вклейке.

успокоить не только Давида, но и Ростиславичей — и дал им те самые южноволынские города. Именно с этим решением связываются слова постановления Любечского съезда, что Всеволод «роздаял» города Ростиславичам⁷⁰. Это объяснение делает понятным, почему уже в следующей летописной статье (см. ниже) мимоходом упоминается, что Рюрик Ростиславич находится в Перемышле. Наконец, нельзя забывать, что Ярополк, сын старшего из «триумвиров»-Ярославичей, также имел виды и на сам Киев⁷¹. Во всяком случае, симпатии Печерского летописца по отношению к Ярополку и описание многолюдных и торжественных похорон князя в Киеве заставляют историков предполагать, что в столице у него были сторонники⁷². Таким образом, как ориентация самого Ярополка на Киев, так и претензии нескольких князей на волынские земли и их активные действия по добыванию своей «отчины» привели в конечном итоге к разрыву союзных отношений (основанных, видимо, изначально именно на совместной защите своих владений от «изгоев») между киевским и владимирским князьями⁷³. Сложно сказать, на что точно рассчитывали «злые советники» Ярополка,

⁷⁰ См., например: *Грушевський М. С.* История... Т. II. С. 75–76.

⁷¹ В связи с конфликтом Ярополка и Всеволода А. Н. Насонов вспоминал разлад Ярослава «Мудрого» с Владимиром незадолго до смерти последнего: «...в подобное же положение попал в Новгороде ранее молодой Ярослав, вынужденный также порвать с отцом» (*Насонов А. Н.* Указ. соч. С. 122).

⁷² *Линниченко И. А.* Вече в Киевской области. Киев, 1881. С. 23. В. Н. Татищев также писал (явно излагая собственные соображения), что «все киевляне имели к нему великую любовь и почтение и желали по Всеволоде ему быть на великом княжении» (Указ. соч. Т. II. С. 95). Правда, современные историки считают Ярополка младшим братом Святополка (*Кучкин В. А.* «Съ тоя же Каялы Святоплъкъ...» // *Russia Mediaevalis*. München, 1995. Т. VIII, 1. С. 108; *Назаренко А. В.* Указ. соч. С. 570), и тогда непонятно, как утверждение Ярополка в Киеве могло случиться мимо старшего брата, сидевшего в то время в Новгороде.

⁷³ А. Плахонин допускает, что конфликт Ярополка и Всеволода стал следствием наветов Давида, сидевшего в Дорогобуже. Однако никаких указаний на это в источниках мы не найдём. Так же чисто гипотетическим допущением выглядит мысль, что инициатором конфликта был на самом деле не Ярополк, а Всеволод (*Плахонін А.* Указ. соч. С. 58, 61–62).

толкая его на конфликт с дядей. Но ясно, что это были его приближённые, скорее всего, бояре из его дружины, происхождением или как-то иначе связанные, вероятно, с Киевом. «Злыми советниками» в «Повести временных лет» и позднейшем летописании обозначались всегда именно люди из ближайшего окружения князя, «подтыкавшие» его на коварное нарушение «братней любви» Рюрикovichей⁷⁴.

«Повесть временных лет» сообщает далее, что Ярополк в реальности не смог противиться Всеволоду, посланному на Волынь опять сына Владимира. Ярополк бежал в Польшу⁷⁵, оставив в Луцке свою мать и дружину. Мономах взял Луцк («вдасяся Лучане», — поясняет летописец), захватил «имение» владимирского князя, отправил в Киев его жену, мать и дружину и посадил во Владимире Давида Игоревича. Статья 6594 (1086) г. (по Ипатьевской летописи — 6595 г., см. о дате выше), повествующая о гибели Ярополка, начинается с сообщения, что он, вернувшись «из Ляховъ», договорился с Мономахом и снова сел во Владимире. Продолжается рассказ о Ярополке так: «И пересѣдев мало дни(и) иде Звенигороду. И не дошедшу ему града и прободень быс(ть) от проклятаго Нерадьца (И: нерядьца; Х: нерядца), от дьяволя наученья (РА: научень) и от злыхъ ч(ел(о)в(е)къ. Лежащю и (РА: ему) ту на возѣ (И: на санках; Х: на санех), саблю с коня прободѣ ѿ, м(е)с(я)ца ноямбрия въ 22 д(е)нь. И тогда въздвигнувся Ярополкъ, выторгну изъ себе саблю и възпи великым гл(а)сомъ: охъ, тот мя враже (ИХ: ворожее) улови (РАИХ: погуби). Бѣжа Нерадецъ (ИХ: Нерядецъ) трькратыи (Р: треклятыи; АИХ: проклятыи) Перемышлю к Рюрикови. И Ярополка вземше отроци на конь передъ ся Радько Вѣнкина (Р: и вѣнкина, А: и вонкина,

⁷⁴ Стефанович П. С. Религиозно-этические аспекты отношений знати и князя на Руси в X–XII веках // ОИ. 2004. № 1. С. 5–9. Менее обоснованным нам кажется предположение, что это были представители «местных сил» Владимира, которые стремились к укреплению Волыни (*Насонов А. Н.* Указ. соч. С. 122). Ведь ещё в 1084 г. эти «силы» сделали выбор в пользу не Ярополка, а Ростиславичей, и непонятно, чем мог быть выгоден этим «силам» конфликт в 1085 г. с киевским князем.

⁷⁵ О союзнических отношениях Изяславичей с поляками в контексте их семейно-династических дел см. подробнее в новейшей работе: *Назаренко А. В.* Указ. соч. С. 541–547, 566 и след.

ИХ: и воикина) [и — РАИХ] инии мнози [отроци — РАИХ] несоша ѝ Володимерю, а отгуду Киеву...»⁷⁶.

Эти известия несколько подробнее говорят о дружине Ярополка. Узнаём, между прочим, что она была захвачена в плен Владимиром Мономахом, будучи оставлена Ярополком в Луцке, видимо, на пути похода из Владимира на Киев. Причём, как можно догадаться из пояснения летописца, горожане не стали активно сопротивляться Мономаху. Сопоставляя это с тем фактом, что Ростиславичи легко взяли Владимир в отсутствие Ярополка (а удалось выгнать их оттуда только с помощью Всеволода), можно думать, что Ярополк не имел массовой поддержки в городах Владимирской земли и опирался, видимо, главным образом на свою дружину (сформированную в значительной части, вероятно, из киевлян). Несколько человек из этой дружины летописец называет по именам.

Кто был убийца Ярополка Нерадец или Нерядец, сказать наверняка нельзя. Обычно считают его человеком, подосланным Давидом Игоревичем (правда, основанием при этом служат только общие соображения) либо Ростиславичами (так как убийца бежит к Рюрику, а позднее в убийстве Ярополка Ростиславичей обвинял Давид Игоревич⁷⁷)⁷⁸. По нашему мнению, скорее Нерадец состоял в дружине Ярополка и, вероятно, пользовался даже его доверием — иначе трудно представить себе, как убийца сумел подобраться к князю и затем убежать⁷⁹. Не случайно также восклицание Ярополка «тот мя враже

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 206; Т. 2. Стб. 197–198. Здесь и далее: ИХ — варианты и дополнения по Ипатьевскому и Хлебниковскому списку Ипатьевской летописи.

⁷⁷ Согласно «Повести об ослеплении Василька Тербовльского», Давид Игоревич, когда в 1097 г. «нача молвити на Василка», так уговаривал Святополка Киевского: «...кто ес(ть) убиль брат[а] твоего Ярополка, а нынѣ мыслить на мя и на тя и сложилс е с Володимером? — Да промышляи о своеи головѣ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 257).

⁷⁸ Обзор мнений см.: *Майоров А. В.* Указ. соч. С. 103–104.

⁷⁹ В. Н. Татищев прямо характеризует Нерадца как «раба» Ярополка (в первой редакции) или «бывшего при нем (Ярополке. — П. С.) служителя» (во второй) (Указ. соч. Т. II. С. 95; Т. IV. С. 160). Историк понял имя этого человека («Нерадец») как нарицательное в значении «беззаконник» (как производное от слова «ряд») и затем на протяжении всего текста

улови (или: погуби)»⁸⁰: князь явно имеет в виду дьявола, погубившего его. А в дьявольском наущении (о котором в данном случае вспоминает и летописец) обвинялись в Древней Руси прежде всего предатели — люди, близкие своему «господину», но поднявшие на него руку. Ближе всех к истине, как нам кажется, был С. М. Соловьёв, который причислял Нерадца к владимирским сторонникам Ростиславичей⁸¹. Если считать, что Ярополк выступил в поход из Владимира против братьев (см. ниже), поступок Нерадца объясняется так: втайне сочувствуя Ростиславичам, он, тем не менее, вполне мог оказаться в составе полка, выступившего из Владимира на Звенигород, и с началом военных действий перебежать к ним, убив предварительно своего князя — то ли из личных мотивов, то ли желая выслужиться. Полагаем, что Нерадец служил — пусть формально и лицемерно — Ярополку, а затем оказался в дружине Рюрика Ростиславича.

«Истории» неоднократно использовал это слово для стилизации своего «древнего наречия» (ср. об этом: *Толочко А. П.* Указ. соч. С. 493–496). Это была явная ошибка Татищева, поскольку, с одной стороны, словари древнерусского языка не фиксируют ни слов «нерадец» или «нерядец», ни подобных производных от «ряда», а с другой — если производить это слово от глагола «нерадити», то значение его было бы не «беззаконник», а «невнимательный, небрежный человек» (ср. современное «нерадивый»): *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. М., 2002. Т. V. С. 347 и след.

⁸⁰ А. А. Шахматов, обращая внимание на звательный падеж существительного в этой фразе, восстанавливал её в таком виде: «...охъ, то ты мя, враже, улови» (*Шахматов А. А.* Повесть временных лет... С. 839). Однако, видимо, можно и обойтись без этого исправления: в древнерусском языке, как показывают аналогичные примеры, могла употребляться «в роли подлежащего звательная форма вместо именительного падежа» (*Карский Е. Ф.* Из синтаксических наблюдений над языком Лаврентьевского списка летописи // Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского. Л., 1928. С. 39. По общему смыслу и лексике («враже» без русского полногласия, «улови» или «погуби») эта фраза хорошо соответствует религиозному пафосу известия о смерти и похоронах Ярополка. В конце известия приводятся похвала Ярополку в христианском духе и его молитва, в которой князь просит смерти подобно Борису и Глебу. Тема «уловления» или «погубления» христианской души «врагом» (дьяволом) имеет много параллелей в Библии и церковно-учительной литературе.

⁸¹ *Соловьёв С. М.* Указ. соч. Кн. I. С. 355.

Среди дружинников Ярополка, а точнее, его «отроков», упоминаются также Радко и некий Вьнкина. Возможно, на какую-то связь между Нерадцом и Радкой намекает этимологическая близость их имён, но какую именно — судить не берёмся. Второе имя, которое в Троицкой летописи выглядело, видимо, как «Воикинь»⁸², а А. А. Шахматов восстанавливал как «Вьнькына»⁸³, звучит несколько странно. Не исключено, что это прозвище Радки (в Троицкой и Лаврентьевской летописях нет союза «и» между двумя именами) может быть, просто испорченное слово «воиникъ»⁸⁴.

О причинах и целях движения Ярополка из Владимира к Звенигороду не имеем никаких известий. Логичней всего, с нашей точки зрения, объяснять его как поход против сыновей Ростислава. Во всяком случае, позднее Звенигород входил всегда в волость Ростиславичей. В тот момент Рюрик Ростиславич сидел в Перемышле, а его братья, видимо, в других южноволынских городах, крупнейшими из которых были Теребовль и Звенигород (Галич впервые упоминается только в 1139 г.⁸⁵). Можно предположить, что Ростиславичи получили эти города в то время, пока во Владимире правил Давид — с ним у них были явно союзнические отношения. В 1085 г. Мономах посадил Давида во Владимире, а в 1086 г. (по Лаврентьевской летописи) вывел его оттуда — наверное, Давид получил Дорогобуж или Туров либо он оказался обделён и прибил к Ростиславичам. Справляться с последними Мономах предоставил, видимо, самому Ярополку.

⁸² *Присёлков М. Д.* Указ. соч. С. 164.

⁸³ *Шахматов А. А.* Повесть временных лет... С. 839.

⁸⁴ *Словарь древнерусского языка...* Т. I. М., 1988. С. 462.

⁸⁵ В рассказе Ипатьевской летописи под 6648 г. о событиях, имевших место в 1139 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 304). Правда, это упоминание М. С. Грушевский считал позднейшей ошибочной припиской, а первое достоверное известие о Галиче, по его мнению, содержалось в мартовской статье 6649 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 308; *Грушевский М. С.* История... Т. II. С. 419–420). В. Н. Татищев упоминает Галич в уникальном сообщении о войне поляков и сыновей Володаря и Василька Ростиславичей под 6646 (1138) г. (Указ. соч. С. 150), а Длугош — в известии 1125 г. о походе Болеслава на Володаря, которое, весьма вероятно, восходит к древнерусской летописи (*Щавелева Н. И.* Древняя Русь... С. 304).

Ипатьевская летопись в той же годовой статье, в которой рассказывается о смерти Ярополка, содержит сообщение, отсутствующее в Лаврентьевской, Радзивиловской и Академической летописях: «В се же лѣт(о) ходи Всеволодо къ Перемышлю»⁸⁶. Если верить этому сообщению, появление которого А. А. Шахматов относил к третьей редакции «Повести временных лет»⁸⁷, то следует, по-видимому, согласиться с С. М. Соловьёвым, считавшим, что речь здесь идёт о походе Всеволода на Ростиславичей, и замечавшим: «...и поход этот не мог быть без связи с предшествующими событиями»⁸⁸. Действительно, после смерти Ярополка урегулирование отношений с Ростиславичами вместе с определением судьбы Владимирского княжества должно было быть первейшей задачей Всеволода. Точно неизвестно, каковы были обстоятельства и результаты похода Всеволода на Перемышль⁸⁹, но надо думать, что в конце концов Всеволод решил эту задачу так: Давиду он дал Владимир, а с Ростиславичами уладился, оставив им южную Волынь. Во всяком случае, решение Любечского съезда закрепило именно такое распределение волостей.

Таким образом, Ростиславичи закрепились к концу 80-х гг. XI в. в южноволыньских городах, ставших центрами будущей Галичины. Несмотря на то что за ними, наверное, стояло право «отчинности», добыть эту «волость» было им явно не легко. Братьям пришлось выдержать борьбу не только с киевским и волыньским князьями, но и, весьма вероятно, с поляками. Трудно судить, на какие силы они опирались. Можно только предполагать, что, как и другие князья, обделённые Ярославичами и боровшиеся с ними, они располагали какими-то людьми из отцовских дружин и привлекали половцев⁹⁰.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 199.

⁸⁷ Шахматов А. А. Повесть временных лет... С. 840.

⁸⁸ Соловьёв С. М. Указ. соч. Кн. I. С. 355.

⁸⁹ В. Н. Татищев во второй редакции «Истории» говорит, что Всеволод ходил против Ростиславичей по жалобам Давида Игоревича и Святополка Изяславича, и в результате Ростиславичи «умирились» с ним. Источником в данном случае не могли быть польские хроники, как можно судить из примечания историка, где он сопоставляет это известие со свидетельствами Бельского (*Татищев В. Н.* Указ. соч. Т. II. С. 96, 250). Скорее всего, это — его интерпретация.

⁹⁰ Известно, например, что совместные действия с половцами, а так-

Немаловажную роль играло и население городов: у Ростиславичей явно были сторонники во Владимире, а также, вероятно, в Перемышле⁹¹. В целом здесь едва ли можно обнаружить какие-либо специфические черты, которые существенным образом отличали бы положение южноволынских городов по сравнению с другими русскими землями того времени и которые могли бы сказаться позднее на строе отношений между князьями и знатью. Специфика Владимира-Волынского состояла в том, что его судьба всё время была связана с судьбой Киева — это продемонстрировали и позднейшие события. Ярополк, судя по всему, изначально ориентировался на Киев и, наверное, по этой причине не имел поддержки местных сил на Волыни, которые хотели «своих» князей; возможно, с этим связана и его гибель. В отношениях Ярополка и его дружины не прослеживается ничего особенного, и обстоятельства его смерти, оставившие яркий след в нашем летописании, обнаруживают явления типичные для древнерусского дружинного быта: предательство князя его приближённым, которое произошло по замыслу «злых человек» в контексте сложных взаимоотношений Рюриковичей, и традиционное осуждение этого предательства.

* * *

В ходе событий, развернувшихся на Волыни после Любечского съезда, окончательно определилось различие в путях, которыми пошло развитие Владимиро-Волынского и Галицкого княжеств в XII в. Детально анализировать эти события, восстанавливаемые главным

же с берендеями и торками предпринимал Василько Ростиславич, см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 215, 266.

⁹¹ Эта мысль звучала в историографии. Например, И. П. Крипьякевич считал, что Ростиславичи отвоевали «Червенские грады» у поляков и при этом «основную роль сыграло местное население, которое было довольно зависимостью от чужеземных князей» (*Крип'якевич І. П.* Указ. соч. С. 68). А. Н. Насонов, полагая, что в борьбе с Ярополком «за спиной Ростиславичей стояли местные силы», особенно подчёркивал особое положение Перемышля, бывшего, по его мнению, — наряду с Червенем — центром раннегосударственного образования тиверцев и хорватов, вошедшего в состав Русского государства (*Насонов А. Н.* Указ. соч. С. 122; ср. с. 117–118).

образом по «Повести об ослеплении Василька теробовльського», мы не будем. Обратим внимание на те места «Повести», где называются поименно ещё несколько дружинников волынского князя и говорится о дружинах Ростиславичей.

Начинается «Повесть» с рассказа о том, как, после установления между князьями «любви» на Любечском съезде в 1097 г., Давид Игоревич, князь владимирский, стал уговаривать киевского князя Святополка Изяславича († 16 апреля 1113 г.), брата погибшего Ярополка, расправиться с Васильком Ростиславичем теробовльским. О союзе Василька с Владимиром Всеволодовичем Мономахом, князем переяславским, направленном против Святополка и Давида, последнему сообщали «некоторые мужи», которым, как выражается рассказчик, «влѣзе сотона в сердце». Автор «Повести» — некий Василь (бывший, возможно, священником и, судя по всему, сочувствовавший Владимиру Мономаху) — уверяет, что «слова» этих мужей были «лживы»⁹². Однако, как показывает анализ политической ситуации того времени, в принципе у Владимира были основания искать союза с Ростиславичами (причём именно с Васильком, который владел областью, граничившей с Киевским княжеством) как противовес Святополку⁹³, в дружбе с которым или даже в зависимости от которого находился Давид⁹⁴. Так или иначе, для нас важно отметить традици-

⁹² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 257. Событиям после Любечского съезда посвящена статья, которая вышла уже после сдачи в печать настоящей работы: *Плахонін А.* Друга волынська криза (1097–1100 роки) // Україна в Центрально-східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVII ст.). Київ, 2006. Вып. 6. С. 177–213. Правда, автор не исследует специально роль княжеских «мужей» в этих событиях.

⁹³ Ср., например: *Грушевський М. С.* История... Т. II. С. 94.

⁹⁴ О такой зависимости («ходяче в руку») говорит сам Давид, оправдываясь позднее перед Володарем Ростиславичем за ослепление его брата и складывая вину на Святополка: «Д(а)в(ы)дъ же на С(вя)тополка нача извѣтъ имѣти, г(лаго)ля: ци я се створилъ ли в моем городѣ? Я ся сам бо-ляль, аще быша и мене яли и створили такоже. Неволя ми было пристати въ свѣтъ ходяче в руку (РА: пристати свѣту ихъ ходя в руку ихъ)» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 267). О ком говорит Давид во множественном числе (особенно это подчёркнуто в Радзивилловской и Академической летописях: «ихъ»), неясно: казалось бы, должна идти речь об одном Святополке; возможно, имеются в виду также его сыновья, а может быть, и черниговские Свято-

онный характер как участия княжих мужей в политических делах своего князя (они информируют о планах его (потенциальных) врагов), так и оценки летописцем их действий, направленных на разрушение братской «любви» князей. Хотя прямо не говорится, что «мужи» состояли именно в дружине Давида, но это можно предполагать, когда позднее Ростиславичи потребуют у него выдать им виновников ослепления Василька. Прежде чем рассмотреть этот эпизод, отметим участие дружинников Давида в самом ослеплении и затем держании в плену теребовльского князя.

Киевский и владимирский князья «яли» Василька в Киеве, но затем, видимо, чтобы не будоражить киевлян (киевское духовенство уже начало просить Святополка за Ростиславича), его повезли в Белгород (по Ипатьевской летописи — в Звенигород). Там он и был ослеплён: руководили этим делом «послании С(вя)тополком и Д(а)в(ы)д(о)мь Сновидь Изчевичь, конюх С(вя)тополчь, и Дмитрь, конюх Д(а)в(ы)д(о)въ», а собственно исполнителем был «торчинь именов Беренди, овчюхъ С(вя)тополчь». Потом Василька перевезли во Владимир, где «посадиша ѝ въ дворѣ Ваѡвѣвѣ (РА: Вакиевѣ) и приставиша 30 мужъ стеречи и 2 отрока княжа Улань и Колчко (РА: отрока Улана и Кольчю княжихъ)»⁹⁵. Кто такой Вакей, неясно. Улан и Колча упоминаются ещё раз несколько позже, когда Василь описывает переговоры Василька и Давида (в этих переговорах в качестве посла принимал участие и сам Василь) ввиду намерения Святополка и Владимира Мономаха идти на владимирского князя (к тому времени, т. е. к весне 1098 г., Владимир Мономах вместе с Давидом и Олегом Святославичами обязали Святополка, под угрозой взятия Киева, наказать Давида Игоревича за ослепление Василька). В этом описании Давид Игоревич показан окружённый своей дружиной («и съдяху около его дружина»). Здесь же упоминается также некий Кульмей —

славичи, союз с которыми служил киевскому князю противовесом в отношениях с Мономахом (см.: *Пресняков А. Е.* Указ. соч. С. 54). Историки обычно не обращают внимания на эти слова Давида и верят скорее автору «Повести об ослеплении Василька» и Святополку (которому также пришлось оправдываться за учинённое «зло»: «...а неволя мне своею головы блюсти, и не язъ его слѣпилъ, но Д(а)в(ы)дъ» — ПСРЛ. Т. 1. Стб. 263), упыкававших на Давида как зачинщика.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 260–262. Ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 234–236.

человек, которого Василько хотел послать своим вестником к Владимиру Мономаху с просьбой не участвовать в походе на Давида. Василько просил через Василя Давида: «пришли ми Кульмѣя, то пошлю ѡ к Володимеру», но Давид «не послуша его» и ответил: «нѣту Кульмѣя»⁹⁶. Наверное, Кульмей тоже принадлежал к дружине Давида, однако, так как Василько рассматривал его как своё доверенное лицо (а Давид отказался прислать его к Васильку), можем предположить, что этот муж был каким-то образом знаком теребовльскому князю — может быть, ещё со времён совместного добывания Ростиславичами и Давидом их «отчины», а может быть, он был один из владимирских «приятелей» сыновей Ростислава.

В целом, как в замысле ослепления Василька Теребовльского, так и в его исполнении «Повесть» представляет волынского князя во взаимодействии только с его дружинниками (разумеется, помимо Святополка киевского)⁹⁷. Среди них специально упоминаются конюх и отроки как доверенные лица князя.

В результате вмешательства Владимира Мономаха и черниговских князей и резкого поворота Святополка киевского против Давида владимирский князь оказался в полной изоляции. Попытавшись занять «волость» Василька, он столкнулся с его братом Володарем перемышльским и был вынужден отпустить теребовльского князя. И вскоре Ростиславичи предпринимают поход против самого Давида. Не совсем ясно, каковы были первоначальные цели этого похода⁹⁸, но

⁹⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 265–266.

⁹⁷ Вывод И. Я. Фроянова, а вслед за ним и А. В. Майорова, о том, что за ослеплением Василька якобы стояла «владимирская община», не подкреплён ничем, кроме голословного утверждения, что бояре Давида — это на самом деле представители «владимирцев» (Фроянов И. Я. Древняя Русь... С. 542; Майоров А. В. Указ. соч. С. 123–124).

⁹⁸ В. Н. Татищев говорит, что Давид, заключив мир с Володарем, обещал вернуть все занятые города Василька. Из-за того, что он не выполнил обещания, вернув не все города, братья и начали поход. Это сообщение, которое есть в первой редакции «Истории», не выглядит собственной догадкой историка; во всяком случае, не ясно, зачем бы ему надо было прибегать к такому объяснению похода — ведь отмщение Давиду за ослепление Василька было уже достаточным поводом (Указ. соч. Т. II. С. 116–117; Т. IV. С. 171).

тогда, когда, взяв город Всеволож, братья пришли к Владимиру, где «затворися» Давид, они предъявили единственное требование: «...и си оступиша град и послаша к володимерцем, г(лаго)ля: не вѣ ли придохом (ИХ: вѣ не приидоховѣ) на град ваш а не на вас, но на врагы своя [на — ИХ] Туряка и на Лазаря и на Василя. Ти бо суть намолвили Д(а)в(ы)д(а), и тех е послушалъ Д(а)в(ы)дъ и створилъ се зло. Да аще хочете за сих битися, да се мы готови, а любо даите врагы наша»⁹⁹. Таким образом, Ростиславичи представили своими «врагами» трёх человек, «послушав» которых, Давид якобы и решился на «се зло», т. е., видимо, на ослепление Василька. Как уже сказано выше, можно думать, что эти трое и были теми «мужами», которых, как писал Василь, подвиг дьявол на извет о союзе теребовльского и переяславского князей¹⁰⁰. Правда, не очень понятно в таком случае, почему эти люди не упоминались в подробном рассказе об ослеплении и пленении Василька, хотя имена нескольких участников (судя по всему, главных) этого деяния приведены. Также непонятен тогда и авторский комментарий к последующим событиям, которые описаны следующим образом:

«Гражане же, се слышавъ, созваша вѣче, и рѣша Д(а)в(и)дови людье: выдаи мужи сия, не бьемся за сихъ, а за тя битися можем. Аще ли то отворим врата граду, а сам промышляи [о — РА] собѣ. И неволя быс[тъ] выдати я, и реч(е) Д(а)в(ы)дъ: нѣту ихъ здѣ, бѣ бо я послалъ Лучьску. Онѣ[мь — ИХ] же пошедшим Лучьску, Турякъ бѣжа Киеву, а Лазарь и Василь воротистася Турииску. И слышаша людье, яко Туриискѣ суть, кликнуша людье на Д(а)в(ы)да и рекоша: выдаи кого ти хотят, аще ли то предаемься. Д(а)в(ы)дъ же пославъ приведе Василя и Лазаря и дасть я. И створиша миръ в нед(е)лю. А заутра по зори повѣсиша Василя и Лазаря и растрѣляша стрѣлами Василковичи и идоша от града». «Се же 2е мщенье створи, — комментирует далее события автор «Повести», — егоже не бяше лѣпо створити, да бы Б(ог)ъ отместник былъ, и взложити было на Б(ог)а мщенье свое...»¹⁰¹.

⁹⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 268; Т. 2. Стб. 242.

¹⁰⁰ Так всегда и указывают историки, начиная с С. М. Соловьёва: Указ. соч. Кн. I. С. 372.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 268; Т. 2. Стб. 242. В историографии обращалось

Как следует из последнего замечания Василя, это «мщение» он не считал правильным. Здесь он высказывается в том смысле, что отмщение надо было возложить на Бога. А осуждая первое «мщенье», когда Василько «повелѣ исѣчи вся» люди во взятом «копьем» Всеволоже, автор «Повести» писал: «створи мщенье на людех неповинных и прольа кровь неповинну»¹⁰². Из этих высказываний не совсем ясно, то ли Василь осуждал вообще всякое мщение, то ли только сотворённое «на людех неповинных». Второй вариант выглядит пред-

внимание на одно не совсем понятное место в этом известии. Не совсем ясно, кто такие «Васильковичи», которые расстреляли Василя и Лазаря. Л. Е. Махновец (Літопис Руський: За Іпатським списком. Переклав Л. Е. Махновець. Київ, 1989. С. 152), а за ним А. В. Майоров справедливо задаются вопросом: если речь идёт о сыновьях Василька, то почему употреблено множественное число глагола? — ведь сыновей у Василька было два, поэтому должно было бы стоять двойственное число. А. В. Майоров обращает внимание на чтение поздних летописей (в Московском своде конца XV в. и Воскресенской летописи — ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 22; СПб., 1856. Т. 7. С. 15) «и повисивъше их отроки Васильковы и растрѣляша я» и считает его более верным на том основании, что в Древней Руси казни всегда исполняли «княжеские слуги, отроки, дружинник, а также иноплеменники, служащие князьям», т. е. «люди, чуждые общине, не входившие в состав ее членов»; выступая в качестве «палачей», эти люди «по древней, восходящей к языческим временам традиции», воспринимались как «нечистые», колдуны, приобщённые к потустороннему миру (Майоров А. В. Указ. соч. С. 157). Оставляя ассоциации с колдунами на совести автора, признаем, что, действительно, князья сами не исполняли казни. Однако это был исключительный случай, и можно допустить, что привлечение княжичей к казни летописец отметил именно как нечто из ряда вон выходящее. Можно также допустить и отсутствие двойственного числа, потому что в конце XI в. в этом правиле уже возможны были нарушения: употребление множественного числа глагола в тех случаях, когда требовалось двойственное, наблюдается, например, уже в «Поучении» Владимира Мономаха и «Слове о полку Игореве». Можно, наконец, допустить, что у Василька было не два, а больше сыновей, о которых просто ничего неизвестно и которые не оставили потомства. Так или иначе, за правильность чтения «Васильковичи» говорит его присутствие во всех древнейших списках «Повести временных лет» (ср. также: *Присѣлков М. Д.* Указ. соч. С. 191).

¹⁰² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 267.

почтительней, потому что в других случаях древнерусские летописцы никогда не сокрушались о наказании «злых» людей, толкавших князей на «которы» и тем более поднимавших руку на них. Принимая второй вариант, следует признать, что автор «Повести» не считал Лазаря и Василя (по-видимому, и Туряка) виновными в ослеплении Василька и даже, видимо, знал, что об их невинности было известно Ростиславичам. Как бы то ни было, думаем, что абсолютной уверенности в тождестве тех «мужей», которые рассказали Давиду Игоревича о замыслах Василька и Мономаха против него, и тех трёх людей, которых требовали выдать Ростиславичи, быть не может. Трудно сказать, по каким причинам Ростиславичам понадобились именно эти люди: князья говорят о них в самом общем плане, что они им, Ростиславичам (причём обоим, а не одному Васильку), «враги» — по всей вероятности, это были известные недруги братьев.

Совершенно необоснованно, с нашей точки зрения, мнение, что Туряк, Лазарь и Василь представляли городскую «общину» Владимира¹⁰³. Приведённое известие со всей очевидностью говорит о том, что они (скорее всего, бояре) состояли в дружине Давида: городское вече не властно над ними, горожане могут лишь требовать от князя выдать их, и только сам князь в состоянии, «послав», привести двоих из них из Турийска (волынский город приблизительно в 100 км к северо-востоку от Владимира). Интересно, что один из этих бояр — Туряк — бежит в Киев, несмотря на то, что в этот момент Святополк уже готовился идти на Давида. Видимо, у этого боярина (может быть, виднейшего из трёх, судя по тому, что его имя названо первым) были связи в Киеве, и он рассчитывал на то, что Святополк не обойдётся с ним как с вражеским агентом и не выдаст его Ростиславичам, а может быть, он просто перешёл на службу Святополку.

Стоит отметить также роль владимирских горожан. В конечном итоге от них зависит судьба города, а не от дружины Давида. Любопытно, что город не отказался от Давида, хотя, весьма вероятно, у

¹⁰³ Фроянов И. Я. Древняя Русь... С. 541–542; Майоров А. В. Указ. соч. С. 134. Это мнение уже подвергалось серьёзной критике: Лукин П. В. Вече, «племенные» собрания и «люди градские» в начальном русском летописании // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4. С. 123–124.

Ростиславичей во Владимире были сторонники (не случайно братья подчёркивают, что воюют не против горожан; ср. выше о захвате Ростиславичами Владимира в 1084 г. и о Нерадце). Исследователи видят в этом поддержку принципа отчинности, только недавно закреплённого в решениях Любечского съезда, местными силами отдельных земель¹⁰⁴. Позже, хотя Святополку удавалось дважды выгонять Давида из Владимира (оба раза с помощью значительной военной силы), он каждый раз возвращался туда, очевидно пользуясь симпатиями населения. Только после того, как большинство русских князей, собравшихся на съезд в Уветичах (август 1100 г.), постановило лишить Давида Владимира и передать город Святополку Изяславичу, владимирцы окончательно потеряли своего «отчича»¹⁰⁵. Давиду выделили Дорогобуж (и несколько других городов), где он и закончил свои дни.

К сожалению, об окружении южноволыньских князей и внутренних обстоятельствах в подвластных им землях в «Повести» говорится очень мало. Упоминается только «детский» Василька, который предупреждал князя о том, что его собираются «ять» Святополк и Давид¹⁰⁶. Можно догадываться, что Ростиславичи собрали значительные военные силы, когда сумели запереть Давида во Владимире, а затем отстоять свою «отчину» от посягательств Святополка, поддержанного племянниками (сыновьями Ярополка) и Святошей († после 1142 г.), сыном Давида черниговского († 1123 г.)¹⁰⁷. Однако, в случае, когда к Перемышлю на Володаря пришли венгры,

¹⁰⁴ Грушевський М. С. История... Т. II. С. 395. Заявление владимирцев о готовности биться за Давида расценивается здесь как «характеристика их общей династической политики»: «...не только из этого заявления, но и из всего рассказа о волынской войне 1098–1099 гг. видно, что Владимир и в целом Волынь принимали династию Игоря Ярославича за свою... Напротив, на династию Изяслава Ярославича, которая перехватила Волынь от Игоревой и несколько раз пыталась укорениться здесь, Волынь смотрела как на чужую».

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 273–274.

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 258. В Радзивилловской и Академической летописях, а также в Ипатьевской (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 233) вместо детского показан «отрок».

¹⁰⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 267, 270.

«привабленные» Святополком, решающей оказалась поддержка половцев, учинивших настоящий разгром венгерским полком¹⁰⁸.

В отличие от Давида Игоревича, который был лишён своей «отчины» и потомки которого позже занимали мелкие уделы и не играли самостоятельной роли, Ростиславичи, оказавшись в сложной ситуации после захвата и ослепления Василька, справились с трудностями. Святополк Изяславич, после того как, воспользовавшись обстоятельствами, захватил Владимир, заявил претензии и на Перемышль с Теревомлем: «...се ес(ть) волость о(т)ца моего [и] брата» (т. е. Изяслава Владимировича и Ярополка Изяславича, владевших Владимирским княжеством включая южноволыньские города)¹⁰⁹. Когда ему не удалось силой, также и с помощью венгров, выгнать Ростиславичей, он, как предполагают историки (хотя этого не сказано прямо в летописи), на съезде в Уветичах настоял (вероятно, действуя в союзе с черниговскими князьями) на решении оставить Ростиславичам один Перемышль¹¹⁰. Неизвестно, каким именно образом (летописец лишь замечает: «...и не послуша сего Володарь ни Василко»¹¹¹) — по всей видимости, при поддержке Владимира Мономаха¹¹² — Ростиславичам всё-таки удалось отстоять и Теревомль.

В итоге «волынской войны» 1098–1099 гг. и двух знаменитых съездов князей политическая карта Руси к началу XII в. определённым образом стабилизировалась. Как выражался С. М. Соловьёв, после почти полувековой межкняжеской борьбы после смерти Ярослава Мудрого «полноправными родичами явились только потомки трёх старших Ярославичей». «Изгой и потомки изгоев нигде не могли утвердиться на цельных отчинах; из них только одни Рос-

¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 270–271.

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 269.

¹¹⁰ См., например: *Грушевський М. С.* История... Т. II. С. 98.

¹¹¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 274.

¹¹² Об этом писал сам Мономах в начале «Поучения», видимо оправдывая свой взгляд на отношения между «братией»-Рюриковичами: «...усрѣтоша бо мя слы от брат(и)я моего на Волзѣ, рѣша: потѣснися к нам, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отимем, иже ли не поидеши с нами, то мы собѣ будем, а ты собѣ. И рѣхъ: аще вы ся и гнѣва[е]те, не могу вы яйти, ни кр(е)ста преступити...» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 241).

тиславичи успели укрепить за собою отдельную волость и впоследствии дать ей важное историческое значение», — заключал историк¹¹³. Действительно, южноволыньские земли оказываются в особом положении, подобном отчасти положению Полоцкой земли. От Новгорода, который как «отчину» в конце XII в. могли рассматривать едва ли не все Рюриковичи, эти земли отличало то, что здесь закрепились определённые княжеские ветви. В отличие от Полоцка, где княжеский род значительно размножился, южная Волынь к середине XII в. оказалась объединённой под властью одного князя, который выбрал себе новую столицу в городе Галиче.

Трудно судить, благодаря чему Ростиславичи сумели отстоять свои «волости» в тяжёлой борьбе с киевскими князьями и сильными западными соседями. Разумеется, имело значение благоприятное стечение обстоятельств, сыграли свою роль решительность и военная предприимчивость князей. Но, кроме этого, как указывалось выше, надо предполагать значительную силу княжеских дружин и местных элементов, по-видимому, крепко державшихся своих «отчийей».

Из истории Владимиро-Волынского княжества: бояре Ярослава Святополчича

Прежде чем обратиться к известиям из истории Галицкого княжества в XII в., скажем несколько слов о судьбе Владимиро-Волынского. К сожалению, о внутренней истории этого княжества мы не располагаем сколько-нибудь подробными сведениями, на основании которых можно было бы судить об отношениях князя и знать здесь. Наибольший интерес представляет известие о боярах Ярослава Святополчича, князя владимирского († 6 августа 1123 г.).

Захватив Владимир, Святополк Изяславич посадил в нём своего сына Ярослава. Надо полагать, Ярослав как старший представитель старшей ветви Ярославичей-«триумвиров» имел виды на Киев после смерти своего отца¹¹⁴. Однако, когда Святополк умер,

¹¹³ Соловьёв С. М. Указ. соч. Кн. I. С. 381.

¹¹⁴ Наиболее обстоятельный комментарий к событиям, связанным с Ярославом, с раскрытием их подоплёки см.: Грушевський М. С. История...

его сын не имел сил противостоять Владимиру Всеволодовичу. Укрепившись на киевском столе, Мономах пытался обеспечить лояльность других князей брачными союзами. В частности, он женил сына Романа († 6 января 1119 г.) на дочери Володаря Перемышльского. За Ярослава Святополчича он выдал свою внучку, дочь сына Мстислава († 15 апреля 1132 г.)¹¹⁵. Но желаемого результата этот брак не принёс. После того как Владимир в 1117 г. перевёл Мстислава из Новгорода в Белгород, явно предназначая его в свои преемники на киевском престоле, Ярослав выказал какое-то недовольство (вероятно, у него с Владимиром была договорённость, что Киев достанется ему), и Мономаху пришлось идти на него походом. Поход, в котором принимали участие черниговские князья и Ростиславичи, закончился «миром»: «Ярославу покорившюся и вдарившю челомъ передъ строемъ (ХП: стрьем) своимъ Володимеромъ, и наказавъ его Володимеръ о всемъ, веля ему к собѣ приходити: когда тя позову»¹¹⁶.

Под следующим 6626 (1118) г. Ипатьевская летопись даёт сообщение, которое нас интересует более всего, поскольку упоминает бояр Ярослава: «Выбѣже Ярославъ С(вя)тополчичъ из Володимера Угры, и бояре его и (и — нет в ХП) отступиша от него»¹¹⁷. Более поздние летописи, включая Московский летописный свод конца XV в., добавляют одну фразу к сообщению: «Ярославъ Святополчич отсла от себе жену свою, дочь Мъстиславлю, внуку Володимерю. Володимеръ же слышевъ се и совокупи воя поиде на нь. И выбѣже Ярославъ Святополчич из Володимера въ Угры, и бояре его отсту-

Т. II. С. 110–112. М. С. Грушевский учитывал данные поздних летописей, известия В. Н. Татищева, Длугоша и венгерских хроник. Небольшие, но важные поправки хронологического свойства к наблюдениям М. С. Грушевского внёс Н. Г. Бережков (Указ. соч. С. 127–128).

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 273, 276.

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 284–285 (ХП — Хлебниковский и Погодинский списки Ипатьевской летописи). Здесь и далее ср. известия Лаврентьевской летописи о борьбе Ярослава и Владимира, более краткие, но в некоторых деталях дополняющие свидетельства Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 291–293).

¹¹⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 285. Ср. в Лаврентьевской летописи: «Бѣжа Ярославъ С(вя)тополчичъ из Володимера в Ляхы...» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 292).

пиша от него»¹¹⁸. Согласно этому добавлению, причиной бегства Ярослава из Владимира¹¹⁹ следует считать новый поход Мономаха, предпринятый киевским князем в ответ на недружелюбные действия владимирского. Неясным остаётся, тем не менее, что именно подвигло Ярослава «отослать» свою жену¹²⁰. Вряд ли это было чисто семейным делом — скорее упоминание об этом факте можно расценивать как намеренное стремление летописца, не скрывающего своих симпатий к Владимиру¹²¹, затушевать реальные причины конфликта.

¹¹⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 28. По А. Н. Насонову, это известие Московского свода восходит к особой редакции Киевского свода конца XII в. (*Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века: Очерки и исследования.* М., 1969. С. 289). Ср.: ПСРЛ. Т. 15. Стб. 192. В Никоновской летописи то же сообщение, только вместо бояр фигурируют «воя» (ПСРЛ. СПб., 1862. Т. 9. С. 150). Типографская летопись даёт известие, как в Московском своде, но с явно более поздним «разъясняющим» добавлением в конце: «Бъжа же, княгини своен не любячи и хотя пустити ю. Володимер же Мономахъ не повелѣ ему, бѣ бо ему внука, а Мстиславля дочи. И про то ходя Володимеръ на него многожды» (ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 73). Два из трёх списков Воскресенской летописи приводят сообщение в таком же виде, как и в Московском своде, а один — как в Типографской: ПСРЛ. Т. 7. С. 24.

¹¹⁹ Куда именно бежал Ярослав — в Польшу, как утверждает Лаврентьевская летопись, или в Венгрию, по Ипатьевской, — определённо сказать трудно. У князя были тесные родственные связи с правящими династиями в обоих государствах. Исследователи склоняются к мнению, что Ярослав сначала бежал в Венгрию, но вскоре, не найдя там поддержки, перебрался в Польшу (*Грушевский М. С. История... Т. II. С. 112; Паушто В. Т. Внешняя политика Древней Руси.* М., 1968. С. 151; *Головко А. Б. Указ. соч.* С. 67).

¹²⁰ Среди значений слова «отслать» новейший словарь древнерусского языка не даёт «развестись» (*Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.).* М., 2000. Т. VI. С. 289–290). Тем не менее фактически действие Ярослава означало, без сомнения, разрыв семейных уз с женой и её родственниками, что, разумеется, имело в условиях того времени и политические последствия.

¹²¹ Эти симпатии ярко выражены в рассказе о гибели Ярослава в борьбе с Мономахом за Владимир в 1123 г.: Ярослав осуждается здесь за «великую гордость», а «благоверный князь» Владимир прославляется за «смирение» и «честное житье» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 287–288).

В. Н. Татищев, не комментируя причины этого второго похода, перед рассказом о первом походе Мономаха на Ярослава (в 1117 г.) в самом общем виде выставляет причины их раздоров: Владимир якобы услышал, что «Ярославец владимирский, сын Святополч, емлет согласие с ляхами противо братии своея, русских князь, и многии обидит волости», а также что он хочет «пустить княгиню свою без вины»¹²². Сообщение В. Н. Татищева о союзе Ярослава с поляками¹²³ и его претензии на «волости» Рюриковичей (в частности, на владения Ростиславичей он мог претендовать как внук Изяслава Ярославича) выглядит вероятным. Однако, даже если верить этим данным, они имеют в виду первый поход Мономаха и вообще носят слишком общий характер. Поскольку главный вопрос, который занимает нас в данном случае, — это подоплёка именно второго конфликта, который привёл к разрыву между Ярославом и его боярами, вряд ли это известие В. Н. Татищева может здесь помочь¹²⁴.

¹²² Цитируем по первой редакции (*Татищев В. Н.* Указ. соч. Т. IV. С. 182). Во второй редакции В. Н. Татищев уточняет, что Ярослав был «подусчаем поляки у Владимира область по Горыню отнять», а у Ростиславичей хотел отнять все владения (Указ. соч. Т. II. С. 132). О Погорынье, которое лежало на границе Киевского и Владимирского княжеств и неоднократно в XII в. было предметом споров киевского и владимирского князей, см., например: *Иванов П. А.* Указ. соч. С. 75–81.

¹²³ См.: *Головко А. Б.* Указ. соч. С. 67–68.

¹²⁴ С. М. Соловьёв склонен был доверять рассуждениям В. Н. Татищева (*Соловьёв С. М.* Указ. соч. Кн. I. С. 391). М. С. Грушевский обходит молчанием это сообщение, в общем оценивая известия В. Н. Татищева как «амплификацию» летописных (*Грушевский М. С.* История... Т. II. С. 114). Зато И. Я. Фроянов, а вслед за ним А. В. Майоров, строят всю аргументацию как раз на данных В. Н. Татищева. Эти данные приводят их к ожидаемому выводу: бояре, упомянутые в известии о походе 1118 г., — это «общинные лидеры» владимирцев, а их отступничество от князя — знак недоверия «общины» (*Фроянов И. Я.* Древняя Русь... С. 544–546; *Майоров А. В.* Указ. соч. С. 164–165). Понятно, что в данном случае ставить во главу угла сообщения В. Н. Татищева просто было более удобно — ведь в Ипатьевской летописи прямо сказано: «его бояре», т. е. Ярослава. Сознательное игнорирование этого очевидного, но такого неудобного для «общинно-вещевой теории» факта, разумеется, не может не ставить под сомнение и саму эту теорию.

Между тем новейшая публикация ещё одного позднего источника данных по древнерусской истории, а именно «Анналов» Яна Длугоша в русском переводе с довольно подробным комментарием, в котором предпринимается попытка установить русские источники известий Длугоша, даёт возможность осветить вопрос с новой стороны. Длугош сообщает об обоих походах Владимира Мономаха на Ярослава — 1117 и 1118 гг. — под теми же датами. Как показывает А. В. Назаренко, комментируя эти сообщения, Длугош явно пользовался в данном случае каким-то русским «летописным источником, близким к Ипатьевской летописи, но с некоторыми содержательными от нее отличиями», причём, как говорят некоторые детали (например, исправный список князей, принимавших участие в первом походе Мономаха; правильное по хронологии и смыслу указание о посажении Мономахом сына Романа на владимирском столе), этот источник был более исправен, чем Ипатьевская летопись¹²⁵. Ещё задолго до публикации русского перевода «Анналов» Ю. А. Лимонов, проанализировав известия 1117–1118 гг., пришёл к следующему выводу: «...оба эпизода „Польской истории“ (т. е. „Анналов“ — П. С.) о Ярославе Святополчице заставляют думать, что Длугош, несмотря на некоторые добавления (точнее, распространения) текста, использовал русский источник»¹²⁶.

Известие о конфликте Владимира и Ярослава в 1118 г. выглядит у Длугоша следующим образом: «Киевский князь Владимир, проникшись вследствие уверений множества недоброжелателей тяжелым [...¹²⁷] на своего племянника владимирского князя Ярослава, который

¹²⁵ *Щавелева Н. И.* Древняя Русь... С. 414–415. Ср. вывод Б. М. Клосса, автора вводной статьи «Русские источники I–VI книг Анналов Яна Длугоша», что сообщения 1117 и 1118 гг. взяты Длугошем из «особой версии южнорусской летописи, по-разному отразившейся в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях». В основе этого источника, по мнению Б. М. Клосса, лежал Киевский свод 1198 г. «особой редакции (отличной от Ипатьевской летописи)», дополненный смоленскими известиями первой трети XIII в. (Там же. С. 48–49; ср. с. 52).

¹²⁶ *Лимонов Ю. А.* Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. Л., 1978. С. 40–42.

¹²⁷ Здесь в оригинале пропущено слово, которое в позднейших списках восполняется словами *ira* или *indignatione*, т. е. «гневом, злобой» или «недовольством» (*Щавелева Н. И.* Древняя Русь... С. 148).

будто бы замышлял его убийство и изгнание с киевского стола, вызывает его письмами и через послов в Киев. Тот объявляет, что придет не иначе, как только если Владимир поклянется не причинять ему никакого зла. И хотя Владимир ради вящей уверенности Ярослава дал такого рода обещание, но Ярослав, которому советники и воины (*consiliariis et militibus*) Владимира Киевского сообщили — неясно, искренне ли, или со злым умыслом — об опасной ловушке, подстергавшей его в Киеве¹²⁸, отказался прибыть в Киев. Потом, сбитый с толку уговорами и лживыми и коварными советами своих воинов (*falso et vafro consilio suorum militum*), он с женой, сыновьями и всем имуществом, поручив владимирскую крепость воинам (*militibus comendato*), бежит в Польшу к польскому князю Болеславу, некогда супругу его сестры Сбыславы, где был ласково и благосклонно принят польским князем Болеславом и пробыл там четыре года, получая от польского князя Болеслава все необходимое. Тем временем воины Ярослава сдали владимирскую крепость Владимиру Киевскому, ибо русские опасались, что ей завладеют поляки (*Infra id autem tempus castrum Wladimiriense Wlodimiro Kyowiensi per milites Iaroslai deditum est, verentibus Ruthenis, ne eo Poloni potirentur*)...»¹²⁹.

По общему смыслу известие Длугоша выглядит довольно правдоподобно. Действительно, как показывает анализ древнерусских источников, спор о владении Киевом был коренной причиной борьбы Ярослава и Мономаха¹³⁰. Хорошо укладывается в традиционную стилистику русских летописцев указание в качестве причины ссор князей на наветы лиц, их окружавших. Предупреждение князю, исходящее от его доброхотов, о намерении врагов его «ять», заманив к себе, также часто встречается в летописных рассказах (ср., например, выше в «Повести об ослеплении Василька Теробовльского»). Можно разглядеть и логику в действиях Ярослава, отказавшегося прибыть к «старейшему» князю (ср. выше сообщение Ипатьевской летописи о наказе Мономаха «к собѣ приходити: когда тя позову») и

¹²⁸ То, что западня подстергала Ярослава именно в Киеве, в латинском оригинале не говорится, ср.: «...periculo et laqueo, quod illi imminebat» (Там же. С. 148).

¹²⁹ Там же. С. 148–149, 300–301.

¹³⁰ Грушевський М. С. Історія... Т. II. С. 112.

понимавшего, что теперь ему грозит открытая война. Его окружение («воины» — *milites* в переводе Длугоша, весьма вероятно имевшего в русском оригинале традиционное «мужи») прекрасно осознавало как саму эту угрозу, так и бесперспективность новой войны, в чём должен был убеждать прошлогодний опыт противостояния с Мономахом. Естественно, что Ярославу посоветовали отправиться на поиски союзников (и также естественно, что русский летописец, защищавший идеи «братней любви» и покорности «младшего» князя «старейшему», осудил этот совет как «лживый» — *falso et vafro* у Длугоша, вероятно, «лстивый» в оригинале).

Сомнительным, однако, выглядит объяснение, предложенное Длугошем, по поводу того, почему Владимир был сдан Мономаху: якобы «русские опасались», что городом «завладеют поляки». Похоже, это — комментарий, который добавил уже в конце рассказа сам польский хронист, убеждённый в изначальном могуществе и военном превосходстве поляков над русскими и не сомневавшийся, что и сами русские — открыто или в глубине души — всегда признавали это превосходство и были вечно в страхе перед могущественным соседом. В пользу того, что фраза принадлежит Длугошу, говорит и выбор лексики: употреблённые здесь слова «русские» и «поляки» (не использованные в самом известии) очень трудно предполагать в русской летописи, описывавшей конфликт киевского и владимирского князя, а не русских и поляков. Наконец, несколько странно выглядит сообщение, что Ярослав бежал в Польшу «с женой» — ведь из летописи мы знаем, что свою жену Ярослав «отослал» к Владимиру. Либо это «распространение» оригинального летописного текста, либо надо предполагать, что Ярослав взял с собой какую-то другую женщину.

Отвергая объяснение Длугоша как домысел, мы остаёмся тем самым снова в неведении относительно истинных причин сдачи Владимира. По-видимому, в русской летописи, которой пользовался Длугош, комментария по этому поводу и не было; русский книжник, что весьма характерно для наших летописей, лишь ограничился констатацией факта сдачи города без военных действий (вероятно, это и было поводом для польского хрониста добавить собственное объяснение факту). Вряд ли в русском оригинале была фраза Ипатьевской летописи об «отступлении» бояр от Ярослава, потому что нельзя придумать причин, по каким Длугош мог бы

опустить её, а в изложении всего остального известия он (видимо, вслед своему источнику) отмечает и «недоброжелателей» в окружении Владимира, и «лживые советы» «воинов» Ярослава, не проявляя никаких особенных симпатий или антипатий ни к одному князю, ни к другому (такой же тон Длугош соблюдает и в остальных известиях о борьбе Ярослава и Владимира).

Исходя из общей логики рассказа Длугоша, можно предположить, что Владимир был сдан просто потому, что Ярослав не смог добыть и привести вовремя подкреплений из-за рубежа. Это согласуется и с мнением историков, что владимирский князь не нашёл помощи в Венгрии, куда отправился сначала. Пока он странствовал, Мономах взял город, защитники которого, не надеясь на помощь, не стали сопротивляться. Такой ход рассуждений заставляет интерпретировать известие об «отступлении» (т. е. измене¹³¹) бояр Ярослава как следствие тенденциозности летописца, симпатизировавшего Мономаху. Если в русском источнике Длугоша не было этого известия, значит можно предполагать, что в Ипатьевской летописи мы имеем дело со специальным комментарием летописца, стремившегося подчеркнуть неудачи князя, которому был враждебен. Ничего необычного не было в том, что князь отправлялся за рубеж искать поддержки (в своё время именно так поступали, например, дед Ярослава Изяслав Ярославич, оставляя Киев, и его дядя Ярополк Изяславич, покидая тот же Владимир-Волынский), а дружина в его отсутствие, не ожидая скорой помощи, вынуждена была сдавать его город. Если бы князь уходил не за рубеж, а в какую-то другую свою «волость» в пределах Русской земли, тогда дружина (во всяком случае, её часть, наиболее близкая и верная ему) могла бы последовать за ним (как, например, следовала дружина за Изяславом Мстиславичем в 1149 г., когда его вынудил Юрий Суздальский покинуть Киев и сидеть на Волыни). В противном случае ей приходилось принимать условия победителя. Другое дело, что эти условия могли быть разные¹³². Возможно, Мо-

¹³¹ См. лексемы «отъступити» и «отъступитися»: *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. М., 2000. Т. VI. С. 287–288.

¹³² См. подробнее: *Стефанович П. С. Князь и знать: клятва верности и право отъезда // Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь: социально-политическая структура. Очерки*. М., 2007.

номах, тонкий политик, отнёсся милостиво к боярам Ярослава, и они, или некоторые из них, относительно безболезненно приспособились к новому положению вещей. Возможно, зная это обстоятельство, летописец его и подчеркнул. Но в любом случае, по аналогии с другими примерами, когда судьба дружины находилась в зависимости от перемен в княжеских отношениях и в их владении «волостями», надо допустить, что далеко не все могли быть удовлетворены переменой власти во Владимире, что бывшие члены дружины Ярослава ожидали его возвращения и что у него, безусловно, оставались свои «приятели», т. е. сторонники и доброжелатели, в городе.

Думаем, таким образом, что было бы ошибочно, полностью доверяя летописцу, характеризовать сдачу Владимира боярами Ярослава (а именно от них, составлявших основную силу княжеской дружины, прежде всего зависела судьба города) как «измену» или «мятеж»¹³³. С другой стороны, нет никаких оснований видеть в этом событии проявление равнодушия «владимирской общины» к Ярославу как представителю династии Изяслава¹³⁴. Правильнее это следует условно охарактеризовать как «боярский переход» — не в смысле осуществления права отъезда (исходя из позднейших реалий XIV–XV вв.), а как переход дружины, оставшейся без своего князя, под власть другого князя, с которым волей-неволей приходилось как-то договариваться.

К сожалению, из летописных рассказов о попытке Ярослава «с Ляхы» взять Червен в 1121 г. и возвращении его во главе коалиции зарубежных и русских князей в 1123 г. на Волынь никак нельзя извлечь данных о том, с какими настроениями его ожидали бывшая дружина и владимирцы. В первом случае летопись лишь упоминает, что в Червене посадником был Фома Ратиборич и что Ярослав «воротишася опять не вспѣвше ничто же»¹³⁵. Фома Ратиборич — наверное, боярин Мономаха, поскольку хорошо известен другой его

¹³³ См., например: *Андрияшев А. М.* Указ. соч. С. 116–117; *Линниченко И. А.* Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. Ч. I: Русь и Польша до конца XII века. Киев, 1884. С. 142; *Пауто В. Т.* Внешняя политика... С. 151; *Он же.* Черты политического строя... С. 68; *Головко А. Б.* Указ. соч. С. 67.

¹³⁴ *Грушевський М. С.* История... Т. II. С. 396.

¹³⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 286. В. Н. Татищев приводит обширный рассказ о хитрости Фомы Ратиборича, с помощью которой он отбил Червен от на-

боярин по имени Ратибор¹³⁶. Во втором случае летописец подчёркивает только, что с Ярославом было «множество воев», а Владимир защищал князь Андрей Владимирович (посаженный Мономахом здесь после смерти Романа Владимировича, которому сначала в 1118 г. был доверен город) «съ всеми людьми своими», а также сообщает, что Ярослав обращался к «гражданам» с призывом выйти к нему «с поклоном». Ясно, что поход представлял серьёзную угрозу для Мономаха, и тот собирал значительные силы. Но до сражения (или сдачи города) дело так и не дошло, потому что Ярослава, ездившего «под градом», убили из засады то ли два «ляха» (по видимому, состоявшие под началом Андрея), то ли кто-то из горожан (как сообщают поздние летописи); союзники Ярослава продолжать войну с киевским князем не стали¹³⁷.

В целом те данные, которые имеются для характеристики отношений волынского князя Ярослава Святополчича с его боярством, с нашей точки зрения, не позволяют говорить о какой-либо специфике Вольны. Даже если оценивать сообщение, что бояре «отступиша» от Ярослава, как свидетельство о боярской измене или «отъезде», всё равно следует признать, что речь идёт об обычных явлениях дружинного строя, которые вполне соответствуют нормам того времени.

падения Ярослава с поляками, за что получил сан тысяцкого во Владимире и золотую гривну (Указ. соч. Т. II. С. 134–135; Т. IV. С. 183). Никаких аналогий этому рассказу нам не удалось обнаружить ни в русских летописях, ни в польских или других иностранных хрониках, которыми пользовался В. Н. Татищев.

¹³⁶ Летопись упоминает Ратибора как посадника князя Всеволода в Тмутаракани (в 1079–1081 гг., когда Всеволод сидел в Киеве), а затем соратника Владимира Мономаха в Переяславле (1095 г.) и его доверенное лицо на съезде в Уветичах (1100 г.) (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 204, 227–228, 274). В Русской Правде пространной редакции (ст. 53) Ратибор выступает как тысяцкий Владимира Мономаха, вокняжившегося в Киеве, при принятии «устава о резах» (1113 г.).

¹³⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 287–288; Т. 7. С. 25; Т. 9. С. 152. Ср.: Соловьёв С. М. Указ. соч. Кн. I. С. 393. Длугош и Татищев ничего по интересующему нас вопросу не добавляют в своих известиях о походе Ярослава (Татищев В. Н. Указ. соч. Т. II. С. 136; Т. IV. С. 184; Щавелева Н. И. Древняя Русь... С. 302–303).

Некоторой особенностью Волынской земли можно признать тот факт, что проявившиеся уже в конце XI в. тенденции к её обособлению под властью «своей» династии «отчичей» были сломлены и в итоге борьбы Ярослава и Мономаха она была включена в круг земель, постоянно перераспределявшихся среди князей в зависимости от перемен в княжеских отношениях в связи с владением Киевом. Подобно, например, другой древней и важной земле — Переяславской — Волынь переходила из рук в руки разных князей по указанию из Киева (правда, фактически за исключением короткого периода в киевское правление Всеволода Ольговича она оставалась за сыновьями и внуками Мономаха). Только с середины XII в. здесь закрепилась одна из ветвей Мономашичей — потомки князя Изяслава Мстиславича, разделившие княжество на ряд уделов. Но и после этого всегда давала себя знать связь Владимира и Киева, а политику этой династии, представители которой всегда стремились добыть чего-то лучшего (сначала Киева, потом Галича), характеризуют как «не-волынскую»¹³⁸.

В дружинах волынских князей иногда упоминаются отдельные представители знати. Однако при этом может не быть даже уверенности, имеем ли мы дело собственно с волынскими боярами или, например, киевскими, и тем более невозможно понять, какого рода отношения связывали их с князем¹³⁹. В любом случае предполагать какие-либо особенности в этих отношениях у нас нет никаких оснований.

Галицкое боярство в 1144–1189 гг.: на пути к «олигархии»?

В отличие от Владимира-Волынского южноволынским землям удалось не только сохранить свою обособленность, но и избежать раздробления на уделы. Заметна разница между Волынью и Галичиной и во внешней ориентации на протяжении XII в.: киево-

¹³⁸ Грушевський М. С. *История...* Т. II. С. 394.

¹³⁹ Предположительно можно вычислить один «волынский род» бояр, служивших Мономашичам, если признать родственную связь между Владиславом Воротиславичем, боярином Мстислава Изяславича, и Воротиславом, тысяцким Андрея Владимировича, сына Мономаха (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 292, 532–533).

волынские князья сохраняли в основном дружественные отношения с Польшей, а галицкие — как правило, враждебные. Зато больше контактов связывало Галич с Венгрией.

Концентрация власти в этих землях была осуществлена сыном Володаря Ростиславича Владимиром. После смерти Володаря и Василька Ростиславичей в 1124–1125 гг.¹⁴⁰ южноволынские земли были поделены между их сыновьями, из которых владетельными известны четверо: Владимир и Ростислав Володаревичи, а также Иван Василькович и его брат, об имени которого сведения разнятся¹⁴¹. Владимир, в некоторых известиях Ипатьевской летописи именуемый Владимирком, пережил братьев, из чьих сыновей известен только один — Иван Ростиславич, получивший прозвище Берладник. В 1141 г. умер Иван Василькович, сидевший в Галиче, и Владимир Володаревич «прия волость его»: «...сѣде во обою волостью кн(я)жа в Галичи»¹⁴². Свою бывшую волость Звенигород Владимир дал в удел Ивану Ростиславичу, но владеть ею последнему пришлось недолго — только до 1145 г.¹⁴³

¹⁴⁰ О смерти Василька, а за ним — Володаря сообщается в древнейших сохранившихся летописях под 6632 (1124) г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 293; Т. 2. Стб. 288–289). Длugoш, опиравшийся, по всей видимости, на русскую летопись, относит смерть Володаря к 19 марта 1126 г., однако, как считает А. В. Назаренко, с ошибкой в указании года — на самом деле речь должна идти о 1125 г. (*Щавелева Н. И. Древняя Русь...* С. 305, 418–419).

¹⁴¹ См.: *Щавелева Н. И. Древняя Русь...* С. 305, 419; *Грушевский М. С. История...* Т. II. С. 417–418.

¹⁴² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 308.

¹⁴³ Об истории южноволынских земель до середины 1140-х годов можно судить только по ряду сообщений польских хроник, отчасти находящихся соответствия в свидетельствах В. Н. Татищева. Часть сообщений принадлежит, по всей видимости, самим польским хронистам, а часть — некоторые из тех, что содержатся в «Хронике» Длugoша, — происходит из древних русских летописей. Упоминаются и некие воины и дружинники в окружении южноволынских князей: например, в сообщениях Длugoша (по-видимому, происходящих из русской летописи) о столкновении Болеслава и Володаря в 1125 г. и о распрях Володаревичей (*Щавелева Н. И. Древняя Русь...* С. 304–306). Однако все эти упоминания настолько коротки и неинформативны, что для наших целей не могут пригодиться. Большой интерес представляет рассказ Длugoша о поражении Болеслава III

Те скудные данные, которые содержит наше древнейшее летописание по истории южноволыньских земель до их объединения в 40-х гг. XII в. в одно Галицкое княжество, в сопоставлении со сведениями всех других доступных нам источников, не позволяют утверждать, что социально-политический строй в этих землях отличался чем-то существенным от уклада на остальной территории Древнерусского государства. Никаких аналогий с Новгородской землёй, где как раз в первой половине XII в. ярко обозначились специфические черты, не прослеживается. Мнение (отражающее определённую историографическую тенденцию), что Владимир Володаревич в борьбе за объединение южноволыньских земель должен был преодолевать сопротивление «местного боярства», якобы «издавна имевшего сильные позиции»¹⁴⁴, следует признать ошибочным. Владимиру, дейст-

Кривоустого у Галича, помещённый под 1137 г. (*Щавелева Н. И.* Древняя Русь... С. 311–314). Здесь рассказывается о походе польского князя, предпринятом с целью восстановить на престоле галицкого князя Ярослава, неизвестного никаким другим источникам. Упоминаются некие галичане, которые просили Болеслава вернуть им этого Ярослава и обязывались «послушной и верной службой» польскому князю, но которые, как потом выяснилось, лишь заманили Болеслава в ловушку, сговорившись с другими русскими князьями во главе с Ярополком киевским. Насколько можно верить всему этому, совершенно непонятно. В русских летописях никаких аналогий этому рассказу не находится. Правда, факт похода Болеслава известен В. Н. Татищеву, который повествует под 1138 г. о сражении с Болеславом у Галича коалиции Володаревичей и Васильковичей, Ярополка и его братьев (*Татищев В. Н.* Указ. соч. Т. II. С. 150; Т. IV. С. 194). Однако, в его известии, существенно отличающемся от рассказа Длугоша, ни о каких галичанах речи нет. Достоверность известия В. Н. Татищева, который не скрывал, что черпал здесь данные из польских хроник Стрыйковского, Бельского и Кромера, оценивалась по-разному (ср., например: *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 299; *Линниченко И. А.* Взаимные отношения... С. 151–152). К некоторым выводам о характере отношений правителя и представителей высшей знати на Руси в сравнении с Польшей дают свидетельства русских и западных источников о пленении в 1123 г. Володаря Перемышльского поляками (см. подробнее: *Стефанович П. С.* Володарь перемышльский в плену у поляков (1122 г.): источник, факт, легенда, вымысел // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* 2006. № 3–4 (25–26)).

¹⁴⁴ *Толочко П. П.* Древняя Русь: Очерки социально-политической истории. Киев, 1987. С. 120–121.

вительно, пришлось решать некоторые внутривнутриполитические проблемы, но они были совершенно другого рода. Об этом свидетельствуют два известных «галицких» сообщения из времени правления этого князя — о конфликте Владимира с галичанами и об обороне Звенигорода. Не вдаваясь в детальный разбор этих известий, не раз привлекавших внимание историков, отметим только важнейшие явления, обнаруживающие себя в этих событиях.

Под 6652 (1144) г. Лаврентьевская и Ипатьевская летописи рассказывают о конфликте Владимира с Всеволодом Ольговичем († 1 августа 1146 г.), сидевшим в тот момент в Киеве. Автор статьи Ипатьевской летописи, настроенный явно враждебно к галицкому князю, которого он называет «многоглаголивим» и в уменьшительной форме, указывает в качестве причины конфликта то, что Всеволод посадил на Волини своего сына (переведа сидевшего там Изяслава Мстиславича в Переяславль). Историки принимают это объяснение как вероятное, поскольку в условиях тесного союза Всеволода с Польшей объединение в его руках и Волини представляло явную угрозу для Владимира¹⁴⁵. Позднейшие события заставляют предполагать, что поддержки у Всеволода мог искать Иван Ростиславич, сидевший тогда в Звенигородском княжестве, пограничном с Владимиро-Волынским, и, весьма вероятно, имевший претензии и на Галич. Это также могло дать основания Владимиру для недовольства. Так или иначе, Всеволод во главе коалиции князей отправился на галицкого князя. Поход оказался для Всеволода удачным, хотя до сражения дело так и не дошло. Когда войска стали друг против друга у Звенигорода (в тот момент, видимо, Иван Ростиславич всё-таки был заодно с дядей), «рустии полци» обошли галицкие полки со стороны дорог на Галич и Перемышль, что вызвало крайнее беспокойство галичан: «...видивше же то Галичане, — пишет летописец, — съчнуша (Лаврентьевская: сътснущаси), рекуче: мы сде стоимы, а онамо жены наша возмутъ». Владимир был вынужден просить мира, и он его получил, заплатив

¹⁴⁵ Грушевський М. С. *История...* Т. II. С. 423. Встречающееся в литературе мнение, что Владимир стремился к объединению волынских и галицких земель (*Пашуто В. Т. Галицко-Волынское княжество...* С. 367), представляется маловероятным — такой план практически был нереализуем.

Всеволоду «за трудъ» 1200 (согласно Лаврентьевской летописи) или 1400 (по Ипатьевской) гривен серебра¹⁴⁶.

Надо думать, выплата этой «контрибуции» легла тяжёлым бременем не только на князя, но и на тех же галичан, которые и без того, вероятно, терпели убытки из-за разрыва отношений с Киевом (одним из основных источников дохода Галича всегда была торговля солью, прежде всего с Киевской землёй¹⁴⁷). Это не могло прибавить популярности Владимиру. В этой ситуации обращение галичан к Ивану Ростиславичу представляется не лишённым логики. Как рассказывает Ипатьевская летопись в продолжении той же годовой статьи, зимой 1145 г., воспользовавшись уходом Владимира из Галича «на ловы», «послашася Галичане по Ивана по Ростиславича въ Звенигородъ и въведоша к собѣ в Галичь». «Володимерь же, слышавъ, — читаем далее, — съвкупил дружину и прииде на нь к Галичю и ста около города. И въздзяче из города, бяхуся крѣпко, и мнози падаху от обоихъ, и бишася оль 3 н(е)делѣ. В н(е)делю же мяс(о)пусную на ночь выступи на нѣ Иванъ с Галичаны, и много бишася, и побиша у Ивана дружины много...» В итоге Иван был вынужден бежать на Дунай, а оттуда в Киев к Всеволоду, а Владимир вошёл в Галич и «многы люди исъче, а иныя по[казни] казнью злою»¹⁴⁸.

События, описанные в этом летописном рассказе, обычно расцениваются в историографии как восстание или мятеж горожан против князя Владимира¹⁴⁹. При учёте фактора борьбы за власть между князьями-претендентами на главный стол такая оценка кажется справедливой. Действительно, летописец говорит всё время о «галичанах», приписывая им политическую инициативу и интересы, которые могут

¹⁴⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 311–312; Т. 2. Стб. 315–316. Ср.: «сотнитися (сътнитися)» — «сомкнуться, соединиться» (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 2002. Вып. 26. С. 242). Очевидно, речь идёт о «походном» собрании (вече) галичан.

¹⁴⁷ См.: *Крип'якевич И. П.* Указ. соч. С. 43; *Перхавко В. Б.* Киево-Печерский Патерик о торговле солью в Древней Руси // ВЕДС. М., 1990. С. 105–109.

¹⁴⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 316–317.

¹⁴⁹ См., например: *Дашкевич Н. П.* Указ. соч. С. 19; *Грушевский М. С.* История... Т. II. С. 420; *Крип'якевич И. П.* Указ. соч. С. 53 и др.

расходиться с княжескими (говорится также и о «людях», которых казнил Владимир). Оба князя действуют с «дружинами», и хотя не говорится прямо, что это были *их* дружины, всё-таки, надо понимать, речь идёт об их служилой знати. По крайней мере, следует предполагать, что Владимир отправился на охоту с ближайшим окружением, и ту «дружину», которую ему удалось «совокупить» уже после начала мятежа, составляли, очевидно, не горожане, а его бояре, разошедшиеся после похода по Галицкой земле. Наверняка и Иван Ростиславич прибыл в Галич с собственной дружиной; об этом может свидетельствовать и тот факт, что, бежав из Галича, он не возвращается в Звенигород, где уже, по всей видимости, ему не на кого было рассчитывать.

Можно предположительно указать причины недовольства горожан Владимирком, но нет ровно никаких оснований считать, что «галичане» выставили Ивану Ростиславичу какие-то «условия», которые он «полностью принял», и что за этим обозначением скрывалась «городская знать» или даже бояре, якобы добивавшиеся каких-то привилегий¹⁵⁰. Не надо заниматься гаданиями и искать в источниках того, чего там нет, а следует согласиться с М. Н. Тихомировым, который, прослеживая в течение XII в. «усиление политической роли городов и городского населения» по всей Руси, замечал в связи с событиями в Галиче: «...как и в других русских землях, движение галицких горожан начинает развиваться в тесной связи с княжескими усобицами. Борьба между князьями открыла возможности для попыток горожан оказать влияние на выбор князей»¹⁵¹. Эта оценка должна быть исходной и при анализе последующих событий в Галиче; случаи отклонения от неё надо рассматривать уже как специфические черты.

Признавая в данном случае очевидный факт размежевания города и князя, опирающегося на служилую знать¹⁵², в дальнейшем

¹⁵⁰ Первым мнение о том, что под «галичанами» здесь скрываются «разбогателые вельможи», высказал ещё Д. И. Зубрицкий (Указ. соч. С. 62–63; ср. выше). Развил это мнение В. Т. Пашуто (не ссылаясь, в свойственной ему манере, на предшественников), см.: *Пашуто В. Т.* Очерки... С. 180–181. Ср. аналогичные утверждения: *Толочко П. П.* Древнерусский феодальный город. Киев, 1989. С. 178.

¹⁵¹ *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 185, 208.

¹⁵² Это подчёркивал и Н. П. Дашкевич: «...народ тогда был на одной стороне, а князь и дружина — на другой» (Указ. соч. С. 19).

мы будем также иметь в виду мнение М. С. Грушевского, который считал, что «в этом восстании и в суровых репрессиях князя можно искать начала того отчуждения князя от общины и роста влияния его дружины-бояр за счёт политической жизни общины, которое так ясно дало себя знать в позднейшее время»¹⁵³.

Второе известие, характеризующее расстановку общественно-политических сил в Галицком княжестве, также относится к периоду борьбы Владимира с Всеволодом. Владимир и после описанных событий, видимо, не считал своё дело проигранным и не соблюдал соглашения с киевским князем. Уже в начале 1146 г. Всеволод снова выступил в поход. Он опять подошёл к Звенигороду, но теперь, в отсутствие галицкого князя (тот, наверное, собирал войска), осадил этот город. Рассказ об осаде Звенигорода известен прежде всего благодаря упоминанию веча, которое собрали осаждённые горожане. Для нас же важно отметить роль в этом событии представителя той самой служилой знати, которая спасла Галич для Владимира. На

¹⁵³ *Грушевський М. С.* Історія... Т. II. С. 423. Мнение М. С. Грушевского принял В. Т. Пашуто (естественно, не ссылаясь на «буржуазного националиста»): «...в юго-западной Руси отношения великокняжеской власти с городами сложились несколько иначе, чем в северо-восточной. Несомненно, в частности, что подавление городских движений во времена Владимирки и Ярослава Осмомысла сыграло немалую роль в последующем ослаблении великокняжеской власти в Галицко-Волынской Руси» (*Пашуто В. Т.* Очерки... С. 181). Приверженцы «фрояновской школы» придерживаются прямо противоположного мнения. Так, например, выражается А. В. Майоров (естественно, лишь развивая идеи «классика»): события 1145 г. в Галиче — это первое «выступление» галицкой вечевой общины, важнейший и закономерный этап «общинной революции» в Галицком княжестве. В скором времени «земские силы» уже полностью обретут право «вольности в князьях», но пока княжеская власть «еще достаточно сильна и оказывает решительное сопротивление», а «простые общинники, „людьє“ еще должны приобрести необходимый опыт организованной политической борьбы (?! — П. С.), преодолеть некоторые стереотипы сознания (?!! — П. С.), определяющие взаимоотношения общины с князем, сложившиеся в период распада родоплеменного строя и становления территориально-административных политических связей» (*Майоров А. В.* Указ. соч. С. 201–202. Ср.: *Фроянов И. Я.* Древняя Русь... С. 548–549).

этот раз верность и особое усердие проявил, защищая интересы князя, «воевода Володимирь мужь Ивань Халдѣевич», который возглавлял оборону города: когда горожане задумали «передаться» Всеволоду, он казнил трёх из них и тем «загрозил» остальным, которые начали «отголь бити безъ лъсти»¹⁵⁴. В данном случае снова мы видим противостояние горожан и служилой знати, в котором перевес оказывается на стороне последней, а попытка горожан решить свою политическую судьбу самостоятельно оканчивается неудачно. Расклад сил в этой ситуации по сути аналогичен тому, что наблюдалось в Галиче в 1145 г.

Оба известия не обнаруживают, таким образом, специфических черт в социально-политическом устройстве новообразовавшегося Галицкого княжества по сравнению с другими землями Руси: наблюдается то же усиление позиций горожан, вмешивающихся в усобицы князей, но так же, как и везде, князья по-прежнему опираются прежде всего на свою дружину, которая действует отдельно от горожан. Этому выводу никак не противоречат и обозначения (которые находим в рассказе Ипатьевской летописи о новой борьбе Владимира с киевским князем, теперь с Изяславом Мстиславичем, в начале 1150-х гг.) полков Владимира как «Володимеря дружина» и «галичане»: понятно, что речь идёт о военных силах Галицкого княжества в подчинении галицкого князя в широком смысле¹⁵⁵. Упоминающиеся в этом же рассказе княжие дворы в Галиче и в Перемышле, «села многа у Перемышля» (неясно, правда, княжеские или боярские), посадник Владимира в Санокѣ, «служы княжи» на княжеском дворе — всё это реалии, обычные для того времени¹⁵⁶. Среди этих случайных упоминаний указывается однажды имя одного из бояр Владимира — Избыгнѣвъ Ивачевич. С ним галицкий князь бежал в Перемышль после поражения от венгров и Изяслава Мстиславича¹⁵⁷. Установление родственной связи между этим боярином и упомянутым выше Иваном Халдеевичем произвольно и не основано ни на чём, кроме фонетической близости

¹⁵⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 320.

¹⁵⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 402, 406, 411–412, 448.

¹⁵⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 406, 449, 463–464.

¹⁵⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 449.

(но не тождественности!) имён Ивач и Иван¹⁵⁸. Зато, наверное, Избигнѣвъ, упомянутый послом Ярослава, сына Владимира, в 1158 г., — это тот же Избигнев Ивачевич¹⁵⁹. Служба боярина после смерти князя его сыну — явление типичное для средневековой Руси.

* * *

Последние годы жизни Владимир Володаревич правил Галицким княжеством единолично. После смерти князя зимой 1152/1153 гг. нераздельную власть сохранил его единственный сын и наследник Ярослав, известный под прозвищем «Осмомысл», которым его величает автор «Слова о полку Игореве». Конкурент Ярослава Иван Ростиславич Берладник с тех пор, как бежал из Галича, вынужден был скитаться по Руси, ища поддержки князей, враждебных Ярославу, а в конце концов оседает на Дунае. Насколько позволяют судить наши источники, бывшему звенигородскому князю, погибшему в 1161/1162 гг., удалась только одна сколько-нибудь значительная акция, представившая, видимо, какую-то угрозу власти галицкого князя (см. ниже). Обширная область «под рукою» одного князя, не имеющего серьёзных соперников и непримиримых врагов, — это редкость для Руси XII в., и не случайно в этой особенности династической истории Галицкого княжества историки пытались найти корни и особенностей его социально-политического строя. Рассмотрим данные источников за время правления Ярослава, а затем попытаемся определить, насколько справедливы эти и другие суждения применительно к сфере взаимоотношений князя и знати.

После смерти Владимира вся его дружина и вообще все военные силы, согласно традиционному порядку вещей, перешли в распоряжение его сына. Об этом прямо заявляет сам Ярослав в речи, которую он произносит для Изяслава Мстиславича киевского и передаёт через киевского посла Петра Бориславича, волею судьбы оказавшегося в Галиче в момент смерти Владимира: «...Б(о)гъ отца моег(о) поняль, — говорит молодой галицкий князь, — а мене Б(о)гъ на его мѣстѣ оставиль. А полкъ ег(о) и дружина е[го] у мене

¹⁵⁸ Паушто В. Т. Черты политического строя... С. 67.

¹⁵⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 497.

суть, развѣ едино копие поставлено у гроба его, а и то в руку мою естъ»¹⁶⁰. Это напоминание о своей военной мощи было вставлено Ярославом неспроста, хотя он и «кланялся» Изяславу и просил его быть «в отца место» и разрешить ездить «подле его стремени». Целью посольства Петра Бориславича было уведомление о разрыве киевским князем союза с Владимиром из-за того, что последний не отдавал Бужск и несколько городов на границе Галицкого княжества и «Русской земли» (по верховьям реки Горынь), несмотря на данное им обязательство сделать это после поражения под Перемышлем¹⁶¹. Ярослав своими словами давал, видимо, понять, что готов отстаивать свою «отчину» вне зависимости от разногласий его отца с Изяславом («...а ты ся с моим отц(е)мь самъ вдаль, что межи има (ХП: вама) было, а то уже Б(о)гъ осудилъ», — говорил в той же речи галицкий князь).

Ярослав так и не отдал спорные «волоости» Изяславу Мстиславичу. Во всяком случае, этим можно объяснить поход Изяслава крупными силами на него через год, зимой 1154 г. Летописное сообщение об этом походе замечательно тем, что оно передаёт речь, произнесённую непосредственно перед решающим сражением, состоявшимся у Теребовля, тех самых дружинников, которые после Владимира стали служить его сыну. В Ипатьевской летописи эта речь изложена более пространно, чем в Лаврентьевской, и с характерным отличием во вступительной фразе летописца, которое лишний раз свидетельствует о бесплодности попыток найти строгие терминологические принципы в выборе древнерусскими книжниками лексики для описания общественно-политических реалий. В Ипатьевской летописи фраза выглядит следующим образом: «...галичские же мужи почаша молвити кн(я)зю своему Ярославу»; в Лаврентьевской, представляющей вторичную переработку этого текста: «...здумаша боляре Володимировича и рѣша князю своему»¹⁶². Очевидно, оба словосочетания — «галичские мужи» и «боляре Володимировича» — обозначали одно и то же: дружину Ярослава; летописцы используют их равноправно, и это настолько же естест-

¹⁶⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 464.

¹⁶¹ См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 454.

¹⁶² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 340; Т. 2. Стб. 466.

венно, насколько естественно назвать князя двумя разными способами — по имени или по отчеству (в той же статье Лаврентьевской летописи, где сначала дружина названа по принадлежности к князю, далее говорится о «галичанах» и «галичских мужах»). Обозначение дружинников по месту их проживания («галичские мужи») приводят как доказательство процесса «оседания дружины»¹⁶³; наверное, это справедливо, особенно для Галицкого княжества, ещё в конце XI в. исключенного из круга областей, где действовал порядок очередного замещения столов. Однако, как бы далеко ни зашло это «оседание», главное значение, во всяком случае, на данный момент, имела связь дружины с князем — и об этом ясно говорит параллельное обозначение дружинников по принадлежности определенному князю. Употребление автором Лаврентьевской летописи глагола «здумаша» свидетельствует о том, что древнерусская традиция «думы» князя и его дружины не была чужда Галицкому княжеству.

Не меньший интерес, чем эти «терминологические» данные, представляет речь галичских бояр, обращённая к Ярославу: «Ты еси молодь, — говорят они, — а поеди прочь и нас позоруи. Какы будеть о(те)ць твои кормиль и любилъ, а хочемъ за отца твоег(о) ч(е)сть и за твою головы своя сложити... Ты еси у нас кн(я)зь одинъ, оже ся тобѣ што учинить, то што намъ дѣяти. А поѣди, кн(я)же, к городу, ать мы ся бѣемъ сами съ Изяславомъ, а кто нас будеть живъ, а прибѣгнетъ к тобѣ, а тогда ся затворимъ в городѣ с тобою»¹⁶⁴. Для нас важны прежде всего те мотивы, которые сами бояре выставляют побудительными в их борьбе с киевским князем. По их словам, «головы своя сложить» они готовы за те «корм» и «любовь», которые получали от Владимира, и за «честь» его и его сына. Кроме того, они опасаются потерять своего единственного князя — очевидно, для них важно было иметь своего «отчинного» князя, и на тот момент таким в их глазах являлся только Ярослав (получается, Ивана Ростиславича они в расчёт не принимают).

Таким образом, галицкие бояре ставят вопрос предельно широко: они вспоминают всё то, чем обязаны тому князю, которому служили, и готовы бороться за свою династию (чей статус опреде-

¹⁶³ См., например: *Горский А. А.* Указ. соч. С. 44–45.

¹⁶⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 466–467.

ляется очень широким понятием «честь»¹⁶⁵), с которой, конечно, связано и благополучие их собственных родов. Как показал ход битвы, это были не пустые слова: галичане бились не на живот, а на смерть, и, хотя многие из них были убиты и взяты в плен («быс(ть) плачь великъ по всеи земли Галичьстѣи», — заканчивает рассказ о битве летописец), Изяслав вынужден был отступить.

Хотя бояре никак не упоминают те «волости», из-за которых Изяслав послал Петра Бориславича «положить крестные грамоты» перед Владимирком, некоторые историки склонны считать, что всё-таки главным предметом борьбы были именно они. Например, Н. П. Дашкевич считал, что под «кормом», за который галицкие «мужи» благодарны Владимиру, надо понимать именно эти «волости»-города, которые они получали от князя в управление на условиях, соответствующих позднему кормлению. По его мнению, бояре удерживали Ярослава от возвращения спорных территорий, так как они в принципе были заинтересованы в том, чтобы «увеличивать территорию своего княжества, потому что вместе с тем расширялось пространство, подлежащее их управлению»¹⁶⁶.

Эти рассуждения Н. П. Дашкевич излагает в самом общем виде. Мы не знаем, известно ли ему было сообщение В. Н. Татищева об этом конфликте, но как раз оно, в отличие от древнейших летописных известий, даёт более твёрдые основания для таких суждений. В. Н. Татищев сообщает об ответе Изяслава на то послание, которое дал Ярослав Петру Бориславичу. Изяслав был рад принять покровительство над Ярославом, но специально просил о возвращении городов. Ярослав же со своей стороны был готов «некоторые возвратить, но, — пишет В. Н. Татищев, — бояре его не восхотели, говоря: „Мы не хотим тем князю своему порока нанести, но положась на Бога, будем его всею нашею возможностью засчитать, доколе Бог изволит“»¹⁶⁷.

¹⁶⁵ См.: *Стефанович П. С.* Древнерусское понятие чести в памятниках литературы домонгольской Руси // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* 2004. № 2.

¹⁶⁶ *Дашкевич Н. П.* Указ. соч. С. 23–24.

¹⁶⁷ *Татищев В. Н.* Указ. соч. М., 1964. Т. III. С. 46. Рассказ о самой битве изложен у В. Н. Татищева несколько более подробно, чем в летопи-

По В. Н. Татищеву, таким образом, Ярослав даже и хотел бы отдать спорные города, но именно бояре не позволили ему сделать это. Это известие, действительно, заставляет предполагать особенную заинтересованность бояр в этих «волостях». Вопрос только в том, насколько ему можно верить. По Ипатьевской летописи, князь выражает готовность сражаться, а бояре про города не упоминают. Торжественные слова и решительность бояр, а также масштабность кровопролитной битвы говорят в пользу того, что речь всё-таки шла о нечто большем, нежели просто о волостях, пусть даже таких, управление которыми приносило доход главным (хотя, очевидно, не всем) участникам битвы. Нам всё-таки кажется, что причины решимости бояр надо искать в общей политической ситуации¹⁶⁸. Не следует забывать, что летопись сочувственна Изяславу и о причинах его похода на Ярослава вообще умалчивает. Зато надо вспомнить те цели, которые преследовал Изяслав во время совместного похода с венграми на Владимира Володаревича. После поражения Владимира и бегства его в Перемышль киевский князь прямо заявлял королю Гейзе II: «...аче Володимеръ умереть, а Б(ог)ъ убилъ его, зане ступилъ есть хр(е)стьного чълования къ обѣима нама..., нын(е) же даи [XII: дал] на[м] и Б(о)гъ: самого же имивѣ, а волость его възмивѣ»¹⁶⁹. Тогда венгерский король отказался содействовать планам Изяслава по разделу «волоости» галицкого князя, и последний получил мир. Логично предположить, что, затевая через полтора года поход на сына Владимира, Изяслав хотел воспользоваться неуверенностью молодого князя и имел ту же самую цель — захватить всю Галицкую «волость» и лишить Юрия Суздальского († 15 мая 1157 г.) союзника в «русских» делах (а вопрос

си, с некоторыми дополнениями, которые нашей темы прямо не касаются. Речь бояр передана, по существу, почти в таком же виде, как в Ипатьевской летописи.

¹⁶⁸ Об этом пишет и М. С. Грушевский, указывая на то, что для Ярослава важнее было сохранить союзные отношения со своим тестем Юрием Владимировичем, князем суздальским (которых твёрдо придерживался Владимир Володаревич), чем установить мир с Изяславом. Хотя в то же время вопрос о волостях историк считает не менее существенным (*Грушевський М. С. Історія... Т. II. С. 436*).

¹⁶⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 451.

о пограничных городах служил лишь удобным предлогом). Конечно, ни планы Изяслава, ни их политическая подоплёка не были секретом для галичан, и их решимость и единодушие в поддержке своего князя находит понятное объяснение: в случае занятия Изяславом Галицкой земли при новом порядке их положение должно было кардинально измениться.

Как бы то ни было, даже если принимать на веру татищевское сообщение, в данном случае утверждать, что материальное состояние галицкого боярства зиждилось на системе кормлений, было бы, с нашей точки зрения, слишком смело, во всяком случае, до тех пор, пока специальными исследованиями не прояснено, что именно имели в виду бояре, когда говорили о «корме» и «любви» своего князя¹⁷⁰. Не можем согласиться и с выводом Н. П. Дашкевича, что уже в поведении бояр у Теробовля проявилось превращение «дружины», «княжих мужей» в «местных бояр», которые «начинают влиять на князя не так, как вообще влияли тогда дружинники»¹⁷¹. Галицкие бояре, отсылая в город с поля битвы своего князя, действительно, проявляют твёрдость духа и определённую самостоятельность. Но надо ли видеть за этой самостоятельностью нечто необычное и говорящее об их социально-политических амбициях? С нашей точки зрения, речь должна идти просто о поддержке галицкого князя его дружиной, исходившей прежде всего из политических соображений и ссылавшейся (наверное, совершенно искренне) на традиционные дружинные ценности. Полагаем, А. В. Майоров в данном случае справедливо критикует тех историков, которые считают, что бояре, предложив князю не участвовать в битве, тем самым якобы «нанесли неслыханное оскорбление» ему¹⁷², и предлагает смотреть на дело

¹⁷⁰ Толкование упомянутого боярами «корма» как условного землевладения, а их самих — как «земельной аристократии» выглядит произвольно, поскольку не основано на специальном анализе как терминологии, так и аналогичных ситуаций общения князя и бояр (*Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 126–127*).

¹⁷¹ *Дашкевич Н. П.* Указ. соч. С. 20.

¹⁷² *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 119. Ср. заключения В. Т. Пашуто и Н. Ф. Котляра. Для первого это был пример «единоличного решения боярами важнейших дел своих князей» (*Пашуто В. Т.* Черты политического строя... С. 67–68). По мне-

проще: они просто «заинтересованы в благополучии своего князя и стремятся не избавиться от него, чтобы присвоить княжескую власть, а обеспечить князю относительную безопасность как гаранту независимости и благополучия всей Галицкой земли»¹⁷³. В таком поведении бояр не было ничего исключительного и по сравнению с другими русскими землями. Например, в 1177 г. в Ростово-Суздальской земле во время борьбы владимирцев, пригласивших Всеволода Юрьевича, с ростовцами и суздальцами, державшимися Мстислава Ростиславича, был похожий эпизод. Всеволод предложил Мстиславу разделить землю и не «пролить крове», т. е. обойтись без битвы, а ростово-суздальские бояре заставили Мстислава биться, заявив: «...аще ты мирь даси ему, но мы ему не дамы»¹⁷⁴. Здесь тоже политическое решение князя (который тоже был тогда ещё «молод»¹⁷⁵) зависит от позиции его дружины, которая определяет и ход конкретного сражения.

Галицкая дружина поддержала своего князя и в 1158 г., когда Иван Ростиславич Берладник, пользуясь покровительством Изяслава Давидовича († 6 марта 1161 г.), происходившего из черниговских князей, но княжившего тогда в Киеве, предпринял поход в Галицкую землю, добываясь там, очевидно, себе волости. Согласно Ипатьевской летописи, Иван, сговорившись с половцами, начал движение от «городов подунайских». В одном из городов южного порубежья Галицкого княжества — Кучелмине — Ивану «ради быша», а в другом — Ушице — князь встретил сопротивление. Для нас важно заметить, что сопротивление оказала «засада Ярославля», которая, как сообщает летописная статья, «вошла в городъ, и начаша с(я) бити крѣпко засадници из города». Речь идёт, очевид-

нию Н. Ф. Котляра, галицкие «мужи» «чрезвычайно быстро захватывают власть в княжестве и берут верх над Ярославом» (*Котляр Н. Ф.* Формирование территории... С. 125).

¹⁷³ *Майоров А. В.* Указ. соч. С. 246. Более общие выводы А. В. Майорова, к сожалению, выглядят значительно менее убедительно, поскольку он старается твёрдо держаться курса «фрояновской школы». В конечном счёте данный случай служит ему лишь очередным примером того, что бояре — это «представители общины на совете с князем» (Там же. С. 250).

¹⁷⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 381.

¹⁷⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 375.

но, о военном гарнизоне Ярослава, оставшемся верным своему князю — в отличие от смердов, которые начали перескакивать «через заборолу къ Иванови»¹⁷⁶. Таким образом, эта ситуация развивается аналогично той, которая сложилась во время попытки Ивана закрепиться в Галиче, с точки зрения размежевания двух сил — княжеской дружины и «простого народа» (в данном случае действуют смерды — категория населения, статус и характер занятий которой не совсем ясен, но которая, без сомнения, занимала непривилегированное положение в социальной иерархии)¹⁷⁷.

Этот поход Ивана Ростиславича закончился неудачно, но он дал повод для оживления надежд тех в Галиче, кто, видимо, не был доволен Ярославом. Во всяком случае, после похода, когда Иван вернулся в Киев к Изяславу Давидовичу, из Галича начали его звать: «...слахуть бо ся к нему галичане, — говорит летописец, — веляче ему всѣсти на конь, и тѣмъ словомъ поущивають его к собѣ, рекуче: толико явиш(и) стягы, и мы отступимъ от Ярослава»¹⁷⁸. Расстановка политических сил, сложившаяся в тот момент, побудила Изяслава Давидовича поддержать Берладника и собрать поход на Ярослава, но галицкий князь договорился с волынскими Мономахичами, и в итоге уже сам Изяслав вынужден был бежать из Киева. Политическая инициатива «галичан», как и в 1145 г.ю, пытавшихся воспользоваться борьбой князей-родственников за галицкий престол и враждой галицкого князя с киевским, опять оказалась безрезультатной. Аналогия с событиями 1145 г. заставляет понимать здесь под «галичанами», как и тогда, в первую очередь горожан. В любом случае, такая трактовка имеет по меньшей мере равные основания с интерпретацией «галичан» как бояр¹⁷⁹.

¹⁷⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 497.

¹⁷⁷ См. подробнее: *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси (XI–XIII вв.). М., 1955. С. 203–206.

¹⁷⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 498–499.

¹⁷⁹ Бояр в «галичанах» видят В. Т. Пашуто (*Пашуто В. Т.* Галицко-Волынское княжество... С. 372) и П. П. Толочко. Украинский историк, интерпретируя эпизод, не только неправильно датирует его (как и в других местах, он даёт датировки, просто переводя летописные даты на современное летоисчисление), но и совершенно бесосновательно приписывает Ярославу «крутой нрав»: по его мнению, «недовольные крутым

После этих событий и смерти через несколько лет Ивана Ростиславича галицкие горожане не дают о себе знать вплоть до смерти Ярослава (можно только предполагать их участие в событиях начала 1170-х гг., о чём см. ниже). В летописи, правда, несколько раз упоминаются «галичане», а чаще даже «галицкая помочь» или «галицкие полки», в рассказах о княжеских междоусобиях в южной Руси¹⁸⁰. Однако, в этих случаях речь идёт, очевидно, просто о военной помощи, которую оказывал своим союзникам Ярослав, сам, кроме похода на Киев в 1159 г., не ходивший в походы и предпочитавший «строить» собственную землю. Эти военные отряды посылались Ярославом под началом воевод — как можно предположить, видных бояр, пользовавшихся доверием своего князя. Двое из них упоминаются по именам — Тудор Елчич (или в другом месте — И: Гальчич, XII: Гелчич)¹⁸¹ и Константин Серославич. Повидимому, с последним даже связан небольшой рассказ, на который часто ссылаются историки, убеждённые в особых силе и значении галицкой знати.

Константин Серославич первый раз упоминается в статье 6665 (1157) г., сообщающей о посольстве в Киев Ярослава галицкого, добивавшегося выдачи у Юрия Владимировича Долгорукого (княжившего тогда в Киеве) Ивана Берладника: «...прислалъ бо бяше Ярославъ уже по Берладника С(вя)тополка кн(я)зя и Кснятина Сѣрославича съ многою дружиною» (возможно, князь Святополк здесь — это Святополк Юрьевич, князь туровский († 19 апреля 1189 г.), из потомства Святополка Изяславича киевского; так полагает и Л. Л. Муравьёва, составить именного указателя к Ипатьевской летописи¹⁸²)¹⁸³. Второй раз Константин Серославич встречается в известии о походе Святослава Ольговича, черниговского

нравом Ярослава бояре решили пригласить» Берладника (*Толочко П. П.* Указ. соч. С. 145).

¹⁸⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 481, 491, 505–507, 509, 517, 528, 533, 547–548, 575–577, 616, 631.

¹⁸¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 507, 616.

¹⁸² См.: Ипатьевская летопись (ПСРЛ. Т. 2. Издатель А. Кошелев). М., 1998.

¹⁸³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 488.

князя († 15 февраля 1164 г.), на племянника Изяслава Давидовича Святослава Владимировича, князя вщижского († 1166 г.) в 1159 г.: «Кстятинъ (ХП: Кснятин) Сърславичъ с галичаны» помогали Святославу Ольговичу¹⁸⁴. Наконец, в 1170 г. «галичане» были посланы Ярославом в помощь Мстиславу Изяславичу, князю владимироволынскому, выступившему «с братьею» (среди которой упоминается и Святополк Юрьевич туровский) на Киев против Глеба Юрьевича († 20 января 1171 г.). По-видимому, воеводой у них был тот же самый Константин Серославич, как можно понять из рассказа о поведении галичан во время похода, продолжившегося (после занятия Мстиславом Киева) на Вышгород против Давида Ростиславича († 23 апреля 1197 г.): «Кснятинъ же съ Ярославичи бяше воевода съ галичаны и реч(е) приславъ къ Мьстиславу: велѣно ми своимъ кн(я)земъ Ярославомъ пять д(ь)новъ стояти у Вышегорода [и — ХП] ити домови. И посла к нему Мьстиславъ река тако: мнѣ братъ Ярославъ тако молвить: донелѣже уладишися съ братьею, дотолѣже не пушаи полковъ моих о[т] себе. Они (ХП: он) же то съписавъше (ХП: списал) грамоту ложную и послаша (П: послаше) къ нему. И поидоша от него галичане»¹⁸⁵.

Таким образом, летописец (без сомнения, сочувствовавший Мстиславу Изяславичу) обвиняет Константина Серославича в подделке грамоты Ярослава, в которой, наверное, были изложены указания воеводе относительно действий галицкого полка в военной кампании волынских князей. Насколько справедливы эти обвинения, нам теперь трудно судить прежде всего потому, что из летописи не ясны мотивы действий Константина. Однако обращает на себя внимание тот наказ Ярослава, на который ссылается Мстислав: не пускать галицкую помощь, пока не «уладишися съ братьею». Между тем в той же летописной статье сообщается, что ещё до похода на Вышгород, когда Мстислав только вошёл в Киев, он уже «вземъ ряды съ братьею», т. е. договорился о распределении волостей с братом Ярославом и другими князьями, принимавшими участие в походе. Легко можно себе представить, что Константин под этими «рядами» и понимал то «улаживание», о котором упо-

¹⁸⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 509.

¹⁸⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 548–549.

мянул Мстислав. Если наказ Ярослава был действительно таков, каким его процитировал волынский князь, то у галицкого воеводы были основания считать, что участие галичан в кампании должно быть завершено. Достоверность же наказа о стоянии под Вышгородом в течение пяти дней проверить невозможно.

Однако даже в том случае, если мы примем на веру сообщение о «ложной грамоте», едва ли в этом можно увидеть свидетельство о необыкновенном «своевольстве» галицкого боярина¹⁸⁶. Ведь в Ипатьевском списке говорится, что подделку осуществили «они» — т. е. не один Константин. Кто были эти «они»? Возможны два варианта ответа: либо это были, кроме воеводы, «Ярославичи», т. е. сыновья Ярослава¹⁸⁷, либо в словах «Кснятинъ же съ Ярославичи» можно предположить легко объяснимую ошибку переписчика и восстановить текст как «Кснятинъ же Сърславичъ» (такой вариант подсказывает и форма единственного числа глагола «бъаше» далее) и тогда считать, что «они» — это, как видно из окончания рассказа, «галичане»¹⁸⁸. В любом случае в конечном счёте летописец возлагает ответственность за несвоевременный (для князя, которому он сочувствует) уход галицкой «помочи» не на одного воеводу. А если так, то нельзя видеть в этом уходе инициативу исключительно боярина (или бояр — ведь наверняка в полку состояли далеко не только бояре; впрочем, может быть, кроме Константина их и вообще не было). Либо он действовал вместе с княжичами, либо со всеми «галичанам». Рассматривая вторую возможность, укажем, что в самом по себе решении участников похода «выйти из игры» (в отсутствие

¹⁸⁶ Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. I. С. 521, 545.

¹⁸⁷ Уже в следующей годовой статье упоминается старший, достаточно взрослый на тот момент, сын Ярослава Владимир, а позже упоминается и другой его сын, незаконнорожденный, по имени Олег (см. ниже). Возможно, у Ярослава были и другие сыновья, не упомянутые летописью и не дожившие до смерти отца в 1187 г.

¹⁸⁸ Хлебниковский и Погодинский списки, где местоимение и глаголы переделаны (причём в Хлебниковском непоследовательно), во множественное число, отражают явную обработку первоначального текста: «списал» вместо ожидаемого «списаше»; «послаше» только в Погодинском. Такое же поновление и в Ермолаевском списке (ПСРЛ. Т. 2. Приложение. С. 43).

точных княжеских указаний или, во всяком случае, тогда, когда они могли толковаться по-разному) нет ничего необычного. Есть современные примеры, когда даже во время похода, возглавляемого самим князем, воины в составе полка (а это были прежде всего горожане) могли собирать вече и вопреки намерениям князя изменять план действий¹⁸⁹; есть и примеры саботажа дружиной военных предприятий князя¹⁹⁰. Нельзя представлять себе дружины и полки древнерусских князей как регулярные военные объединения и расценивать случаи отказа участников военных действий безоговорочно повиноваться князю как исключительное самовольство и «нарушение воинской дисциплины».

Разумеется, если не признавать участия княжичей в походе, то на основании данного известия надо допустить определённую свободу «галичан» в принятии военно-политических решений в отсутствие князя. Однако, во-первых, ничего исключительного для древнерусских порядков того времени это не представляло, и, во-вторых, не имея никаких данных о том, кто в данном случае скрывался под обозначением «галичане», мы не можем и точно определить, каким социальным силам следует приписывать эту свободу — боярам ли, горожанам ли.

* * *

Константин Серославич упоминается в летописи ещё один раз, уже в следующей годовой статье 6681 г., содержащей сообщение о событиях в Галиче, развернувшихся на самом деле, как предположительно считал Н. Г. Бережков, в 6678 мартовском году (1170/1171 г.)¹⁹¹, но возможно и несколько позднее. Из-за важности этих событий для истории Галицкого княжества и для нашей темы

¹⁸⁹ В 1185 г. «смоляныне» собрали вече во время похода, отказавшись идти против половцев, куда их князя Давида Ростиславича звал Святослав Всеволодич киевский (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 647).

¹⁹⁰ Известное сообщение 1171 г. о сборах Андрея Юрьевича в поход на волжских болгар: «...и быс(ть) нелюбь путь ть всимъ людемъ симъ, зане непогодье есть зимѣ воевати Болгары: идучи не идяху» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 565).

¹⁹¹ *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 188.

то недовольны действиями Ярослава. Относительно Константина Серославича можно ещё допустить, что он мог попасть в опалу после истории с «ложной грамотой» и был недоволен. Но относительно других бояр единственным приемлемым объяснением их поддержки княгини и княжича может быть предположение, что они были задеты усилением влияния наложницы Ярослава. В этой связи неслучайным кажется историкам упоминание «приятелей» Ярослава — «Чарговой чади», которые явно противопоставлены Ольге и Владимиру и гибнут вместе с Настаськой¹⁹⁷.

Исходя из этого предположения, разберём известие под интересующим нас углом зрения по порядку. В летописи сказано, что Ольга с Владимиром находились в Польше восемь месяцев и только после этого «начаша ся слати к неи Святополк и ина дружина» с предложением вернуться в Галич и обещанием «а князя ти имемь», что следует, видимо, понимать как «князя заставим помириться с тобой» (ср. далее в известии: «...яко ему *имети княгиню* в правду») ¹⁹⁸. Такая задержка, должно быть, связана с тем, что «ина дружина» — т. е. знать, оставшаяся в Галиче, — пыталась урегулировать конфликт князя с теми боярами, которые поддерживали его жену и сына, без вмешательства в семейные дела князя ¹⁹⁹. Кто такой этот

димирского: «...а другого Дорожая, то бо бяшь ему от(е)нь слуга» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 625). Очевидно, историк понял слово «отень» как «Ользин». Возможно, впрочем, это было ошибочное чтение уже в его источнике.

¹⁹⁷ См., например: *Грушевський М. С.* История... Т. II. С. 443.

¹⁹⁸ Понимать дело таким образом, что Святополк и дружина обещали князя *захватить для* княгини, трудно: княгине нужен был не плен князя, а обещание от него признать её и её сына права и статус. Вариант XII «а князя княжити имемь» выглядит странно в том случае, если под князем имеется в виду Ярослав (он и так уже княжил), и нелогично, если имеется в виду Владимир — из дальнейшего рассказа ясно, что бояре, или «галичане», не ставили под сомнение права Ярослава на княжение и не стремились возвести на престол его сына, им было нужно восстановить status quo (см. далее). Вариант Ермолаевского списка «вабяче ю опять княжити» возможен, но ничего не проясняет (ПСРЛ. Т. 2. Приложение. С. 44).

¹⁹⁹ В. Н. Тагищев во второй редакции своего свода писал даже, что Ярослав, «опасаяся из сего стыда и вреда», сам просил Святополка и галицких бояр, «чтоб ее уговорили» (*Тагищев В. Н.* Указ. соч. Т. III. С. 97). Но это уже явно домыслы историка, пытавшегося выстроить логику событий.

Святополк, неясно. Некоторые историки склоняются к признанию его галицким боярином²⁰⁰. Против этого говорит его княжеское имя, хотя позднее, в начале XIII в., известен, например, один галицкий боярин с княжеским именем Ярополк²⁰¹. Скорее всего имеется в виду тот самый «князь Святополк», который в 1157 г. участвовал вместе с тем же Константином Серославичем в посольстве, отправленном Ярославом в Киев за Берладником — то ли Святополк Юрьевич туровский (хотя это сомнительно — как показывают скудные известия о нём, он вёл самостоятельную политику), то ли, что наиболее вероятно, какой-то другой князь, служивший Ярославу²⁰².

Кем бы ни был Святополк, в данном случае он явно выражал мнение галицкой «дружины», решившейся в конце концов оказать давление на князя. Тем не менее Ольга и Владимир не склонны были, видимо, доверять галицкой знати. Несмотря на полученное предложение, они предпочли искать поддержку не в среде знати, а среди владетельных князей. «Дружине» пришлось решать вопрос самостоятельно, и решение было такое: князя и Настаську взяли под стражу, а «Чаргову чадь» «избили». Из этих действий совершенно очевидна их направленность — галицкой знати ненавистна более всего была именно эта «чадь». К сожалению, совершенно неясно, что за люди были эта «Чаргова чадь» и имеют ли они какое-то отношение к берендичам Чагровичам, упомянутым в летописи под 6677 г. в описании попыток князя Владимира Мстиславича († 10 мая 1171 г.) добыть себе Киев²⁰³. Логичнее всего предположить, что речь идёт о каком-то клане, связанном с Настаськой и вошедшем благодаря этому в особый фавор у князя. Из обозначения их «приятелями» Ярослава (а не, например, «милостниками» или подобны-

²⁰⁰ Так считал уже Н. М. Карамзин (Указ. соч. С. 519). Боярином Святополка показывает и Л. Л. Муравьёва (Ипатьевская летопись... Указатель. С. XXVII).

²⁰¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 728, 730.

²⁰² Первое мнение высказал уже Д. И. Зубрицкий (Указ. соч. Ч. 1. С. 115). Второго придерживался, например, М. С. Грушевский (*Грушевский М. С. История... Т. II. С. 443*).

²⁰³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 536. М. С. Грушевский также связывает с этой «чадью» село недалеко от Галича под названием Чагров (или Чаргов): *Грушевский М. С. История... Т. II. С. 612*.

ми терминами) следует как будто, что это были не простолюдины²⁰⁴. В любом случае их выдвигание нарушило традиционные порядки и иерархию при дворе Ярослава.

Судя по словам «вести», присланной Владимиру Святополком «из Галича», — «а се твои ворог Настаська» — в планах галицкой знати было выдать наложницу Ярослава Владимиру и Ольге. «Дружина», по-видимому, хотела остаться в стороне от внутрисемейных княжеских дел, но, с другой стороны, ей надо было вернуть в Галич княгиню и молодого князя, чтобы избежать дальнейших политических осложнений. Из летописного известия не ясно, когда и кто именно решил судьбу Настаськи и её сына. По В. Н. Татищеву, сожжение её было результатом массового движения («галичане возматоса вси»), выплеснувшегося под влиянием вестей об обосновании Владимира в Червене ещё до приезда Ольги с Владимиром, а, как следует из специального добавления, представители знати лишь «утишают» народ: «Тогда же бысть ту князь Ярополк (т. е. Святополк? — П. С.), и той со тысяцким едва люд утишиша, не да побивати и князя вредити»²⁰⁵. В пользу того, что в дело вмешались более широкие круги населения, говорит изменение терминологии в летописи: если до того речь шла о «дружине», то сожжение Настаськи приписывается уже «галичанам». С другой стороны, послать сына князя, пусть даже от наложницы, «в заточение» и привести самого князя к кресту могли только бояре, и, скорее всего, они это проделали с согласия Ольги и Владимира или даже уже по приезде их в Галич. Вероятно, в данном случае «дружина», т. е. служилая знать, оставшаяся в Галиче и державшая под стражей Ярослава, просто либо спровоцировала «народный гнев», либо использовала его в нужных целях. Однозначно решить вопрос, имеем ли мы дело в данном случае с восстанием широких кругов населения, нельзя.

Нас занимает больше другой вопрос: как оценить действия галицкой знати в этих событиях? В историографии господствует точ-

²⁰⁴ Противоположное мнение см., например: *Дашкевич Н. П.* Указ. соч. С. 21.

²⁰⁵ *Татищев В. Н.* Указ. соч. Т. IV. С. 280. Ср. во второй редакции: Т. III. С. 97. Информация этого добавочного сообщения В. Н. Татищева не находит аналогий в летописях и труднообъяснима как его «домысливание». Вопрос о её достоверности приходится оставить открытым.

ка зрения, сформулированная ещё Д. И. Зубрицким и С. М. Соловьёвым (см. выше), что здесь уже чётко и ясно обозначилось преобладание знати над князем²⁰⁶, причём дореволюционные историки видели в этом специфику социально-политического строя Галицкой земли, а советские — скорее выражение общей тенденции: класс крупных землевладельцев диктует свою волю князьям-марионеткам. Так, например, писал М. С. Грушевский: «...на время Володимирка и Ярослава приходится рост необычайной силы галицкого боярства, и оно уже в правление Ярослава начало показывать зубы...», в 1160-е гг. «боярская олигархия усилилась и сформировалась настолько, что явно дошла до того, чтобы под покровом княжеской власти держать управление в своих руках», вмешательство бояр в семейный конфликт Ярослава показало его «полную беспомощность перед боярским самовольством»²⁰⁷. Более резко высказывания Н. Ф. Котляра, который уже в событиях 1154 г. видел зависимость князя от бояр: Ярослав «не мог и шагу ступить без их (бояр. — П. С.) соизволения», в данном же случае речь идёт не просто о «зависимости» князя от «могущественного боярства», но и о «наглом вмешательстве в частную жизнь князя»²⁰⁸.

Мнение об особенной силе, которую в данном случае продемонстрировала галицкая знать, представляется нам сильно преувеличенным. Действительно, «дружина» в Галиче вмешивается в семейные дела Ярослава и, на время даже изолируя его, заставляет потом признать права княгини. Однако, прежде чем делать из этого факта однозначные выводы, следует принять во внимание ряд обстоятельств. Во-первых, галицкая «дружина» далеко не сразу (только после паузы в восемь месяцев) решилась на «силовые» действия в отношении

²⁰⁶ Выводы Д. И. Зубрицкого процитированы выше, во введении. С. М. Соловьёв высказывался по поводу событий начала 1170-х гг. следующим образом: тогда «обнаружилось явление, подобных которому не видим в остальных волостях русских, именно важное значение бояр, перед которым никнет значение князя» (Указ. соч. Кн. I. С. 545). В элементарном виде эту точку зрения выразил даже ещё Н. М. Карамзин: «явный бунт» «мятежных бояр» (Указ. соч. С. 365).

²⁰⁷ *Грушевський М. С.* История... Т. II. С. 442–444. Ср.: *Грушевський М. С.* Галицьке боярство... С. 12.

²⁰⁸ *Котляр Н. Ф.* Формирование территории... С. 85, 129.

князя. Во-вторых, показательно, что, когда она обратилась к Ольге и Владимиру, те не стали полагаться на неё — очевидно, они не очень верили либо в её силу, либо в её искренность и решимость идти на серьёзный конфликт с князем. В-третьих, ситуация, создавшаяся после бегства княгини и старшего сына князя из Галича, грозила крупными политическим осложнениями, которые, безусловно, отразились бы и на положении знати: за Ольгу вступились бы братья (после смерти Глеба Юрьевича оставались ещё Андрей, Михалко и Всеволод), а Владимира уже согласились поддержать волыньские соседи (не говоря уже о поддержке беглецов в Польше). Разумеется, знать не желала воевать с могущественными врагами за любовницу князя и против старшего сына-наследника. В-четвёртых, надо учесть роль фаворитов, возвысившихся благодаря Настаське, — их возвышение не только, как можно предположить, задевало интересы старых боярских родов (а преемственность в службе следует возводить, как минимум, к 40-м гг. XII в., т. е. обоснованию Владимирка в Галиче и объединению княжества), но в конце концов даже расколото «дружину», и часть её ушла с Ольгой и Владимиром в Польшу. Наконец, соображение общего плана: ни это летописное известие, ни другие данные времени правления Владимирка и его сына не дают возможности разглядеть основания экономического благосостояния галицкой знати; по этому поводу нет никаких данных, и исходя из общих соображений и аналогий можно только предполагать, что её положение в этом смысле не отличалось от положения знати в других древнерусских землях.

Всё это позволяет правильно оценить те цели и мотивы, которыми руководствовалась «дружина» в Галиче в описанных событиях. Как нам кажется, её по-настоящему волновали только две взаимосвязанные вещи — усиление новых людей при дворе Ярослава, нарушавшее сложившиеся иерархию и систему доступа к рычагам власти, и раскол в собственной среде. Все усилия галицкой знати должны были быть направлены на устранение этих обстоятельств, проистекавших из неудачной семейно-династической политики князя галицкого. Так получилось, что полюбовно уладить конфликт не удалось, и он стал приобретать опасный характер, когда Владимир решил вести самостоятельную политику с привлечением внешних сил. В этой ситуации «дружина» уже была *вынуждена* на резкие меры, но ни к чему большему кроме «избиения» княжеских фаворитов

и принуждения князя к миру с женой и сыном она явно не стремилась. Очевидно, дружина хотела только восстановить то положение вещей, которое было до возвышения Чарговой чади и разрыва князя с женой и сыном, и не хотела свергать Ярослава или диктовать ему какие-то свои условия. Нельзя согласиться с утверждениями, что «личная жизнь» Ярослава была использована галицкой знатью и/или горожанами якобы только как «повод» для достижения каких-то своих целей, вплоть до утверждения принципа «вольности в князьях»²⁰⁹. Такие устремления знати (и тем более горожан) на самом деле не прослеживаются в правление Ярослава. Её политическая «программа» не простиралась далее желания сохранить сложившуюся десятилетиями структуру власти и управления, основанную, как говорили сами же бояре Ярослава, его отцом на традиционных понятиях княжеских «корма» и «любви».

Конечно, нельзя отрицать, что галицкая «дружина» проявила себя в этих событиях реальной силой, способной воздействовать на князя и стабилизировать политический кризис. Значит ли это, что мы имеем дело с «боярской олигархией», держащей всю власть в своих руках? Думаем, нет. Ведь галицкая «дружина» сама стала в каком-то смысле заложником семейно-династических дел князя и межкняжеских отношений. Упоминание же «галичан» в конце летописного известия заставляет предполагать участие в конфликте и более широких кругов населения. Насколько необычен был для Руси того времени способ воздействия дружины на своего князя, выбранный галичанами? Вообще давление знати на своего князя было в порядке вещей ещё со времён Игоря Рюриковича, которого идти в поход на древлян заставила собственная дружина²¹⁰. Учи-

²⁰⁹ См., например: *Толочко П. П.* Указ. соч. С. 145–146. Ср. также в новейшем исследовании: *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 646.

²¹⁰ Во второй половине XII в. есть много примеров, когда на князя оказывалось давление, причём именно тогда, когда дело касалось борьбы за влияние на князя либо межкняжеских отношений. Достаточно указать хотя бы на события 1150-х гг. в Полоцкой земле. Полочане не только выгоняют князей, грабя их имущество и «избивая» их дружины. Вполне в порядке вещей были и аресты князей: так, был «ят» Рогволод Борисович; позднее только случайность не позволила полочанам захватить Ростислава Глебови-

тывая исключительный характер конфликта в Галиче — семейно-династический, грозивший перерасти в политический²¹¹, — думаем, что его обстоятельства не были чем-то из ряда вон выходящим для древнерусских реалий домонгольской поры.

Ещё более спорно утверждение о том, что в этом конфликте обозначились какие-то «боярские партии». Две таких «партии» выделял уже Д. И. Зубрицкий: одну, по его мнению, возглавляли Святополк и Константин Серославич, другую составляла Чагрова чадь. По мнению М. М. Кордубы, это были уже те партии, борьба между которыми пройдёт красной нитью через всю историю Галицкого княжества — «оппозиционная» и «династическая» соответственно²¹². Нам представляется, однако, более правильным мнение Н. П. Дашкевича, который подчёркивал политическое единство галицкого боярства. На самом деле, в данном случае наблюдается явное стремление «дружины», оказавшейся разделённой на тех бояр, что ушли в Польшу, и тех, кто остался в Галиче, к преодолению раскола, а Чагрова чадь — это явно чуждый знати элемент, выскочки, борьба с которыми только сплачивает её.

С точки зрения социально-политического (да и экономического) развития Галицкой земли действия знати в этом конфликте следует признать успешными — её усилия позволили избежать масштабного кризиса и междоусобной войны. Однако, даже преодолев политический кризис, Ярослав, чья личная жизнь волей-неволей, в силу самого его статуса, имела общественное значение, не мог ужиться с нелюбимой женой и сыном, который, видимо, всё равно чувствовал себя обделённым. Уже в 1173 г. Владимир «выбъже» из Галича на Волынь, где Ярослав Изяславич луцкий ему обещал «волости искати», а Ольга ушла к брату Михаилу в Торческ. Однако Ярослав галицкий заставил Ярослава луцкого под угрозой «ратии»

ча (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 493–495). Разумеется, не говорим об исключительных случаях убийства князей и о Новгороде, где методы силового воздействия на князей, в том числе и взятие под стражу, употреблялись неоднократно.

²¹¹ Такого рода конфликты в условиях того времени всегда имели серьёзные политические последствия. Достаточно вспомнить историю образования Полоцкого княжества или выше разобранный «развод» Ярослава Святополчича Волынского с внучкой Владимира Мономаха.

²¹² *Зубрицкий Д. И.* Указ. соч. С. 115–116; *Кордуба М.* Указ. соч. С. 12.

отступить от Владимира, и тот вынужден был снова бежать²¹³. Ни о какой поддержке в Галиче ни княгине, ни сыну в летописи не сообщается, и её, учитывая наши выводы, и не следует ожидать.

Ольга в 1179 г. упоминается во Владимире под покровительством брата Всеволода; там она и умерла 4 июля 1182 г.²¹⁴ Владимир Ярославич долго скитался по Руси, но никто из князей, видимо, не хотел из-за него портить отношений с Ярославом. Наконец, его «прия с любовью» Игорь Святославич, герой «Слова о полку Игореве», который был женат на его сестре и который «введе ѝ в любовь со о(т)ц(е)мь его»²¹⁵. Из летописи не совсем ясно, когда состоялось примирение отца и сына — то ли в 1184, то ли в 1187 г., — но к моменту смерти Ярослава (1 октября 1187 г.) Владимир был уже в Галиче.

Сообщение о смерти Ярослава Владимировича интересно для нас тем, как оно раскрывает роль знати в распределении и наследовании волостей при переходе власти от отца к сыну (сыновьям). Прежде всего, Ярослав утверждает со своими «мужами» предсмертные распоряжения — очевидно, дружина как наиболее важная и близкая князю сила выступала гарантом их соблюдения: «...и се молвяшеть мужемь своимь: се азъ одиноу худоу своею головою ходя удержалъ всю Галичкую землю, а се приказываю мѣсто свое Олгови, с(ы)н(о)ви своему меншему, а Володимѣру даю Перемышль. И урядивъ ю (ХП: я) и приводи Володимѣра ко хр(е)сту и мужи галичкыя на семь, яко ему не искать под братомъ Галича, бяшеть бо Олегъ Настасьчичъ и бѣ ему миль, а Володимѣръ не хожаше в волѣ его, и того дѣля не дашеть ему Галича». Однако договор, заключённый князем со старшим сыном и дружиной (в том, что под «галичскими мужами» понимаются здесь те же «мужи свои», сомневаться не приходится) и скреплённый крестоцелованием, оказался пустой формальностью. «По см(е)рти же Ярославѣ, — продолжает летописец, — быс(ть) мятежь великъ в галичкои земли, и сдумавъ же мужи галичкыи с Володимеромъ переступишеть хр(е)стьное целование и выгнаша Олга из Галича, и

²¹³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 571.

²¹⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 613, 624.

²¹⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 633–634.

бѣжа Олегъ оттуду во Вручии к Рюрикови, а Володимеръ сѣде в Галичѣ на столѣ дѣда своего и о(т)ца своего»²¹⁶. Мы не знаем, что за «мятеж» был в Галиче — вероятно, борьба братьев за власть, — но важно, что окончился он тогда, когда с одним из братьев вступила в соглашение галицкая знать, которая, как и при утверждении завещания Ярослава, выступает едино и от которой, таким образом, зависит судьба галицкого престола. К сожалению, нет и намѣка по поводу того, что подвигло её предпочесть Владимира Олегу — может быть, старшинство, которое давало сыну Ольги преимущество, может быть, какие-то политические расклады (не исключено, что сыграли свою роль связи Владимира с русскими князьями, особенно с черниговскими — с Игорем и Святославом Всеволодичем, на дочери которого Владимир был женат). Скорее же всего, когда Олег пришёл к власти, встал вопрос о возмездии за сожжение его матери, и то ли Олег уже начал какие-то репрессии («мятеж велик»), то ли от него отступились, ожидая такого рода действий. В любом случае у нас нет данных для того, чтобы видеть в этом выборе галицкой элиты какие-то особенные её «политические устремления» и предполагать, что «бояре могли рассчитывать на то, что он (Владимир. — П. С.), будучи им обязан за свой стол, был тем более готов на всякие уступки для них»²¹⁷.

В русских летописях Олег Ярославич больше не упоминается. Это странно — трудно представить, что он оставил попытки вернуть себе свою «волю». По этой причине историки уже давно обратили внимание на одно несколько путаное известие Кадлубека, вошедшее в состав или находящееся аналогии в других польских средневековых хрониках. Под 1182 г. магистр Винцентий сообщает, как польский князь Казимир Справедливый отправился походом на Русь в помощь некоему русскому князю, «первородному сыну своей сестры» (его сестра Агнешка была замужем за Мстиславом Изяславичем), который считался незаконнорожденным. Владением этого князя было Берестье, но «горожане (cives), считая недостойным, чтобы какой-то незаконнорожденный главенствовал над другими князьями, решительно взбунтовались, [причѣм] более

²¹⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 657.

²¹⁷ Грушевський М. С. Історія... Т. II. С. 446–447.

всего возмущались вожди войска (*exercituum duces*)», и выгнали князя. Казимир, естественно, побеждает русских князей, противных его протезе, и занимает город: «Так, овладев городом и одержав победу, сажает [в нем] назначенного князя, однако после непродолжительного времени [его] ставленник умирает, выпив подсыпанный своими яд...», а его область Казимир отдаёт Роману Мстиславичу²¹⁸.

В науке предлагаются разные интерпретации этого известия²¹⁹. Разных князей видят и в князе, пользующемся поддержкой Казимира. Одна из интерпретаций предложена М. С. Грушевским, который считал, что в рассказе отразились реальные события борьбы Ярославичей за Галич после смерти Ярослава, а «незаконнорожденный» князь — это Олег²²⁰. Если принять это толкование, то в «горожанах» и «вождях войска» следует видеть галичан, ведомых теми самыми «мужами», о которых сообщала Ипатьевская летопись; в неприязни Олега, так же как и в неприязни к его матери, они оказываются единодушны. Выходит, Олег Ярославич не пользовался никакой поддержкой в Галиче и, посаженный там только благодаря польскому вмешательству, долго не продержался. В случае же, если признать, что в действительности речь шла о борьбе за Берестье, следует отметить политическую инициативу жителей города, ведомых «вождями войска», т. е., очевидно, местным боярством, и оказавшихся в силах izbavitsya в конце концов от неугодного им правителя.

Так или иначе, под 6696 (1188/89) г. Ипатьевская летопись показывает в Галиче князем уже Владимира Ярославича²²¹. В этом

²¹⁸ *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. М., 1990. С. 105–107.

²¹⁹ См. в комментарии к «Хронике» Кадлубека в выше указанном издании, а также в комментарии к Длугошу, использовавшему то же самое известие: *Щавелева Н. И.* Древняя Русь... С. 328, 434–436. Известие сопоставлялось, в частности, с уникальными данными В. Н. Татищева о борьбе волынских и полоцких князей за Берестье (под 1182 г.) (*Татищев В. Н.* Указ. соч. Т. III. С. 127–128). Ср.: *Горовенко А. В.* Татищевское известие о борьбе за Берестье в 1182 году // Вопросы истории. 1995. № 8. С. 142–147.

²²⁰ *Грушевский М. С.* История... Т. II. С. 446, 574–577.

²²¹ В. Н. Татищев, однако, упоминает ещё Олега в переговорах галицких бояр, восставших на Владимира (см. ниже), с князем под 1189 г. При

месте (в статьях за 6696–6698 гг.) в летописи вставлены подряд несколько известий, по-видимому, из галицко-волынского источника, которые составляют связный рассказ о конфликте Владимира Ярославича с галичанами, переросшем в тяжёлый внутренний и внешний кризис Галицкого княжества. Этим событиям, происшедшим в реальности в 1188–1189 гг., в науке справедливо уделяется особое внимание, на них остановимся и мы.

* * *

Рассказ о конфликте Владимира с галичанами начинается с описания недовольства его «мужей»: «Князю Володимеру в Галичкои земли и бѣ бо любезнивь питию многому и думы не любяшь с мужими своими. И поя у попа жену и постави собѣ жену, и родися у нея два с(ы)на. Романъ же Володимерьскыи Мьстиславичъ сватася с нимъ и да дщерь свою за с(ы)на его за старѣшаго. И се увѣдавъ Романъ, ажъ мужи галичкыи не добро живутъ с княземъ своимъ про его насилье, зане гдѣ улюбивъ жену или чью дочеръ поимашеть насильемъ. Романъ же слашеть без опаса к мужемъ галичкымъ, подыткая ихъ на кн(я)зя своего, да быша его выгналъ изъ о(т)чины своея а самого быша прияли на княжение»²²².

Причин недовольства, таким образом, указывается несколько: склонность Владимира к «питию многому», нежелание советоваться с «мужими своими» и, наконец, «насильное» «поимание» жён и дочерей — неясно, правда, чьих: то ли тех же «мужей», то ли вообще населения «Галичкои земли». Сложно судить, какая из указанных причин наиболее раздражала «мужей галичских», но с политической точки зрения ключевой была, конечно, та, что князь «думы не любяшь» с ними: здесь сказалось и традиционное представление об обязанности князя совещаться с представителями знати²²³, и, наверное, тот факт, что те, кто совсем недавно обеспечили Владимиру победу в борьбе с Олегом Ярославичем, чувствовали себя оставлен-

этом выясняется, что Владимир с Олегом «помирились» (Татищев В. Н. Указ. соч. Т. IV. С. 310; 451, 453–454. Ср.: Т. III. С. 146, 251, 302–303).

²²² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 659–660.

²²³ Ср.: Горский А. А. Указ. соч. С. 63–64.

ными не у дел. И это справедливо подчёркивается в литературе²²⁴. Более произвольным, однако, является толкование отказа Владимира от боярской «думы» как проявления новых тенденций «самовластия» князей²²⁵. На наш взгляд, данное известие для таких толкований оснований не даёт: как увидим ниже, речь идёт просто об очередном случае «фаворитизма».

Отметим в этой части летописного рассказа ещё два обстоятельства: во-первых, ловкость и настойчивость Романа Мстиславича, князя владимиристо-волинского, сумевшего использовать в своих целях династические связи (насколько можно понять, речь идёт о браке дочери Романа со старшим сыном Владимира от поадаы) и удобный момент, а во-вторых, тот факт, что в данном контексте «мужи свои» означают прежде всего бояр (именно они составляли «думу» с князем), и, видимо, они же обозначаются как «мужи галичские», а в следующем летописном отрывке они уже могут выступать и как «галичане».

Летописец продолжает далее: «...мужи же галичкыи приимше свѣтъ Романовъ совокупившее полкы своя и утвердившеса кр(е)стомъ и восташа на князь свои. И не смѣша его изымати, ни убити, зане не вси бяхуть в думѣ тои, бояху бо ся приятелевъ Володимѣревыхъ. И сице сдумавше послаша ко князю своему: княже, мы не на тя восталѣ есмы, но не хочемъ кланятися поадаы, а хочемъ ю убити, а ты гдѣ хощешь, ту за тя поимемъ. И се рѣкоша вѣдаючи, ажъ ему не пустити поадаы, но абы имъ како прогнати ег(о), и симъ ему пригрозиша. Онъ же убоявъся, поймавъ злато и сребро много, с дружиною и жену свою пойма и два с(ы)на и еха во Угры ко королеви. Галичане же Романовну Федеру отняша у Володимѣра, послашася по Романа...»²²⁶, и тот к ним сразу приехал, оставив свой Владимир-Волинский брату Всеволоду.

Отсюда уже явно следует, что вопросы личной жизни Владимира, действительно, волновали «мужей галичских» только по-

²²⁴ См., например: *Грушевський М. С.* История... Т. II. С. 447.

²²⁵ Ср., например: *Котляр Н. Ф.* Формирование территории... С. 86; *Толочко П. П.* Указ. соч. С. 151.

²²⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 660. В. Н. Татищев дополняет требования галичан: они якобы требовали ещё примирения Владимира с Олегом на условиях отцовского завещания (*Татищев В. Н.* Указ. соч. Т. IV. С. 310).

стольку, поскольку давали повод избавиться от него. В этом коренное отличие данной ситуации от конфликта в семье Ярослава в начале 1170-х гг.: тогда семейно-династические проблемы грозили очевидными политическими последствиями и были *причиной* выступления знати, теперь же никаких династических и политических проблем не было²²⁷, а семейные обстоятельства послужили лишь *поводом* для возмущения. Разумеется, это не отменяет того, что уже после начала конфликта члены княжеской семьи всё равно стали заложниками ситуации; особенно незавидна судьба дочери Романа Феодоры.

По сравнению с событиями 1170-х гг. принципиально отличаются и цели знати. Теперь бояре хотят именно избавиться от своего князя — если не «убити», то «прогнати». Интересно, что речь не идёт о поиске компромисса или выторговывании каких-то условий или привилегий — были ли попытки в таком направлении и, если были, то насколько удачные, никак не видно. Несмотря на иные, значительно более смелые планы, и теперь знати удаётся относительно легко добиться своих целей, — пока не вмешиваются другие социально-политические силы, именно от неё зависит политическая судьба княжества. Наверное, это не случайно, если ей удалось собрать какие-то «полкы своя»²²⁸. В то же время очевидно, что «галичские мужи» не были совершенно самостоятельны и всеильны. Можно заметить по крайней мере три обстоятельства, которые ограничивают их силу и активность. Во-первых, их инициатива зависима от политических амбиций другого князя, своему

²²⁷ Если и были какие-то проблемы легитимности женитьбы Владимира на попадье, то они должны были совершенно отпасть после брака сына Владимира и дочери Романа. Первая жена князя — Болеслава, дочь Святослава Всеволодича, — выданная за Владимира в 1166 г., видимо, умерла ещё при жизни Ярослава. Об этом догадывался ещё В. Н. Татищев, вставивший свои догадки во вторую редакцию «Истории» (*Татищев В. Н. Указ. соч. Т. III. С. 145*).

²²⁸ Что это за «полкы», по этому известно сказать трудно. Толкование их как сил, собранных боярами как «областными управителями» с тех областей, которые они получали в кормление, соблазнительно, однако всё же чересчур смело (*Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. М., 1902. С. 69*).

князю они противопоставляют не другие принципы политического строя («олигархию»), а *другого* князя, который, как увидим ниже, совсем не был склонен к каким-либо отступлениям от традиционных принципов княжеского «наряда». Во-вторых, залогом их успеха было их единство: только после общей «думы» и утверждения крестоцелованием они посылают посольство князю от лица всех участников «восстания». В-третьих, хотя речь идёт о «галичских мужах» как будто в целом, выясняется, что в Галиче или, во всяком случае, при дворе Владимира «не вси бяхуть в думѣ тои». Точно так же, как у Ярослава почти двадцать лет назад, у Владимира есть свои «приятели», причём бояре, принявшие «свѣтъ Романовъ», опасаются их, несмотря на свои «полки». Тем не менее, объективно перевес был всё-таки на стороне этих бояр, раз Владимир не нашёл иного выхода, кроме как бежать с семьёй и «дружиной» — т. е., видимо, теми же самыми «приятелями».

Наличие сторонников Владимира в Галиче, которые как будто в качестве верной «дружины» связывают свою судьбу неразрывно с княжеской, ставит сразу несколько вопросов: в каком смысле здесь употреблён термин «дружина», можно ли говорить о «боярских партиях» в Галиче и какие отношения связывают князя с каждой из этих «партий» или групп знати. Постараемся ответить на эти вопросы после того, как рассмотрим развитие дальнейших событий в Галиче.

Венгерский король Бела III решил поддержать Владимира в борьбе с Романом за Галич. Когда король выступил в поход, Роман «бѣжа, не мога стати противо ему и поймавъ весь добытокъ Володимерь, и бѣжа из Галича в Володимерь с Галичаны». Однако, после того как во Владимир его не пустил брат Всеволод († апрель 1195 г.) и ему не удалось получить помощи в Польше, Роман пришёл в Белгород, предоставленный ему тестем Рюриком Ростиславичем († 1211/1212 гг.), «и с мужи тѣми, — добавляет летописец, — котории же его ввели бяхуть в Галичь»²²⁹. Из этого добавления видно, что за Романом из Галича последовали «галичаны», благодаря которым он смог занять Галич — очевидно, эти «мужи» были связаны с одним князем настолько тесно, что не мог-

²²⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 661.

ли ожидать ничего хорошего от другого князя, его противника. Почему Роман не мог «стать противом» венгров, неясно; можно только предположить, что собрать военные силы Галицкой земли оказалось для него не так просто, как сесть на галицком престоле.

«Король же въеха в Галичь, — читаем далее, — не посади в нем Володимера, но даде весь нарядъ Галичанамъ и посади в нем с(ы)на своего Андрѣя...», а Владимира с женою забрал с собою в Венгрию и заточил их в какой-то башне. «Романъ же испросися у тѣстя у своего у Рюрика на Галичь, река ему: ведут мя Галичане к собѣ на княжение...» Однако попытка Романа при поддержке Рюрика занять Галичь была отбита совместно венграми и галичанами, и ему пришлось добиваться своего отчинного Владимира, — снова с помощью Рюрика ему это удалось ²³⁰.

В сообщении об утверждении венгров в Галиче наиболее любопытно замечание о том порядке, который был ими установлен: Бела оставил в городе сына Андрея — по-видимому, в качестве номинальной фигуры, — а «весь наряд» дал «галичанам». Что и кто скрывается за этими словами и насколько удовлетворил этот порядок «галичан», точно сказать сложно. Однако, исходя из общего контекста летописного рассказа, надо, по всей видимости, согласиться по крайней мере с первой частью заключения М. С. Грушевского: «...боярство, имея всё управление в своих руках, то есть настоящую олигархию под номинальным начальством угорского королевича, могли считать такой порядок вещей весьма выгодным для себя». Тот факт, что галичане вместе с венграми защищают землю от Романа, говорит, казалось бы, в пользу правоты и второй части этого вывода, т. е., что получение всего «наряда» — это как раз то, к чему стремилось боярство и с чем оно не хотело бы расставаться. Это мнение преобладает в историографии, однако есть детали, которые ставят его под вопрос. Уже в этом сообщении передаются слова Романа о том, что его галичане «ведут на княжение» — если учесть, что при нём находились какие-то из его галицких сторонников, и поверить этим словам, то надо будет признать, что всё-таки не все среди галицкой знати (а в том, что именно о ней всё время идёт речь, трудно сомневаться) были довольны венгерской властью. Не знаем также, что случилось с «дружиной»

Владимира — но если кто-то из неё ещё существовал, значит, явно не представлял твёрдой опоры для этой власти.

Сам венгерский король, по-видимому, не рассматривал свою власть в Галиче как устойчивую. Во всяком случае, следующая годовая статья Ипатьевской летописи (6697 г., реально события происходили в 1188 г.) начинается с сообщения (видимо, киевского летописца), что Бела предложил Святославу Всеволодичу († 25 июля 1194 г.) прислать своего сына: «...брате, — передаёт летописец слова короля, обращённые к киевскому князю, — пришли с(ы)на своего ко мнѣ, чимъ ти ся есмь обѣщаль, то ти исполню, яко ти есмь кр(е)сть цѣловаль». Очевидно, речь шла о какой-то договорённости между венгерским королём и киевским князем, достигнутой ещё перед походом венгров и Владимира Ярославича на Галич. Что обещал Бела Святославу? Ещё Д. И. Зубрицкий предположил: «обещание состояло в уступке части Галицкого владения, может быть княжества Перемышльского или Тереховского»²³¹. Его поддержал М. С. Грушевский, а С. М. Соловьёв даже думал, что речь шла об уступке самого Галича (королю же — скорее всего, Перемышль). Думаем, предположение С. М. Соловьёва более вероятно, потому что тут же сообщается, что Святослав послал своего сына, «уохотяся, творяше, яко же дадять ему Галичь». Так или иначе, ясно, что Бела пытался договориться с киевским князем и расколоть фронт русских князей, которых уже призывал митрополит «потрудитися» за их «отчину», которую «иноплемьеници отяли». О сговоре Бела и Святослава узнал Рюрик и потребовал своего участия в разделе Галича. Речь зашла о совместном походе на венгров, но Святославу и Рюрику договориться о разделе Галича (как и о других вопросах раздела «волостей») не удалось, и поход не состоялся²³². С этой стороны Бела мог чувствовать себя в безопасности, однако проблемы назревали в самом Галиче.

«Того же лѣта, — повествует далее галицко-волынский летописец, — послашася галичкнии мужи к Ростиславу к Берладничичю, зовуше его в Галичь на княжение. Он же слышавъ радъ быс(ть), ис-

²³¹ Зубрицкий Д. И. Указ. соч. Ч. 2. С. 126–127; Соловьёв С. М. Указ. соч. Кн. I. С. 549, 704; Грушевський М. С. История... Т. II. С. 450.

²³² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 662–663.

просия у Давыда, бяшетъ бо Д(а)в(ы)дь приялъ его к собѣ. И еха и-Смоленска в борзѣ и приѣхавшю же ему ко Украинѣ Галичкѡи и взя два города Галичкыи и оттолѣ поиде к Галичю по ихъ свѣту. Мужи же галичкыи не бяхуть вси во единой мысли, но чии бяхуть с(ы)нове и братья у короля, то ти держажуться крѣпко по королевичи». Король Бела тем временем прислал «полкы многи» в помощь сыну, думая, что придѣтся воевать с русскими князьями. Когда же Андрей узнал, что «идеть Ростиславъ к Галичю по свѣту галичкыихъ мужъ», не имея «имъ вѣры, поча ихъ водити ко кр(е)сту. Правии же целоваша не вѣдающе, а виноватии блудучеса Угорь. Ростислав же приде к полкомъ галичкымъ в малѣ дружинѣ и не вѣды лъсти [и]хъ, мнѣвъ яко же ся ему общалѣ, узрѣвше полкъ его отступити от королевича. Бяшетъ же и во его полку неколко мужъ галичкыихъ приѣхало, и си же узрѣвше лъсть братья своеса подыпустивше и (ХП: их) подѣ полкъ свои и отступиша от него. И рекоша ему дружина его: княже, се уже видиши лъсть ихъ, а поеди прочь. Онъ же реч(е): братья, вы вѣдаете, на чемъ суть ко мнѣ кр(е)сть целовалѣ, ажъ ловятъ головы моеса, да Б(о)гъ судитъ имъ и тотъ кр(е)сть, егоже ко мнѣ целовалѣ, а язъ не хочу блудити в чюже землѣ, но хочу голову свою положить во отчинѣ своеси». С этими словами князь начал битву, но продолжалась она недолго — «полци галичкыи» и угорские явно превосходили силы, с которыми Ростислав пришѣл к Галичу. Раненого князя захватили венгры и принесли в Галич. «Галичани же возмятошася, хотяче ѝ изотяти у Вѣгорь и приятии собѣ на княжение», однако венгры приложили «зелье смертное» к ранам Ростислава, «и с того умре», — заканчивает рассказ о Ростиславе Берладчиче летописец. Однако годовую статью завершает ещѣ одно сообщение о поведении венгров в Галиче: «Угре же вѣдающе [...] лъсть Галичкую, аже Галичанѣ ищють собѣ князя Русского, и почаша насилье дѣяти во всемъ и у мужии галичкыихъ почаша отимати жены и дщери на постелѣ к собѣ и в божницахъ почаша кони ставляти и в ызбахъ [и] иная многа насилья дѣяти. Галичани же почаша тужити велми и много каяшася, прогнавше князя своего»²³³.

Таким образом, как следует из этого рассказа, автор которого явно симпатизирует князю, «ищущему» своей «отчины», в Галиче

²³³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 663–665.

были силы, готовые поддержать ещё одного претендента на галицкий престол. На этот раз призван был Ростислав, сын Ивана Ростиславича Берладника, правнук Володаря Перемышльского, живший у Давида Ростиславича Смоленского († 24 апреля 1197 г.), по-видимому, на положении служебного князя. Инициаторами призвания были опять «галичские мужи», т. е. знать или даже ещё точнее — бояре. В чём их не удовлетворяли венгры, к сожалению, не говорится. В литературе можно встретить объяснения призвания Ростислава подобные следующему: Берладнич был популярен в «народных массах», а бояре надеялись, что он «окажется послушной марионеткой в их руках»²³⁴. Однако никаких оснований для таких утверждений летопись не даёт. Странно думать, что бояре хотели ещё каких-то «марионеток», когда и так в их руках был «весь наряд», а участие «народных масс» можно предполагать только в последнем эпизоде, когда Ростислава принесли в Галич и «галичани взятошася» — однако для выводов о «популярности» князя этого явно не хватает²³⁵.

Полагаем, здесь ближе всех к истине был А. В. Майоров, когда указал на связь сообщения о сговоре Святослава и Белы и решения галичан послать за Берладничем²³⁶. Действительно, в переговорах венгерского короля и киевского князя, а затем русских князей между собой речь шла о разделе Галицкого княжества. Этого не могли не знать галичане, и как раз раздела княжества они и должны были весьма опасаться — разделение княжества не могло быть в их интересах ни в каком случае, особенно в том, если признать верными соображения Н. П. Дашкевича и М. С. Грушевского о системе кормления, т. е. корпоративном управлении областями, как основе

²³⁴ Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 87.

²³⁵ Может быть, Ростислав встретил радушный приём ещё в тех двух городах, которые он «взял» на «украине галичской», т. е., как думают, на Понизье (*Грушевский М. С. История... Т. II. С. 450*) — там, где начинал свой поход на Галич и его отец. Однако это лишь догадки — твёрдых данных нет.

²³⁶ А. В. Майоров указал на эту связь, однако никак не развил этой важной мысли, ограничившись констатацией: «тайный сговор» Святослава и Белы о разделе Галицкого княжества вызвал «незамедлительную реакцию галицкой общины» (*Майоров А. В. Указ. соч. С. 290*).

материального обеспечения боярства. Не случайно, что «галичские мужи» не обратились к Роману — ведь он был зависим в тот момент от Рюрика, который не только не возражал против раздела княжества, но даже требовал своей доли. Естественным выходом для них в этой ситуации могло быть приглашение князя-«отчича», который был бы готов «голову свою положити во отчине своеи».

Однако планы тех бояр, которые приглашали Ростислава, не были точно просчитаны. Главное, чего они не смогли обеспечить — это единства всей галицкой знати. Во-первых, не все знали о самом замысле (сначала говорится, что не все были «во единой мысли», а затем, что крест целовали венграм и «правии», не ведавшие о замысле). Во-вторых, были те, кто «держухуться крепко по королевичи» — летописец объясняет это тем, что их сыновья и братья были «у короля», т. е. находились в Венгрии, как считают практически все историки, комментировавшие этот эпизод, в заложниках. Зато венгры в этом отношении оказались более сноровисты: они не только взяли заложников из галицкой знати, но и привели её всю к присяге. Эти меры принесли результат: даже несмотря на то, что «в полку» Ростислава были «неколко мужь галичкихъ», они, увидав «льсть братья своя», т. е. нежелание основной части галицкой знати отступить от венгров, ушли от князя в последний момент. Конечно, с точки зрения Берладича, это был обман, «лесь», и он мог обвинять галичан в преступлении той клятвы, которую они, видимо, ему дали, первоначально обещая поддержку. Похоже, в этом ему сочувствует и летописец. Однако для «галичских мужей» держаться своих — это был единственный способ не потерять своего места в «корпорации». Ради этого можно было и пойти на нарушение обещаний, данных на кресте. Наверное, в позиции основной части галицкой знати сыграла свою роль и сила венгров — ведь король прислал сыну «полкы многи», борьба с которыми «полкам галичским» не обещала быть лёгкой.

Так Галич лишился одного своего «отчича». У Ростислава, видимо, не было сыновей; во всяком случае, о них ничего не известно. Хуже для галичан было то, что венгры, наверное, не доверяя больше галичанам, перешли, так сказать, к «режиму оккупации». Судя по описанию летописцем «многих насилий» венгров, они просто оставили крупные военные силы в городе (содержание которых легло, конечно, тяжёлым бременем на население), а возмож-

но, и отняли у галицкой знати тот самый «весь наряд». Теперь пришло время галичанам «тужити велми».

Наверное, не будет преувеличением сказать, что спасением для них стало освобождение Владимира из плена. Благодаря тому, что «от сторожи» князю были «два во приязнь», ему удалось бежать с семьёй в Германию. Император Фридрих I Барбаросса поручил Казимиру, князю Польскому, оказать помощь (естественно, небескорыстную) изгнаннику. С отрядом поляков Владимир пошёл к Галичу. «Галичские же мужи срътоша его с радостью великою, князя своего и дѣдича, а королевича прогнаша изъ земля своя. А Володимѣрь сѣде на столѣ дѣда своего и о(т)ца своего на Сп(а)с(о)въ д(е)нь» (6 августа 1189 г.). Разумеется, летописец был явно сам рад такому исходу всех бурных событий, и всё же, думаем, галичане, действительно, были рады обрести наконец своего «отчича», избавившего их от чужеземного господства и способного удержать единство земли. Заручившись протекцией Всеволода Юрьевича суздальского († 13 апреля 1212 г.), Владимир «утвердився в Галичѣ, и оттолѣ не быс(ть) на нь никого же», — заключает торжественно летописец²³⁷.

Хотя в нашем распоряжении только несколько обрывочных сведений из истории Галицкого княжества до смерти Владимира, нет оснований не верить последнему заявлению летописца. Правильным с политической точки зрения был, по-видимому, выбор галицкого князя в пользу союза с Всеволодом, однако «наибольшей опорой силы Владимира, — считает крупнейший специалист по истории Галицкого княжества, — надо считать симпатии к нему галицкого населения, возникшие как результат недавних бед угорской оккупации, и этими симпатиями главным образом следует объяснять, что Владимир спокойно просидел те десять лет, что отдаляли его возвращение в Галичину от смерти»²³⁸.

В заключение ответим на вопросы, поставленные в начале нашего анализа летописного рассказа о смуте в Галиче в 1188–1189 гг.

²³⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 666–667. О захвате Галича королём Белой, заключении Владимира и возвращении его в Галич при поддержке поляков сообщает и Кадлубек, чьи фактические данные полностью соответствуют данным русской летописи (*Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные... С. 106–107).

²³⁸ *Грушевський М. С.* История... Т. II. С. 453.

В каком смысле говорил автор этого рассказа о «дружине», которая бежала с Владимиром Ярославичем из Галича в Венгрию? Сравнивая этот случай употребления термина с другим — в рассказе о приходе Ростислава Ивановича со своей «дружиной» к Галичу, — думаем, что речь идёт о дружине в собственном смысле слова: т. е. людях, приближенных к князю и обязанных ему верной службой. С Владимиром бежали, вероятно, его «приятели», против которых ополчалось большинство «галицких мужей» — наверное, в числе этих «приятелей» были и люди видные, бояре, — а также его ближайшее окружение, кто-то вроде отроков или милостников. Ростислав пришёл «в мале дружине» — наверное, в ней преобладали его «мужи» или те же отроки. Разумеется, такое понимание ставит сразу вопрос: а в каких же отношениях к князю находились «галичские мужи», которые выступают главной силой всех социально-политических движений в княжестве? Здесь мы готовы присоединиться к мнению Н. П. Дашкевича об образовании в Галиче класса «местных бояр», подобных новгородским (добавим — и не только новгородских), с той только поправкой, что он относил начало этого процесса ко времени начала правления Ярослава Владимировича, а нам представляется бесспорным появление этого класса только в событиях 1188–1189 гг.: «Князья сменялись, а бояре оставались одни и те же; ни один из князей, занимавших галицкий стол, не мог отодвинуть их на второй план, затереть их своими собственными боярами; если у него были свои дружинники, то они не играли в стране значительной роли»²³⁹. Действительно, у Владимира Ярославича и Ростислава Ивановича видим свои «дружины» (хотя эти объединения, наверное, представляли собой значительно более узкий круг людей по сравнению с дружиной того же Владимира Володаревича), отдельные от массы «галичских мужей». Судьбы членов этих дружин неразрывно связаны с судьбами их князей, и на этом основании покоится их верность своим князьям. Этот же принцип, надо думать, выбрали в своих отношениях с Романом Мстиславичем те из «галичских мужей», кто решил (или был вынужден) покинуть с ним Галич; в этом смысле можно говорить, что они вступили в его дружину. Естественно, это означало, что они были выключены из структуры того объеди-

²³⁹ Дашкевич Н. П. Указ. соч. С. 25.

нения, «корпорации», которую составляли остальные «галичские мужи», оставшиеся в Галиче.

Мы согласны с Н. П. Дашкевичем и в том, что этому классу «местных бояр»-«галичских мужей» было свойственно единство интересов, и говорить в политическом смысле, как это делают М. М. Кордуба²⁴⁰ и многие другие историки, о каких-либо «партиях» в его среде нельзя или можно только весьма условно (см. во введении). Те «дружины» и «приятели», которые упоминаются у Ярослава и Владимира, составляли нечто отдельное от основной массы галицкой знати, чуждое её среде. Хотя их значение могло быть велико, но оно зиждилось на патронате княжеской власти, и как только власть теряла опору в местном сообществе «сильных людей», судьба этих фаворитов или ближайших, верных князю людей была предрешена (это видно и на примере Чарговой чади, и на примере «приятелей» Владимира; это ещё ярче будет видно в позднейшее время, когда значение этих людей в Галиче станет почти ничтожным). В своей же среде «галичские мужи» как при Ярославе, так и при Владимире неизменно демонстрируют стремление к политическому единству. В тех случаях, когда над этим единством нависает угроза — будь то внешние обстоятельства или собственная несогласованность (раскол в боярстве Ярослава в начале 1170-х гг., приглашение Ростислава Берладчича) — все усилия знати направлены на восстановление единства, и здесь уже не так важно, о какой власти идёт речь, и все средства хороши.

Наконец, события после смерти Ярослава подтверждают ещё один тезис Н. П. Дашкевича — о том, что галицким «местным боярам» свойственно было стремление «не допускать раздробление» Галицкой земли. Н. П. Дашкевич, правда, наблюдал это стремление

²⁴⁰ В применении к смуте 1188–1189 гг. расклад «партий» у М. Кордубы выглядит так: «оппозиционная» партия (крупное боярство, против княжеской власти или, по крайней мере, за её ограничение) выступаст за венгров, «династическая» (средняя и мелкая знать, за сильную княжескую власть) ищет разные варианты — то Роман, то Ростислав, а в конце концов возвращается к Владимиру (Указ. соч. С. 13). Надо ли говорить, что в летописи не прослеживаются ни какие-либо различия в социальном положении «галичских мужей», ни какие-либо стремления за или против княжеской власти.

уже у бояр Ярослава в 1153 г. Нам же представляется, что понастоящему оно проявилось лишь после смерти Ярослава, когда «галичские мужи» сначала не допустили разделения земли на два княжества между его сыновьями, выбрав одного из них в качестве своего князя, а затем отступили от венгров сразу же после того, как выяснилось, что те согласны на раздел Галицкой земли. Эта тенденция в политических устремлениях «галичских мужей» не позволяет ни в коей мере допустить, что за ними стояли какие-то «центробежные силы».

Сложнее пока понять, в каком отношении «местные бояре» Галича стояли к княжеской власти. На основании летописного рассказа о борьбе за Галич в 1188–1189 гг. можно сказать твердо только две вещи: во-первых, безусловно, проявляется их попытка применить принцип «вольности в князьях», и во-вторых, эта попытка потерпела крах. Князья демонстрируют значительную зависимость от этого класса, но в то же время используют сохраняющий своё значение принцип верной дружинной службы. Никаких попыток опереться на низшие слои населения князья не проявляют. Пока, видимо, мы застаём состояние некоего баланса сил, когда сохраняются ещё некоторые традиции дружинного строя, важен принцип отчинности, но в то же время новый социальный слой начинает активно проявлять свои политические претензии, но пока не находит наиболее адекватную и эффективную форму для них.

Эти выводы относительно сути и происхождения «боярской олигархии» в Галиче, о которой любят говорить историки, сформулированы в политическом плане, однако они, конечно, бросают некоторый свет, хотя и косвенный, на экономические основы класса «местных бояр». Единство политических интересов и стремление к единству территориальному — эти две черты, которые заставляют предполагать за галицким боярством и некие корпоративность и единство в материальном отношении. Объяснить их землевладельческими интересами очень трудно. Скорее, надо допускать — и здесь опять оказывается прав Н. П. Дашкевич, а за ним и М. С. Грушевский — единство и корпоративность в исправлении должностей по управлению территориями. Анализ источников по истории Галицкого и Волынского княжеств в первой половине XIII в. должны подтвердить как эти выводы, так и последнее предположение.

А. П. Толочко

Известен ли год рождения Даниила Романовича Галицкого?

Галицко-Волынская летопись прочитана бесчисленное количество раз. Тем не менее в ней остаются еще известия, за двести лет ни разу специально не останавливавшие на себе внимания исследователей. К числу таковых относятся сообщения первостепенного значения, как, например, единственное точное указание на дату рождения Даниила Романовича.

Как известно, ни одна летопись не сохранила записей о годах рождения детей волынского и галицкого князя Романа Мстиславича. Их возраст, а также относительное старшинство — вопреки тому, что считаются непреложно установленными, — на самом деле являются результатом толкования одного, как покажем ниже, довольно неясного места Галицко-Волынской летописи. Между тем в повести о битве на Калке, помещенной в Галицко-Волынской летописи и датированной в Ипатьевском списке 6732/1224 г., есть прямое указание на возраст Даниила Романовича в год, когда состоялась первая битва с монголами.

Описывая мужество, показанное Даниилом в битве, галицкий летописец отмечает: «...а самому Данилоу бодену бывшу в перси младства ради и боуести не чюяше ранъ бывшихъ на телеси его бѣ бо возрастомъ III лѣтъ бѣ бо силенъ»¹.

¹ ПСРЛ 2: 744. Это же сообщение читается в Софийской Первой летописи и сводах, зависевших от нее, например, в Московском своде конца XV в., в Типографской летописи.

Смысл сообщения совершенно прозрачен и не нуждается в особенных комментариях: Даниил был ранен в грудь, но в запальчивости, свойственной молодости, не почувствовал раны — ему было только восемнадцать лет, и сил хватало.

Ни один из все еще находящихся в обращении справочников по генеалогии, в том числе специально посвященных семье Романовичей, не отмечает этого обстоятельства². Никак не комментирует текст и новейшее издание Галицко-Волынской летописи, а также недавняя биография Даниила Романовича³. Обстоятельство странное, так как единственный иной текст Галицко-Волынской летописи, позволяющий судить о возрасте Романовичей, гораздо более двусмысленен. Предпочтение, отданное именно этому последнему в историографии, никогда не было обосновано. Находясь под властью традиции, исследователи, кажется, просто не допускали мысли о возможной альтернативе, откуда и поверхностное чтение «статьи 1224 г.», в которой искали совсем иной информации.

Считается, что возраст Романовичей указан в первой же статье, которой открывается Галицко-Волынская летопись. Здесь сказано якобы, что в момент смерти Романа «по нем» осталось два сына — Даниил четырех лет и Василько двух. Из этого сообщения исследователи вычисляют годы рождения князей — 1201 (Даниил) и 1203 (Василько). Так находим у Баумгартена⁴, у Донского⁵ и в коммен-

² Недавно изданная монография Дариуша Домбровского, содержащая практически исчерпывающую библиографию предмета, освобождает от необходимости приводить здесь детальные историографические справки, см.: *Dąbrowski Dariusz. Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich*. Poznań; Wrocław, 2002.

³ Галицко-Волинський літопис. Дослідження, текст, коментар / За ред. М. Ф. Котляра. Київ, 2002. С. 191–193; *Котляр М. Данило Галицький. Біографічний нарис*. Київ, 2002. С. 142–144 (здесь цитированная выше фраза ГВл оборвана как раз перед указанием возраста князя).

⁴ «A la mort du père il avait quatre ans» (Даниил), «l'année de naissance: a la mort du père, il atait âge de deux ans» (Василько) (*Baumgarten N. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du Xe au XIIIe siècle*. Roma, 1927. Table X. № 4, 5 et p. 48)

⁵ *Donskoi Dimitri. Généalogies des Rurikides*. Ire partie Rennes, 1991. № 503, 504.

тариях к Галицко-Волынской летописи⁶. Несколько иначе (но с опорой на все ту же фразу) определяет даты рождения Даниила и Василька — 1202 и 1205 гг. — Л. Войтович⁷, зависимый, впрочем, от М. С. Грушевского⁸. В самое последнее время вопрос еще раз рассмотрел Дариуш Домбровский, подтвердивший традиционные даты — 1201 г. и около 1203 г.⁹

Итак, согласно летописцу, Даниилу в 1223 г. должно быть около 18 лет, согласно ученой традиции — 22 года. Можно было бы предположить, что летописец, не знавший действительного возраста Даниила, пытался «высчитать» его по каким-то ему известным

⁶ Галицько-Волинський літопис. С. 165.

⁷ *Войтович Л.* Князівські династії Східної Європи. Кінець IX — початок XVI ст. / Склад, суспільна і політична роль. Львів, 2000. С. 225 (№ 17, 18). Попутно исправлю недоразумение относительно даты рождения Василька в справочнике Войтовича. Неверная дата — 1205 г. — приводится без ссылок, как очевидная. В то же время более привычная дата — 1203 г. — подтверждается почему-то ссылкой на Воскресенскую летопись. Кроме того, что место *Воскр.* указано неверно (с. 324, должно быть 234), такая отсылка удивляет, ибо Василько в статье 6713/1205 г. не упомянут вообще. Вот как звучит соответствующее место *Воскр.*: «Князь Романъ Мъстиславичъ Галицкой ходи на Ляхи, и убиша его Ляхи; а остася дѣти его Мъстиславъ да Данило» (ПСРЛ 7: 112). Ни возраста Романовых детей, ни даже их правильных имен в *Воскр.* нет. Источник ошибки редактора *Воскр.* угадать не трудно: в той же статье упомянут Мстислав Романович, которого, судя по статье 6720/1208 г. («Мъстиславъ Романович, внукъ Метиславовъ»), редактор *Воскр.* отождествил с сыном Романа галицкого (на самом деле — сын Романа Ростиславича смоленского). Имя старшего Романовича ошибочное, но было бы соблазнительно думать, что Даниил назван младшим не случайно. Впрочем, настаивать на этом нет возможности.

⁸ «Ворожі елементи, прибиті ним, на разі не дали познаки життя, і по похороні Романа Галичани присягли на вірність його малому сину Данилу, що мав тільки три роки (меньшому брату його Васильку ішов тільки другий рік)» (См.: *Грушевський М. С.* Історія України-Русі. Т. 3. С. 18). Более определенно Грушевский высказался в генеалогической таблице Романовичей: Даниил родился «около 1202 г.», Василько — «около 1204 г.» (Там же. С. 268).

⁹ *Dąbrowski Dariusz.* Rodowód Romanowiczów. S. 60, 77. Тут же см. и иные предложенные даты.

ориентирам. Отсчитывая назад от 1223 г., получим 1205 г. Это примечательная дата — год смерти отца Даниила Романа Мстиславича. Можно было бы предположить, далее, что летописец каким-то образом знал эту дату (даже несмотря на то, что ГВл не была продатирована), и именно она привела к его ошибке. Летописец, таким образом, мог ошибочно счесть первое упоминание о Данииле годом его рождения¹⁰.

Мог ли летописец (к тому же предположительно близкий к Даниилу и, вероятно, знавший возраст князя и без подсказки) совершить такую ошибку?¹¹

¹⁰ Такое предположение неловко, ибо подразумевает, что автор повести о битве на Калке не тождественен автору «панегирика Роману», что он работал с уже готовым письменным текстом летописи. Этот второй автор должен точно знать не отмеченный летописью год смерти Романа и в то же время не знать года рождения Даниила и даже не догадаться из даты смерти Романа получить возраст сыновей.

Сходная попытка объяснить «ошибку»: «Судя по тому, что эта ошибка имеется во всех списках Ипатьевской летописи, она была уже в общем протографе данных списков. Возможно, эта ошибка сделана в результате расчета лет князя по неверной летописной погодной сетке. (Любопытно, что дата смерти отца Даниила Романа дается с ошибкой в четыре года и также и ошибкой на четыре года в данной статье сообщается о количестве лет Даниила. Это совпадение подтверждает мысль Л. В. Черепнина: „Первая хронологическая ошибка породила и все дальнейшие“» (Романов В. К. Статья 1224 г. о битве при Калке Ипатьевской летописи // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 97–98).

Это предположение также неверно. Оно подразумевает, что существующая ныне хронологическая сеть Ипатьевского списка совершенно тождественна хронологической сети оригинала ГВл, но отстает от нее на четыре года. Но в оригинале ГВл не было хронологической сети, она произвольно составлена в начале XV в. именно и только для *Ипат.* списка.

¹¹ Комментируя упоминание в «статье 1224 г.» завещания Мстислава Немого, приказавшего после своей смерти Луцк Даниилу, П. П. Толочко отметил, что текст не современен событиям и мог появиться только после смерти Мстислава в 1227 или 1228 г. На самом же деле — гораздо позже, «поскольку летописец уже не мог вспомнить, сколько лет было Даниилу в год Калкской битвы» (Толочко П. П. Русские летописи и летописцы XI–XIII вв. СПб., 2003. С. 236–237). Ср. также: «На позднее происхождение этого текста указывает ошибка в определении количества лет Даниила

В действительности соответствующий текст ГВл (вопреки согласному мнению всех исследователей) отнюдь не дает права считать именно Даниила старшим Романовичем. Прочитаем его еще раз: «По смерти же великаго князя Романа. [...] ¹² великоу мятежу воставшу в земль Роуской. оставившима же ся двѣима сынома его. единь 4 лѣт а друуги двоу лѣтъ» ¹³.

Как видим, текст не содержит имен княжичей и, строго говоря, сам по себе не позволяет недвусмысленно установить, кому из них было четыре, а кому два года в 1205 г. Видеть в первом из них именно Даниила, а во втором — Васильку заставляет только историографическая традиция, вообще выпячивающая Даниила в ущерб Васильку ¹⁴. Эта традиция, в свою очередь, покоится на впечатлении, которое пытался произвести галицкий летописец Даниила, для которого именно его патрон был главным действующим лицом всех описываемых событий. Для придворного летописца такое усердие вполне объяснимо и даже ожидаемо.

Романовича: „бѣ бо возрастом 18 лѣтъ“. В действительности князю было не менее 22 лет (родился в 1201 г.) » (*Романов В. К.* Статья 1224 г. о битве при Калке Ипатьевской летописи. С. 97). Замечу, что такое предположение подразумевает, что этот забывчивый летописец не тождественен тому, который помнил верный возраст Романовичей, начиная ГВл. Убедительно продемонстрировать, что записи о возрасте принадлежат перу двух разных летописцев, будет довольно трудно, если возможно. Не вполне понятен и критерий отбраковки. Почему именно первая запись должна считаться надежной, а вторая — ошибочной? Ведь пока не обнаружится какая-то третья, которая подтвердит либо одну, либо другую, обе возможности должны рассматриваться как принципиально равноценные. Записи, начинающие ГВл, тоже ведь не современные событиям.

Альтернатива здесь, впрочем, ложная, продиктованная не содержанием записей, а традицией считать Даниила старшим сыном Романа. Проблема снимается, если полагать, что обе записи верны, только в первой из них не названным по имени младшим Романовичем является именно Даниил.

¹² Опускаю обширный панегирик Роману Мстиславичу, имеющий все признаки поздней вставки.

¹³ ПСРЛ 2: 715, 717.

¹⁴ Впрочем, такое отождествление было сделано еще в XVII в. составителем Густынской летописи, работавшим с Хлебниковским списком ГВл, ср.: «...оста по не(м) два сына его Данило имѣя лѣт 4 и Васи(л)ко двоу лѣтъ».

В исторической же литературе XIX в., похоже, большая *активность* Даниила в летописи была воспринята как свидетельство его старшинства (и действительного, и генеалогического) над Васильком. Это общее ощущение приводило к тому, что летописный текст всякий раз прочитывался с заранее известным результатом: в 1205 г. Данилу было четыре, а Васильку два года.

Но если предположить, что Даниил был *младшим* из двух Романовичей, его возраст в 6713 г. довольно близко соответствовал бы отмеченному в 6731 г., т. е. во время Калкской битвы князю действительно было около 18 лет.

Такое предположение, находящееся в согласии с *обоими* летописными показаниями о возрасте Романовичей, устранит иначе необъяснимую серию летописных известий о возрасте Даниила и косвенных указаний на относительное старшинство Романовых сыновей.

Рассмотрим их. Некоторое время спустя¹⁵ после смерти Романа Мстиславича, когда его вдова с детьми уже была во Владимире, там обнаружился заговор, и «Романовая» решила бежать: «...и на ночь бѣжаша в Ляхы. Данила (ж) возмя дядька передь ся. изииде изъ града. Василка же Юрьи попь с кормилицею возмя. изыиде дырею градною не вѣдяху бо камо бѣжашце»¹⁶.

Без насилия над текстом из этого пассажа трудно вывести старшинство Даниила. Обоих мальчиков пришлось нести¹⁷. Грушевскому, впрочем, удалось: «Дядько (пiстун) *viviv* (курсив мой. — А. Т.) Данила воротами міста, а другий повірник княгині Юрій піп з „кормилицею“ разом *винесли* малого Василька через якийсь пролом в стіні»¹⁸.

Гораздо важнее для нашей темы, что Василько получает свой первый стол (Берестье) не просто раньше брата, но намного раньше. Грушевский датирует это событие 1209–1210 гг.¹⁹ Примеча-

¹⁵ М. Ф. Котляр вслед за М. С. Грушевским датирует эти события концом 1206 — началом 1207 г. (Галицько-Волинський літопис. С. 171).

¹⁶ ПСРЛ 2: 718–719.

¹⁷ «Взяти перед ся», очевидно, означает «посадить перед седлом». Справедливости ради, надо отметить, что на обратное нашему толкование фразы может указывать то обстоятельство, что Даниила вынес «дядька», в то время как Василька — поп с кормилицей.

¹⁸ *Грушевський М. С. Історія України-Русі. Т. 3. С. 21.*

¹⁹ *Грушевський М. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи //*

тельно и то обстоятельство, что берестяне, похоже, просили именно Василька на княжение и именно его считали наследником отца: «...и просиша Романовое. и дѣтате. бяста бо млада суци. и вдасть имь (Лешко. — А. Т.) да владѣть ими. они же с вѣликою радостью срѣтоша и. яко великаго Романа видящи»²⁰.

Вскоре Василько получает второй стол — Белз взамен Берестья (1210–1211)²¹. В Белзе он княжит практически самостоятельно. Когда Васильку приходится его покинуть, оказывается, что там у него уже сформировался круг друзей: все бояре покинули город с князем и отправились к месту его следующего княжения в Каменец («...а бояре не изневершася. Но идоша вси со княземъ Василкомъ в Каменѣць»²²). Иными словами, Василько начал обычные для молодого князя перемещения со стола на стол, как и надлежит уже вошедшему в возраст, но еще незначительному князю, лишенному сильных покровителей.

Пока с Васильком происходят все эти изменения, Даниилу выпадает шанс вокняжиться в Галиче. После его посажения во второй половине 1211 г.²³ в Галиче происходят трагические события: в сентябре бояре убивают Игоревичей. Тогда же из Галича изгоняют мать Даниила. Летописец при этом замечает: «Данилоу же княжащо в Галичи. тако младау соушоу. яко и материи своєї не позна. минувшю же времени Галичанѣ же выгнаша Даниловоу. матерь изъ

Mittheilungen der Sevckenko-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg. 1901. Bd. XLI, III. S. 10.

²⁰ По очевидным соображениям предпочитаю чтение Хлебниковского списка (ПСРЛ 2: 720–721. Вар. 83). В Ипатьевском текст исправлен позднее таким образом, чтобы речь шла об обоих детях («просиша Романовыи княги(н). и дѣтии.»). Вероятно, уже в оригинале ГВл фраза была построена недостаточно ясно: при том, что речь шла об одном сыне, далее летописец отметил молодость обоих. Ср. комментарий М. Ф. Котляра к тексту именно Хлебниковского списка: «Громада великого і заможного волинського міста запросила *нащадків* Романа на княжіння. З цього дня починається збирання ще малими Романовичами волинської „полуотчини“ Романа Мстиславича» (Галицько-Волинський літопис. С. 173).

²¹ Грушевський М. Хронологія. С. 9–10.

²² ПСРЛ 2: 728–729.

²³ Грушевський М. Хронологія. С. 10–12.

Галича. Даниль же не хотѣ оставити матери своей и плакашеса по неи. младъ сын»²⁴.

То, что ребенок не желает разлучаться с матерью и плачет, положим, еще ничего не говорит (к тому же «плакаться» может означать довольно широкий спектр эмоций — от действительно детских рыданий до взрослых грусти и сожалений). Но вот то, что этот ребенок еще так мал, что не может узнать своей матери при встрече — довольно красноречиво. Трудно представить себе десяти — одиннадцатилетнего подростка в этом образе не осознающего мир вокруг себя малыша.

Действительно, Даниила разлучили с «Романовой» еще зимой 1206–1207 гг., и встреча в Галиче, судя по всему, была их первой после долгой разлуки. Но все же совершенно забыть мать скорее ожидалось бы от двух–трехгодовалого ребенка в период разлуки, чем от мальчика почти шести лет. Дело здесь, впрочем, даже не в реальном сценарии. Летописец предельно прям: в тот момент (1211 г.) Даниил был *настолько* мал. Ему не 10 и не 11 лет.

Когда Василько княжит в Каменце, его уже третьем столе, летописец опять находит случай указать на детский возраст Даниила. Даниил с матерью приезжают в Каменец, где их вполне взрослому встречает Василько: «...братъ же его Василко и бояре вси. срѣтоша и с великою радостью»²⁵. В описании произошедшей вскорости очередной битвы за Галич летописец оброняет фразу: «Данилоу же тогда дѣтськоу сущю. якоже можаше на конѣ ѣздити»²⁶. Понять фразу довольно трудно. Быть может, пропущено «не» — «не можаше». Или же пропущено «одва» — «одва можаше», что могло бы указывать на возраст, близкий к посадению на коня²⁷.

Подобных ремарок о «детском» возрасте Даниила в начальных известиях ГВл можно привести и больше. Летописец почему-то

²⁴ ПСРЛ 2: 727.

²⁵ Ср. комментарий к ГВл, считающий, что именно Даниил сидел в Каменце (Галицько-Волинський літопис. С. 181).

²⁶ ПСРЛ 2: 730.

²⁷ Таковым был возраст после 4 лет, см. о постригах и посадении на коня Юрия Всеволодовича (под 1192 г.), родившегося в 1189 г. (ПСРЛ 1: 408, 409).

настойчиво напоминает о нежном возрасте своего героя²⁸. Общее впечатление от них — Даниил действительно ребенок, руководимый взрослыми.

Напротив, «детский» возраст Василька ни разу не отмечается в летописи. Единственное сопоставимое указание на возраст Василька находим в описании княжеского съезда в Киеве перед походом на Калку. Здесь сказано, что «Василка же не бѣ. бѣ бо в Володимѣрѣ мла(д)»²⁹. Эту фразу как правило понимают в том смысле, что Василько по малолетству не принимал участия в битве³⁰. На самом деле до битвы еще далеко, и летописец говорит о другом: Василько не участвовал в совете старших князей. О причинах, не позволивших Васильку участвовать в походе, можно только гадать³¹. Во всяком

²⁸ К сожалению, невозможно проверить по иным сообщениям, что именно галицкий летописец понимал под «детством» или «молодостью». Ок. 1244 он, например, говорит о том, что Даниил и Василько послали «Лва млада соуща. и яко ни во бои емоу внити младоу сущоу», почему и приставили к нему опекунов. Годом позже «Лвови же. дѣтскоу соущоу», и опять его «поручают» опекуну, но княжич уже может — несмотря на юность — участвовать в битве: «...млад сы. изломи копье свое» (ПСРЛ 2: 797, 802–803). Проблема, однако, в том, что год рождения Льва неизвестен и определяется в интервале между 1225 и 1229 гг. (*Dąbrowski Dariusz. Rodowód Romanowiczów. S. 68–71*).

²⁹ ПСРЛ 2: 741.

³⁰ Ср. комментарий к ГВЛ Н. Ф. Котляра: «Слова „Василка же не бѣ, бѣ бо Володимѣри младъ“ мали створити у читача враження, ніби молодший Романович не взяв участі у битві на Калці через своє малоліття. Вони не відповідають дійсності: Василькові 1223 р. виповнилося 20 років — вік на той час зрілого мужа» (Галицько-Волинський літопис. С. 193).

³¹ Одна из возможных лежит на поверхности. Положение Романовичей было настолько уязвимым, что бросить на долгое время владимирский стол обоим князьям было бы не вполне безопасно. Вернувшись, они могли обнаружить, что стол уже занят кем-то иным, например Александром белским. Как раз перед самым походом 1223 г. Даниил рассорился с Мстиславом Мстиславичем, единственным протектором Романовичей (см.: *Грушевський М. С. Історія України-Русі. Т. 3. С. 40–41*). Василько, как главный князь, остался стеречь стол, отправив младшего Даниила в поход. Во всяком случае, из неучастия Василька никак нельзя заключить о его недееспособности. Напротив, то обстоятельство, что в поход отправился

случае это был не юный возраст. Даже в традиционной хронологии волынскому князю уже 20 лет, более чем достаточно для участия в военном походе. «Млад» фразы, конечно, относится не к реальному возрасту Василька, но указано в контраст к «старейшим» князьям — трем Мстиславам — и «в версту» к перечисленным «младым князьям» — Даниилу, Михаилу Всеволодовичу и Всеволоду Мстиславичу. Василька не было среди молодых князей, как Юрия Всеволодовича не было среди старших. Ср. построение фразы: «...то бо бѣахоу старѣишины в Роуской земли. Юрѣя же князя великого Соуждальскаго. не бы в томъ свѣте. се же паки млади князи. <...> Василка же не бѣ. бѣ бо Володимирѣ мла(д)».

Какие-то намеки на старшинство братьев, казалось бы, можно было бы извлечь из того факта, что Даниил женится раньше Василька (этот брак Грушевский датирует 1219 г.³² Домбровский — летом—осенью 1217 г.³³). Женитьбу Василька (не отмеченную в ГВл) на дочери Юрия Всеволодовича суздальского обычно датируют 1226 г. на основании недостоверной в отношении хронологии и поздней (XVII в.) Густынской летописи³⁴. Даже если дата по-

Даниил, объяснимо его подчиненным положением по отношению к Мстиславу Мстиславичу: Даниил оказался в Киеве в антураже своего патрона.

³² Грушевський М. Хронологія. С. 15–16.

³³ *Dąbrowski Dariusz. Rodowód Romanowiczów. S. 68–71.* Надо сказать, самый способ датировки, предложенный Грушевским и принятый с тех пор большинством комментаторов, небезукоризнен. Грушевский, заметив, что о женитьбе Даниила говорится в контексте первого вокняжения Мстислава в Галиче, датировал брак тем же годом, до изгнания Мстислава. Летописец в самом деле сообщает о браке Даниила вслед за известием о галицком княжении Мстислава. Но «статья» эта не только суммарная, но и ретроспективная: в ней речь идет о браке, о рожденных от этого брака *всех* сыновьях Даниила, да и вводится сообщение формулой «времени минувшу», ср.: «В та (ж) лѣта времени миноувши поя оу него Даниль дщерь имнемь Анноу. и родиша(с) от нея сынови и дщери. первѣнѣць бо бѣ оу него. Ираклѣи. по нем же Левъ и по немъ Романъ. и Мистиславъ. Шеварно. и инии бо млади отидоша свѣта сего» (ПСРЛ 2: 732). Так что, строго говоря, нет причин связывать брак именно с первым вокняжением Мстислава.

³⁴ См.: *Dąbrowski Dariusz. Rodowód Romanowiczów. S. 82–83;* там же и обзор иных точек зрения.

следней почему-либо и верна³⁵, надо принять во внимание, что не Василько женился поздно, а Даниил женился чрезвычайно рано. В том же сообщении, что и о браке Даниила и дочери Мстислава Мстиславича, летописец не преминул описать очередной военный конфуз Даниила: князь убежал из Галича только с несколькими приближенными и, видимо, отбился от окружения; тут его нагнал некий Володислав Витович и отобрал коня. «Даниль бо младъ бѣ», — заметил летописец³⁶. В самом деле, «детском» женатого Даниила уже неловко было называть, но и «молодость» удивительная: так запросто, без сопротивления отобрать коня у вооруженного восемнадцатилетнего князя? Гораздо естественнее в этой ситуации выглядел бы подросток 14 лет. (Коня Даниилу «вернул» при встрече Мстислав: «Мьстиславъ же великою похвалоу створи Данилови. и дары емоу дать велики и конь свои борзыи сивыи»³⁷.)

Партия Васильку также оказалась подобрана более престижная: дочь великого князя Юрия Всеволодовича, что может указывать на более высокий статус Василька³⁸.

³⁵ На Густынскую летопись сослался М. С. Грушевский в примечании к генеалогической таблице в 3 томе «Історії України-Русі» (с. 369). С тех пор исследователи почему-то не отмечают, что Густынская летопись в этом случае просто повторяет информацию своего источника — Тверского сборника, где под 6734 г. читаем: «(Въ) томъ же лѣте князь велики Юрий Всеволодичъ отда дочь свою замужь за Василка Романовича Галицкого» (ПСРЛ 15: 346). Проблема, таким образом, в том, насколько надежно показание Тверского сборника.

³⁶ «...и быша противу Толмачю. оугони и невѣрныи Витовичъ Володиславъ. наворотившееся на нь и прогнаша и. и коня от него отяша. Даниль бо младъ бѣ» (ПСРЛ 2: 734). Ср. пересказ этого эпизода (*Котляр М. Данило Галицкий*. С. 132), из которого следует, что Даниил вышел победителем. Ср. также пересказ М. С. Грушевского (*Історія України-Русі*. Т. 3. С. 38), где события поданы если не как победа, то как военная удача Даниила.

³⁷ ПСРЛ 2: 735.

³⁸ Впрочем, сравнивать браки Даниила и Василька затруднительно. Женитьба Даниила, несомненно, преследовала политические цели — унаследовать после Мстислава Галич — и, судя по юному возрасту Даниила, была организована Романовой (кстати сказать, сразу же после этого постригшейся в монастырь). Если прав М. С. Грушевский и брак был

Старшинство Василька объяснило бы и другую особенность его взаимоотношений с братом. С первых же шагов Василько пытается обосноваться на Волини и в конечном итоге становится волинским князем. Наротив, Даниил пытается во что бы то ни стало закрепиться в Галиче. Между братьями никогда не возникало соперничества; такое впечатление, будто с самого начала было решено (видимо, матерью Романовичей), что Галич предстоит занять Даниилу, а Волинь — Васильку³⁹. Волинь оказывается наследственным владением Василька: он передает стол своему сыну Владимиру (при том, что не было недостатка в генеалогически более «старших» сыновьях Даниила). Вопреки распространенному в историографии мнению, будто главным владением Романовичей был Галич (ср. клишированное название их владений: «Галицко-Волинская Русь»), их отчинной в точном смысле слова, столом, где сидел отец и дед, была Волинь. Она должна была считаться более престижным владением среди потомков волинских

заклучен во время первого и недолгого, как выяснилось, княжения Мстислава, можно было бы думать, что идея не вынашивалась долго и Романова воспользовалась первым же удобным случаем. Брак Василька выглядит как более обдуманый, менее зависящий от непосредственной конъюнктуры и в этом смысле более «статусный».

³⁹ Некоторые выражения ГВл как будто свидетельствуют, что в каких-то случаях Романовичи княжили «нераздельно», ср.: «...потомъ же Данило и Василко. Лестьковою помощью прияста Тихомль. и Перемиль от Олександра. и княжаста с матерью в немь. а на Володимерь зряща. се ли ово ли Володимерь боудеть наю» (ПСРЛ 2: 730). Пока Романовичи только «призирали» на Владимир, он выглядел их общим достоянием, ср.: «Лестько посла ко Александрови рекыи даи Володимерь Романовичема. Данилови и Василькови. не даси ли идоу на тя и с Романовичема. ономоу же не давшю. Лестько же посади Романовича в Володимери» (ПСРЛ 2: 731). Действительно, Даниил сидит совместно с братом на Волини (одно время даже во Владимире) на «нераздельном хлебе» (что отмечено, например, И. П. Крип'якевичем (*Крип'якевич І. П. Галицко-Волинське князівство. Київ, 1984. С. 119–120*), но только пока не подворачивается случай получить какой-то стол в Галиче. Самостоятельный удел на Волини (не Владимир! — только «украину») Даниил пытается выкроить для себя только в 1219 г. (согласно хронологическим выкладкам Грушевского). При том, что это была часть Волини, занятая Лешком, т. е. не входившая во владения Василька (см.: *Котляр М. Данило Галицкий. С. 130*).

по происхождению Романовичей в отличие от Галича, нового и не так давнего приобретения их отца. И тем не менее «старший» Даниил, когда все утряслось и обе «половины» отцовского наследства оказались в руках сыновей, никогда не предпринимал попыток сесть на Владимирском столе. Более того, подчиненный и какой-то не вполне отчинный статус Галича подчеркивался самим Даниилом, он называл его «полуочина»⁴⁰.

Кроме прочего, старшинство Василька объяснило бы и странные иначе взаимоотношения князей в следующем поколении. Если бы Даниил был старшим Романовичем, после смерти Василька генеалогическое первенство перешло бы к сыновьям Даниила, а Владимир Василькович числился бы на третьих ролях (и, естественно, его переместили бы на менее значительный стол). Но непререкае-

⁴⁰ ПСРЛ 2: 806. Ср. комментарий к ГВл, где «полуотчиной» названа как раз Вольнь (Галицько-Волинський літопис. С. 173). Ср. также М. С. Грушевского: «Данило підростав — мав уже 14 літ, коли в останнє дістав Володимир, свою „пів-отчину“» (*Грушевський М. С. Історія України-Русі. Т. 3. С. 37*); ср. у В. Т. Пашуто: «Так началось объединение княжеской „полуотчины“ — Волини» (*Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 196*). Слово «полуотчина» можно понимать в смысле «половина отчины», но можно и как «почти отчина», «недо-отчина». Лаврентьевская летопись также противопоставляет Вольнь как отчину Романовичей Галичу: «Романовича же видѣвша мятежь в земли великъ и убоястася и (не) дождав же короля бѣжаста из Галича в Володимеръ в во(т)чину свою» (ПСРЛ 1: 427). Отчинной Даниил называл Волынскую «украину», ср.: «Даниль [...] реки на Лестька. яко отчиною мою держить [...] Данилоу же возвратившоуся к домови. и ѣха с братомъ. и прия Берестин. и Оугровескъ. и Верещинъ. и Столпъ. и всю Оукраиноу» (ПСРЛ 2: 732). Хотя в летописи Галич ни разу (!) не назван «отчиной» Романовичей, по традиции, идущей от М. С. Грушевского, историки именно Галич навязчиво называют отчиной Даниила, ср.: «Мстислав мусив чути себе в Галичу досить ніяково супроти Данила, як отчича галицького стола» (*Грушевський М. С. Історія України-Русі. Т. 3. С. 40*). Надо сказать, после монгольского нашествия Даниил, оставаясь галицким князем, в значительной мере теряет интерес к этой земле. Он обосновывается в новоосвоенном Холме на волынской «украине», которую отвоевал за тридцать лет до того. Это тоже примечательно: перебираясь на Вольнь, Даниил не претендует ни на один из старших столов в этой земле, он вообще, похоже, не ищет для себя места ни в одном из *старых* родов.

мым сюзереном оказывается именно Владимир Василькович, к которому за протекцией, наделением волостью и т. д. обращаются его кузены и племянники. Видимо, дело здесь не только в том (как предполагали), что собственный (теперь уже волынский) летописец Владимира изображает его не тем, кем он был на самом деле. Он и был старшим в роде⁴¹. Быть может, не преувеличивал Мстислав Данилович, когда говорил Васильку: «...ты же ми братъ. Ты же ми оць мой. Данило король. Оже мя си прияль подь свои роуцѣ»⁴². Это тем более показательно, что Владимир Василькович был младше всех своих кузенов, так что реальная разница в возрасте действовала бы скорее против него.

Вернемся, однако, к дате рождения Даниила. Запись в повести о битве на Калке утверждает, что Даниилу было 18 лет. Это можно понимать двояко — либо так, что князю шел восемнадцатый год, либо так, что Даниилу исполнилось полных 18 лет и шел девятнадцатый. В этом случае дату его рождения можно было бы отодвинуть на 1204 г. и, следовательно, тождество с возрастом, указанным в начальной записи Галицко-Волынской летописи оказывалось бы полным.

В самом деле, сыновья были детьми Романа от второго брака. Роман силой постриг свою первую жену (Предславу Рюриковну) в конце 1202 — самом начале 1203 г.⁴³. Мог ли он жениться раньше этого события? Едва ли. Такой брак выглядел бы сомнительно с канонической точки зрения. Пострижение же супруги было наиболее весомым основанием для развода и нового брака. Автор записи в Лаврентьевской летописи, правда, упоминая о постриженной жене Романа, говорит: «...юже бѣ пусти(л)», и он же несколько ранее отметил, что Роман «поча пушати дщерь Рюрикову хотяшетъ ю по-

⁴¹ Ср.: Владимир «сохранял положение морального авторитета среди Романового потомства. Мстислав почитал его как отца и господина, Юрий Львович просил заступничества перед своим отцом, Лев Данилович посылал к Владимиру епископа перемышльского Мемнона с просьбой уступить ему город Берестье» (Толочко П. П. Русские летописцы. С. 266).

⁴² ПСРЛ 2: 912.

⁴³ О хронологии см.: Грушевский М. С. Історія України-Русі. Т. 2. С. 228, прим. 1 (1203 г.); Н. Г. Бережков, однако, установил, что события происходили в конце мартовского 6710 г., и вслед за ним такую дату принимает новейший исследователь (Dąbrowski Dariusz. Rodowód Romanowiczów. S. 33).

стричи» еще в 1197 г.⁴⁴. Дочь Рюрика, действительно, находилась при отце уже зимой 1198/1199⁴⁵. Традиционно считается, что Роман был женат вторым браком «не позднее» 1200 г., так как в 1201 г. у него уже родился старший сын Даниил⁴⁶. Как мы уже знаем, дата рождения Даниила (точнее будет сказать, старшего сына Романа) довольно условна — из простенького примера: 1205–4=1201. Но: если летописец в сообщении о смерти Романа использовал «включающий» счет лет (Даниила ли, Василька ли — в данном случае даже не важно), выходило бы, что первенец Романа должен был появиться на свет не ранее 1202 г. Если разница между сыновьями была два года, выходило бы, что второй сын родился ок. 1204 г.

Поскольку дочь Рюрика Ростиславича после 1197 г., вероятнее всего, жила при отце (в Белгороде и Киеве), Роман мог быть *de facto* женат на «Романовой» уже в это время. К концу 1202 г. у него ожидался ребенок. Не с этим ли предстоящим событием связано внезапное, малообъяснимое и ничем внешне не спровоцированное пострижение Рюрика, его жены и дочери осенью 1202 г. («дьявол положи смятении [велико]»), только и смог объяснить летописец)?

При «узкой» хронологии событий старший Романович (Василько) мог родиться в 6710 мартовском году, что соответствовало бы марту 1202 — февралю 1203 г. Если он родился в конце 1202 г., летом 1205 г., когда погиб Роман, ему шел бы четвертый год. Его младший брат (Даниил) родился двумя годами позднее — в 6712 г., что соответствует марту 1204 — февралю 1205 г. 19 июня 1205, когда под Завихостом убили Романа (т. е. уже в следующем 6713 мартовском году) Даниилу шел бы второй год, что и отметил летописец.

Из приведенных в примечаниях к этой статье комментариев исследователей к текстам ГВл отчетливо видно, что летопись прочитывается только одним образом — известия толкуются исходя из априорного убеждения в старшинстве Даниила Романовича⁴⁷. От-

⁴⁴ ПСРЛ 1: 412, 420.

⁴⁵ *Dąbrowski Dariusz. Rodowód Romanowiczów. S. 33.*

⁴⁶ См. сводку мнений в: *Dąbrowski Dariusz. Rodowód Romanowiczów. S. 40–41.*

⁴⁷ Ср., например, текст ГВл о финале неудачного вокняжения Даниила в Галиче в 1211 г.: «...княгини же Романова. сыномъ свои(м) Даниломъ. и с Вячеславомъ Тольстымъ. бѣжавша во Оугры а Василко с Миро-

сюда — убежденность в «отчинном» статусе Галича и старшинстве этого стола в «Галицко-Волынском государстве» Романовичей. Подобные утверждения делаются и в тех случаях, когда они прямо противоречат букве комментируемого летописного текста. Эта предвзятость имеет давнюю традицию и, вероятно, не осознается даже исследователями, специально занятыми выяснением деталей политической биографии Романовичей.

Между тем, если предположение о старшинстве Василька верно, появляется возможность перечесть ГВл по-иному и заметить в ней многие обстоятельства, не увиденные в тексте или попросту проигнорированные. Может статься, что реконструированная с такой тщательностью политическая история Галича и Волыни XIII в. содержит существенные искажения; что структура владений Романовичей отнюдь не превосхищала ведущей роли Галиции в украинском культурном движении XIX в., как то предполагали местные историки, развивавшие миф «Галицко-Волынского государства».

Но даже если старшинство Василька окажется недоказанным, непреложным фактом остается то, что единственное не требующее конъектур указание источников на возраст Даниила содержится в повести о битве на Калке. В 1223 г. Даниилу было 18 лет. С этим утверждением, как выразился бы галицкий летописец, «се ли ово ли», придется что-то делать ⁴⁸.

словомъ ехаша во Белзъ» (ПСРЛ 2: 728) и комментарий В. Т. Пашуто: «Княгиня с Даниилом уехала в Венгрию, а боярин Мирослав *отвез* Василька в Белз» (*Пашуто В. Т. Очерки. С. 199*).

⁴⁸ Альтернатива нашему предположению просто пугающая. Наставив на старшинстве Даниила, пришлось бы радикально пересмотреть всю хронологию начала XIII в., как то осторожно предложил В. Т. Пашуто, впрочем так и не воспользовавшийся этой возможностью. Ср. одно из его примечаний: «Относительно даты битвы на Калке позволим себе обратить внимание исследователей на ряд до сих пор не учтенных фактов: в год смерти Романа Мстиславича (1205) князю Даниилу было 4 года, в год битвы на Калке — 18 лет; игумен Петр Акерович, выступая на Лионском соборе (1245), заявил, что впервые татары опустошили Русь 26 лет назад» (*Пашуто В. Т. Очерки. С. 205, прим. 1*). Согласно этому расчету, действительно удовлетворительно согласующему все три даты, получалось бы, что битва на Калке должна была произойти в 1219 г.

С. З. Чернов

Микрорегиональные исследования исторических территорий средневековой Руси: новые возможности, проблемы, перспективы

Микрорегиональные исследования структур землевладения, расселения и хозяйственно-культурных типов освоения ландшафтов развернуты сегодня на территориях целого ряда областей средневековой Руси. За десятилетие, прошедшее с того времени, когда данная программа исследований была предложена (1994)¹, сделано не мало². Умение «читать» средневековый ландшафт стало доступно более широкому кругу исследователей. Это открыло новые возможности для извлечения дополнительной исторической информации из поземельных документов. Одновременно интерес к микроистории и исторической антропологии в медиевистике сделал результаты этих исследований востребованными отнюдь не только в сфере локальной истории, как это было ранее. Кроме того, широкое развитие электронных технологий и поисковых инструментов создало среду, обеспечи-

¹ Чернов С. З. Проблемы изучения феодального общества XIV–XV вв. и программа «Акты Московской Руси. Микрорегиональные исследования» // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX в. / Международная конференция — Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тезисы докладов. М., 1994. Часть II. С. 184–196.

² См. обзор докладов международной конференции «Сельская Русь IX–XIV вв.: от новых методов изучения к новому пониманию», проведенной Институтом археологии РАН в г. Кириллов Вологодской области в сентябре 2005 г. (<http://archaeolog.ru>).

вающую доступность картографических³ и генеалогических данных широкому кругу пользователей. Это создает возможность для быстрого поиска данных микрорегиональных исследований, которые легко могут быть совмещены с другими информационными системами, отражающими массивы данных о прошлом.

Однако выросла не только потребность в микрорегиональных исследованиях и их возможности. Выросли и требования к ним. Одновременно прояснились и системные проблемы, которые связаны с использованием этой информации для понимания средневекового общества. Сегодня необходимо осмыслить полученные результаты, проанализировать возникшие трудности и сфокусировать внимание на наиболее значимых выводах. Немаловажно указать на положительные стороны и недостатки методических подходов, оценить «поле», в котором микрорегиональный метод оказался наиболее эффективен, и сделать качественные оценки достоверности предложенных интерпретаций.

Только после подобного анализа можно будет намечать новые задачи этого направления.

Методы микрорегиональных исследований. Вначале необходимо напомнить о тех циклах развития, которые прошло данное направление.

Стремясь извлечь максимум информации из относительно немногочисленных поземельных актов XIV–XV вв., исследователи (С. Б. Веселовский⁴, А. И. Копанев⁵, Ю. Г. Алексеев⁶, Л. М. Марасинова⁷) изучали происхождение и родственные связи владельцев

³ В качестве наиболее характерных примеров можно указать на деятельность российской фирмы «Litega», открывшей платный доступ к материалам генерального межевания на уровне уезда и к картам Военно-топографического депо (1:42000), а также программы «Google earth», обеспечивающей через Интернет открытый доступ к современным космическим снимкам любой точки земной поверхности в масштабе примерно 1:100 000, а отдельных участков — в масштабе примерно 1:2000.

⁴ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

⁵ *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М., 1951.

⁶ *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв.: Переяславский уезд. М., Л., 1966.

⁷ *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М., 1966.

участков и их примерную локализацию на местности с помощью материалов XVI–XIX вв. Это давало возможность проследить судьбу отдельных комплексов земельных владений на протяжении того или иного периода. Работы В. Л. Янина, развившего методы комплексного источниковедения, продвинули далеко вперед методику региональных исследований⁸.

К середине 1970-х гг. благодаря трудам Дж. Хёрста, М. Бересфорда, Ф. Баркера в Англии, А. Стенсберга в Дании, Э. Черны, З. Сметанки, В. Некуда, Я. Клапсте в Чехии и Словакии были заложены основы средневековой ландшафтной археологии. Изучение древнего Радонежа (1976–1987) позволило развить это научное направление, связав его с традицией историко-географических изысканий, а затем наметить точки их сопряжения с методикой сплошных археологических разведок сельских поселений⁹, сформировав группу методов комплексного исследования исторических ландшафтов Московской Руси (табл. 1, № 1–6). В основе такого подхода лежало наблюдение, сделанное в ходе практической работы: по мере количественного наращивания источников (описаний, карт, свидетельств устной микротопонимической традиции) и фиксации на современной геоподоснове данных межевых книг XVI–XVII вв. и Генерального межевания (1760–1780-е гг.), наступает момент, когда эти данные позволяют локализовать упоминаемые в актах XV–XVI вв. границы, селения, дороги и угодья как целостную систему и идентифицировать ее с материальными остатками — памятниками археологии.

Достигалось это с помощью ряда методик. Сбор данных по микротопонимике показал, что в первой половине XX в. в памяти старожильческого населения сохранялся (и частично сохранился до наших дней) уникальный набор названий дорог, угодий, урочищ, большая часть которых не попала на карты, но восходила к наименованиям поселений, запустевших в XVII в. и известных по актам и писцовым книгам XIV–XVI вв. Методы сплошных разведок были нацелены на решение задач изучения рассредоточенной сети поселений XIV–XVI вв. (корректируемые аэрофотосъемкой и историчес-

⁸ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977; *Он же*. Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981.

⁹ Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.). М., 1960.

кими картами сплошные археологические разведки, включавшие обследования территорий вдоль дорог, полей, прудов и других объектов). Широко были использованы приемы, применяемые в работах по исторической планировке (вынос на современную геоподоснову межей XVI–XVIII вв.).

Применение комплексного исследования исторического ландшафта дало возможность картировать конкретные владения, установить их размеры с точностью, сравнимой с точностью определения площади земельных дач Генерального межевания, определить их хозяйственную освоенность, а в сочетании с историко-генеалогическим исследованием и, при наличии значительного комплекса актов — выявить структуры землевладения и состав землевладельцев соответствующей волости или стана ¹⁰.

Микрорегиональные исследования, проводившиеся на основании подобной или близкой к ней методики, оказались наиболее продуктивными в плане изучения и интерпретации структур расселения XIV–XVI вв. В настоящее время структуры землевладения и расселения изучены на территории ряда районов Новгородской земли: Жабенской волости ¹¹, Полужья ¹², Взвядского погоста на озере Ильмень ¹³, Великолужской, Пусторжевской и других земель на Литов-

¹⁰ Чернов С. З. Комплексное исследование и охрана русского средневекового ландшафта (по материалам древнего Радонежского княжества). М., 1987.

¹¹ Буров В. А. Жаровский конец Жабенской волости в VIII–XVI веках по историко-археологическим данным // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин, 1989. С. 74–84. *Он же*. К истории сложения волости в земле смоленских кривичей // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов предстоящей научно-практической конференции. Псков, 1986. С. 42–45. *Он же*. О времени возникновения новгородского погоста Жабна // Российская археология. 1995. № 2. С. 44–58. *Он же*. Этапы расселения в междуречье Шлины и Граничной на Валдае в III–XVI вв. и эволюция общины (по материалам Жаровского конца новгородской волости Жабна) // VI Международный конгресс славянской археологии. Тезисы докладов советской делегации. М., 1990.

¹² Кузьмин С. Л. Которский погост — локальный центр конца I — начала II тыс. н. э. в верховьях Плюсы // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М., 1991. С. 153–168.

¹³ Янин В. Л. К истории взаимоотношения Новгорода с князьями // Генезис и развитие феодализма в России. Межвузовский сборник. Л.,

ском пограничье¹⁴, территорий в Водской¹⁵ и Деревской пятинах¹⁶. На землях Великого Московского княжества исследован ряд станов Волока Ламского¹⁷, Радонежский удел и волость Воря¹⁸, Московские городские станы¹⁹.

Новое дыхание получило направление, связанное с региональными исследованиями административного деления и служилого землевладения XIV–XVI вв. ряда районов России: Стародубского княжества и владений, известных по актам Троице-Сергиева мо-

1985. С. 92–104; *Чернов С. З.* Историческая география Взвядского погоста // Там же. С. 104–112.

¹⁴ *Янин В. Л., Бассалыго Л. А.* Великолужская земля в XV веке: Территория и границы // Отечественная история. 1995. № 6. С. 45–58; *Янин В. Л., Бассалыго Л. А.* Пусторжевская земля в XV веке: Территория и границы // Отечественная история. 1993. № 5. С. 108–124. *Янин В. Л.* Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998.

¹⁵ *Селин А. А.* Историческая география Новгородской земли XVI–XVIII вв.: южные уезды Водской пятины. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998; *Оно же.* Сельское расселение в Среднем Пооредеежье в XVI–XVIII вв. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1993. С. 189–203; *Селин А. А.* Историческая география Новгородской земли XVI–XVIII вв.: Новгородский и Ладожский уезды Водской пятины. СПб., 2003.

¹⁶ *Фролов А. А.* Изменения в численности и составе погостов и волостей Деревской пятины во второй половине XV в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2002. № 1. С. 61–75; *Он же.* О локальной истории земель по Верхней Волге // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1998. Вып. 12. С. 297–304; *Он же.* Территориально-административная система XIV–XV вв. на землях Деревской пятины Новгородской земли. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.

¹⁷ *Чернов С. З.* Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. (Акты Московской Руси: Микрорегиональные исследования. Т. 2) / Ред. В. Л. Янин, В. Д. Назаров. М., 1998.

¹⁸ *Чернов С. З.* Землевладение волости Бели Радонежского удела // Очерки феодальной России / Ред. С. Н. Кистерев. М., 2000. Вып. 4. С. 20–70; Радонеж: от волости к княжескому уделу (1332–1456) (в печати).

¹⁹ *Чернов С. З.* Домен московских князей в городских станах. 1271–1505 гг. // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты (далее — КСМ ИЛ). Т. II (Акты Московской Руси: Микрорегиональные исследования. Т. 2) / Ред. В. Л. Янин, В. Д. Назаров. М., 2005.

настыря²⁰, Углича²¹, Ростова²², Коломны²³, митрополичьей Селецкой волости²⁴, Великой слободы Переяславского уезда²⁵, Нижнего Новгорода²⁶, Малоярославецкого уезда²⁷, Рязани²⁸.

²⁰ Назаров В. Д. Служилые князя Северо-Восточной Руси в XV в. // Российский дипломатарий. М., 1999. Вып. 5. С. 175–196; *Он же*. Разыскания о древнейших грамотах Троице-Сергиева монастыря. III. Геннадий Бутурлин // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 180–189; *Он же*. Разыскания о древнейших грамотах Троице-Сергиева монастыря. Боярин Радонежского удела В. Б. Копнин и его род в XV в. // Троице-Сергиева Лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы II Международной конференции. 4–6 октября 2000 г. Сергиев Посад, 2002. С. 26–73; *Он же*. Разыскания о древнейших грамотах Троице-Сергиева монастыря. V. Нижегородско-Суздальское княжество и Суздальские рюриковичи в середине XV в. // III Международная конференция «Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России». Тезисы докладов. 25–27 сентября 2002 г. Сергиев Посад, 2002. С. 5–6.

²¹ Ивина Л. И. Эволюция состава уездного дворянства во второй половине XV — первой трети XVII в. (на примере Угличской земли) // Средневековая и новая Россия. СПб., 1996.

²² Каушанов С. М. Формирование Ростовского уезда в XV–XVI вв. Часть I. Рождественский стан // История и культура Ростовской земли. 1995. Ростов, 1996. С. 8–16; *Он же*. Часть II. Станы Лутский и Сотемский // История и культура Ростовской земли. 1996. Ростов, 1997. С. 3–22.

²³ Мазуров А. Б. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI вв. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001.

²⁴ Михайлова И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV — первой половине XVI века: Очерки социальной истории. СПб., 2003.

²⁵ Строганов Л. С. Великая слобода. Краеведческие исследования истории земли Александровской с древнейших времен до начала XVI в. Александров, 2001.

²⁶ Чеченков П. В. Нижегородский край в конце XIV — третьей четверти XVI в.: внутреннее устройство и система управления. Нижний Новгород, 2004.

²⁷ Митрошенкова Л. В. Малоярославецкий уезд в конце XV — XVIII в. Историко-географическое исследование. М., 2004.

²⁸ Сметанина С. И. Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству // Архив Русской истории. М., 1995. Вып. 6. С. 49–80.

Параллельно велись археологические исследования сети расселения на более значительных территориях и с более широким хронологическим диапазоном (Е. Н. Носов, В. Я. Конечский, С. А. Беляева, В. А. Лапшин, Н. И. Платонова, Б. Н. Харлашов, М. В. Цыбин, О. М. Веремейчик, И. В. Исланова, Н. А. Тропин). В цикле работ Н. А. Макарова по району Белоозера, построенных на сочетании методов исследования поселений, могильников, водно-волоковых путей и исторических ландшафтов, была реализована многоплановая программа изучения древнерусского этапа колонизации Русского Севера.

Мощный импульс для развития средневековой ландшафтной археологии дали палеоэкологические исследования, которые развернулись в 1980–1990-е гг. в форме крупных проектов по изучению исторической среды Курского Посемья (А. А. Узянов, С. А. Сычева), Куликова поля (Б. А. Фоломеев, М. П. Гласко, М. И. Гоняный, М. А. Гуман), района Дьякова — Коломенского в Москве (Н. А. Кренке, В. С. Гунова, Н. А. Кирьянова, В. А. Низовцев), Радонежа (С. З. Чернов, Е. Г. Бызова, Е. А. Спиридонова), Белоозера (Н. А. Макаров, Е. А. Спиридонова), Новгорода (А. Л. Александровский, П. Г. Гайдук, Н. А. Кренке), Гнездова (А. Л. Александровский, Н. А. Кренке, В. С. Нефёдов) других территорий²⁹. Н. А. Кренке были созданы методы, которые помогли объединить усилия археологов и специалистов в области естественно-научных дисциплин. Ключевым моментом стало выявление объектов таких исследований: погребенных почв, включенных в археологические памятники (под насыпями курганов, оборонительных валов и плотин, под культурным слоем поселений) и стратифицированных природных и антропогенно-природных отложений (пойменный аллювий, делювий на склонах и днищах балок и оврагов) (табл. 1, № 10).

Археолого-палеопочвенные исследования (табл. 1, № 12) основываются на методике диагностики почвенного профиля и реконструкции по этим данным его эволюции, включающей трансформации исходных профилей почв, сформировавшихся под коренными лесами голоценового времени в ходе хозяйственного использования (распашка, луг), чередовавшихся с периодами регенерации природного ландшафта (восстановление леса). Метод позволяет описывать

²⁹ Подробнее см.: КСМ ИЛ. М., 2004. Т. I. Гл. 1.

характерные элементы агрогенного ландшафта (напаши, бровки на склонах, агро-делювиальные накопления в долинах оврагах и балках, смытые почвы на холмах и склонах) и оценивать информативные возможности этих объектов для уяснения интенсивности, длительности и размаха хозяйственной деятельности³⁰. Отдельным разделом ландшафтной археологии стало выявление и описание памятников без культурного слоя (прудов, межевых ям, каналов, отводивших от лугов излишнюю воду), а также диагностика культурных знаков и сопутствующих сорняков (табл. 1, № 11). Новые возможности для реконструкции древнего природного и агроландшафта, а также обле-сенности территории дает сопоставление пыльцевых данных с почвенными и археологическими при интерпретации затронутых влиянием человека горизонтов в почвенных разрезах (табл. 1, № 13).

Появление палеоэкологического блока методов (табл. 1, № 10–12) позволило существенно усовершенствовать методики, лежащие на грани ландшафтной археологии и исторического ландшафтоведения. Долго эти работы не шли далее анализа ландшафтной приуроченности археологических памятников. Развивая это направление, В. А. Низовцев предложил методику составления карт условно-восстановленных ландшафтов и ресурсных зон природопользования на уровне урочищ и местностей. В свою очередь по мере накопления археолого-палеопочвенных исследований по реконструкции пашен и установления характера растительности в период Средневековья в пределах конкретных природных территориальных комплексов удалось перейти к корректировке карт природопользования и разработке его уточненных моделей (табл. 1, № 13)³¹.

На новые вопросы, которые были поставлены «нераскопчной» ландшафтной археологией, можно было ответить лишь усовершенствовав методы раскопок селищ и могильников. И такое совершенствование произошло, став своего рода археологическим ответом на вызов палеоэкологического направления (табл. 1, № 16, 17). Необходимо в этой связи отметить исследования М. И. Гоняного на верхнем Дону, в ходе которых раскрылось всё богатство типов поселений (стационарные крестьянские дворы, выставки-летники для распахки

³⁰ Подробнее см.: КСМ ИЛ. Т. I. Гл. 3.

³¹ Подробнее см.: КСМ ИЛ. Т. I. Гл. 2.

в степи, гончарные и другие производства, вынесенные за пределы поселения и т. д.), лежащих за понятиями «селище» или «гнездо памятников»³². Раскопки широкой площадью поселений Автуничи и Лисковое близ Чернигова продемонстрировали не только масштабы земледелия и скотоводства Южной Руси, но и выявили разнообразные ремесленные производства (варка железа из болотной руды и др.)³³. Работы на селище Монино на Кубенском озере позволили расширить спектр находок, обнаруживаемых на средневековом селище с помощью системы просеивания и промывок, и раскрыть микромир средневековой хозяйственной жизни³⁴. В Подмосковье раскопки поселений XII–XV вв. широкой площадью, сопровождавшиеся серией естественно-научных исследований, дали весьма интересные результаты³⁵.

Новые возможности для понимания вопросов демографии древнерусского населения и адаптации человека к среде обитания возникли в результате цикла исследований древнерусских могильников Белозерья, которые были дополнены палеоантропологическими исследованиями, раскрывающими механизмы биологической адаптации (табл. 1, № 19). В итоге эти трудноуловимые (даже в рамках современных этнографических и медицинских наблюдений) процессы удалось проследить на примере нескольких поколений славянских насельников Русского Севера³⁶.

³² Гоняний М. И. Древнерусские археологические памятники конца XII — третьей четверти XIV в. района Куликова поля. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003.

³³ Південноруське село IX–XIII ст. // Ред. О. П. Моці, В. П. Коваленка, В. О. Петрушенко. Київ, 1997; Шекун О. В., Веремейчик Л. М. Давньоруське поселення Ліскове. Чернігів, 1999; Село Київської Русі. Київ, 2003.

³⁴ Макаров Н. А. Шесть лет раскопок Мининского археологического комплекса // Кубенское озеро: взгляд сквозь тысячелетия. Вологда, 2001.

³⁵ Шполянский С. В. Изучение малодворных сельских поселений на примере раскопок селища XIII века у села Ознобишина в Подмосковье // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003. С. 253–264; Средневековое поселение Настасьино / Сост. А. В. Энговатова // Труды Подмосковной экспедиции Института археологии РАН. М., 2004. Т. 2.

³⁶ Макаров Н. А. Колонизация северных окраин древней Руси в XI–XIII веках. М., 1997; Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001.

* * *

Новые методы открывают перед исследователями широкие перспективы получения информации, что потенциально может продвинуть вперед понимание аграрной и социальной истории средневековой Руси. Однако необходимо учитывать, что эта информация разнородна и далеко не равномерно отражает различные стороны средневековой действительности. Так, археологические и палеоландшафтные данные позволяют реконструировать закономерности хозяйственного освоения и экономику конкретных территорий. Однако эти закономерности с большим трудом поддаются исторической интерпретации.

Особенности социального устройства населения сельских территорий и формы феодального землевладения могут быть изучены по преимуществу на основе письменных свидетельств. Историко-географические и ландшафтно-археологические методы (как и другие методы вспомогательных исторических дисциплин) способны лишь более точно соотнести эти свидетельства с конкретными земельными участками и хозяйственной инфраструктурой прошлого. Много это или мало? Никто лучше не ответил на этот вопрос, чем Марк Блок. «Вовсе не так уж редко, как обычно думают, — писал исследователь, — что для достижения полной ясности надо в исследовании доходить вплоть до нынешних дней. В некоторых своих основных чертах наш сельский пейзаж, как мы уже видели, восходит к эпохам чрезвычайно далеким. Но, чтобы истолковать скудные документы, позволяющие нам проникнуть в этот туманный генезис, чтобы правильно поставить проблемы, чтобы их хотя бы представить себе, надо выполнить одно важнейшее условие: наблюдать, анализировать пейзаж современный. Он сам по себе дает перспективу целого, из которого необходимо исходить. Не для того, конечно, чтобы рассматривать этот облик как раз навсегда застывший и навязывать его каждому этапу прошлого, встречающемуся при движении к верховьям потока времени. Здесь, как и повсюду, историк хочет уловить изменение. Но в фильме, который он смотрит, целым остается только последний кадр. Чтобы восстановить стершиеся черты остальных кадров, следует сперва раскручивать пленку в направлении, обратном тому, в котором шла съемка»³⁷.

³⁷ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 29.

Осознание глубины различия археологических и письменных свидетельств о прошлом, достигнутое сегодня, породило скептическое отношение к возможностям археологии в реконструкции социальных структур и процессов. Между тем само это осознание содержит в себе огромный познавательный потенциал, и проблема на самом деле заключается лишь в том, как реализовать этот потенциал в практике исследований. Наибольшие успехи в этом направлении достигнуты там, где разработана сопряженная система методов изучения письменных, археологических и естественнонаучных данных применительно к той или иной сфере культуры средневековой Руси (комплексное источниковедение в изучении Новгорода, архитектурная археология, комплексное исследование исторических территорий). Постараемся под этим углом зрения взглянуть на перспективы изучения феодального землевладения Северо-Восточной Руси XIV–XV вв.

Структуры землевладения: некоторые итоги изучения

Основным источником по социально-экономической истории средневековой Руси являются документальные, прежде всего акты, источники. Распределение актов по территории Северо-Восточной Руси очень неравномерно. Проведенные расчеты свидетельствуют о том, что более половины (65%) всего корпуса актов (до 1505 г.) приходится на 38 волостей и станов, которые составляют всего 6% от общего числа³⁸ волостей и станов Северо-Восточной Руси³⁹ (см. рис. 1 и табл. 2). Лишь для этих территорий мы обладаем более или менее полной системой свидетельств, отражающих особенности юрисдикции, состава землевладельцев и характер социальных связей. Основные типы юрисдикции, функционировавшие во второй половине XIV — XV в. на территории

³⁸Общее число волостей (без белоозерских, вологодских и устюжских) определено по Ю. В. Готье и Я. Е. Водарскому. Поскольку для XV в. это число могло быть несколько меньшим, полученная цифра (5,6%), по всей видимости, должна быть несколько увеличена.

³⁹Соответствующие цифры для Белоозера, Вологды и Устюга не рассчитывались, но, судя по обширности этих земель, концентрация документов на небольшой территории здесь будет представлена еще больше.

Великого Московского княжества, довольно полно представлены территориями, обеспеченными актовыми источниками⁴⁰.

Эти наблюдения дают основания полагать, что наиболее перспективной исследовательской стратегией является создание **сети эталонных территорий**, обеспеченных актовыми и иными источниками, детальными археологическими и палеоландшафтными исследованиями.

Ставя перед научным сообществом столь масштабную задачу, следует, разумеется, быть уверенным в том, что усилия, вложенные в подобный гиперпроект, будут не напрасны. В связи с этим возникает вопрос: какие результаты получены в ходе тех микрорегиональных исследований, которые уже выполнены в настоящее время?

Попытка хотя бы отчасти ответить на этот вопрос применительно к центральным районам Великого Московского княжества была предпринята автором этих строк⁴¹.

Было установлено, что землевладение XIV–XVI вв. (при всем его многообразии) может быть описано как система. В каждой изучавшейся административной единице того времени (волость или стан) удавалось выделить ядро, которое обычно представляло собой территорию, освоенную со второй половины XIII — XIV в. и известную источникам конца XIV — XV в. как черная волость или иная форма служебной организации, и периферию, где со второй половины XIV в. создавались боярские вотчины.

Кроме того, оказалось, что различные территории княжества сильно отличались друг от друга по соотношению государственных (черных, служебных) и вотчинных земель. Исследование старовотчинных районов позволило выделить периоды, когда на той или иной территории складывается основной костяк вотчин. Сформировавшийся в условиях конкретной юрисдикции (великое княжение, удельное княжество и др.) состав родов вотчинников оказывается настолько стабильным, что даже при изменении ха-

⁴⁰ Чернов С. З. Волок Ламский... С. 9–11.

⁴¹ Чернов С. З. Структуры землевладения Великого Московского княжества в XIV–XV вв. по данным микрорегиональных комплексных исследований (Волок Ламский, Радонежский удел, московские городские станы). Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2005.

рактера юрисдикции представители этих родов продолжали служить наследникам тех, кому служили их отцы и деды.

Изучение территорий, входивших в великое княжение, показало, что в середине — второй половине XIV в. бояре, служившие великим князьям московским, получили здесь на правах вотчины обширные земли (от 1,5 до 8 тыс. десятин). На Волоке это были князья Фоминские, изгнанные в 1350-е гг. из своих владений (к югу от Ржевы) литовцами. Именно они стали во главе «волоцкой рати», остановившей вместе с другими служилыми корпорациями литовский натиск на Москву в 1368–1372 гг. В XV в. их потомкам (Ржевским, Толбузиным, Полевым) принадлежала основная часть Сестринского стана. Позднее к ним присоединяются выходцы из Новгорода (Кутузовы), вассалы князей Холмских тверского дома (владения Мижуевых и Есиповых в Староволоцком стане), служилые люди князя Владимира Андреевича (Хилиновы, Коуровы, Челищевы), потомки Патрикия Наримановича, выехавшего из Литвы с княгиней Свидригайлой в 1408 г. (Хованский стан). Их землевладение формировалось по большей части в периферийных станах, которые в XIV в. активно заселялись⁴². Данная модель формирования феодального землевладения ранее была прослежена в великокняжеском Переяславле (вотчины Вельяминовых и Тарбеевых в волости Кинела)⁴³.

На северо-востоке Московского княжества с середины XIV в. также наблюдается рост вотчинного землевладения. В период, когда эти земли входили в удел княгини Ульяны (1340 — начало 1370-х гг.) здесь располагались: 1) княжеские (волостные) земли в центре волостей (село Бели в волости Бели, село Радонежское в волости Радонеж, село Иевлево в волости Воря); 2) крупные боярские вотчины (возможно, пожалования) на перифериях волостей, на землях с удовлетворительными условиями для хозяйствования (вотчины Валуевых в волости Воря; Морозовых в волости Бели; Елизара, родоначальника бояр Беклемишевых и Княжнинных, на радонежско-переяславском пограничье); 3) крупные боярские вот-

⁴² Чернов С. З. Волоск Ламский...

⁴³ Чернов С. З. Происхождение вотчин XIV–XV вв. в районе Троице-Сергиева монастыря. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1983. С. 12, 13.

чины, возникшие на основе кормлений первой половины XIV в. (село Даниловское Бяконтовых в Белях).

Таким образом, можно заключить, что на различных территориях Московского княжества начиная с 1340–1360-х гг. произошло резкое расширение вотчинного землевладения, которое ранее было представлено отдельными селами в городских станах.

С появлением в первой половине 1370-х гг. Радонежского удела и преобразованием села Радонежского в город Радонеж в этом районе начался новый цикл формирования землевладения. Возник сектор княжеских сел (Воздвиженское, Киясовское, Княжее). Сформировался пояс средних и мелких вотчин бояр и вольных слуг (приобретались, видимо, в форме купли с разрешения князя) на периферии волости с худшими условиями для хозяйствования (владения Скобельцыных, В. Б. Копнина, Воронца Степанова).

Опираясь на археологические данные о возникновении поселений, удалось определить периоды появления поселений, входивших в эти земельные владения. Оказалось, что княжеские земли в центрах волостей представляют собой группы поселений, наиболее ранние из которых возникли во второй половине XIII — первой половине XIV в. Крупным боярским вотчинам на периферии волостей соответствуют селища второй половины XIV в., т. е. того же времени, что и появление вотчин. Мелким и средним вотчинам на периферии соответствуют поселения, возникшие в последней четверти XIV в. Возможно, эти земли заселялись самими вотчинниками, которые «называли» сюда крестьян.

Владения «слуг под дворским»⁴⁴, по всей видимости, появились в Радонеже в первой половине XIV в., на довотчинном этапе,

⁴⁴ Наиболее раннее упоминание дворских содержится в жалованной тарханной и несудимой грамоте великого князя Василия Михайловича (кашинского) и других удельных князей тверскому Отрочу монастырю 1362–1364 гг. (АСЭИ. Т. 3. № 116), а наиболее раннее их упоминание в московских грамотах — в жалованной тарханной оброчной и несудимой грамоте радонежского князя Андрея Владимировича на село Удинское с деревнями в городских станах Углича, выданная ок. марта 1411 г. игумену Троице-Сергиева монастыря Никону (АСЭИ. Т. 1. № 29. С. 40) (*Самодуров И. В.* Институт дворских по жалованным грамотам XIV — начала XVI веков // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 4. С. 47, 49).

на ближней периферии волости (владения Дюденовых, переселившихся в Радонеж в 1330-е гг. вместе с родителями Сергия Радонежского). Во второй половине XIV — XV в. они структурировались в виде особого пояса земель, лежавших между княжескими и вотчинными зонами.

В отличие от районов, где в период великого княжения Дмитрия Донского и Василия I (1360–1425 гг.) сложились корпорации служилых людей великих московских князей, в Радонеже сформировался круг бояр и вольных слуг князя Владимира Андреевича Серпуховского и его потомков. Этот феодальный организм, являясь частью московского социума, демонстрирует особую модель его развития. На протяжении первой половины XV в. политические ориентиры служилых людей Радонежа менялись (связи с двором князя Юрия Дмитриевича Звенигородского, переход князя Василия Ярославича в стан сторонников Василия II, трагедия двора князя Василия Ярославича в 1462 г.), но они не повторяли ориентиры великокняжеского двора.

Изучение владений московских князей в городских станах к востоку от Москвы показало, что их расцвет относится ко второй половине XIII — XIV в. и связан с формированием корпораций служебного населения и «слуг под дворским» — архаической формы социального устройства («служебная организация»), которая играла существенную роль в становлении раннемосковского общества и хронологически предшествовала эпохе широкого распространения вотчинного землевладения (вторая половина XIV — XV в.). Прослежены характерные для нее типы промыслового хозяйствования и их генезис, обусловленный ресурсными возможностями различных подмосковных ландшафтов. Социальная структура, типичная для «служебной организации», — крестьяне-служебники (бортники Пехорской волости, «численные люди» и «ордынцы» Шахова и Сосенского станов), княжеские слуги-министериалы, вольные слуги и бояре-кормленщики — зафиксирована на обширных пространствах территории древнего ядра Московского княжества. Археологические данные свидетельствуют, что расселенческие структуры, соответствующие «служебной организации», начали складываться во второй половине XIII в.

Вотчинное землевладение, развившееся в городских станах во второй половине XIV — XV в., концентрировалось вне описанных

территорий (северная часть Горетова стана, Вежецкий стан к северу от Москвы, Бохов стан на Клязьме, Жданский стан в нижнем течении Клязьмы), на периферии ряда станов. Эти вотчины достигали 2–3 тыс. десятин (Плещеевых в Горетове, Добрынских в Бохове, Колычевых в Жданском станах и др.). В станах, в которых доминировали княжеские земли, вотчинное землевладение представлено слабо и специфично. Так, на границе Пехорского, Бохова и Кошелева станов боярину Дмитрия Донского Дмитрию Минину (погиб в 1368 г.), его сыну и внуку (до 1430-х гг.) принадлежала небольшая деревня у «перевесья» (Ревякинская). Появление среди земель бортной волости этого владения связано с тем, что Минины традиционно занимали должности «*лутных бояр*» (ловчие и др.) и организация добычи птицы к княжескому столу могла входить в число их обязанностей. Вотчины с пашенными дворами Минины имели в Коломенском и Звенигородском уездах.

Ликвидация великим князем Дмитрием Ивановичем должности тысяцкого в 1373 г. и создание системы, включавшей московского наместника и наместников, управлявших «третьими» Москвы и городских станов, не сопровождалась, как показывают микрорегиональные исследования, перестройкой системы подмосковного дома. Его внутренняя структура, описанная выше, не претерпела изменений, а часть функций по его управлению осталась в руках Вельяминовых. Поскольку вотчинное землевладение складывалось, как правило, на сопредельных землях, их развитие во второй половине XIV в. не привело к сокращению владений московских князей.

Перестройке подмосковный домен подвергся лишь в правление Ивана III и Василия III, причем эта перестройка происходила на фоне разрушения его базы — описанной выше архаической системы природопользования. Ушли в прошлое древние промыслы, заново были отстроены княжеские резиденции в селах Коломенском, Крылатском и Тонинском (по данным археологических исследований), что отражает формирование на оставшейся части княжеских владений дворцовых земель⁴⁵.

На протяжении XV в. трансформировалось и вотчинное землевладение. Исследование старовотчинных районов Московского княжества показало, что с момента сложения основного массива вотчин

⁴⁵ Чернов С. З. Домен московских князей... С. 339–354.

начинался процесс их дробления, в результате которого примерно через 150 лет рента с земельного владения уже не давала возможности значительной части феодалов нести военную службу. На Волоке Ламском этот процесс привел к тому, что в последней четверти XV в. здесь стали доминировать вотчины средних и малых размеров, а к середине XVI в. половина землевладельцев имела вотчины площадью 80–170 десятин (данные по Сестринскому стану)⁴⁶. Аналогичные процессы протекали и на радонежских землях.

Процессы социальной трансформации на землях, входивших во владения московских князей, также приводили к расширению малых вотчин. Так, некоторые служебники Пехорской волости и «*слуги под дворским*» получили свои держания в вотчину, расширяя тем низшую страту «*детей боярских*». Все эти перемены вели к тому, что «*слуги под дворским*» вынуждены были искать свое место в социальной структуре новосоздаваемого государства. Влияние этого социального слоя с его особым менталитетом, отличным от менталитета привилегированных землевладельцев, заслуживает специального исследования.

Все эти наблюдения явились результатом изучения районов, по которым имеется богатый актовый материал. О важности учета контекста при изучении средневекового землевладения говорит принятая недавно А. А. Юшко попытка рассмотреть феодальное землевладение Московской земли XIV в. в целом, используя методы комплексных исследований выборочно⁴⁷. Значительное число «пунктов боярского землевладения XIV в.», выделенных А. А. Юшко, оказались либо слабо обоснованными, либо противоречащими актовым известиям. Интерпретация других остается проблематичной, поскольку они рассматриваются вне сопредельных земель того или иного стана или волости⁴⁸.

⁴⁶ Чернов С. З. Волок Ламский... С. 294–321.

⁴⁷ Юшко А. А. Феодальное землевладение Московской земли XIV века. М., 2002.

⁴⁸ Чернов С. З. Проблемы изучения землевладения Московских князей (в связи с выходом книги А. А. Юшко «Феодальное землевладение Московской земли XIV в.» (М.: Наука, 2002)) // Российская археология. 2003. № 4; *Он же*. О методах исследования вотчинного землевладения Московского княжества // Очерки феодальной России. М., 2004. Вып. 8.

Однако даже в ряде микрорегиональных исследований, которые ведутся в масштабе того или иного небольшого административного района, степень достоверности выводов не всегда ясна. Конкретность данных, которые мы получаем в ходе микрорегиональных исследований, — их несомненное преимущество. Удастся не только локализовать селение того или иного вотчинника или той или иной волости, но и определить археологически число дворов, время возникновения, установить размеры соответствующего земельного владения, а также (с большей или меньшей вероятностью) особенности хозяйства и природопользования в пределах этого владения. Все это создает иллюзию однозначных интерпретаций. Между тем за фасадом даже наиболее успешных микрорегиональных исследований скрывается целый пласт проблем. Работа «с крупными планами», характерная для микрорегиональных исследований (вспомним страх кинематографистов перед крупными планами), требует повышенной осторожности в интерпретациях.

Одна из проблем такого рода («дамоклов меч» микрорегионального метода): как верифицировать полноту данных актов о землевладении и хозяйственной специфике волости или стана? Приведу в качестве примера работу о Пехорском стане⁴⁹. Меновная грамота великого князя Дмитрия Ивановича описывает земли бортных деревень на площади 3 тыс. десятин на окраине стана. Общая же площадь стана (Пехорская волость составляла его ядро) равнялась 8,8 тыс. десятин. Из грамоты видно, что бортным промыслом занимались и в центральной части волости, однако о других ее частях у нас практически нет данных. Настораживают и некоторые свидетельства межевых дел 1460–1501 гг., участниками которых были «мужи» Пехорской волости (сотский, десятские и др.)⁵⁰. Из трех десятских лишь один именуется «десятцким бортным». Кроме того, судный список Вл. Зверева 1498/1499 г. и разъезжая грамота Ф. М. Викентьева 1501 г. показывают, что в Пехорском стане помимо волостных имелись и другие типы земель. В первом из них фигурирует «Чюбар конюх великого князя» из деревни Маковниково. На наличие земель, тянувших к «конюшему пути», указывает и дея-

⁴⁹ КСМ ИЛ. Т. 1. Глава 8; Т. 2. Главы 2, 3.

⁵⁰ Благодарю В. А. Кучкина, указавшего мне на эти свидетельства.

тельность на территории стана «*ясельничего*» Ф. М. Викентьева, а название деревни Ябедниковой можно объяснить наделением земель мелких чиновников из числа «слуг под дворским». Судья привлекает к разбору земельного конфликта «*детей боярских*» Петра Никитина сына Денисьева и Ивана Семенова⁵¹. Неполнота данных затрудняет и изучение вотчинного землевладения. Реконструировано владение Мининых (до 1368–1430-е гг.) при «перевесье». Однако характер присутствия на территории стана в первой половине XV в. бояр Остеевых, пожаловавших свою пустошь Симонову монастырю, остался не выясненным, хотя их родовому прозвищу обязан своим названием один из «*концов*» стана. Все это показывает, что Пехорская волость включала, наряду с бортными землями, территории иной специализации, а во второй половине XV в., наряду с волостными землями, здесь были владения «слуг под дворским» и детей боярских. Таким образом, необходимо учитывать, что в данном случае мы можем реконструировать лишь часть социума стана.

Итак, структуры землевладения той или иной административной единицы (волости или стана), включающие волостные или служебные земли, земли «слуг под дворским» и вотчины, образовывали сложную ткань. Закономерности формирования этой ткани поддаются описанию, если в нашем распоряжении достаточно источников и если эти источники исследованы на микрорегиональном уровне. Результаты этих исследований могут и должны корректироваться по мере выявления новых данных. Однако такая корректировка не должна производиться за счет отказа от уже установленных фактов или от обоснованных наблюдений. Приведу пример. В меновой грамоте великого князя Дмитрия Ивановича на монастырек-пустыньку Спасо-Преображения у Медвежья озера говорится: «А меняли бояре Иван Федоровичь, Семен Тимофеевичь, Кузьма казначей»⁵². Традиционно первые два лица идентифицируют с Вельяминовыми. Недавно А. В. Кузьмин установил, что Семен Тимофеевич, который передал Переяславскому Горицкому монастырю село Чашницы, — не Вельяминов, а Валуев⁵³. Далее исследователь предположил, что

⁵¹ АСЭИ. Т. 2. № 418. С. 451, 452.

⁵² АСЭИ. Т. 2. № 340. С. 338.

⁵³ Кузьмин А. В. Из истории можайских землевладельцев в XIV — на-

именно Семен Тимофеевич Валуев участвовал в мене землями на Медвежьем озере. Данное предположение, которое само по себе заслуживает внимания, исследователь пытается обосновать, указывая на то, что село Акатово в соседнем с Пехорским Почерневе стане получило свое название (по предположению С. Б. Веселовского) от имени Акатия, предка Валуевых. Между тем, даже если Семену Тимофеевичу Валуеву принадлежало село в соседнем стане (из карты Пехорского стана видно, что земли села Акатова не были смежны с участками, выделяемыми Спасскому монастырьку)⁵⁴, это никак не могло обусловить его присутствие в боярской коллегии, осуществлявшей мену великокняжескими землями. В подобную коллегию, как это видно из судного списка на Медвежье озера 1460-х гг., входили бояре, отвечавшие за тот «путь», к которому относилась Пехорская волость, а также великокняжеский казначей⁵⁵.

Нельзя обойти вниманием и вопрос о пределах использования ретроспекций при реконструкции землевладения. Метод С. Б. Веселовского, основанный на сопоставлении генеалогических таблиц рода и свидетельств актов о владениях их представителей, оказывается тем более эффективным, чем точнее удастся локализовать соответствующие владения и реконструировать историю и логику их наследования. При этом необходимо учитывать, что, наряду с процессом дробления крупных владений между наследниками, наблюдался и процесс собирания земель некоторыми представителями рода за счет земель родственников. Как показало исследование А. Л. Грязнова о землевладении Кемских князей на Белоозере, до половины владений рода сменили своих владельцев и оказались в руках не у прямых наследников этих владений, а у их сородичей⁵⁶.

чале XV в. (Вельяминовы, Валуевы, Новосильцевы) // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Юрия Георгиевича Алексева. М.; СПб., 2006. С. 242–243; см. об этой грамоте: Антонов А. В. Вкладчики Успенского Горницкого Переяславского монастыря XV–XVI вв. // Русский дипломатарий. М., 2003. Вып. 9. С. 5–6.

⁵⁴ Чернов С. З. Домен московских князей... С. 54, 55, 74, 75.

⁵⁵ Там же. С. 51–57, 84–86.

⁵⁶ Грязнов А. Л. Землевладение князей Кемских в XV–XVI вв. // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Юрия Георгиевича Алексева. М.; СПб., 2006. С. 297.

Поэтому использование ретроспективного метода для реконструкции первоначальных земельных владений требует большой осторожности. И все же этот метод работает. Ярким примером может служить реконструкция землевладения Кутузовых, выполненная на основании документов конца XV — XVI в. из архива Иосифо-Волоколамского монастыря. По этой реконструкции, земли на севере Локнышского стана с центром в селе Тархово, принадлежавшие в XVI в. представителям младшей ветви Кутузовых, восходят к крупному владению Василия Федоровича Кутузова первой половины XV в. (боярин Василия II, который вывез в 1446 г. из Каргополя великую княгиню Софью Витовтовну, плененную Дмитрием Шемякой). Проверить эту реконструкцию стало возможно благодаря меновой грамоте старца Геронтия, выступавшего от имени игумена Троице-Сергиева монастыря Саввы (1428–1432). Из грамоты видно, что село Тархово и прилегающие земли действительно принадлежали Василию Федоровичу Кутузову⁵⁷.

Не менее сложен и вопрос о представительности данных микрорегиональных исследований⁵⁸. Из 84 дворовых детей боярских, служивших по Волоку и значащихся в Дворовой тетради начала 1550-х гг. полностью или частично локализовано землевладение родов, к которым относилось 56 служилых людей, или 66% от их общего состава. Это Хованские (Хованский стан), Кутузовы (Локныш), Карамышевы (10) (окологородные станы), Ступишины, Ржевские (17), Толбузины (8), Мечовы, Синего (Сестринский стан), Бибиковы (Издетемльский стан). Не локализованы владения Лыковых (12), Хлуденовых, Рокиных, Погожевых, Унковских, Внуковых, Леньковых, Пушечниковых, Вережкиных, Коуровых, Матвеевых, Полибиных.

Чем можно объяснить, что в результате исследования 20% территории Волоцких земель (3 стана полностью и 6 частично) полностью или частично зафиксировано землевладение более чем половины дворовых детей боярских? Во-первых, надо отметить, что реально удалось локализовать земли далеко не всех представителей упомянутых родов. Тем не менее их число не может быть менее 40% списочного

⁵⁷ Чернов С. З. Волок Ламский... С. 230–238.

⁵⁸ Данный раздел возник в ходе обсуждения проблемы с Б. Н. Флорей, которому я высказываю свою благодарность.

состава. Объяснить, почему полученные данные оказались столь репрезентативны в плане изучения светского землевладения, можно тем, что за пределами исследуемой территории оказались занятые по преимуществу черными землями станы Буйгород, Колпь и Льянников (древние княжеские земли околородья). Таким образом, можно заключить, что акты Иосифо-Волоколамского монастыря высвечивают один из старовотчинных районов периферии Московского княжества.

Это обстоятельство делает понятным необыкновенно высокий процент частновладельческого (вотчинного) сектора в землевладении изученных на 80–90% Сестринского (73% против 24% государственных земель и 3% монастырских) и Локнышского (73% против 27% государственных земель) станов в 1480-е гг. На первый взгляд, данные по двум станам не могут, даже приблизительно, отражать соотношение государственного и частновладельческого секторов землевладения в Московском княжестве. Между тем, с учетом анализа процентного состава землевладельцев по Дворовой тетради, мы можем сделать вывод о том, что на окраинах Московского княжества, в старовотчинных станах, где светское землевладение начало складываться с середины XIV в. под эгидой великих князей, к концу (а фактически уже к середине) XV в. вотчинникам принадлежало около трех четвертей земли.

Иной тип соотношения государственного и частновладельческого землевладения представлял собой удельный Радонеж. Здесь при 90% изученности землевладения на 1424 г. (позднее половина волости перешла к Троицкому монастырю) княжеские земли составляли 66% (с учетом *служных* земель), вотчины — 20%, 3% принадлежало монастырям. Причина такого низкого процента вотчин связана с тем, что модель сложения вотчинного землевладения, типичная для периферийной волости (именно такой периферийной волостью был тогда Радонеж), не успела реализоваться в 1360–1370-х гг. (владения Морозовых и Бяконтовых в Белях; Елизара, родоначальника Беклемишевых и Княжниных, на севере Радонежа). С переходом около 1374 г. Радонежа в состав удела князя Владимира Андреевича здесь начала действовать иная модель: формирование нескольких секторов княжеских владений вокруг вновь созданного удельного города.

Третий тип соотношения государственного и частновладельческого землевладения в работе представлен Пехорским станом, где, по данным актов 1381–1504 гг. и результатам ретроспективного

анализа более поздних материалов княжеские земли (с учетом *службных земель*) составляли не менее 85% территории.

Таким образом, микрорегиональные исследования дают статистические данные, которые не могут характеризовать ситуацию в целом, но позволяют составить четкое представление о той или иной модели землевладения.

Природа закономерностей, которые определяли генезис феодального землевладения и хозяйственного освоения территорий, были совершенно различны. Тем не менее эти явления развивались не без связи друг с другом. От того, как именно циклы формирования землевладения накладывались на стадии хозяйственного освоения земель, собственно и зависела модель аграрного и социального развития той или иной территории в эпоху Средневековья⁵⁹. Поэтому необходимо дать критический обзор тех данных о внутренней колонизации XIII–XV вв., которые были получены благодаря археологическим исследованиям.

Внутренняя колонизация второй половины XIII — XV вв.

Переходя к темам, связанным с расселением и освоением территории, следует сказать, что те исследования, которые опубликованы к настоящему времени, показывают поразительное разнообразие ландшафтов, стратегий их освоения и хозяйственно-культурных типов, которые реально существовали на Русской равнине в X–XVI вв. Это древние водно-волоковые пути с их промысловым хозяйством (Белозеро, Поволховье), являвшиеся одной из основ процветания Древней Руси, и ополя (округа Суздаля и Овручская возвышенность, район Чернигова), где в домонгольское время начались первые опыты освоения водоразделов, полесско-мещерские районы, испытывавшие второй подъем промыслового хозяйства на заре внутренней колонизации (вторая половина XIII в.) и моренные гряды, ставшие базой экономического подъема периода «взлета на холмы» (XIV–XV вв.).

Выделение хронологических пластов поселений второй половины XIII в. (керамика типа Царево — сруб 1 Исторического проезда) и первой половины XIV в. (керамика типа Лешково-2 — сруб

⁵⁹ Мое видение соответствующих моделей применительно к Северо-Восточной Руси XIII–XV вв. см.: *Чернов С. З.* Взлет на холмы. Раннемосковское общество и внутренняя колонизация // *Родина*. 2003. № 12 (Средневековая Русь. Часть вторая). С. 28–33.

б Исторического проезда) для периферийных волостей Московского княжества (волости Радонеж, Воря) и его центра (Пехорский стан) показало, что в этот период началось освоение водоразделов на тех участках, которые были удобны для распашки (южные склоны моренных гряд). Поселения вначале группировались вдоль небольших речек у подножия моренных возвышенностей, а затем начинали проникать на водораздел, удаляясь на 200–500 м от рек и ручьев и поднимаясь на высоту до 40 м над уровнем открытых источников воды. Судя по всему, источником питьевой воды стали ключи. Если в домонгольский период большая часть поселений строилась на плоских приречных террасах, то теперь жилища начали возводить на пологих склонах.

Система земледелия, получившая распространение в XIV–XV вв., позволяла использовать дерново-подзолистые почвы Клинско-Дмитровской гряды, более плодородные, чем почвы, сформировавшиеся на опесчаненных суглинках Приклязьминской равнины. На возвышенности вместо речных террас, характерных для равнины, население встретило пологие склоны, а вместо плоских водоразделов — волнистую местность, расчлененную оврагами. Этим и следует объяснять появление поселений «на пологих холмах».

Клинско-Дмитровская гряда, пересекающая северное Подмосковье от Переяславля до Волоколамска, осваивалась со второй половины XIII в. чрезвычайно активно. В результате центр тяжести населения постепенно начал сдвигаться из Суздальского ополья к западу, что способствовало росту доходов и могущества переяславских, московских и тверских князей.

Экономическая суть внутренней колонизации состояла в новой технологии хозяйствования, которая вела к быстрому экономическому и демографическому подъему сельских территорий. Процесс этот, как известно, охватил не только славянские страны, но всю средневековую Европу. На Руси потенциал развития, накопленный в домонгольский период, был столь велик, что на протяжении XIII в., несмотря на последствия Батыева нашествия, процесс внутренней колонизации начался и протекал весьма интенсивно.

На землях бывшей Каролингской империи эта эпоха, известная в археологической литературе как «взлет на холмы», охватила период с 1050 по 1250 г. и проявилась в беспрецедентном экономическом подъеме и демографическом взрыве. В Западной и Центральной Ев-

ропе это совпало с установлением прямых торговых связей с Востоком и вывозом сукна, приносившим огромные прибыли. На Руси же он совпал с эпохой изоляции. Волжский и Днепровский пути, на которых выросло богатство Киевской Руси, утратили значение трансконтинентальной коммуникации. Нашествие монголов разорвало нити, связывавшие Русь с Болгарией, Кавказом, Византией и другими странами, образующими восточнохристианскую цивилизацию.

Здесь нельзя обойти молчанием вопрос о влиянии на расселение экономического кризиса, вызванного монгольским нашествием 1237–1239 гг.⁶⁰ Для учета этого фактора была сопоставлена расселенческая структура на периферии и в центре Московского княжества. На средней Воре (в 50 км от Москвы) из 21 поселения общей площадью 10,8 га в ходе кризиса второй трети XIII в. перестало существовать 11 поселений, или **63%** площади домонгольских поселений. На протяжении второй половины XIII в. возникло 8 новых селений, а общая селитебная площадь к концу века достигла 9,5 га, или **88%** от площади поселений, существовавших к 1238 г.

Население переместилось с берегов Вори в долины малых рек (Талицы и ее притока Прорванихи). Здесь в районе возникшего еще в первой трети XIII в. укрепления (Царевское городище) сложился куст селений (площадью 1–4 тыс. кв. м), имеющих признаки селений «на пологих холмах». Разрыв преемственности в развитии сельскохозяйственной инфраструктуры фиксируется отчетливо. В ряде случаев утрачивалось не только поселение, но и его угодья (в начале XV в. в районе курганов и селищ Путилово-1 и Муромцево-2 пролегли границы новых земельных владений).

На верхней Пехорке (в 20 км от Москвы) в первой трети XIII в. располагалось 13 поселений общей площадью 7,3 га. После кризиса перестало существовать лишь 3 поселения. На протяжении второй половины XIII в. возникло 8 новых, а общая селитебная площадь к концу века достигла 8,3 га и составила **114%** от площади поселений, существовавших к 1238 г.

В отличие от волости Воря, на Пехорке структура домонгольских поселений и сам тип селения не претерпели во второй половине XIII в. коренных изменений. Так же, как и на Воре, получил развитие

⁶⁰ Этой теме посвящен сборник: Русь в XIII веке: Древности тёмного времени. М., 2003.

возникший еще в предмонгольское время комплекс поселений при укреплении, известном позднее как Никольское мытище (Балашихинское городище). При пересечении реки Пехорки дорогой на Переяславль возникло поселение — исторический предшественник центра Пехорской волости XIV в. Началось освоение района Медвежьих озер в 2,5 км от района, заселенного в домонгольский период.

Стабильность поселенческой структуры на Пехорке можно объяснить тем, что окружающие ее мещерские ландшафты (боры на флювиогляциальных песках) давали мало перспектив для развития земледелия, зато были весьма привлекательны для бортного промысла. Долина же Вори лежала у подножия Клиско-Дмитровской гряды, и ее притоки «выводили» новых поселенцев к ландшафтам моренной равнины, удобным для развития хлебопашества.

Отмеченные ландшафтные различия, однако, не могут в полной мере объяснить большую преимущество в развитии поселений на Пехорке (не восстановлено 37% поселений) по сравнению с Ворей (не восстановлено 63% поселений), ведь степень разорения на Пехорке была не меньшей, чем на Воре (через Пехорку пролегла дорога на Клязьму, которую не могли миновать войска Батыя, двигавшиеся от разоренной Москвы к Владимиру). Объяснение следует искать в том, что в кризисные периоды особенно быстро разрушается периферийная часть расселенческой структуры («кроны»), тогда как центральная ее часть («стволы» и «корни») демонстрирует высокую степень стабильности, подпитываясь за счет периферии. В связи с этим надо полагать, что на Пехорке восстановление хозяйственных структур началось в первые два десятилетия после 1238 г., когда дворища, места пашен и лугов еще сохранялись, а традиции освоения территории были еще прежними. На Вору же поселенцы «вернулись» несколько позднее, когда запустевшие пашни и луга уже были покрыты лесом, а новые приемы освоения территории делали старые дворища не столь привлекательными.

Окраинное положение в структуре расселения княжества обусловило то, что на Воре демографический и экономический кризис XIII в. был глубже, а «культурный вызов» ощущался острее. Следовательно, и «ответ» древнерусской культуры проявился здесь ярче — в более резком и глубоком изменении форм адаптации и в возникновении новых культурных и хозяйственных традиций, что в полной мере проявилось в XIV в. в феномене Радонежа.

Дальнейшие исследования районов, расположенных в различных ландшафтных зонах и по-разному затронутых экономическим кризисом, вызванным монгольским нашествием, позволят глубже понять экономические и демографические процессы, которые вызвали к жизни новый этап расселения XIII–XIV вв., фиксируемый археологически. Уже сегодня можно полагать, что первые шаги в освоении водоразделов были сделаны в домонгольский период (Суздальское ополье, погост Жабна в Новгородской земле, участки на водоразделе реки Москвы и реки Пахры и в районе Царевского городища в волости Воря⁶¹). «Сельское население, — отмечал Н. А. Макаров, — могло изменять стратегию землепользования лишь под давлением серьезных обстоятельств, а распространение инноваций в этих сферах было небезболезненным. В качестве возможных факторов, подталкивавших преобразования, можно рассматривать недостаток пахотных земель в традиционно осваиваемых ландшафтных зонах, потребности увеличения пищевых ресурсов в условиях роста населения, неэффективность традиционных систем землепользования, наконец, экологические проблемы»⁶². Думается, что причины освоения водоразделов и, шире, новых ландшафтных зон, а также связанные с этим трансформации в типе расселения, несомненно, связаны с указанными причинами, тем более что дефицит пищевых ресурсов периодически становился ахиллесовой пятой средневековой экономики и в Западной и Центральной Европе.

Дисперсная система расселения: проблемы интерпретации.

Если новый топографический тип поселения второй половины XIII — XV в. (селище «на пологих холмах») был обусловлен новы-

⁶¹ Макаров Н. А., Леонтьев А. Е., Шполянский С. В. Средневековое расселение в Суздальском ополье // Российская археология. 2004. № 1. С. 19–34; Буров В. А. О времени возникновения новгородского погоста Жабна // Российская археология. 1995. № 2. С. 48, 49; Кренке Н. А. «Взлет на холмы»: Археологические раскопки селища Дубинкин лес-1 и освоение Теплостанской возвышенности в XIV–XV вв. // КСМ ИЛ. М., 2005. Т. III; Чернов С. З. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества XIII–XV вв. и происхождение волостной общины // Советская археология. 1991. № 1. С. 126–127.

⁶² Макаров Н. А. Русь в XIII веке: характер культурных изменений // Русь в XIII веке: Древности тёмного времени. М., 2003. С. 8.

ми технологиями хозяйствования, то ряд черт структуры расселения, возникшей в XIII–XIV вв., не находит исчерпывающего объяснения в природопользовании.

Наиболее плодородные почвы на Клинско-Дмитровской гряде находились на вершинах водораздельных холмов и имели площадь не менее 100 десятин (примерно 1 кв. км). При системе земледелия с перелогом потребности в земле среднего крестьянского двора (15 десятин в трех полях) могли быть удовлетворены наилучшим образом, если поселение не превышало 5–6 дворов. Селища второй половины XIII — XV в. (1–4 тыс. кв. м, что соответствует 1–3 дворам) вписываются в эти величины. Впрочем, и селам, которые в XIV в. достигают 20–30 тыс. кв. м, оказывалось достаточно пахотных земель на вершинах холмов. Если бы влияние этого фактора было решающим, то на Приклязьминской равнине, где однородные почвы лежат большими массивами, деревни должны были сложиться более крупными. Однако они имели такие же размеры (2–3 тыс. кв. м), что и на гряде (селища второй половины XIII — XIV в. Алексеевка-5 у Бахорева болота), Кукарки (бортная деревня села Душенова митрополита Алексея, Царево-2 у Теременьевского омута, Каблуково-2). Точно такие же малодворные поселения господствовали и в районах бортного промысла в Мещере — они просто располагались там более редкой сетью. Селища, идентифицируемые с бортными деревнями 1381–1382 гг. на Пехорке, не выходили за пределы 1–6 тыс. кв. м.

Следовательно, рассредоточенная система расселения со свойственным ей постоянным возникновением все новых и новых малодворных селений, группирующихся вокруг сел, не была жестко задана системой хозяйствования.

Имеется ряд наблюдений, которые позволяют рассмотреть вопрос о «социальной составляющей» процессов, протекавших в период сложения этой системы расселения. Кинельская группа поселений второй половины XIII — XV в., выявленная в долине реки Некушки, судя по актам Троице-Сергиевского монастыря 1460–1480-х гг., идентифицируется с Площевской волостью. Волость наделяла «волостных людей» пустошами, на которых ставился крестьянский двор⁶³. Один такой двор, поставленный Шилом в начале XV в., был найден в

⁶³ АСЭИ. Т. 1. № 328, 421, 422, 424.

ходе археологической разведки. В 50 м от него обнаружались следы поселения, которое дало серию курганных и серых сосудов второй половины XIII — первой четверти XIV в. Итак, Шило получил участок, освоенный за сто лет до того и оставшийся, судя по всему, в ведении распределявшей земельные участки волостной организации с первой четверти XIV в.⁶⁴

Как показали сплошные разведки на Пехорке, структура расселения, частью которой являются великокняжеские бортовые деревни 1381–1382 гг. (село Пехра и «тянувшие» к ней малодворные селения), сложилась во второй половине XIII — первой половине XIV в. Несколько ранее (не позднее середины XIII в.) начала складываться группа малодворных селений близ Царевского городища, которая идентифицируется с волостью Воря духовной великого князя Ивана Калиты (1336 г.)⁶⁵.

Древнее ядро Радонежской волости составляли шесть поселений, которые, по археологическим данным, возникли в последней четверти XIII — начале XIV в. и идентифицируются с волостью «Радонежское», которая упоминается в той же духовной грамоте⁶⁶. По сообщению Епифания Премудрого, в конце 1330-х гг. великий князь «наместника постави в ней Терентиа Ртица, и лготу людем многу дарова, и ослабу обещаея тако же велику дати. Ея же ради лготы събрашея мнози»⁶⁷. Из приведенного текста видна роль княжеской власти в развитии «волостной организации» на этом этапе колонизации.

Таким образом, есть некоторые основания предполагать, что рассредоточенная система расселения каким-то образом была связана с наделением «волостных людей» земельным участком, который мог в ряде случаев передаваться по наследству.

⁶⁴ Чернов С. З. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества XIII–XV вв. и происхождение волостной общины // Советская археология. 1991. № 1. С. 112–133.

⁶⁵ В XV в. здесь еще сохранялись черные земли (АСЭИ. Т. 1. № 595), часть которых (село Введенское) в 1533–1538 гг. принадлежала Елене Глинской (ОР РГБ. АТСЛ. Кн. 530. Москва. № 195. Л. 213–214 об.).

⁶⁶ ДДГ. С. 8, 9.

⁶⁷ Житие преподобного... Сергия Чудотворца... // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1885. Т. 58. С. 34, 35.

Описанным выше группам поселений второй половины XIII в. соответствовал тип укрепленного поселения площадью не более 4 тыс. кв. м, который перестает использоваться во второй четверти XIV в. В связи с этим есть основания предполагать, что мы имеем дело с определенным этапом организации княжеской властью системы обложения податного населения.

При интерпретации системы расселения, свойственной описанным выше протоволостям, нельзя совершенно абстрагироваться и от формы обложения. Судя по археологическим данным, начальное развитие «волостной организации» пришлось на эпоху максимального усиления ордынского ига, когда в 1256–1257 гг. татары *«изо-чтоша всю землю Суждалскую и Рязанскую и Моуромскую, и поставиша десятиники, сотники, тысяцники, темники»*⁶⁸. В этот период была введена система, по которой сбор ордынского «выхода», осуществлявшийся численниками и контролировавшийся баскаками, основывался на описаниях, проводившихся примерно через 20 лет (второе «число» 1275 г.). Возможно, при такой системе новые поселения, не вошедшие в описание, получали определенные льготы в выплате податей, что могло способствовать их численному росту а возможно, и закреплению в качестве единицы расселения⁶⁹.

Н. А. Макаров в работе, посвященной расселению Белозерья, писал по поводу предложенной выше интерпретации: «Глубокие изменения систем расселения, произошедшие в конце XIII — XIV в., четко прослеживаются по археологическим материалам, но с трудом поддаются исторической интерпретации. ...Не отвергая эти объяснения, я отмечу лишь, что они никак не увязаны с конкретными материалами, характеризующими хозяйство, потребление и культуру сельских поселений XII–XIII вв. и XIII–XIV вв. Без подобных материалов, а следовательно, без раскопок средневековых селищ широкими площадями, любые объяснения изменения организации расселения в конце XIII — XIV в. будут оставаться гипотетичными»⁷⁰.

⁶⁸ ПСРЛ. Пг., 1922. Т. XV. Вып. 1. Стб. 32.

⁶⁹ Следует напомнить, что огромное число брошенных в 1570–1612 гг. малодворных селений не было восстановлено потому, что пашня «наездом» в XVII в. облагалась меньшими податями.

⁷⁰ Макаров Н. А. Древнерусское Белоозеро и некоторые общие вопро-

С этим мнением нельзя не согласиться. Более того, можно умножить число аргументов, которые заставляют не спешить с попыткой увидеть в «волостной организации» землепользования одну из причин формирования или закрепления дисперсной формы расселения. Так, остается не изученной история домохозяйств, семьи и родства на Руси в период, предшествующий XVII в., между тем как возникновение дисперсной формы расселения малыми деревнями прямо связано с выделением из общего хозяйства и отселением жившихся сыновей⁷¹.

Подводя итог, следует выделить два аспекта рассмотренной проблемы. Исследованиями северо-восточной и центральной частей Московского княжества установлено, что изменение структуры расселения, наблюдаемое по археологическим данным во второй половине XIII — первой половине XIV в., **совпадает по времени** с появлением групп поселений, которые с 1330-х гг. фиксируются письменными источниками как «волости» и земли служебников московских князей с характерной для них организацией распределения земель. Более того, эти группы поселений собственно и являются пионерами в распространении новых традиций расселения. Поэтому можно говорить о периоде второй половины XIII — первой половины XIV в. как времени сложения структур «волостной» и «служебной» организации на значительных пространствах Московского княжества. Имела ли место связь дисперсной формы расселения малодворными деревнями, «тянущими» к крупным селам, с системой распределения земель, использовавшейся в «волостной организации», — вопрос, который сегодня не может быть однозначно разрешен.

Перспективы микрорегиональных исследований. Таким образом, микрорегиональные исследования способны ставить широкие проблемы и в ряде случаев предлагать варианты их решения,

сы изучения средневекового расселения // *Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П.* Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001. С. 225.

⁷¹ Исследования этих сюжетов, основанные на материалах середины XVIII в., фиксируют патрилинейную семью, которая уходит корнями в местные традиции образования общественных форм (*Mitterauer M., Kagan A.* Структура семьи в России и в Центральной Европе: сравнительный анализ // *Семья, дом и узы родства в истории* / Ред. Т. Зоколл, О. Кошелева, Ю. Шлюмбом. СПб., 2004. С. 76, 77).

которые в дальнейшем могут быть верифицированы. Для этого необходимо создание усилиями многих исследователей своего рода «площадок» — территорий, детально изученных и на уровне структур землевладения, и на уровне расселения и природопользования. Это могут быть (наряду с описанными выше) станы южного Переяславля, освещенные троицкими актами, начиная с первой четверти XV в., земли на Волге на пограничье тверского Кашина и Углицкого княжества, Суздальское околородье, окрестности Соли Галицкой и др. (рис. 1., табл. 1).

Особенно важно то, что на этих «площадках» могут разрабатываться многие темы и использоваться подходы, характерные для микроистории и предполагающие описание механизмов функционирования средневекового общества с учетом мотивов действий его членов — от корпорации землевладельцев того или иного района, принадлежащих к конкретному княжескому двору, до групп бортников или княжеских министералов⁷².

Далеко не исчерпаны возможности изучения экономических и демографических изменений на сельских территориях на протяжении XIII–XVI вв., влияние эпидемий 1350-х, 1420-х гг., 1570 г., переселений и других факторов. Разумеется, для периода Средневековья мы не обладаем такими источниками, как, например, окладные книги, которые позволяют увидеть экономику и демографию населения волости XVIII–XIX вв. во всем многообразии⁷³. Однако как письменные, так и археологические данные могут быть использованы для статистических расчетов, отражающих хозяйственную конъюнктуру в тот или иной период.

Особое направление, которое может развиваться в рамках микрорегиональных исследований, ведущихся с участием археологов, почвоведов и палеоботаников, — изучение экологии сельского хозяйства XIII–XVI вв. (смысл почв, адаптация тех или иных сельскохозяйственных культур и др.).

Археологические исследования способны выделить локальные традиции природопользования и расселения, погребальной обряд-

⁷² Подробнее см.: Чернов С. З. Домен московских князей. С. 10–12.

⁷³ См., например: Мамсик Т. С. Бердская волость по материалам масовой статистики 20-х гг. XIX в. Новосибирск, 2004.

ности и ремесла. Всё это открывает определенные возможности для исследований, написанных в жанре исторической антропологии⁷⁴.

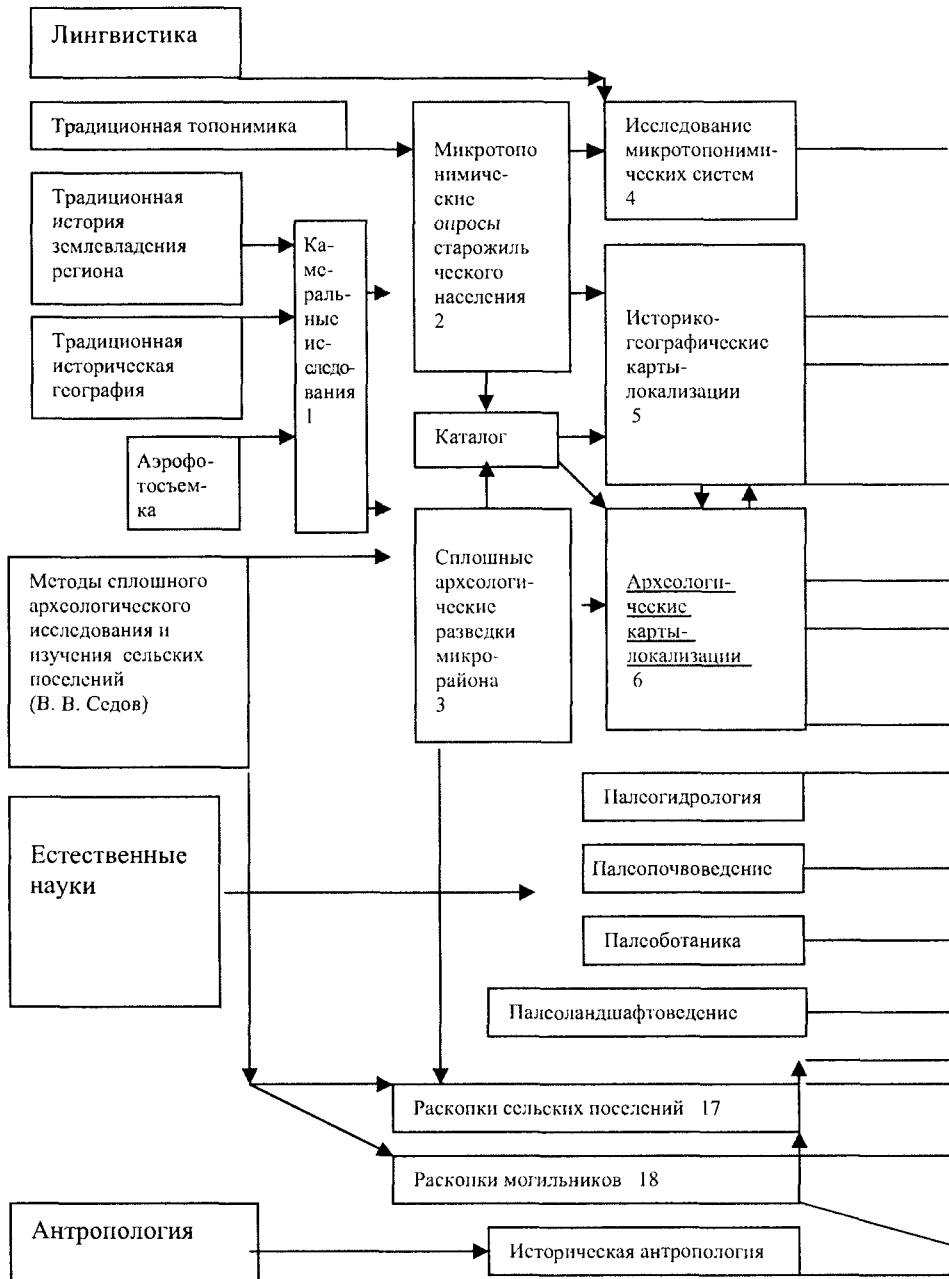
Говоря образно, глядя на мир средневекового русского помещичьего быта через окна микрорегиональных исследований, мы способны увидеть его весьма явственно и многопланово. Однако для этого эти окна должны быть расположены систематично и охватывать по возможности более широкую перспективу. Говоря более конкретно, для каждого средневекового русского княжества целесообразна детальная разработка структур землевладения и истории расселения по нескольким группам волостей (станов), обеспеченным письменными свидетельствами XIV–XVI вв. и отражающим территории, где формирование феодального землевладения протекало по разным моделям. В этих микрорайонах возможен выбор более локальных территорий в пределах контрастных ландшафтов, по которым проводится изучение культурно-хозяйственных типов и палеоэкологии.

Микрорегиональные исследования должны избежать целого ряда нежелательных трендов. Любое упрощение исследовательских процедур, а тем более утрата четко поставленных целей, может привести к появлению чисто краеведческих работ. В свою очередь, распад на специальные направления (изучение древней растительности, ремесла и сельского хозяйства и т. д.) может привести к распаду целостного видения аграрной истории.

Избежать подобных сценариев можно лишь с помощью создания системы эталонных микрорегионов, отражающих микромиры феодальной России, на материалах которых можно было бы исследовать разнообразный спектр исторических проблем, который не исчерпывается аграрной историей.

Речь идет о создании своего рода микроисторического токомака, через который можно было бы «прогонять» те или иные варианты интерпретаций по широкому кругу тем социальной, экономической и культурной истории России XIII–XVI вв.

⁷⁴ Пример исследования такого рода: КСМ ИЛ. Т. III. С. 13–28.

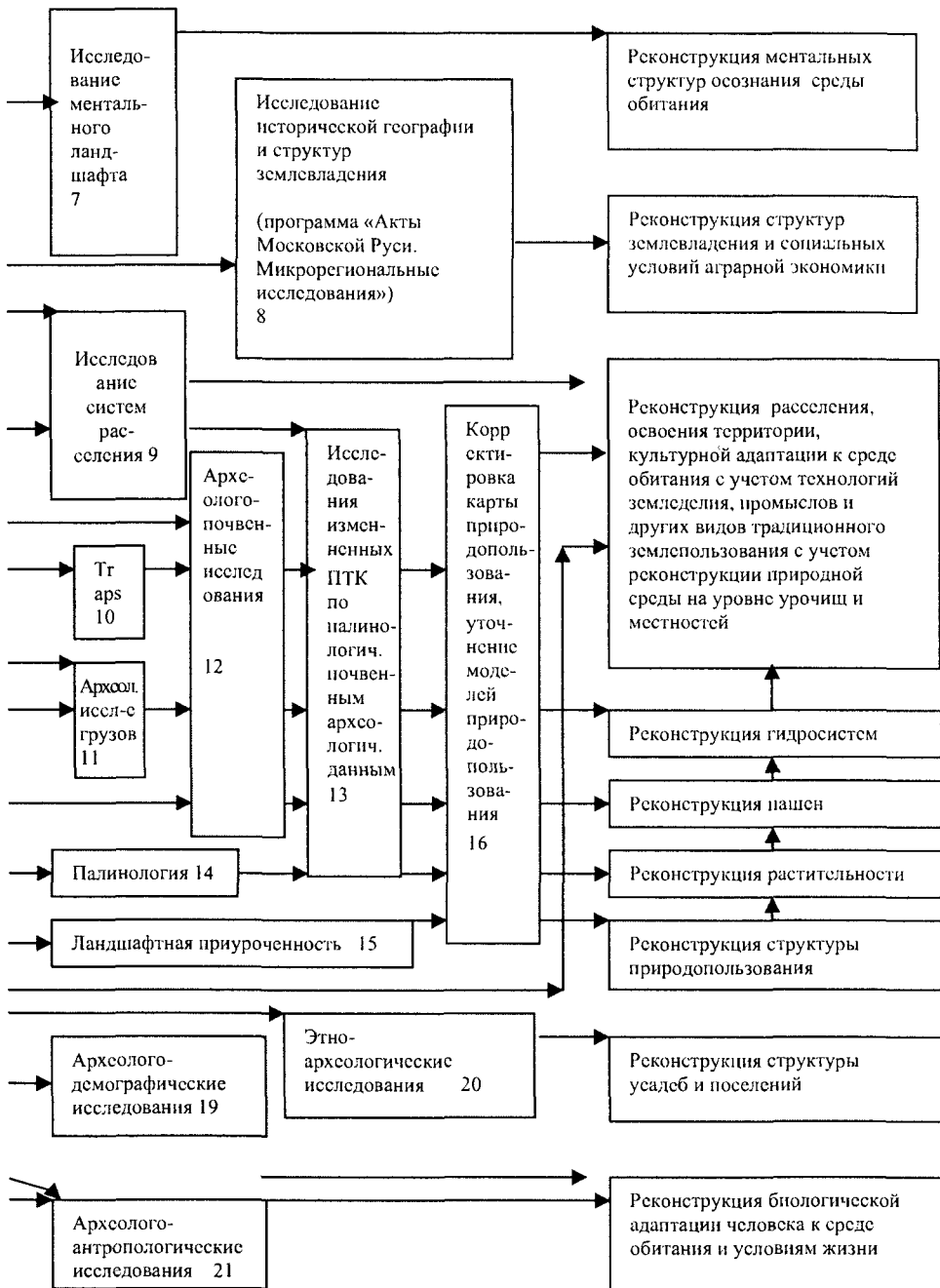

Таблица 2

Генерализованное распределение комплексов актов
Северо-Восточной Руси (до 1505 г.) по станам и волостям

Уезд	Стан, волость, другие административные образования и их номера	Троице-Сергиев монастырь	Симонов монастырь	Прочие монастыри	Митрополия	Всего
Московские	1. Пехорский		12			12
городские	2. Бохов и Яузское мытище	5		4	3	12
станы	3. Жданский		9			9
	4. Сурожик	7		5		12
	5. Горетов	2	5	3		10
	6. Шахов		6			6
	7. Селецкая				33	33
	8. Сегунский	1			13	14
Московский	9. Радонеж	24				24
	10. Воря	52				52
Звенигород	11. Городские станы			11	10	21
Переяславль	12. Кинела	60				60
	13. Верходубенье	19				19
	14. Великая слобода	7			18	25
	15. Маринина слобода	9		13		22
	16. Кистьма	39	4			43
Дмитров	17. Вышгород	12	7	3	11	33
	18. Инобож	13				13
	19. Каменский	13				13
	20. Берендеев	4	16		7	27
Волок Ламский	21. Сестринский			10		10
	22. Локныш			6		6
Углич	23. Городские станы	48				48
Кашин	24. Нерехотский и 25. Жабенский			48		48
Ростов	26. Луцкий	9				9
	27. Караш	1			12	13
Юрьев	28. Шуткин	10			11	21
Суздаль	29. Опольский	15		32	3	50

Ниж. Новгород	30. Гороховец			27		27
Владимир	31. Ярополч	14				14
Кострома	32. Нерехта и 33. Великая соль	45				45
Солигалич	34. Город	19				19
	35. Верхний Березовец	34	4			38
Бежецк	36. Городецкий	49	5			54
Шехонский удел	37. Усть-Шехонская, Вольская	12			2	14
Стародуб		2		8		10
ВСЕГО		523	77	150	114	886

В. А. Кучкин

Последний договор Дмитрия Донского

Сохранившийся до наших дней оригинал последнего, третьего по счету, договора великого князя Дмитрия Ивановича со своим двоюродным братом серпуховским удельным князем Владимиром Андреевичем неоднократно отмечался в древних архивных описях. Впервые упоминает об этом договоре Опись 1614 г. архива Посольского приказа: «Грамота докончальная великого князя Дмитрея Ивановича Донского з братом ево с уделным со князем Володимиром Одреевичем, писана по бумаге, подклеена харатья, распалось вся и писма не знать, а были у ней три печати, распались же»¹. В Описи речь явно идет об оригинале договора Дмитрия Донского с Владимиром Серпуховским, поскольку указаны печати, скреплявшие грамоту. Количество этих печатей — три — свидетельствует о том, что составители Описи имели в виду именно третий договор между двоюродными братьями. Первый договор между этими князьями был скреплен двумя печатями, второй не сохранил печатей вообще, они были утрачены в раннее время вместе с частью текста; три печати сохранил только последний договор Дмитрия Донского².

Более обстоятельное описание изучаемой грамоты было дано составителями Описи архива Посольского приказа 1627 г.: «Грамота

¹ Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / Под редакцией С. О. Шмидта. М., 1960. С. 57. Л. 35–35 об.

² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950 (далее — ДДГ). С. 567. «Описание печатей».

докончалная великого князя Дмитрея Ивановича з братом ево со князем Володимером Ондреевичем, писана на листу, у ней были 3 печати, испорчены, при Пимине митрополите всеа Руси, а в котором году, того не написано, ветха, истлела вся и склеена харатьею, а на харатье подписано: со князем Володимером докончалная тое зимы, коли князь великий отнел за себя Галичь да Дмитров от брата»³. Архивисты 20-х гг. XVII в. отметили те же особенности сохранившегося подлинника, что и их предшественники: наличие трех печатей, скреплявших грамоту, их поврежденность, ветхость самого документа, подклейка его пергаментом (харатьей). В то же время они впервые зафиксировали ряд других специфических отличий докончалной грамоты: написание текста «на листу», т. е. на большом листе бумаги, что соответствует действительности; составление документа при митрополите Пимине, а он занял митрополичью кафедру «всея Руси» в конце 1382 г.⁴; помету на пергаментной подклейке о заключении соглашения между князьями «тое зимы, коли князь великий отнел за себя Галичь да Дмитров от брата».

Описание архива Посольского приказа 1673 г. почти дословно повторило характеристику договора, данную ему составителями Описи 1627 г.: «Грамота докончалная великого князя Дмитрея Ивановича з братом ево со князем Володимером Андреевичем, писана на листу, у ней были 3 печати, испорчены, при Пимине митрополите всеа Руси, а в котором году, того не сыскано, ветха, истлела вся и склеена харатьею, а на харатье подписано: со князем Володимером докончалная тое зимы, коли князь великий отнял за себя Галичь да Дмитров от брата»⁵.

В научный оборот третий договор Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем был введен Н. Н. Бантыш-Каменским. В 1767 г. он дал описание внешнего вида документа, кратко раскрыл его со-

³ Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. I. С. 35. Следует заметить, что Опись составлялась не в 1626 г., а в 1627 г. Об этом см.: Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 119, примеч. 1.

⁴ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Пг., 1922. Т. XV. Вып. I. Стб. 147.

⁵ Опись архива Посольского приказа 1673 года. М., 1990. Ч. I. С. 40–41.

держание и определил примерное время составления — между 1380 и 1389 гг. В «Реестре старинным... грамотамъ» Н. Н. Бантыш-Каменский записал: «№ 13. Договорная грамота великаго князя Дмитрія Ивановича и дѣтей его, съ братом его княземъ Володимеромъ Андрѣвичемъ о принятіи его къ себѣ въ любовь и дружбу, о управленіи всякому своими землями по старымъ рубежнымъ грамотамъ, о дачи для ордынскаго похода дани, о непокупкѣ и незакладываніи съ обѣихъ сторонъ вотчинъ, о судехъ, расправахъ, дани, пошлинах, s. Годы не показано, а по лѣтописцамъ имѣеть быть между 6888/1380 и 6897/1389 годами. Къ сей грамотѣ привѣшены три восковыя печати, ись коихъ одна толко цѣла. Грамота во многихъ мѣстахъ истлѣла»⁶. Содержание грамоты было изложено кратко и не вполне точно. В ней не было упоминания «старых рубежных грамот», а дань собиралась не «для ордынскаго похода», а для выплаты Орде, о чем говорила статья 15 договора: «А что н(а)ши даншик(и) сберуть в городѣ, и въ станѣх, и въ варяхъ, тому ити в мою казну, а мнѣ давати въ выход». Просто Н. Н. Бантыш-Каменский тогда еще не знал значения слова «выход». Но описание внешнего вида грамоты и скреплявших ее печатей он сделал верно. Достаточно рациональной была и датировка договора. Он не мог быть заключен позже 1389 г., поскольку 19 мая 1389 г. скончался Дмитрий Донской. С другой стороны, окончание было составлено «По бл(а)г(осло)в(е)нью о(т)ца нашего Пимина, митрополита всеа Рус(и)», а Пимен стал митрополитом в июне 1380 г.⁷, что отметили и некоторые русские летописи⁸.

В 1773 г. это описание Н. Н. Бантыш-Каменского было опубликовано в «Древней российской вивлиофике» Н. И. Новиковым⁹. Спустя два года в том же издании Н. И. Новиков напечатал и сам текст последнего договора Дмитрия Донского¹⁰.

Начало научного изучения источника положил М. М. Щербатов. Он указал точный день и месяц заключения договора — 25 марта, но

⁶ РГАДА. Ф. 180. Оп. 13. Ед. хр. 425. С. 13.

⁷ РИБ. Изд. 2-е. СПб., Т. VI. Ч. I. 1908. Приложения. Стб. 182–184.

⁸ ПСРЛ. Л., 1925. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. С. 325; М., 2000. Т. VI. Вып. 1. Стб. 471.

⁹ Древняя российская вивлиофика. СПб., 1773. Ч. 3.

¹⁰ Там же. СПб., 1775. Ч. VIII. № XII. С. 271–277.

ошибся в определении года, назвав 1388 г.¹¹. Причиной появления нового соглашения между великим князем Дмитрием и Владимиром Серпуховским М. М. Щербатов усматривал в ссоре Дмитрия с Владимиром, которая разгорелась в 1386 г. По мнению М. М. Щербатова, именно в результате конфликта с Дмитрием Ивановичем серпуховский князь покинул Москву и уехал в г. Дмитров, где у него 18 января 1387 г. родился сын Ярослав. Вскоре скрытое недовольство друг другом двоюродных братьев, по словам М. М. Щербатова, «в открытую вражду пременялось, ибо великий князь не известно нам каких ради причин повелел старейших бояр князя Владимира поимать и разослать по разным местом и держать их под крепкою стражею и в великом изнурении, однако не проникая сокрытых нам причин такого поступка великого князя Димитрия, видно, что подозрения его на сего князя ближнего своего родственника, с которым он всегда в непрерывной дружбе был, не основательны были, и вскоре сам он несправедливость их узнал, ибо марта 25 числа великий князь помирился с братом своим князем Владимиром, обещая с обеих сторон все прежде бывшее вечному забвению предать, в чем между собою и грамотою утвердились»¹². При этом М. М. Щербатов сослался на грамоту № 13 Московского архива Коллегии иностранных дел¹³. Именно под этим номером был описан и хранился в архиве в XVIII в. третий договор Дмитрия Донского с Владимиром Андреевичем.

Несомненно, что при изложении обстоятельств конфликта между двумя московскими князьями М. М. Щербатов использовал свидетельства летописей. Ранние летописные своды, сообщая о рождении у Владимира Серпуховского 18 января в г. Дмитрове сына Ярослава-Афанасия, аресте Дмитрием Донским бояр князя Владимира и о примирении князей 25 марта, не говорят о том, что арестованные бояре находились «в великом изнурении», как писал М. М. Щербатов¹⁴. Но поздняя Никоновская летопись, бывшая од-

¹¹ Щербатов М. М. История российская от древнейших времен. СПб., 1781. Т. IV. Ч. I. С. 230.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 230, примеч. 68.

¹⁴ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 155; СПб., 1913. Т. XVIII. С. 138.

ним из главных источников труда М. М. Щербатова, сообщает, что «поимани быша бояре старѣйшии княже Володимеровы Андрѣевича, и розведени вси розно по городомъ, и седѣша въ нятыи и въ крѣпости велицѣ и изтомлени; и бяху у всякого приставлени приставницы жестоци зѣло»¹⁵. Этот созданный сводчиками XVI в. красочный текст и дал возможность М. М. Щербатову писать о деталях ареста бояр Владимира Андреевича. Поскольку известия о рождении у князя Владимира сына Ярослава, аресте его бояр и примирении с Дмитрием Донским были изложены в Никоновской летописи в статье 6896 года, а статья начиналась с описания сентябрьского события, М. М. Щербатов счел, что речь должна идти о 1388 г., и им датировал заключенный 25 марта договор.

Сам договор он отчасти пересказал, отчасти прокомментировал в приложении к IV тому своей «Истории». Комментарий получился неполный и неточный, тем более что М. М. Щербатов явно затруднялся в чтении текста. Так, вместо написанного в договоре «Городецъ в Лопасны мѣ[сто]» он читал «городецъ мѣсто Влопасня»¹⁶. Само это «мѣсто» в понимании М. М. Щербатова, вызванном утратой и порчей текста, позднее было обменено на Лужу и Боровск¹⁷. Черных людей, которые упоминались в статье 33 договора, М. М. Щербатов причислял к такой категории населения, которая не платила податей¹⁸. Историк упоминал наместников договаривавшихся князей, которые посылались в город (статья 44), но не писал о том, что они должны были там делать¹⁹. А о существовании в договоре статей 5–10 М. М. Щербатов вообще умолчал²⁰. Небрежность в общей оценке и комментировании договора объясняется тем, что М. М. Щербатову не был понятен общий смысл заключения соглашения от 25 марта 1389 г. Его признание — «не известно нам каких ради причин» — красноречиво свидетельствует об этом.

¹⁵ ПСРЛ. СПб., 1897. Т. XI. С. 94.

¹⁶ *Щербатов М. М.* История российская. СПб., 1784. Т. IV. Ч. III. № 5. С. 11.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 13.

¹⁹ Там же. С. 19.

²⁰ Там же. С. 11.

Впрочем, «каких ради причин» появился на свет третий договор между Дмитрием Донским и Владимиром Серпуховским, исторической науке оставалось неясно на протяжении последующих более полутора столетий.

Не решил эту проблему и Н. М. Карамзин, приписавший собственное недоумение «россиянам» XIV в. По словам историографа, «они были изумлены враждою двух своих главных защитников. Дмитрий и Князь Владимир Андреевич, братья и друзья, казались до того одним человеком, имея равную любовь к отечеству и ко славе, испытанную общими опасностями, успехами и противностями рока. Вдруг Дмитрий, огорченный, как надобно думать, старейшими Боярами Владимира и его к ним пристрастием, велел их взять под стражу, заточить, развезти по разным городам»²¹. Но опасность татарского нападения заставила Дмитрия, побуждаемого к тому же волей народа и желанием собственного сердца, прекратить вражду. Великий князь «через месяц, — писал Н. М. Карамзин, — в день Благовещения, обнял брата как друга и новою договорною грамотою утвердил искренний с ним союз»²². Благовещенье Н. М. Карамзин правильно отнес к 1389 г.²³ Таким образом, точная дата последнего договора Дмитрия Ивановича была установлена — 25 марта 1389 г.

Далее Н. М. Карамзин остановился на характеристике содержания грамоты, уделив этому полстраницы текста. Он очень кратко изложил содержание статей 2, 3, 7, 9, 24, 27, 46, 47, 48, 32, 34, 38, 43, 18, 19²⁴, а в примечании 115 процитировал (неточно и с купюрами) статьи 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 33 договора и дал пояснение к статье 38²⁵. Таким образом, автор «Истории государства Российского» ознакомил своих читателей лишь с 28 статьями договора 1389 г. из 49 статей соглашения. Неполная характеристика важного источника сопровождалась у Н. М. Карамзина рассмотрением преимущественно тех статей докончания, в ко-

²¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1993. Т. V. С. 59.

²² Там же. С. 60.

²³ Там же. С. 59.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 257–258.

торых говорилось о мире и союзе между двоюродными братьями, их общих действиях против внешних врагов, одинаковых юридических обязательствах друг перед другом. Тем самым создавалось впечатление об объективной, равноправной и искренней договоренности великого князя Дмитрия с Владимиром Серпуховским, полном единении двух главных защитников отечества, что так стараясь продемонстрировать и доказать Н. М. Карамзин.

При этом суть соглашения Н. М. Карамзин усматривал не в утверждении братского единения, а в добровольном подчинении Владимира Дмитрию и его наследникам, что и обеспечивало мир в московском княжеском доме. «Сия грамота, — писал Н. М. Карамзин, — наиболее достопамятна тем, что она утверждает новый порядок наследства в Великокняжеском достоинстве, отменяя древний, по коему племянники должныствовали уступать оное дяде. Владимир именно признает Василия и братьев его, в случае Дмитриевой смерти, законными наследниками Великого Княжения»²⁶. Относительно признания серпуховским князем наследственных прав сыновей Дмитрия Донского Н. М. Карамзин был, безусловно, прав, однако интерпретация им этого факта была ошибочной. Дело в том, что Владимир был не родным, а двоюродным братом Дмитрия и, соответственно, двоюродным дядей его сыновьям. Если в Древней Руси и бывали случаи, когда княжеский стол переходил от брата к брату, а не от отца к сыну, т. е. племянник уступал место дяде, как о том писал Н. М. Карамзин, то случаев законного и бесконфликтного перехода стола вместо сына к двоюродному брату русское средневековье не знало.

Походя коснулся заключенного в 1389 г. третьего договора Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем С. М. Соловьев. Причину размолвки двоюродных братьев, которая привела к заключению соглашения, он увидел в действиях Владимира Серпуховского, который отнял несколько деревень от принадлежавшего жене Дмитрия великой княгине Евдокии села Лыткинского. Из-за этого великий князь и арестовал бояр князя Владимира²⁷. Объяс-

²⁶ Там же. С. 60.

²⁷ Соловьев С. М. Сочинения. М., 1988. Кн. 2. С. 283 и с. 340, примеч. 506.

нение С. М. Соловьева можно признать любопытным, но едва ли основательным. Село Лыткинское было расположено на границе с Берендеевой слободой, а Берендеева слобода входила в состав дмитровских земель²⁸. Дмитров же принадлежал Владимиру Андреевичу. Земельный передел в Дмитрове носил местный характер, он не затрагивал владений великого князя. К тому же, судя по употреблению в духовной грамоте 1389 г. Дмитрия Донского глагола в форме плюсквамперфект («отоималъ был»²⁹), передел имел место задолго до 1389 г.

Что касается содержания договора, то С. М. Соловьев кратко остановился на титуловании князей в статье 2, которое свидетельствовало, по мнению историка, о возросшем значении великокняжеской власти, и на статье 12, где были слова «[таз] тобе пожаловал, [дал ти есми Лужу и Боровескъ]». Употребление глагола «пожаловал» С. М. Соловьев также расценил как показатель новых отношений между великим и удельным князьями³⁰. При этом в стороне остался вопрос, как характеризовались бы владения, полученные князем Владимиром за участие в военных действиях вместе с великим князем, который в договоре 1364/1365 г. обязывался «кормить» за службу удельного родственника. Думается, такие владения также оценивались бы как великокняжеские пожалования, но не в терминологии выражалась суть изменения власти великого князя. Что касается остальных 47 статей договора 1389 г., то С. М. Соловьев их не рассматривал, ограничившись замечанием, что они сходны со статьями первого докончания между Дмитрием и Владимиром. Однако как могли 47 статей третьего договора Дмитрия с Владимиром быть схожи с 34 статьями их первого соглашения, С. М. Соловьев не пояснил.

Не отличались оригинальностью суждения о договоре 1389 г. А. В. Экземплярского. В I томе своего исследования о князьях Северо-Восточной Руси он в очерке о Дмитрие Донском вынужден был признать, что причины конфликта Дмитрия с Владимиром Серпуховским в 1389 г. остаются неизвестными. При объяснении

²⁸ ДДГ. № 12. С. 35, 34.

²⁹ ДДГ. № 12. С. 35.

³⁰ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 2. С. 284.

ссоры, «мы, — по словам А. В. Экземплярского, — можем ограничиться только более или менее близкими к истине догадками»³¹. Догадок оказалось немного, всего две. Одна из них повторяла мысль С. М. Соловьева, предположившего, что Дмитрий обиделся на Владимира за то, что тот отнял несколько деревень от принадлежавшего жене Дмитрия села Лыткинского и присоединил их к Берендееве слободе. Вторая дублировала мысль Н. М. Карамзина, заподозрившего серпуховского князя как брата великого князя в желании наследовать после смерти Дмитрия Донского великокняжеский стол³². Вторая догадка показалась исследователю весомее. Сославшись на 2 статью договора и не разбирая остальных, А. В. Экземплярский заключил, что «этим договором признается (в первый раз) преимущество, относительно престолонаследия, племянника над дядею, так что великокняжеский стол должен был переходить в нисходящей линии по праву первородства»³³, по сути дела пересказав написанное Н. М. Карамзиным. Ту же оценку последнего договора Дмитрия Донского А. В. Экземплярский повторил и во II томе своего труда³⁴.

Внимательно анализировал договор 1389 г. А. Е. Пресняков. Он обратил внимание на оборот в начальной части грамоты: «пригаль есмь в любовь брата своего младшего и своего с(ы)на, князя Володимера Андрѣевич(а)», и сделал из этого указания бесспорный вывод, что договор был заключен после ссоры Дмитрия с Владимиром. Исследователь отметил, что ссора («розмирие») зафиксирована в летописи, где указано и время примирения князей — 5 марта 1389 г. Отсюда и дата договора³⁵. Правда, причин конфликта А. Е. Пресняков так и не определил, воздержавшись, в отличие от своих предшественников, от каких-либо предположений на этот счет.

³¹ *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., 1889. Т. I. С. 121.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же. СПб., 1891. Т. II. С. 299–300.

³⁵ *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. Пг., 1918. С. 176 и примеч. 3.

Что касается содержания договора, то в его изучение А. Е. Пресняков внес немало нового и ценного. Впрочем, ученый останавливался не на всех статьях соглашения. Разбору были подвергнуты статьи 11, 12, 14, 40, 41, 24, 32, 29, 30, 45, 46, 47, 37, 39, 25, 26, 27, 28, 18, 19, 20, 38, 15, 22, 23, 33, 9, 4, 2 в той последовательности, в какой исследовал их А. Е. Пресняков (2, 4, 9, 11, 12, 14, 15, 18, 19, 20, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 32, 33, 37, 38, 39, 40, 41, 45, 46, 47 — по порядку расположения этих статей в договоре), — всего 29 статей из 49³⁶. Исследование проводилось с обязательным привлечением предшествовавших договорных грамот московских князей: договора великого князя Симеона Ивановича с братьями, первого и второго договоров Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем.

А. Е. Преснякова интересовали прежде всего вопросы общего характера, такие как состав владений каждого из договаривавшихся князей и статус этих владений в будущем; степень владельческой самостоятельности удельного князя, характер его территориальной власти и власти над зависимыми людьми; вопросы проживания людей одного князя в землях другого; эволюция финансовых отношений; распределение военных обязанностей между князьями; участие в общих мероприятиях по управлению Московским княжеством, сохранению тех категорий населения, в существовании которых была заинтересована вся московская княжеская династия, и т. д. Для выяснения всех этих проблем исследователем и привлекался текст договора 1389 г.

Изучение договоров, заключенных между собой князьями московского дома, в том числе и договора 1389 г., позволило А. Е. Преснякову прийти к важным наблюдениям относительно внутренней структуры княжества, интересов и политики его правителей. Выяснилось, что к концу XIV столетия территориально вырос удел Владимира Серпуховского, что особенно четко, по мнению А. Е. Преснякова, демонстрировал договор 1389 г., в уделе упрочилась власть князя Владимира, стали проявляться тенденции к закреплению его владений исключительно за его семьей и к обособлению от власти великого князя, что как раз полнее всего и отразил договор 1389 г.

³⁶ Там же. С. 175–185 и примеч. на этих страницах.

Вместе с тем усилились и попытки великокняжеской власти не допустить распада общих отчинных владений, сохранить высшую власть в руках сыновей Дмитрия Донского, что означало верховенство не только в Москве, но и во всей Северо-Восточной Руси, поскольку московским князьям принадлежало великое княжество Владимирское и ряд других княжеств. Поэтому в договорных отношениях Дмитрия Донского с Владимиром Серпуховским А. Е. Пресняков усматривал глубокую двойственность: с одной стороны, стремление удельного князя к бóльшей независимости от великокняжеской власти, с другой — постоянные попытки великокняжеской власти усилиться за счет ограничения прав удельного князя³⁷.

Несмотря на всю важность и значимость полученных А. Е. Пресняковым результатов, необходимо указать и на недостатки его исследования. Выяснение общих вопросов предполагает сравнение между собой таких статей договорных грамот, которые повторяют друг друга или обнаруживают сходство между собой. Тогда можно проследить, как с течением времени разрешали московские князья, родственники и союзники, те или иные проблемы, как менялось их отношение к этим проблемам. Именно это и пытался выяснить А. Е. Пресняков. Но если статьи в договорных грамотах не повторялись, были оригинальными, то сравнивать их было не с чем, и тенденция развития становилась не столь очевидной. Такие статьи при научных разысканиях описанного выше характера приходилось оставлять в стороне. Поэтому 20 статей третьего договора между Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем остались А. Е. Пресняковым не рассмотренными. В их числе те, в которых прописывались нормы по сохранению различных категорий городского и сельского населения (статьи 21, 43, 44), специфике командования собственно московской ратью (статья 42) и др. В итоге целостной характеристики договора 1389 г. у исследователя не получилось.

Через 30 лет после издания работы А. Е. Преснякова вышла в свет монография Л. В. Черепнина, посвященная русским феодальным архивам XIV–XV вв., в которой целый раздел был посвящен анализу последнего договора Дмитрия Ивановича Донского³⁸.

³⁷ Там же. С. 184.

³⁸ *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 38–45.

При исследовании этого договора Л. В. Черепнин сделал крупное открытие. Он обратил внимание на описание этого договора в Описи архива Посольского приказа 1627 г., где была воспроизведена помета на старой подклейке документа: «со князем Володимиром докончалная тое зимы, коли князь великий отнел за себя Галичь да Дмитров от брата»³⁹. По справедливому заключению Л. В. Черепнина, помета «раскрывает сущность конфликта между Дмитрием и Владимиром, происшедшего в 1389 г.»⁴⁰. То, что долгое время было туманно, исследователи гадали, «каких ради причин» арестовал великий князь Дмитрий бояр двоюродного брата и почему был заключен договор, стало ясно при обращении к источнику XVII в. Открытие Л. В. Черепнина высветило все проблемы, связанные с договором 1389 г. Сразу же определилась одна принципиальная сторона вопроса: последнее соглашение между Дмитрием Донским и Владимиром Серпуховским не только не отличается глубокой двойственностью, о которой писал А. Е. Пресняков, оно отличается большой цельностью, прямо или косвенно защищая великокняжеские интересы.

Л. В. Черепнин и попытался выявить эти интересы, достаточно подробно анализируя статьи договорной грамоты 1389 г. Всего он рассмотрел 32 статьи докончания: 2, 3, 4, 6, 11, 12, 13, 15, 17, 18, 20, 21, 22, 23, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 32, 33, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 43, 45, 46, 47, считая по порядку расположения этих статей в документе. В работе Л. В. Черепнина порядок рассмотрения этих статей был иным, зависящим от той тематики, какой касался исследователь. Тематика в определенной степени повторяла ту, что интересовала и А. Е. Преснякова. Л. В. Черепнин рассмотрел данные договора о владениях договаривавшихся князей, их территориальной власти, демографической политике, судебном производстве, организации военной службы, сборе ордынской дани, регулировании конфликтных ситуаций.

Историк впервые обратил внимание на стремление князей сохранить такие категории населения, как ордынцы, делюи, численные люди, слуги под дворским, черные люди, гости, суконники, город-

³⁹ Там же. С. 40.

⁴⁰ Там же. С. 41.

ские люди (статьи 21–23, 33, 43). По мнению Л. В. Черепнина, и оно представляется справедливым, такое стремление «объясняется громадным ущербом, нанесенным Московскому княжеству нашествием Тохтамыша» в 1382 г.⁴¹ В трактовку некоторых статей Л. В. Черепнин внес ряд уточнений. Так, при анализе статьи 39, устанавливавшей организацию войска по территориальному принципу, он подчеркнул, что такая организация не известна ни более ранним, ни более поздним договорным грамотам московских князей⁴². Разбирая статью 47, где говорилось о третейском суде при отсутствии митрополита, историк предложил трактовать это отсутствие не как вакантность митрополичьей кафедры, на чем настаивал А. Е. Пресняков, а как нахождение митрополита в заграничной поездке⁴³.

Вместе с тем, анализируя положения договора 1389 г. не столь пристально и внимательно, как А. Е. Пресняков, Л. В. Черепнин приходил к некоторым поспешным и необоснованным выводам. Так, иллюстрируя «подсудность населения каждого из уделов своему князю, а населения территории великого княжения — великому князю», Л. В. Черепнин приводил статьи 29 и 30, которые действительно говорили об этом⁴⁴. Но статья 30 кончалась оборотом «[А] за [ними] с[лати] н[ам] своихъ бо[гарь]», который свидетельствует, что договаривавшиеся князья имели отношение к организации судопроизводства даже в чужом уделе. Статью 30 Л. В. Черепнин процитировал целиком, но вывод сделал, проигнорировав смысл ее заключительного положения. Оценивая положения статьи 39, о которой говорилось ранее, историк решил, что статья отразила целую военную реформу, предпринятую московскими князьями⁴⁵. Однако несколько ранее Л. В. Черепнин процитировал статью 41 договора 1389 г.: «Или та куды пошлю, и твои бо[гаре] с тобою»⁴⁶. Из этой статьи следует, что войско удельного князя собиралось не

⁴¹ Там же. С. 44.

⁴² Там же. С. 43.

⁴³ Там же. С. 44.

⁴⁴ Там же. С. 42.

⁴⁵ Там же. С. 45.

⁴⁶ Там же. С. 43.

по территориальному, а по служебному принципу. По территориальному принципу оно собиралось в единственном случае — при выступлении в поход одновременно великого и удельного князей.

Тем не менее вклад Л. В. Черепнина в исследование последнего договора великого князя Дмитрия был весом. А в 1950 г. ученый заново по подлиннику опубликовал текст договора 1389 г., который по сегодняшний день остается лучшим изданием этого документа⁴⁷.

Подводя итог рассмотрению работ, в которых анализировался последний договор Дмитрия Донского, следует отметить, что в его изучении были достигнуты заметные успехи. Были выявлены причины, которые привели к заключению соглашения, установлена его дата, определена общая направленность и рассмотрено более трех десятков конкретных статей соглашения. Вместе с тем примерно треть текста договора до сих пор остается без какого бы то ни было анализа, а имеющиеся заключения по некоторым статьям нуждаются в корректировке и дополнениях. Это заставляет вновь обратиться к тексту договорной грамоты 1389 г. и подвергнуть систематическому изучению все 49 ее статей.

Последний, третий по счету, договор великого князя Дмитрия Ивановича со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем Серпуховским начинается так же, как и первый договор 1364/1365 г. между этими князьями. *Intitulatio*, содержащее имя великого князя Дмитрия Ивановича, содержит указание на благословение «о(т)ца нашего Пимина, митрополита всея Рус(и)», которое, как уже отмечалось, приобретает характер преамбулы (*arenga*), дающей право договаривавшимся сторонам заключить соглашение.

После *intitulatio* в договоре 1389 г. следует *incriptio*, где назван другой контрагент договора — князь Владимир Андреевич. Он охарактеризован как младший брат и сын великого князя Дмитрия. Такое определение повторило, как справедливо отметил в свое время Л. В. Черепнин, «формулу для установления системы феодальной иерархии» Владимира Андреевича в его втором договоре с Дмитрием Ивановичем⁴⁸, заключенном в 1372 г. По сравнению с

⁴⁷ ДДГ. № 11. С. 30–33.

⁴⁸ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 1. С. 39.

первым договором между теми же князьями, в договор 1389 г. введен новый оборот: «приаля есмь в любовь», который намекал на некие неправильные действия по отношению к великокняжеской власти Владимира Серпуховского и подчеркивал великодушие этой власти, простившей и принявшей «в любовь» «брата <...> молодшего и <...> сына». Дипломатический язык докончальной грамоты явно искажал истинное положение вещей. Инициатором конфликта был сам великий князь, отнявший у Владимира, как это выяснил Л. В. Черепнин, Дмитров и Галич. Удельный князь был стороной потерпевшей, ничего против верховной власти не замышлявшей и не предпринимавшей. Теперь, согласно договору, Владимир оказывался помилованным, и между двоюродными братьями восстанавливались, как следовало из слов соглашения, прежние близкие и теплые отношения, распространявшиеся на различные аспекты внутри- и внешнеполитической жизни, что и раскрывалось текстом докончальной грамоты.

Первый раздел *dispositio* договора определял субординацию князей внутри московского княжеского дома и их внешнеполитические позиции. Статья 1 требовала безусловного единства договаривавшихся сторон: «Быти ны заодинь». Требование повторяло условия договора 1364/1365 г.

Статья 2 устанавливала иерархию московских князей. Владимир Андреевич должен был считать великого князя Дмитрия Ивановича отцом, его старшего сына Василия — «братомъ старѣишимъ», второго сына Юрия — братом, а остальных сыновей Дмитрия — «братъею молодшею». Статья меняла существовавшую прежде княжескую субординацию. Если раньше, судя по договору 1372 г., Дмитрий Иванович считался братом старейшим и отцом князя Владимира Серпуховского, что, кстати говоря, косвенно отразилось в *inscriptio* рассматриваемого договора, где князь Владимир назван младшим братом и сыном Дмитрия, то статья 2 ставила великого князя исключительно на место отца князя удельного, а определение «братъ старѣишини» переходило к старшему сыну Дмитрия Василию. Владимир оказывался равным («братом») только второму сыну Дмитрия Ивановича Юрию и выше остальных детей великого князя. Несомненно, что признание серпуховским князем более высокого положения Дмитрия Ивановича и его старшего сына обеспечивало сохранение за последним политического и юридического верховен-

двумя им пошлин. Статья 11 перечисляла состав владений великого князя Дмитрия: «А чимъ ма бл(а)г(о)с(ло)ви[л отець мои], княз(ь) великий Иванъ, в городъ Москвѣ и въ станѣхъ два жеребья, и пошлинъ всѣхъ два жеребья, так(о) [же и Ко]ломна с волостми, и Звенигород с волостми, и Можаяскъ с волостми и отъѣздными мѣсты и [вел]икым княженьемъ, того ти подо мною блюсти, и под моимъ [сыномъ], под князем под Васильемъ, и под мо[ими детми]». Комментируя данную статью, Л. В. Черепнин отмечал, что договор 1389 г. употребляет два термина для обозначения владений Дмитрия Ивановича: «великое княжение» и «удел». При этом статья, «определяя состав „удела“ Дмитрия Ивановича, перечисляет исключительно города и доходы, полученные им по наследству»⁵⁰. Однако в статье 11 термин «удел» для обозначения каких-либо великокняжеских владений не употребляется. Земли и доходы великого князя Дмитрия Ивановича представлены в этой статье как его отчина, полученная им по благословию отца Ивана Ивановича. Обращение к духовным грамотам последнего показывает, что целый ряд утверждений в статье 11 договора 1389 г. не соответствует историческим фактам и является публицистикой, призванной обосновать и укрепить права Дмитрия Донского на ряд земель, якобы принадлежавших еще его отцу, благословившему ими своего старшего сына. Во-первых, Иван Иванович никак не мог передать Дмитрию великого (Владимирского) княжения, поскольку он им только правил, но никогда не владел. И в завещаниях великого князя Ивана Ивановича великое княжение не только не передается Дмитрию, оно там вообще не упоминается⁵¹. Во-вторых, «Звенигород с волостми» по духовным грамотам Ивана Ивановича предназначался не Дмитрию, а его младшему родному брату Ивану⁵². В-третьих, в этих грамотах ничего не говорится о благословении Дмитрия «отъѣздными мѣсты», о чем сообщает договор 1389 г. Такого понятия в текстах завещаний Ивана Ивановича нет. Там речь идет о том, что «инага места р[азаньск]ага штмѣньнага» должны были быть поделены между двумя сыновья-

⁵⁰ Там же. С. 41.

⁵¹ ДДГ. № 4. С. 15–19.

⁵² Там же. С. 15, 17.

ми великого князя Ивана Дмитрием и Иваном⁵³. Однако в завещании 1389 г. самого Дмитрия Донского термин «мѣста (волости) отъѣздные» встречается⁵⁴. К ним относились Верея, Рудь, Гордошевичи, Гремичи, Заберега, Сушов, возможно, Калуга, Роща и Медынь⁵⁵. Последние три объекта впервые упоминаются в указанном выше завещании Дмитрия и, скорее всего, присоединены к его владениям им самим. Верея была рязанским владением, но затем перешла к Москве, правда, неизвестно, в какое именно время⁵⁶. Рудь, Гордошевичи, Гремичи, Сушов (Сушев) впервые упоминаются во втором договоре Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем 1372 г.⁵⁷ Заберегой «с мѣсты» по духовным грамотам великого князя Ивана Ивановича владела вдова Симеона Гордого великая княгиня Мария Александровна. Она же обладала Заячковым⁵⁸. Поскольку в договоре 1372 г. после слов «Гордошевичи» следует утрата текста, а далее читается «до ее живота. А по ее животѣ Заячковь мнѣ»⁵⁹, можно догадываться, что речь идет о владениях вдовой великой княгини Марии и что Рудь, Гордошевичи, Гремичи, Сушов составляли те «мѣсты», которые вместе с Заберегой были оставлены великим князем Иваном Ивановичем за Марией. Поэтому ссылку в статье 11 договора 1389 г. между Донским и его двоюродным братом Владимиром на отцовское благословение Дмитрия «отъѣздными мѣсты» надо признать неточной. Эти земли Дмитрий приобрел сам, но чтобы сделать свое обладание ими бесспорным, сослался на благословение отца.

Наконец, в-четвертых, столь же шатки утверждения великого князя Дмитрия о получении им от отца «в городѣ Москвѣ и въ станѣхъ два жеребыа, и пошлинь всѣхъ два жеребыа». На самом

⁵³ Там же. С. 15, 18.

⁵⁴ Там же, № 12. С. 35.

⁵⁵ Там же. С. 34.

⁵⁶ Там же. № 10. С. 29. Можно думать, что Верея перешла к Москве достаточно поздно, в 70-е или даже в 80-е гг. XIV в. См.: *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей. С. 252.

⁵⁷ ДДГ. № 7. С. 23.

⁵⁸ Там же. № 4. С. 16, 18.

⁵⁹ Там же. № 7. С. 23.

деле по завещаниям своего отца Дмитрий должен был делить эти жеребья со своим младшим братом Иваном и матерью Александрой, а такая пошлина, как осмничее, целиком принадлежала вдове Ивана Калиты великой княгине Ульяне⁶⁰. Лишь после смерти Ивана, Александры и Ульяны в руках великого князя Дмитрия оказались (примерно в начале 70-х гг. XIV в.) те две трети поступлений с города Москвы и окологородных станов, а также две трети собираемых или реализуемых в виде повинностей пошлин, о которых в договоре 1389 г. говорится как о его изначальных долях. Поэтому утверждение Л. В. Черепнина, будто в договоре 1389 г. перечисляются «исключительно города и доходы», полученные Дмитрием Ивановичем по наследству, оказывается неточным. Однако в целом статья 11 рассматриваемого соглашения правильно фиксировала то, что принадлежало Дмитрию Донскому за два месяца до его смерти, но старалась представить обладание и землями, и доходами как давнюю норму, унаследованную великим князем от своего отца. Это стремление удревнить права Дмитрия следует связывать с его желанием упрочить земельные владения и налоговые поступления за своей семьей, старшим сыном-наследником, его братьями, а также своей женой и пресечь при этом возможные притязания на эти владения Владимира Серпуховского и его потомства.

Статья 12 очерчивала круг владений князя Владимира: «А чим благословил тоба отецъ тв[ои, князь Андрѣи, в городѣ Моск]вѣ и въ станѣх трет(ь), и пошлинь всѣ[хъ треть, удѣлом, чѣм та благословил отецъ твои, а что ти дал отецъ мои, князь велики Иван,] Городецъ в Лопасны мѣ[сто, и ты мнѣ потом челм добил отцом моим Алексѣем, митрополитом всеа Руси, и из] тебе пожаловал, [дал ти есми Лужу и Боровескъ, и что ти са достало оудѣла кн(а)г(и)нина Оулыганина, тог(о)] всего мнѣ, князю ве[ликому и моему с(ы)ну, кн(а)зю Васил(ь)ю, и моим дѣтем под тобою блюсти и под] твоими дѣтми». На первом месте в статье зафиксированы московские доходы князя Владимира. Они составляли одну треть налоговых поступлений с Москвы и околomosковских станов, а также одну треть от собираемых или выполняемых в виде натуральных повинностей пошлин. Обладание серпуховским князем московской третью припи-

⁶⁰ Там же. № 4. С. 15, 16, 17, 18.

сано в договоре 1389 г. благословению отца Владимира князя Андрея Ивановича. Однако Андрей сделать этого не мог. Он умер почти за пять недель до рождения Владимира⁶¹. К тому же у Андрея оставался старший сын Иван, которому должна была перейти большая часть владений отца. Лишь после смерти Ивана, последовавшей в 1358 г.⁶², Владимир мог получить все отцовское наследство. Но его отец владел только $\frac{1}{4}$ частью московских пошлин. До $\frac{1}{3}$ долю Владимира увеличил его дядя, великий князь Иван Иванович⁶³. Следовательно, указание статьи 12 договора 1389 г. о получении Владимиром Андреевичем от отца одной трети московских доходов было неверным, $\frac{1}{12}$ этих доходов была получена от великокняжеской власти, однако контрагент договора, Дмитрий Донской, не акцентировал на этом внимания, видимо полагая, что такая трактовка позволяет ему утверждать, что и сам он получил свои доходы и земли исключительно от собственного отца.

Что касается более существенного вопроса о земельных владениях Владимира Андреевича, то он в статье 12 был освещен гораздо точнее. Во-первых, было указано, что Владимир владеет «удѣлом, чѣм та благословил отец твой». Хотя передача всего удела Андрея Ивановича им самим сыну Владимиру места не имела, но важным было то, что великий князь признавал наследственные отчинные права удельного князя на определенные земли. Далее в статье 12 указывалось, что «Городец в Лопасны мѣ[сто]» Владимир получил от отца Дмитрия великого князя Ивана Ивановича. Это утверждение соответствовало истине⁶⁴. Специально оговаривалось, что Лужа и Боровск пожалованы Владимиру Андреевичу великим князем Дмитрием, хотя это пожалование имело место по меньшей мере за 11 лет до составления договора⁶⁵. Признавались

⁶¹ ПСРЛ. Пг., 1922. Т. XV. Вып. 1. Стб. 62–63.

⁶² ПСРЛ. Пг., 1915. Т. IV. Ч. I. Вып. 1. С. 287.

⁶³ Подробнее об этом см.: *Кучкин В. А.* Духовные грамоты московского великого князя Ивана Ивановича Красного // *Средневековая Русь*. М., 2004. Вып. 5. С. 252–253.

⁶⁴ ДДГ. № 4. С. 15, 18.

⁶⁵ Пожалование произошло по ходатайству митрополита Алексея, который скончался 12 февраля 1378 г. См.: ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 120.

за Владимиром Андреевичем и земли, которые перешли к нему после смерти вдовы Ивана Калиты великой княгини Ульяны. Все эти владения серпуховского князя великий князь Дмитрий Иванович, его старший сын Василий и остальные сыновья обязывались «[под тобою блюсти и под] твоими дѣтми». Стороны, таким образом, подтверждали незыблемые права на перечисленные земли Владимира Андреевича и его потомства, даже если некоторые из этих земель были получены в результате договоренностей с великим князем или, более того, были пожалованы великим князем. Это в какой-то мере снижало остроту недавнего конфликта между Дмитрием и Владимиром, в результате которого серпуховский князь лишился Дмитрова и Галича, в 1372 г. данных ему в удел «до живота» самим великим князем Дмитрием⁶⁶. Характерно, однако, что о собственно Дмитрове и Галиче, ставших причиной ссоры и разлада, в договоре 1389 г. не было сказано ни слова. Великокняжеская сторона не акцентировала внимания на праве Дмитрия владеть этими городами, даже намеком не обосновывала этого, удельнокняжеская сторона хотя бы на словах не обнаруживала примирения с такой конфискацией ее земельных владений. Оба договаривавшихся князя исходили из сложившейся к концу марта 1389 г. владельческой ситуации, стремясь законсервировать ее на долгое будущее — время жизни своих детей.

Далее в договоре 1389 г. шел раздел, в котором рассматривались вопросы сбора, хранения и распределения ордынской дани.

Статья 13 фиксировала процедуру сбора ордынской дани в Москве и московских станах. В том случае, если великий князь посылал «[сво]и даншикы в город и въ станы», то и серпуховский князь посылал вместе с великокняжескими своих даншиков. Такая практика основывалась на том, что каждый из договаривавшихся князей имел свои части (жеребья) в городе и в станах, и была старомосковской нормой, отразившейся еще в первом договоре 1364/1365 г. Дмитрия с Владимиром.

Статья 14 решала вопрос о сборе дани в Растовце и Перемышле. Речь шла о двух московских волостях, расположенных на север от Серпухова, рядом друг с другом на границе серпухов-

⁶⁶ ДЦГ. № 7. С. 23.

ских владений Владимира Андреевича и собственно Московского уезда, который являлся общим достоянием князей московской династии. Дань с Ростовца и Перемышля в свое время, как сообщает статья 14, была уступлена Дмитрием Владимиру Андреевичу. Теперь она должна была собираться данщиками обоих князей, Дмитрия и Владимира, поскольку так «было при нашем дѣдѣ, при великом князи, и при наших о(т)цѣхъ». Данная ссылка на старину является показателем того, что права Владимира Андреевича относительно Ростовца и Перемышля были урезаны. И действительно, во втором договоре Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем 1372 г. сохранились слова: «...мышль, в Ростовець, в Козловъ Бродъ, тѣмъ ма... отъступил... данщиковъ ти, г(о)с(поди)не, своих в та мѣста не слати...»⁶⁷, которые, несмотря на имеющиеся утраты текста, вполне возможно трактовать как уступку великого князя Дмитрия Владимиру Серпуховскому права на сбор дани в Перемышле, Ростовце и Козлове Броде. По договору же 1389 г. права великого князя Дмитрия на сбор дани в Ростовце и Перемышле были возобновлены, а права князя Владимира существенно ограничены. Это и зафиксировала статья 14 рассматриваемого докончания.

В статье 15 рассматривался вопрос о месте хранения дани, собиравшейся данщиками обоих князей. Статья постановляла, что собранная в городе Москве, московских станах и варях дань должна «ити в мою казну, а мнѣ давати въ выход». Таким образом, дань, взимавшаяся с двух третей великого князя и одной трети удельного князя, шла только в великокняжескую казну. И только великий князь вносил ее в Орду, когда нужно было платить выход.

Статья 16 представляла льготу Владимиру Андреевичу в сборе дани: «А на Козловъ Бродъ слати ти своего данщика, тѣмъ та есмь пожаловал». Выясняется, что Владимир Андреевич был лишен не всех пожалований великого князя, которые он получил по договору 1372 г. Сбор дани с Козлова Брода, волости, расположенной на южной окраине московских земель в бассейне реки Лужи, сохранился в его руках, но статья 16 договора 1389 г. напоминала, что это является великокняжеским пожалованием.

⁶⁷ Там же.

Однако данное великокняжеское пожалование фактически сводилось на нет заключительным положением статьи 16 соглашения. По этому положению, данщик князя Владимира Андреевича в Козлове Броде «что збереть, тому ити в мою казну, в городскую дан(ь)». Иными словами, удельный князь лишался права хранить дань, которую собирал с подвластного ему Козлова Брода его собственный данщик. Фактически из великокняжеского пожалования Владимир мог извлечь совсем немного — прокорм собственного сборщика дани населением волости.

Только в особом случае Владимир Серпуховский мог рассчитывать на получение дани с принадлежавшей ему московской трети. Это зафиксировала статья 17 договора 1389 г.: «А оже ны б(ог)ъ избавит, освободит от Орды, ино мнѣ два жеребья, а тебѣ треть». Владимиру отходила половина того, что получал великий князь Дмитрий. Но надо помнить, что следуемая в таком случае Владимиру треть ордынской дани хранилась в великокняжеской казне и свободного доступа к ней серпуховский правитель не имел. Все оказывалось под контролем великокняжеской власти, от настроения которой зависело, когда и сколько из предназначаемой удельному князю доли выдать ее владельцу.

Статья 18 определяла размер ордынских выплат, которые должен был собирать князь Владимир «съ своего оудѣла и со княгинина оудѣла Оульганина, съ [т]воее трети». Согласно этой статье, ордынские выплаты складывались из двух составляющих: «ордынская тагость, так(о) же и проторь». «Ордынская тагость» — налоговые поступления, шедшие в Орду. Последние состояли из регулярно собираемого «выхода» (хараджа) и экстраординарных выплат, запрашиваемых ханами. В данном случае под «тагостью» понималась обычная, ординарная ордынская дань, поскольку статья 18 повторяла терминологию статьи 23 договора 1364/1365 г., когда никакие экстраординарные ордынские запросы русскими князьями не выплачивались. Что касается «протора», то под ним, как следует из статьи 21 договора от 6–26 января 1390 г. между великим князем Василием Дмитриевичем и Владимиром Серпуховским, понимались расходы по приему ордынских послов и других официальных представителей ханской власти. Размер ордынских выплат, следуемых с владений Владимира Андреевича, составлял, согласно тексту 18 статьи договора, 320 рублей из общей суммы в 5000 рублей, которую должен

был отдавать Орде великий князь Дмитрий Донской⁶⁸. Взнос серпуховского князя равнялся всего 6,8% от выплаты великого князя и, соответственно, 6,4% от общего размера ордынской дани. И это наглядная иллюстрация финансово-экономических возможностей каждого из двоюродных братьев.

Статья 19 предусматривала случаи, когда размеры дани Орде менялись. Если общая сумма ордынской дани возрастала или, наоборот, уменьшалась, князь Владимир Андреевич должен был платить больше или меньше указанных в 18 статье 320 рублей, но, очевидно, те же 6,4% от общей суммы.

Статья 20 обязывала стороны совместно уплатить «долгъ [б]есерменьский и проторъ, и русский долгъ». Очевидно, московские князья на общие нужды в свое время сделали крупный заем. Скорее всего, заем был сделан у богатой знати и купцов. Кредиторами выступали мусульмане, на что указывают слова «долгъ [б]есерменьский», и христиане-русские. Мусульмане были иностранцами, поскольку им должен был идти еще и «проторъ», т. е. оплачивались расходы по их проживанию в русских землях. Русские кредиторы, очевидно, были своими, протор им не выплачивался. Когда, на что были взяты Дмитрием и Владимиром в долг деньги и в каком размере, договор 1389 г. не сообщает. Возможно, кредит брался после разорения в 1382 г. Москвы Тохтамышем для восстановления хозяйства и тяжелых выплат Орде, но в 1389 г. этот кредит был не погашен, и его Дмитрий и Владимир договаривались «поднять по тому же по розочту», т. е., по-видимому, в том же соотношении, что и при выплате ордынской «тагости».

Правда, А. Е. Пресняков решил, что в статье 20 речь идет о «долгах золотоордынским купцам и византийским капиталистам». К первым долгам он относил «долгъ [б]есерменьский и проторъ», хотя термин «протор» долг не обозначает, ко вторым — «русский долгъ». Его он принимал за долг, сделанный в Константинополе Пименом для подкупа византийских церковных иерархов, чтобы те

⁶⁸ А. Е. Пресняков почему-то счел, что общая сумма выплат Орде составляла по договору 1389 г. 5320 рублей. См.: *Пресняков А. Е.* Образование Великоорусского государства. С. 179, 180, примеч. 1. Однако оборот статьи 18 «в пать тысяч руб(левъ)» ясно показывает, что взнос серпуховского князя входил в сумму 5000 рублей, а не прибавлялся к ней.

поставили его в митрополиты всея Руси⁶⁹. Мнение А. Е. Преснякова было поддержано Л. В. Черепниным⁷⁰ и другими исследователями. Но если с заключением А. Е. Преснякова о «бесерменском» долге можно согласиться, то его толкование «русского долга» вызывает возражение. Если «бесерменский» долг — это долг кому-то, то и «русский» долг должен быть долгом кому-то, а не долгом кого-то, как получается при трактовке А. Е. Преснякова. Известно, что московские великие князья делали большие займы у московских купцов и не сразу возвращали полученные средства⁷¹. Летописное свидетельство о русских займах в 1379 г. в Константинополе указывает, что деньги были взяты «оу Фрязь, оу Бесермень въ росты, еже и до сего дни тотъ долъгъ ростеть»⁷². Такой долг назывался бы «фрязским» и «бесерменским». Замечание о росте процентов на взятые займы суммы сделал летописец начала XV в. Очевидно, что к тому времени расчеты по константинопольским займам не кончились. Между тем «долгъ [б]есерменьский и проторъ, и русский долъгъ» мартовского договора 1389 г. вскоре были погашены. О них нет упоминания в заключенном 6–26 января 1390 г. договоре великого князя Василия Дмитриевича с Владимиром Андреевичем, хотя там имелись специальные статьи о выплатах долгов ордынцам⁷³. Таким образом, положения статьи 20 не могут трактоваться с оригинальной и, надо признать, остроумной позиции А. Е. Преснякова.

Пятый раздел договора касался положения особых категорий людей, издавна проживавших в Московском княжестве.

⁶⁹ Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. С. 179 и примеч. 2.

⁷⁰ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. Ч. I. С. 43, примеч. 127. Примечание списано с указанного выше примечания в книге А. Е. Преснякова, поскольку содержит одну и ту же ошибку: указано, что Пимен был в Константинополе в 1377 г. (вместо правильного 1379 г.). В 1377 г. был еще жив митрополит Алексей, и Пимен никак не мог добиваться в Византии поставления в митрополиты.

⁷¹ ДДГ. № 30. С. 77, 80.

⁷² ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 130.

⁷³ ДДГ. № 13. С. 38.

Статья 21 определяла обязанности ордынцев и делюев, лиц, связанных с обслуживанием приезжавших на Русь ордынских чиновников и обеспечивавших доставку в Орду дани с русских земель. Стороны договаривались, что «наши ординци и делюи, а тымь знати своя служба, как было при наших о(т)цѣхъ». Это было повторением статьи 12 договора 1364/1365 г. и статьи договора 1372 г. между Дмитрием и Владимиром. Очевидно также, что статья 21 заключала в себе молчаливое признание князьями принципа нерушимости службы ордынцев и делюев.

Статья 22 определяла положение еще одной особой категории людей, живших в Московском княжестве: «А численных людий блюсти ны с одиног(о), а землю их не купити». Хотя по сохранившейся фразе во втором договоре великого князя Дмитрия с Владимиром Серпуховским можно понять, что в 1372 г. численные люди были разделены между двоюродными братьями, эти люди все равно составляли важную прослойку московского населения⁷⁴, а потому князья договаривались вместе, «с одиног», сохранять их и не приобретать их земель, составлявших, очевидно, основу существования числяков, как они назывались в более позднее время. Такое отношение к численным людям для Дмитрия и Владимира было традиционным, о чем свидетельствует статья 15 договора 1364/1365 г.

Столь же внимательным было отношение к лицам, обслуживавшим различные сферы княжеского хозяйства: слугам под дворским и черным людям. Согласно статье 23, «а которые слугы к дворскому, а черныи люд(и) къ становщику, тыхъ въ службу не приимати, а блюсти ны ихъ с одиног(о), а землю ихъ не купити». Основные положения статьи повторяли установления статьи 15 договора 1364/1365 г. Однако там не было запрета на приобретение князьями земель, принадлежавших слугам под дворским и черным людям. В договоре 1389 г. такое запрещение появилось. Причины этого установить сложно. Возможно, на этих лиц была распространена норма, относившаяся к численным людям, земли которых были объявлены неприкосновенными. Возможно также, что расширение

⁷⁴ По-видимому, с численных людей собиралась ордынская дань. См. ниже, анализ статьи 33.

княжеского хозяйства в конце XIV в. требовало все большего привлечения рабочей силы, и князьям приходилось принимать особые меры для ее сохранения. Так или иначе, но слуги под дворским и черные люди были уравниены в своих владельческих правах с численными людьми, и князья договаривались не принимать их на службу, соблюдать их статус и не приобретать их земель. Важно также отметить еще одно отличие статьи 23 договора 1389 г. от статьи 15 договора 1364/1365 г. В более раннем докончании были названы сотники, к которым должны были «тянуть» черные люди. В договорной грамоте 1389 г. вместо сотников фигурирует становщик. В аналогичных статьях более поздних докончаний князей московского дома снова названы сотники (сотские)⁷⁵. По материалам второй половины XV в. известны случаи, когда сотский организовывал стан и когда становщик выполнял функции сотского⁷⁶. Благодаря договору 1389 г. устанавливается, что смешение функций сотских и становщиков происходило уже в XIV в. и сотских нельзя принимать за выборных представителей крестьянского мира, поскольку становщик являлся княжеским администратором.

Следует также заметить, что названные в статьях 21–23 ордынцы, делюи, численные люди, слуги под дворским и черные люди не могут быть целиком отнесены к сельским жителям, как полагал Л. В. Черепнин⁷⁷. Например, слуги под дворским и черные люди проживали не только в сельской местности, но и в городах, что подтверждается свидетельствами более позднего времени. Указанные статьи характеризовали подвластные князьям категории населения по их функциональным и юридическим признакам, но не по месту жительства.

Промежуточная (ее трудно отнести к какому-то определенному разделу договора 1389 г.) статья 24 запрещала одному князю действовать во владениях другого: «А въ твои ми оудѣл данщи-ковъ своихъ, ни пристав[о]въ своихъ не всылати, тако же и тобѣ, и

⁷⁵ ДДГ. № 13. С. 38; № 27. С. 71; № 45. С. 131 и др.

⁷⁶ Кучкин В. А. Сотские по документальным данным XV — начала XVI века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 2 (20). С. 25, 30, 40.

⁷⁷ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 1. С. 42.

во все в мое великое княженъе, ни грамотъ не давати, ни зак[л]ад-нии не держати». Статья повторяла одну из заключительных статей договора 1372 г., но опускала требование к князьям не покупать сел во владениях другого князя⁷⁸, требование, содержавшееся и в более раннем договоре 1364/1365 г. (статья 11). Опускание такого требования, видимо, было сделано сознательно, поскольку приобретению сел в чужих владениях специально посвящался один из последующих разделов соглашения. Что же касается основного содержания статьи 24, то оно включало запрет князьям посылать своих налоговосборщиков и судебных чиновников во владения друг друга.

В шестом разделе договора были помещены статьи, в которых обговаривалась организация суда в Московском княжестве.

Статья 25 решала основной вопрос московского судопроизводства: «А судовъ ти московьскихъ безъ моихъ намѣстниковъ не суд(и)ти». Это означало, что судебные разбирательства в Москве и на территориях, входивших в состав московского судебного округа, могли вершиться только при участии наместников великого князя. Из документов более позднего времени известно, что московские суды происходили при участии как великокняжеских наместников, так и удельнокняжеских⁷⁹. Намеки на такую совместную процедуру ведения судебных разбирательств содержатся и в более раннем договоре 1348 г. великого князя Симеона Ивановича с братьями⁸⁰. Следовательно, в договоре 1389 г. эта старая московская традиция была нарушена. Теперь все московские суды переходили под контроль великокняжеской власти.

Однако поступление судебных штрафов регулировалось нормами прежнего времени. Статья 26 констатировала, что, если великий князь будет «московьскыи суды суд(и)ти, тѣмъ ми са с тобою дѣлити». Таким образом, судебные пошлины продолжали делиться между великим и удельным князьями, давний принцип был сохра-

⁷⁸ ДДГ. № 7. С. 24.

⁷⁹ См., например, статью 16 договора 1390 г. между великим князем Василием Дмитриевичем и Владимиром Андреевичем Серпуховским — ДДГ. № 13. С. 38.

⁸⁰ ДДГ. № 2. С. 12.

нен. Но в каком соотношении, договор не разъяснял, доля каждого из князей в статье 26 не оговаривалась. Обычной нормой должно было быть соотношение 2:1, по размеру третей, принадлежавших в Москве Дмитрию (две трети) и Владимиру (одна треть). Вероятно, в силу обыденности такой пропорции в договоре и не были указаны размеры судебных штрафов, следуемых великому князю и князю удельному.

После общих положений о московском судебном производстве в договоре 1389 г. следовали статьи, рассматривавшие различные судебные казусы. Статья 27 касалась случаев, когда конфликт возникал между двумя москвичами при отсутствии в Москве великого князя: «А буду опроче Москвы, а оударить ми челом москвитинъ на москв[и]тина, пристава ми дати, а послати ми къ своимъ намѣстником, ини исправу оучинать, а твои намѣстник(и) с [ними]». В такой ситуации великий князь давал из числа своих людей судебного чиновника — пристава, очевидно, истцу, причем, судя по смыслу двух последующих статей договора, человеку великого князя, и посылал к своим наместникам, которые должны были произвести суд. В суде могли присутствовать наместники удельного князя.

Статья 28 разбирала другой казус, касавшийся исков великокняжеских людей к людям удельного князя: «[А] оударить ми челом хто из великоз(о) кн[(а)ж(е)нья на моск]витина на твоего боярина, и мнѣ приста[ва послати по него, а тобѣ послати] за своимъ своего [боярина]». В случае жалобы не москвича, но человека великого князя, жившего в великом княжении, на боярина-москвича удельного князя, великий князь посылал к ответчику своего пристава, а удельный князь посылал к ответчику своего боярина. Очевидно, что таким путем великокняжеская власть вмешивалась в юридические отношения между удельным князем и его боярством, которое подпадало под известный контроль великого князя. Суд же над жившим в Москве боярином удельного князя должен был, согласно статье 25, осуществляться московскими наместниками великого князя.

В статье 29 рассматривался еще один вариант иска человека великого князя к удельнокняжескому: «[А удари]ть м[и] челом мои на твоего, хто живетъ в твоємъ [удѣль, и мнѣ послати к тобѣ], и [тобѣ] ему и[спра]ва у[чинити]». Выясняется, что если ответчиком

являлся человек удельного князя, живший не в Москве, а в уделе Владимира, то процедура суда менялась. Великий князь извещал удельного об иске своего человека, а удельный князь сам разбирал дело. В юрисдикцию удельного князя на территории его удела великий князь уже не вмешивался, он мог только поставить в известность удельного князя об иске к его человеку.

Статья 30 трактовала вопросы процедуры исков удельнокняжеских людей к людям великого князя: «[А ударит ти челом твои] на моего, хто живет в моемъ оудѣл(ѣ), [в великом княженъе, и то]бѣ его послати [ко м]нѣ, и мнѣ ему исправа учинити. А за [ними с]лати н[ам] своихъ богарь». Описанная в статье процедура в принципе повторяла схему, изложенную в предыдущей статье 29, менялось только положение истцов и ответчиков, а судьей становился великий князь. Кроме того, князя посылали за конфликтовавшими лицами своих бояр. Судя по логике статьи, удельный князь посылал своего боярина к истцу, великий князь — к ответчику. К сожалению, лаконичность договорного постановления не позволяет решить, в качестве кого выступали такие бояре: в качестве ли судебных чиновников, которые должны были доставить в суд спорящие стороны, или в качестве адвокатов этих сторон.

Последняя, 31 статья раздела, опираясь на существовавшую к 1389 г. практику, определяла состав московского судебного округа: «А которыи суд(ы) потагли [к горо]ду к Москвѣ при наших о(т)цѣх, [тѣ суды] и н(ы)нѣча п[ота]нуть к городу». Статья почти дословно повторила статью 17 договора 1364/1365 г.

В особый раздел в договоре был выделен вопрос о владениях одного князя, его детей и бояр в землях другого князя.

Статья 32 запрещала приобретение сел удельным князем, его окружением во владениях великого князя: «А сель ти не купити в моемъ оудѣлѣ, ни въ великом кна[женъ]и ни твоимъ дѣтем, ни твоимъ богаром». Это запрещение касалось настоящего и распространялось на будущее.

В статье 33 рассматривалось положение с уже имевшимися селами и землями инокняжцев: «А хто буде по[ку]пил земли данныѣ, служни или черных люд(и)и по о(т)ца моего животѣ, по княз(а) великог(о) по Ивановѣ, а тѣ, хто взможеть выкупит(и), инѣ выкупат, а не взмогутъ выкупити, инѣ потанут к черным людем. А хто не въсхочетъ танути, инѣ са земель съступат, а земли черным лю-

дем даром». Внимание обращалось на земли черных людей, которые по статье 23 анализируемого договора покупать запрещалось. Земли «служни», очевидно, земли различных «служних людей», которые упоминаются в договоре 1348 г. И эти земли, согласно той же статье 23, отчуждать было нельзя. В статье 22 была названа еще одна категория населения, земли которой нельзя было покупать, — численные люди. Рассматриваемая статья 33 упоминает «земли данных», сделки на которые должны были быть аннулированы. Л. В. Черепнин, раскрывая содержание рассматриваемой статьи, писал, что эта статья предусматривала «защиту от расхищения земель слуг под дворским и черных людей»⁸¹, но даже не упомянул о землях «данных», видимо затрудняясь определить, кому такие земли принадлежали. Похоже, что это земли численных людей, и тогда делается понятной главная функция последних — уплата ордынской дани или выполнение каких-то натуральных повинностей, связанных с обслуживанием представителей Орды. Теряли перечисленные земли лица, которые приобрели их «по (о)тца моего животоу», т. е. после смерти отца Дмитрия Донского великого князя Ивана Ивановича, иными словами, в правление самого Дмитрия. Иван Иванович умер в 1359 г.⁸² Следовательно, в договоре 1389 г. был оговорен 30-летний срок давности, после которого владения инокнязей в чужих княжеских уделах сохранялись. Но если проходило менее 30 лет с момента приобретения таких владений, хозяева их теряли. По статье 33 земли могли быть выкуплены. На владельцев невыкупленных земель должны были распространиться повинности черных людей. Кто из владельцев не хотел выполнять эти повинности, тот земель лишался, и они переходили к черным людям даром. Несомненно, это была суровая мера, очищавшая владения одного князя от расселявшихся там людей другого князя. Однако кто больше выиграл от этих новых правил, великий князь или князь удельный, сказать трудно. Конечно, великий князь имел в своем распоряжении гораздо больше земель, и там людям удельного князя было легче приобрести свои владения. Но и расселение людей великого князя в землях удельного сужало возможности по-

⁸¹ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 1. С. 42.

⁸² ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 68.

следнего, подрывая его военную и политическую мощь. Из первого договора Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем следует, что за военную помощь двоюродного брата Дмитрий расплачивался размещением его людей в своих землях. Очевидно, за 30 лет на территории великокняжеского удела и землях великого княжения, которыми распоряжался Дмитрий, возникло немало владений бояр и слуг серпуховского князя. Теперь великий князь стремился перераспределить эти владения и, конечно, в свою пользу.

Статья 34 повторяла положения статьи 32, но в зеркальном отражении. Она запрещала покупку сел в уделе Владимира Андреевича великому князю, его детям и его боярам.

Соответственно статья 35 в краткой форме резюмировала положения статьи 33, только применительно к владениям князя Владимира: «А хто будет покупил, а то по тому же».

Восьмой раздел договора был посвящен правам бояр великого и удельного князей. Раздел открывался статьей 36, носившей общий характер: «А богаром и слугамъ межи нас вольным волга». Статья повторяла статью 18 договора 1364/1365 г. между теми же князьями, но вносила в нее определенное уточнение: «межи нас».

Статья 37 касалась положения великокняжеских бояр в уделе Владимира Андреевича и бояр серпуховского князя на землях великого князя: «А хто иметь жити моихъ богаръ и моего с(ы)на, княжих Васильевых, и моихъ дѣтеи въ твоємъ оудѣлѣ, блюсти ти ихъ, как и своихъ, и дан(ь) взати, как и на своихъ. А хто иметь жити твоихъ богаръ въ моемъ оудѣлѣ и въ великом княженни, а тѣх намъ блюсти, какъ и своихъ, и дан(ь) взати, как и на своихъ». Стороны договаривались соблюдать права бояр другого князя, живших на их земле. Относительно последнего условия статьи («дан(ь) взати, как и на своихъ») Л. В. Черепнин писал, что данное условие фиксировало право князей брать дань с проживавших на их землях бояр чужого князя⁸³. В принципе, это так, но основной смысл данного требования заключался не в утверждении такого княжеского права (оно, видимо, было настолько древним и распространенным, что в княжеской договорной практике XIV в. уже не нуждалось в особом подтверждении), а в соблюдении княжеской обязанности

⁸³ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 1. С. 43.

взимать с чужих бояр дань в том же размере, что и с бояр собственных.

Статья 38, по сути дела, имела отношение к порядку сбора дани, но поскольку речь шла о случае исключительном — уплате дани боярами, статья была внесена в раздел о боярах. Статья гласила: «А коли ми взати дан(ь) на своихъ богарѣхъ на больших и на путных, тогда ти взати на своихъ так(о) же по кормленью и по путемъ да дати ти мнѣ, а то опроче того оурока, трехъ сотъ руб(левъ) и д[ват]цати». Из содержания статьи вытекает, что стороны договаривались действовать синхронно, если Орда требовала больше дани, чем обычно⁸⁴. Тогда русским князьям приходилось облагать налогом самых знатных бояр. У великого князя это были бояре большие и бояре путные, ведавшие различными отраслями великокняжеского хозяйства. Удельный князь сам определял группу облагаемых данью бояр. Он должен был исходить из доходности их кормлений и путей, которые они возглавляли. Собранная удельным князем дань поступала в распоряжение великого князя, который, очевидно, и выплачивал ее татарам. Чтобы избежать каких-либо кривотолков, в тексте договора четко указывалось, что эта дань с бояр — особая, помимо тех 320 рублей, что должен был отдавать Владимир Андреевич в общую уплату 5000 рублей ордынской тягости и протора.

Девятый раздел договора 1389 г. был посвящен организации военной службы во владениях договаривавшихся князей.

Статья 39 устанавливала принцип единого командования войском, собиравшимся с одной территории: «А коли ми будет послати на рать своихъ воеводъ, а твоихъ богаръ хто имет жити въ моемъ оудѣл(ь) и в велик[омъ к]нажен(ь)и, и тѣмъ поѣхати с моимъ воеводою, а моимъ по тому же съ твоимъ воеводою». Таким образом, удельнокняжеские бояре и слуги вольные, которые составляли основу русского войска XIV в., проживавшие во владениях великого князя, должны были идти на войну под командованием воеводы

⁸⁴ Что речь идет об ордынской дани, следует из указанной в рассматриваемой статье суммы в 320 рублей. Именно такую сумму должен был выплачивать по статье 19 договора 1389 г. Владимир Андреевич со своих владений в счет погашения ордынской тягости и протора.

(или воевод) великого князя. В свою очередь, воевода удельного князя возглавлял войско, собиравшееся с земель, принадлежавших удельному князю, даже если на этих землях жили бояре и слуги вольные великого князя. Эта норма сменила прежнюю, отраженную в первом договоре между Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем, заключенном в 1364/1365 г. В статье 28 того договора указывалось, что при отпуске в поход воевод Дмитрия из великого княжения Владимир должен был «без ослушанья» послать и своих воевод, т. е. люди каждого князя шли на войну со своими воеводами. В организации войска московских князей с 60-х гг. XIV в. торжествовал принцип личной службы. В 1389 г. он был заменен на принцип территориальной организации войска. И это вызывалось насущными интересами великокняжеской власти. Отторжение от владений Владимира Серпуховского Дмитрова и Галича еще не означало выселения из этих земель бояр и слуг князя Владимира, которые расселялись там по меньшей мере с 1372 г., когда Владимир Андреевич по соглашению с великим князем Дмитрием получил Дмитров и Галич. Люди Владимира Серпуховского, населявшие эти территории, представляли серьезную военную силу. Великокняжеская власть была заинтересована в переподчинении этой силы, в ограничении возможностей удельного князя командовать ею. И главным стал территориальный принцип, безусловно более удобный для центральной власти, чем принцип организации войска по признаку личной службы.

Статья 40 обязывала князя Владимира принимать участие в боевых действиях, если их начинал великий князь: «А коли ми будет самому всѣсти на конь, а тебѣ со мною». Статья повторяла первую часть статьи 32 договора 1364/1365 г., превращая эту часть в самостоятельную норму и подчеркивая тем самым значение этой нормы.

Статья 41 была весьма короткой: «Или та куды пошлю, и твои бояре с тобою». С одной стороны, статья конкретнее раскрывала требование статьи 6 анализируемого договора о службе князя Владимира великому князю «безъ ослушанья», с другой — обобщала положения заключительной части статьи 32 договора 1364/1365 г. При условии, что в поход выступал один князь Владимир, он собирал свое войско не только с собственной территории, но и с земель великого князя, если там жили его бояре. Последние, как выясняет-

ся, состояли под двойным командованием. Если на войну отправлялось войско великого князя, то бояре шли на нее под командованием воевод великого князя. Если на войну шел один удельный князь, то командовал ими он.

Статья 42 вносила оговорки относительно собственно московского войска: «А московская рать, хто ходил с воеводами, тѣ и нонѣч(а) с воеводами, а нам ихъ не приимати». Совместное владение Москвой выливалось в признание права каждого из князей ставить во главе служивших им по Москве бояр и слуг своих воевод. По-видимому, именно этих воевод стороны соглашались «не приимати», т. е. не принимать на службу, хотя указание на «ихъ» может быть сопоставлено со словом «тѣ», обозначающим воинов московской рати. Однако второй вариант трактовки приведенного текста вряд ли возможен, поскольку возникает резкое противоречие между таким пониманием статьи 37 и предшествующей ей статьей 36, провозглашавшей принцип вольности боярской службы. Получается, что, придя к соглашению о свободе боярских переходов, стороны тут же запрещали такой переход большинству своих бояр и военных вольных слуг. Скорее, запрет распространялся только на начальствовавшую военную верхушку. Но даже такое ограничение нарушало принцип вольности боярской службы. Очевидно, конкретные военные интересы сторон в данном случае превалировали над давним принципом свободы боярского выбора службы.

Далее в договоре шел небольшой раздел, посвященный городскому населению.

Статья 43, как и статья 42, тоже запрещала договаривавшимся сторонам принимать людей на службу. Однако на этот раз речь шла не о боярах-воеводах, а о жителях города: «А гости и суконниковъ, и городьскихъ люд(и)и блюсти ны с одиного, а въ службу ихъ не приимати». Такое условие, касавшееся гостей — крупных торговцев, имевших дела, как правило, с зарубежными партнерами; суконников — купцов, торговавших с Литвой и Польшей, через которые в русские земли поступало производимое в странах Западной Европы сукно; других горожан, впервые было внесено в договорную грамоту московских князей. Сопоставляя данное условие с нормами статей 23 и 33, следует заключить, что московские князья в 1389 г. были явно озабочены тем, чтобы сохранить имевшихся в

их распоряжении слуг под дворским, черных людей, купцов и городских жителей, т. е. производителей и торговцев, от которых в конечном итоге зависело благосостояние самих князей. Вероятно, что тяжелые последствия сожжения Москвы Тохтамышем и гибели многих жителей Москвы в 1382 г. были не до конца преодолены в 1389 г., что и вызывало повышенное внимание к таким людям со стороны княжеской власти.

Самое прямое отношение к княжеским людям в городе имела и статья 44: «А въ городъ послати ми своіхъ намѣстниковъ, а тебѣ своего намѣстника, инѣ очистать и холоповъ наших и сельчанъ по о(т)ца моего живот, по княз(а) по великоз(о)». Она также впервые в договорных грамотах московских князей решала вопрос о положении княжеских холопов и сельских жителей, оказавшихся по тем или иным причинам в городе. В принципе такие люди должны были быть освобождены (очищены) от своих обязанностей по отношению к третьим лицам и возвращены прежним господам — князьям Дмитрию и Владимиру. Очевидно, что последние испытывали явный недостаток в рабочих руках и стремились восполнить его самыми разнообразными способами. Однако статья ограничивала давность сыска 30 годами. Холопы и сельчане, перебравшиеся в город до смерти в 1359 г. отца Дмитрия Донского великого князя Ивана Ивановича, сохраняли приобретенный в городе новый статус.

Последний раздел договора был посвящен рассмотрению споров между договаривавшимися князьями.

Статья 45 констатировала, что при возникновении спорных дел Дмитрий и Владимир направляют своих бояр, которые разрешают конфликт: «А которага дѣла оучин[атс]ѣа межи нами, и намъ отслати своихъ бояръ, инѣ исправу оучинатъ».

Статья 46 предусматривала случай, когда бояре не приходили к общему согласию: «А о чемъ сопрутьса, ини ѣдутъ к митрополиту». При возникновении споров среди бояр — княжеских представителей их третейским судьей выступал митрополит. Здесь проявлялось отличие договора 1389 г. от более раннего соглашения 1364/1365 г., в котором третейским судьей выступал не митрополит, а лицо, избранное самими спорившими боярами.

Такая процедура предусматривалась и договором 1389 г., но в особых условиях. В статье 47 говорилось: «А не будет митропо-

лит в сеи земль, инѣ на третей, кого себѣ изберуть». Очевидно, что это самостоятельное избрание боярской комиссией третьейского судьи в последнем договоре Дмитрия Донского из явления заурядного, каким оно было еще четверть века назад, превращалось в явление исключительное, вызванное экстраординарными обстоятельствами — отсутствием в стране митрополита. Л. В. Черепнин трактовал данное положение как указание на отъезд митрополита за границу⁸⁵. Подобное понимание вполне возможно. Но его следует дополнить и более широким толкованием: отсутствием в стране митрополита вообще, вакантностью митрополичьей кафедры, что в княжение Дмитрия Донского неоднократно имело место. Такие правила вводились для того, чтобы спорные дела между князьями непременно находили свое решение, при участии митрополита или без него. Главное заключалось в устранении конфликтных вопросов и в скорости их разрешения, поскольку затягивание могло привести к длительным и со временем осложнявшимся враждебным отношениям.

Конечно, при этом какая-то сторона могла остаться недовольной и вылить свой гнев на участвовавших в исправе бояр. Тогда в силу вступала статья 48 договора, где подобная ситуация предусматривалась: «А которыѣ богаре оумолвать, то подо[им]еть княз(ь), которого оумолвать, а богаромъ вины нѣтъ». Князь, проигравший спор, обязан был подчиниться заключению общей боярской комиссии и не обвинять бояр в неправильном разрешении коллизии.

Последняя, 49 статья договора фиксировала целование креста друг к другу князей, заключивших соглашение: «А на семь на всемъ целовали есмы кр(е)сть ѡазъ, княз(ь) великыи Дмитр[еи] Иванович, и с(ы)нъ мои, княз(ь) Василей, и за свои дѣти, ко князю Володимеру Ондрѣвичю, и къ его дѣ[тем]. А княз(ь) Володимеръ Ондрѣвич целоваль кр(е)сть ко мнѣ, ко князю великому, и къ моему с(ы)ну, [ко] князю к Василью, и къ моимъ дѣтем, и за свои дѣти, по любви, въ правду, безъ всакые х[ит]рости». Обычно заключительные статьи о крестоцеловании княжеских договоров повторяли титулы контрагентов в начальных *intitulatio* и *incriptio* со-

⁸⁵ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 1. С. 44.

глашений. В данном случае был сохранен титул Дмитрия Ивановича — князь великий, но определения Владимира Андреевича как «брата... молодшего» и «сына» Дмитрия были сняты. За Владимиром был сохранен единственный его титул — князь. В числе лиц, кто должен был целовать крест князю Владимиру, помимо Дмитрия указан его старший сын Василий и остальные его дети, совершенно не названные в *intitulatio* договора, но названные в статье 2. Однако второй сын Дмитрия Донского Юрий, упомянутый в той статье, в заключительной статье докончальной грамоты не фигурирует. Вместе с «меньшими» детьми Дмитрия Ивановича он представлен в группе «своих детей» великого князя. Дмитрий Донской вместе со старшим сыном «и за свои дѣти» целовал крест не только к Владимиру, но и к его детям. Сыновья Владимира не упомянуты ни в *inscriptio* договора, ни в его первых статьях, определявших статусы сторон. Впервые они упоминаются только в статье 8 докончания. Тем не менее в заключительной статье о крестоцеловании они фигурируют. Они названы и в той части этой статьи, которая говорит о целовании креста Владимира Андреевича великому князю Дмитрию, его старшему сыну Василию и остальным сыновьям. Такое внимание к потомкам обоих князей свидетельствует о том, что действие договора было рассчитано на длительный срок. Великокняжеская власть желала увековечить те выгодные ей нормы, которые нашли отражение в договоре, и пошла на то, чтобы расширить круг ответственных за соблюдение соглашения лиц, включив в него всех детей договорившихся князей. Что касается заключительного оборота последней статьи договора («по любви, въ правду, безъ всакие х[ит]рости»), то его не следует расценивать как свидетельство о возрождении любви и прямотушия в отношениях между двоюродными братьями, князьями Дмитрием и Владимиром. Это был трафаретный оборот, употребленный еще в первом договоре между этими князьями и встречающийся в целом ряде внешнеполитических договоров, заключенных Дмитрием и Владимиром совместно.

Оценивая договор между великим князем Дмитрием Ивановичем и его двоюродным братом, серпуховским удельным князем Владимиром Андреевичем от 25 марта 1389 г. в целом, необходимо прежде всего обратить внимание на то обстоятельство, что договор был создан в великокняжеской канцелярии. В договорной грамоте

нет ни одной статьи, ни одного оборота, которые были бы составлены от имени Владимира Серпуховского. Весь текст написан от лица великого князя Дмитрия.

Уже эта формальная особенность докончальной грамоты свидетельствует о том, что договор отразил преимущественно интересы великокняжеской власти, был выгоден этой власти. И действительно, хотя в договоре 1389 г. совершенно отсутствуют упоминания Дмитрова и Галича, отнятых у Владимира Андреевича великим князем, соглашение закрепляет эти города с относившимися к ним территориями за Дмитрием Ивановичем. Достигается это достаточно своеобразным способом: отсутствием упоминаний обоих центров в статье 12 соглашения, в которой перечисляются владения Владимира Серпуховского. Но сопоставление данной статьи с другими источниками, такими, как второй договор 1372 г. Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем, где сохранились слова «г(о)с(поди)не, дал въ оудълъ Галичь, Дмитровъ с волостьми и съ...и твоим дѣтемъ под моими дѣтьми, и до живота»⁸⁶, свидетельствующие о передаче великим князем Дмитрием Галича и Дмитрова в удел серпуховскому князю и о обязательстве великого князя сохранять эти города за Владимиром и его детьми «до живота»; как летописное известие о рождении 18 января 1389 г. у Владимира Андреевича сына Ярослава («въ градѣ Дмитровѣ»⁸⁷; как последнее завещание Дмитрия Донского, составленное, скорее всего, в первой половине мая 1389 г., согласно которому Галич отходил его второму сыну Юрию, а Дмитров — его четвертому сыну Петру⁸⁸, показывает, что Галич и Дмитров по меньшей мере с 1372 г. и по начало 1389 г. находились в руках Владимира Серпуховского. По договору от 25 марта 1389 г. этих городов у князя Владимира уже не было. Очевидно, что ими стал распоряжаться великий князь. Следовательно, договор зафиксировал серьезное сокращение размеров территорий, над которыми властвовал удельный князь.

Договор сузил и финансовые возможности этого князя. Согласно статье 14 в волостях Растовце и Перемышле вместо удель-

⁸⁶ ДДГ. № 7. С. 23.

⁸⁷ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 154.

⁸⁸ ДДГ. № 12. С. 34.

нокняжеских вновь стали действовать великокняжеские данщики. Только сбор дани в волости Козлов Брод был оставлен за серпуховским князем. Однако вся дань шла в великокняжескую казну, и Владимир Андреевич мог рассчитывать на получение лишь трети такой дани, да и то при условии, что московским князьям не придется вносить платежей в Орду.

Претерпели изменения юридические прерогативы удельного князя. Теперь по статье 25 договора он не мог производить в Москве судебных разбирательств без наместников великого князя. А вот московские суды, в которых истцами и ответчиками выступали только люди великого князя, происходили без присутствия наместников удельного князя. Ранее же все суды в Москве были совместными, на них присутствовали наместники всех московских князей — совладельцев Москвы⁸⁹.

Наконец, уменьшились и ослабли военные функции удельного князя. Статья 39 договора вводила правило, согласно которому организация войска и командование им осуществлялись по территориальному признаку, а не по признаку служебной зависимости от того или иного князя, как было прежде. При переходе Дмитрова, Галича и их волостей, в которых проживали бояре и военные слуги Владимира Андреевича, в руки Дмитрия Донского эта норма имела существенное значение, поскольку передавала под командование великокняжеских воевод военнотружителей людей удельного князя.

Таким образом, последний договор Дмитрия Донского, заключенный менее чем за два месяца до кончины этого князя, отразил планы великокняжеской власти, направленные на упрочение своего положения в настоящем и будущем, ослабление власти удельного князя, а также определенные конкретные шаги по реализации этих планов. Великий князь Дмитрий стремился к ограничению владений своего удельного родственника, его фискально-финансовых, судебных и военных полномочий. В принципе, уменьшение, а затем и полная ликвидация различных властных функций удельных князей по отношению к земельным владениям, а также людям и приводили к централизации власти, сосредоточению ее в одних руках, формированию монархии. Однако путь к этому был долгим

⁸⁹ Там же. № 2. С. 12.

и извилистым. Примечательно, что Дмитрий Донской, добившись в своем последнем договоре с Владимиром Андреевичем его согласия на ограничение прав в территориальной, финансовой, юридической и военной сферах деятельности, урезал их весьма осмотрительно. Он отобрал только часть из пожалованных им же самим серпуховскому князю земель, совершенно не трогая действительно отчинных владений двоюродного брата. Лишая права князя Владимира посылать своих наместников во все московские суды, Дмитрий допускал их пассивное присутствие в таких, которые разбирали дела служивших Владимиру людей. Кроме того, великий князь делился с удельным судебными штрафами. Вводя принцип территориального формирования вооруженных сил, Дмитрий вместе с тем не распространял его на все случаи военных действий. Принцип действовал тогда, когда в поход выступали великий и удельный князья одновременно. Но если на войну посылался один удельный князь, то его войско формировалось по прежним нормам служилых отношений, вне зависимости от того, где жил человек, обязанный службой удельному князю.

Тем не менее к новациям в междукняжеских отношениях, отраженным в мартовском договоре 1389 г., русское общество конца 80-х гг. XIV в. оказалось не готово. После смерти Дмитрия Донского между его наследниками и удельным князем Владимиром Серпуховским последовала затяжная борьба, которая завершилась возвращением многих старых порядков. Но это уже иная и особая тема.

Е. Л. Конявская

Суд над тверским епископом Евфимием и поставление на епископскую кафедру Арсения *

Как известно, Арсений Тверской был возведен на епископскую кафедру церковным собором в Твери и митрополитом Киприаном из его архидиаконов после низвержения Евфимия Висленя. Подробное повествование о суде над Евфимием и поставлении Арсения¹ сохранилось на бумажной вклейке в пергаменный Церковный устав (ГИМ. Син. собр. 331. Л. 277–277 об. Бумажная вклейка. — 1438 г.), в Рогожском летописце, Симеоновской летописи, Тверском сборнике, Никоновской летописи (и Лицевом своде Ивана Грозного, а также зависимом от него сборнике РГБ. Фадеева № 24), в летописной подборке ГАТО (Ф. 1409. Оп. I. № 1129 и № 1554) и в Житии Арсения Тверского².

Рассказ о суде над епископом — в нашей книжности сюжет довольно редкий и, надо сказать, несмотря на то, что имеется не-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 03-04-00183а).

¹ Целый ряд общерусских летописей содержат краткое сообщение об этих событиях, которое будет анализироваться ниже.

² В связи с источниками Жития Арсения упоминал о рассказе из Устава (и «некоторых летописей») В. О. Ключевский. Однако он не останавливался подробно на текстологических проблемах этого материала (см.: *Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник*. М., 1871. С. 183–184).

сколько летописных сообщений и одно агиографическое, суть происходившего не совсем ясна. Дошедшие до нас тексты останавливаются с разной степенью подробности на внешней стороне событий, но практически ничего не говорят о предыстории и сути конфликта между тверским великим князем Михаилом Александровичем и епископом Евфимием³. Кроме того, интерпретацию затрудняют противоречия в изложении хронологии и хода событий.

Данный сюжет обсуждался в научной литературе, события 1390 г. толковались учеными по-разному, однако генезис посвященных им древних текстов остается невыясненным.

На текст о суде из тверского Церковного устава и Никоновской летописи обратил внимание Н. М. Карамзин, подчеркнув, что первый написан «современником» и «достовернее» рассказа Никоновской⁴.

Кратко упомянул об этих событиях, сославшись на те же источники, митрополит Макарий. При этом он посчитал, что первый рассказ создан в среде недоброжелателей Евфимия, автор же второго (версии Никоновской летописи) представил дело «в его пользу»⁵.

С. М. Соловьев также усмотрел в источниках разную трактовку виновности Евфимия: «...по одним известиям, обвиняемый не мог оправдаться, не обрелась правда в устах его, по другим, обвинения были клеветами»⁶. С. М. Соловьев использовал также статью «Сведения о соборах, бывших в Русской церкви в XIV и XV стол.»⁷, где рассматриваемые события интерпретируются по позд-

³ Лишь по сообщениям Тверского сборника под 6894 и Никоновской летописи под 6895 г. можно определить, что ссора длилась несколько лет: «Тои же зыми князь великий Михаило не захотѣ Еуфимиа владыки. Онъ же иде въ монастырь къ святому Николѣ надъ ручаемъ» (ПСРЛ. СПб., 1863. Т. XV. Стб. 444). В Никоновской летописи дополнительно указано, что это случилось в январе.

⁴ Карамзин Н. М. История Государства Российского. М., 1993. Т. V. С. 310.

⁵ Макарий, митр. История Русской Церкви. М., 1995. Кн. 3. С. 394.

⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. II. (Т. 3–4). С. 587.

⁷ Христианское чтение. 1852. Т. I. С. 357, примеч. 9.

нему авторскому Житию Арсения Тверского, написанному архимандритом Макарием в 1764 г.⁸

В. С. Борзаковский в основном следовал С. М. Соловьеву⁹, но привлек текст Тверского сборника и материалы В. Н. Татищева, отметил он и «очень короткое замечание о назначении Арсения» в Воскресенской летописи¹⁰. Он правильно отнес рассказ Тверского сборника к той же редакции, что и текст Устава. Обратил внимание исследователь на упоминание в этой редакции географического пункта Починка и даты 3 июля, воскресенья, и осторожно заметил, что эти данные свидетельствуют о том, что указанными источниками «пренебрегать не следует». Как и С. М. Соловьев, он привел данные из «Сведений о соборах», однако от собственных выводов о сути конфликта отказался.

Относительно дат поставления Арсения В. С. Борзаковский отметил, что в Уставе приводится 24 июля, а по Никоновской, «Арсений, вторично приехавший в Тверь, был посвящен 15 авг. Кажется, — продолжает исследователь, — что от 24 июля до 15 авг. срок очень короткий для того, чтобы Киприану из Твери успеть в Мо-

⁸ В качестве исторического источника Макарьевское Житие выглядит весьма сомнительным (см.: *Конявская Е. Л.* Святитель Арсений епископ Тверской в агиографических и летописных текстах // *Мир житий.* М., 2002. С. 146, 148–149, 155; *Она же.* Святитель Арсений, епископ тверской // *Тверская старина.* 2002. № 21–22. С. 26).

⁹ Отчасти опирался В. С. Борзаковский и на работу И. Д. Беляева (см.: *Беляев И.* Михаил Александрович, великий князь Тверский // *Чтения ОИДР.* М., 1861. Кн. 3. С. 23–34), которого цитировал весьма сочувственно. Однако в отношении критики источников работа И. Д. Беляева — это шаг назад. Он пересказывал повествование Никоновской летописи, полностью ему доверяя. Напротив, текст из Устава вызвал у него недоверие, поскольку он не усмотрел связи между вклейкой и основным текстом Устава, а почерк на вклейке счел почерком XVII в. В разысканиях И. Д. Беляева фигурируют неверные даты. Так, вместо 1390 г. называется 1391. Говорится, что в связи с тем, что «Арсений все не соглашался принять трудное для него назначение», «Тверские владения около четырех месяцев оставались без епископа» (с. 25). Какие расчеты заставили автора работы говорить о четырех месяцах, непонятно.

¹⁰ *Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. СПб., 1876. С. 376.

ску, потом вернуться в Тверь»¹¹. Однако увязывать таким образом две даты не совсем корректно, ибо в Никоновской не говорится, когда состоялось так называемое «первое поставление» (24 июля — дата другой редакции рассказа).

Е. Е. Голубинский располагал лишь текстами Устава и Никоновской летописи. Он писал, что оба повествования «современные», но текст Устава назвал «более авторитетным». Выявив текстуальные совпадения, исследователь обратил внимание и на отличия в «хронологической и внешне-фактической стороне дела»¹²: в Уставе митрополит Киприан отправляется в Тверь «съ Петрова дни» (а не с «Велика», как в Никоновской); в Никоновской летописи говорится о двух его поездках в Тверь, источники дают разные даты поставления Арсения. Отметил историк церкви и то, что в Никоновской летописи, в отличие от текста из Устава, говорится о попытке Киприана установить мир между враждующими сторонами. «Как объяснить и как примирить разногласия двух повествований, остается для нас недоуменным»¹³, — заключил Е. Е. Голубинский.

Наиболее подробный и продуктивный анализ рассказов о тверских событиях 1390 г. был проведен в работе И. А. Виноградова «Святой Арсений, епископ Тверской» (Тверь, 1909). Тверской исследователь использовал также рассказ Тверского сборника и сообщение Воскресенской летописи. Принимал он во внимание и Житие Арсения Тверского, хотя и считал его поздним, так как располагал списком XVII в. (ГАТО. № 787). Исследователь вычислил дату начала суда, учитывая указание источников на то, что 3 июля, «в день недельный», митрополит служит святую литургию в Спасо-Преображенском соборе, а суд собрался на четвертый день, т. е. 6 июля. Однако он неправоммерно посчитал, что Тверской сборник указывает эту дату в качестве времени поставления Арсения¹⁴. Даты хиротонии Арсения Тверской сборник не содержит, а

¹¹ Там же. С. 377.

¹² Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1900. Т. II. Ч. 1. С. 304.

¹³ Там же. С. 304–305.

¹⁴ Виноградов И. А. Святой Арсений, епископ Тверской. Тверь, 1909. С. 26–27. Сам же автор отмечает, что «Твер. летопись говорит глухо: и

исходить из того, что суд и поставление случились в один день, невозможно.

Учитывая наличие полных дат: 3 июля, воскресенье, и 24 июля, воскресенье, — тверской исследователь определил год этих событий — 1390. Далее, пытаясь примирить данные разных источников, в качестве даты суда он называет 6 июля, а 24 июля датирует поставление Арсения, «к каковому времени Киприан, по просьбе Михаила Александровича, путешествовал в Тверь во второй раз»¹⁵. Однако И. А. Виноградов не объяснил, почему является неверной дата Воскресенской летописи — 15 августа, читающаяся также в Никоновской летописи — в сообщении о втором приезде Киприана. Таким образом, игнорируя дату Никоновской летописи, он счел необходимым принять во внимание ее данные о повторном приезде Киприана в Тверь.

Отсутствия сообщения о повторном визите митрополита в Уставе и Тверском сборнике И. А. Виноградов объяснил следующим образом: «Тверитянам неприятно было повествовать о том, что св. Арсений не желал быть у них епископом по причине волнений, очевидцем которых он был»¹⁶.

А. Е. Пресняков не согласился со своими предшественниками относительно большей авторитетности рассказа из Устава (А. Е. Прес-

дать митрополить епископа граду Тфѣри Арсеніа) (Там же. С. 27, примеч. 4).

¹⁵ Там же. С. 31–32. Если дата начала суда — 6 июля — вполне убедительна, то отнесение поставления Арсения ко второму приезду Киприана вызывает большие сомнения. Между 6 и 24 июля — 18 дней. Суд, разумеется, шел не один день. Таким образом, примерно за две недели митрополит Киприан должен был вернуться в Москву, получить известие из Твери с просьбой князя приехать опять, снова отправиться в Тверь, назначить день хиротонии и осуществить ее. Теоретически это возможно, но только в случае, если события развивались по самому плотному графику (как было отмечено выше, В. С. Борзаковский ставил под сомнение возможность осуществить две поездки и за более продолжительный срок: с 24 июля по 15 августа). При этом теряется смысл происходящего: если Арсений действительно не хотел принять епископства, то почему столь скоропалительно изменил свою позицию?

¹⁶ Там же С. 32.

няков привлекал и Симеоновскую летопись, отнеся ее рассказ и рассказ Тверского сборника к той же версии, которая содержится в Уставе). Он считал расхождения между текстами результатом сокращения редакторами рассказа, сохранившегося в Никоновской, и именно на ее текст полагался при анализе событий¹⁷.

Попытка сравнительного анализа источников была предпринята А. И. Клибановым¹⁸. Однако эту попытку удачной считать трудно. Рассказ Тверского сборника (действительно несущий в себе следы сокращения какого-то первоначального повествования) А. И. Клибанов считал текстом, восходящим к своду Арсения, ссылаясь на работу А. Н. Насонова «Летописные памятники Тверского княжества». Однако А. Н. Насонов в данном случае писал о протографическом тверском летописном памятнике, а не о реальном Тверском сборнике, который имел в виду А. И. Клибанов¹⁹. Тексты Устава и Летописной подборки ГАТО. № 1554 (копия текста рукописи ГАТО. № 1129) он называл списками одной и той же редакции и при ее анализе цитировал вклейку в Устав, но приводил заглавие («О Киприанѣ митрополитѣ, како ходилъ во Тферь»), которое читается в подборке, а в Уставе отсутствует. «Сопоставление этого сочинения, — писал автор работы, — едва ли не современного событиям, которые в нем описаны, с соответствующей записью Никоновской летописи показывает значительное расхождение в ходе изложения и оценке дела Евфимия между правящими кругами Твери и московской великокняжеской властью»²⁰. На самом деле отличия между текстом ГАТО и Никоновской летописи сводятся лишь к замене в последней в двух случаях слова «жалобы» на «клеветы»²¹, и замена эта была произведена уже составителем Ни-

¹⁷ См.: Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. Пг., 1918. С. 363–364.

¹⁸ Клибанов А. И. Свободомыслие в Твери в XIV–XV вв. // Вопросы религии и атеизма. М., 1958. Т. 6. С. 239–247; Он же. Реформационное движение в России в XIV — первой половине XVI вв. М., 1960. С. 151–157.

¹⁹ Клибанов А. И. Реформационное движение в России в XIV — первой половине XVI вв. С. 151.

²⁰ Там же.

²¹ Следует, видимо, согласиться с Е. Е. Голубинским, писавшем, что

коновской летописи (причем до этого в рассказе Никоновской есть слова — «жаловатися», оставленное без замены)²². Таким образом, считая, что в Никоновской, в отличие от других летописей и Устава, представлена московская версия событий, А. И. Клибанов именно этот текст воспринимал как наиболее достоверный.

Справедливой критике подверг рассуждения А. И. Клибанова Э. Клюг, объяснив неудачу А. И. Клибанова тенденциозным желанием автора обнаружить реформационное движение в Твери, которое при этом поддерживалось прогрессивной Москвой (в данном случае в лице митрополита Киприана)²³.

Констатируя расхождение данных источников относительно времени поставления Арсения, историк, тем не менее, не попытался решить эту проблему. Он заметил, что Никоновская летопись воспроизводит «свой кашинский оригинал»²⁴ и назвал «малоубедительными»²⁵ утверждения А. И. Клибанова о том, что версия тверских летописных памятников и Устава — результат протверской редакции первоначального рассказа. Вместе с тем свидетельства Никоновской летописи Э. Клюг из рассмотрения не исключил.

Таким образом, наиболее целостная картина анализа источников представлена в работе И. А. Виноградова, однако вопросы остаются и требуют дополнительного изучения.

Прежде чем анализировать содержание рассказа о суде и поставлении, необходимо сказать о рукописи, содержащей бумажную

слова «клевета» могло употребляться и в значении «доноса», «обвинения»: «Из контекста ясно, что в нашем месте оно употребляется в последнем смысле» (*Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т. II. Ч. 1. С. 305, примеч. 1). Именно это слово употребляется в соответствующих контекстах в древних Кормчих.

²² О взаимоотношениях текстов летописной подборки с соответствующими текстами Никоновской летописи см.: *Кучкин В. А.* О тверском летописном материале в составе двух рукописных сборников // Проблемы источниковедения. М., 1961. Вып. IX. С. 341–349.

²³ См.: *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994. С. 226.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 228.

вклейку с таким повествованием. Рукопись содержит Церковный Иерусалимский устав и происходит из тверского Желтикова монастыря, основанного Арсением в бытность его тверским епископом. Рукопись²⁶ насчитывает 278 л., 1°, пергамен. Основной текст написан одним почерком (полуустав XV в.). На последнем листе имеется обширная приписка писца²⁷, в которой называется дата, имя заказчика, упоминается церковь «Оуспеніа Прѣты Влѣца нашеа Бѣа». Бумажная вклейка является л. 277 и заменяет вырезанный пергаменный лист (остатки его у корешка сохранились). Почерк на бумажной вклейке — более беглый полуустав, по-видимому, конца XV в. Имеется выскобленная, но сейчас восстановленная владельческая запись: «изо Твери Жолтикова мнѣтра».

Кроме записи и упоминания в приписке писца Успенской церкви (а именно эта церковь была главным храмом Желтикова монастыря), на происхождение рукописи из этого монастыря указывает одна из приписок в тексте Устава. На л. 158 об. месящесловного раздела Устава знаком выноса около 2 марта на верхнее поле вынесен текст: «В ты же днь преставис(я) сщѣнноепѣ Арсений Тѣѣрскыи»²⁸.

Итак, наиболее ранние источники, содержащие рассказ о суде, — Церковный устав, Рогожский летописец и Симеоновская летопись — излагают события следующим образом. «С Петрова дни» (29 июня) 6898 г. митрополит отправляется в Тверь, «позван» великим князем тверским Михаилом Александровичем, в сопровождении двух греческих митрополитов Матфея и Никандра и русских епископов Михаила Смоленского и Стефана Пермского. Далее рассказывается, как был встречен митрополит: за 30 верст от Твери его встречает внук Михаила князь Александр Иванович, на другой день старший сын князь Иван — за 20 верст, в день субботний

²⁶ Описание см.: Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1869. Отд. III. Книги богослужебные. Ч. 1. С. 312–314.

²⁷ Опубликовано М. Г. Гальченко (см.: [Гальченко М. Г.] Записи писцов в древнерусских рукописях XIII–XV вв. М., 2003. С. 72).

²⁸ Кроме Арсения посредством такой же приписки-сноски на л. 95 об. отмечена память Сергия Радонежского.

(2 июля) по вечерне Киприана встречает сам князь, с которым наедине митрополит беседует. 3 июля в воскресенье великий князь с детьми, братаничами и боярами и митрополит идут в город. Митрополит служит молебен, а затем — литургию. Далее князь устраивает пир, пиры продолжаются в течение трех дней. На четвертый день князь соединяет церковный и мирской соборы и отсылает к митрополиту. На суде все жалуются на Евфимия, у того же в устах «не обрѣтеса... правда», и он был низвергнут. Михаил Александрович просит у митрополита нового епископа, тот дает ему своего архидиакона Арсения, который и ставится «въ кд̄ на памѣт̄ стѣи мѣнци Кристины и стѣи мѣникъ Бориса и Глѣба въ днь недѣлныи, и посадиша его въ стѣмъ спсѣ на столѣ чстнѣ» (ГИМ. Син. 331. Бумажная вклейка.)

Отличия списков Устава и этих летописей, за исключением незначительных вставок и пропусков союзов и перестановок слов, сводятся к следующему. В Уставе по сравнению с летописями пропущено определение греческого митрополита («Андреанополютский») ²⁹, в летописях же отсутствует упоминание Стефана Пермского. Кроме того, в летописях нет даты 3 июля, говорится лишь, что это было «наутриа въ день недѣлныи». После даты поставления Арсения — 24 июля — в летописях отсутствует уточнение: «въ днь недѣлныи». В Уставе Арсений назван архидиаконом, в летописях — протодиаконом митрополита ³⁰.

По-разному неточно все три списка передают слова псалтыри:

Устав: «так̄ ж(ѣ) реч(ѣ) двѣдъ: мужъ кривъ не преполови т̄ днии своихъ».

Рогожский: «Яко же рече пророкъ: „Мужъ крови льстивъ не приполови[т] днии своихъ“».

Симеоновская: «...якоже рече пророкъ: мужъ въ крови льстивъ не преполоваеъ днии своихъ».

²⁹ В Никоновской и Воскресенской летописях — «Андрѣянополский».

³⁰ Очевидно, что книжники этого времени были непоследовательны в обозначении сана того или иного иерарха. Архидиаконом назван Арсений также в Житии, сборниках ГАГО, а в Никоновской летописи встречаются оба названия.

Пс. (7: 17): «Мужіе кровей и лсти не преполовѣтъ дней своихъ» (ср. также *Пс.* (5: 7): «мужа кровей и лстива гнѣшается Гсдь»).

Очевидно, древнерусские книжники затруднялись в воспроизведении этой цитаты. Принадлежащее к высокому стилю «муж крови», встречалось в письменности гораздо реже, чем «убийца», а в сочетании с «лестью» преобразовалось под пером пишущего в «крива» (список Устава). Переосмыслили этот оборот, приблизив к ситуации, и редакторы летописных вариантов текста, подчеркнув грех «неправды» (поскольку обвинять Евфимия в кровожадности было не уместно)³¹.

Является ли упоминание Стефана Пермского пропуском в летописях или вставкой в Уставе? Его имя есть во всех других версиях этого события — как в летописных, так и в Житии Арсения Тверского. При этом во всех списках данной редакции рассказа говорится, что на пир Киприан позван с митрополитами и «съ владыками» (а не с одним владыкой — Михаилом Смоленским). С учетом наличия в Уставе дополнительной хронологической информации можно с доверием отнести и к упоминанию в этом тексте Стефана Пермского, а стало быть, считать вариант Устава наиболее полно отражающим протограф рассказа.

Рассказ передает события вплоть до мелких подробностей, называя не только дни и даты, но и географические пункты остановок и встреч Киприана. Особенно точными они становятся, когда участником событий начинает выступать великий князь. Так, повествуя о встрече самим Михаилом Александровичем митрополита, автор сообщает не только то, что она произошла за 5 верст от города, но и называет это место: «на Починѣ». Автору известно, что митрополит вышел навстречу князю из шатра «далече», и наедине они долго беседовали (по-видимому, князю было необходимо поговорить с Киприаном до начала разбирательства). Наутро встреча происходит «на Перемѣрѣ», и на этот раз она носит официальный характер: князь встречает митрополита не один, а «з дѣтми, з бра-

³¹ Надо отметить, что в тверском же летописании есть пример почти точного цитирования строк с этим оборотом: «...якоже рече Давыдъ: мужа крѣва(ва) и лстива гнушается Господь» (ПСРЛ. Т. XV. Стб. 446).

таничи, з бояры». В город процессия входит через главные «враты Володимерские». Знание названий мелких топографических объектов выдает в авторе человека местного, тверича, скорее всего, он состоял непосредственно при князе и присутствовал при описываемых событиях. Косвенно об этом может свидетельствовать и то, как расставлены акценты в рассказе. В начале повествования говорится, что митрополит Киприан пошел в Тверь, так как «позван» великим князем Михаилом Александровичем. Также подчеркнута роль Михаила Александровича и в организации суда. Старцы, архимандриты, игумены и священнический чин собираются именно у князя. Затем князь созвал своих бояр, соединил оба собрания «въ едино мѣсто» и «посла» к митрополиту. По сравнению с рассказом о приезде митрополита сам суд описан кратко — буквально в нескольких фразах. Суть дела не изложена. О том, что были представлены не только жалобы на тверского владыку, но и он сам пытался отвечать, можно судить лишь по словам: «и не обрѣтеса Ѹ Соуфниа правда въ оустѣх его». По-видимому, автор убежден в виновности Евфимия и не считал необходимым подробно останавливаться на ходе разбирательства и прений.

Рассказ об июльских событиях 1390 г. помещен в Рогожском летописце и Симеоновской летописи с нарушением хронологической последовательности. Он внесен в статью 6989 г. Если даже не принимать во внимание ультрамартовского известия этой статьи — о женитьбе великого князя Василия Дмитриевича³², за которым следует рассказ о суде, до этого читается известие, датированное «тое же зимы по Рожествѣ Христовѣ на 3 день»³³, дата еще более раннего известия — 1 декабря (т. е. здесь последовательность верная). К зиме относится и сообщение, идущее вслед за рассказом, — о женитьбе сына Михаила Александровича Федора. Таким образом, рассказ о суде был внесен в протограф Рогожского и Симеоновской (или еще более раннюю летопись), возможно, из нелетописного источника. Как можно было убедиться, этот источник был тверским и при этом великокняжеским.

³² См.: Гришина Н. Г. Хронология Рогожского летописца. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 25.

³³ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. XV. Вып. 1. Стб. 159.

Касаясь спорного вопроса о хронологии событий и дате поставления Арсения, нельзя не заметить, что в списке Устава текст, касающийся Арсения, отделен от повествования о суде косым крестиком — знаком конца текста, используемым данным писцом. Начинается он словами «И на ч(а) просити кнѣзь великыи Мнѣхило Алѣксандрови ч оу митрополита еѣпа». Такой же знак отделяет следующее за текстом о поставлении Арсения сообщение о создании в 6902 г. Арсением церкви Прпп. Антония и Феодосия на реке Тьмаке и монастыря³⁴. Это может означать, что пишущий воспринимал сообщение о просьбе Михаила Александровича и дальнейшем поставлении Арсения как события, по времени отделенные от суда. Кроме того, с учетом достаточно длительной процедуры поставления епископов (от избрания до рукоположения), которая могла длиться несколько дней, а могла растянуться и на недели, пребывание Киприана в Твери не должно казаться чрезмерно затянувшимся³⁵.

По всей вероятности, к тому же протографу восходит сокращенный рассказ Тверского сборника. В нем упоминается Стефан Пермский (правда, Михаил Смоленский назван Митрофаном Смоленским), фигурируют все географические названия, присутство-

³⁴ Этот текст дословно совпадает с известием под тем же 6902 г. Рогожского летописца и Симеоновской летописи, что подтверждает происхождение рассказа Устава и указанных летописей из одного летописного источника. М. Н. Карамзин передает текст Троицкой несколько в ином варианте: «...согради кельи и созва мнихи и посади игумена» (*Приселков М. Д.* Троицкая летопись (Реконструкция текста). СПб., 2002. С. 444). Текст соответствующего сообщения Никоновской также отличен и явно обработан позже, так как содержит информацию о том, что в этом же монастыре Арсений будет похоронен.

³⁵ За Избранием следует Благовестие, которое происходит в другой церкви («опричь зборная»). По чину Благовестия второй его этап проходит «егда же будеть время, или того дни, или наутрис, или когда повелить митрополить». Следующий далее Чин малого знаменья требует особых приготовлений в храме, ему также предпослано замечание: «...въ который день разсудить и повелить митрополить». Отделен по времени и последний этап поставления во епископа: «...потомъ же, въ который день разсудить митрополить» (Чин избрания и поставления в епископы // РИБ. 2-е изд. СПб., 1908. Т. 6. Стб. 437–464).

вавшие в разобранном варианте рассказа, есть дата 3 июля (как в тексте Устава), но в результате сокращения утратилась дата поставления Арсения. В отличие от рассмотренных летописных текстов рассказ помещен в статье 6898 г. Тверского сборника без нарушений в хронологии, что заставляет предположить происхождение этого текста из не дошедшей до нас тверской летописи в качестве не менее вероятного, чем из нелетописного источника³⁶.

Самая пространная редакция — Никоновской летописи и сборников ГАТО. В Никоновской рассказ помещен под 6899 г., в ГАТО — под 6898 г. В этой редакции есть подробности, не отраженные в ранней версии, и присутствуют расхождения в изложении и хронологии событий. В первую очередь здесь говорится, что митрополит Киприан отправился в Тверь «с Велики дни», а не Петрова. Это явная ошибка, так как добираться так долго до Твери митрополит не мог. Не уточняется здесь, что беседовал князь с митрополитом на Починке. Как уже отмечалось, в этой версии рассказывается, что на первом этапе суда митрополит Киприан решает временно отстранить Евфимия, дав ему время на размышление. И тут князь начинает просить другого епископа. Тогда, по словам летописца, митрополит отставил Евфимия от епископства и «даде великому князю Михаилу Александровичю» своего архидиакона Арсения. Согласно данной версии, уже после этого митрополит Киприан пытается примирить враждующие стороны, «и не бысть мира и любви, но наипаче вражда и брань веліа воздвизашася»³⁷. Казалось бы, вопрос должен быть закрыт: обвиненный владыка низвержен, преемник ему найден, однако рассказчик продолжает повествовать о новых обвинениях, выдвигаемых против Евфимия, которые были «тяжки зѣло и неудобьносимы». Рассказ заканчивается на том, что Киприан «смутися», не сумев установить в Твери мир.

Продолжение истории излагается в этих источниках уже в следующем известии (начинается со слов «того же лѣта»). Сообщает-

³⁶ А. Н. Насонов относил начальный текст подробного рассказа о суде над Евфимием и поставлении Арсения, в различных вариантах представленного в русских летописях, к своду 1425 г. (см.: *Насонов А. Н. Летописные памятники Тверского княжества // Известия Академии наук СССР. Отд. гуманитарных наук. 1930. № 9. С. 752–753*).

³⁷ ПСРЛ. СПб., 1897. Т. XI. С. 125.

ся, что Киприан вернулся в Москву, взяв с собой Евфимия, уезжает с ним и Арсений, «бояся владычества пріати во Тфери».

В этой группе источников утверждается, что митрополит повторно приезжает в Тверь: в Никоновской под тем же годом, в ГАТО — под 6899 г. Ситуация повторяется: вновь князь посылает к митрополиту с просьбой прийти в Тверь, Киприан идет с теми же митрополитами и владыками, но называются еще Даниил Звенигородский и Иеремия Рязанский. Князь обрадовался приходу митрополита «и едва умолиша» Арсения быть епископом. При этом дословно повторяются слова из рассмотренного выше известия о том, что Арсений боялся «вражды и многихъ браней»³⁸.

Как было показано, в большинстве научных работ, касающихся данного сюжета, свидетельства Никоновской летописи и подборки ГАТО использовались как достоверные. Можно ли на них полагаться? Литературность рассказа заставляет вспомнить об особенностях редакторской работы составителя Никоновской летописи, который был склонен домысливать факты, добавлять психологические мотивировки, стилистически украшать повествование. Однако имеющиеся отличия в летописной подборке ГАТО от текста Никоновской летописи не дают возможности считать, что «Летописная книга князя Одоевского», на которую есть ссылка в сборнике ГАТО, использовала саму Никоновскую летопись³⁹, а не имела с ней общий источник. В частности, одно из текстологических подтверждений этому — сохранение в ГАТО слова «жалобы» (как в раннем рассказе) в отличие от «клевет» Никоновской.

Так или иначе, в пользу того, что эта редакция является поздней переработкой рассказа, сохранившегося в Уставе, Рогожском летописце и Симеоновской летописи, а второй визит митрополита в Тверь — миф, порожденный дублировками в летописных источниках, можно привести целый ряд оснований.

В первую очередь такая дублировка имеется в летописях, содержащих раннюю редакцию рассказа — Рогожском летописце и Симеоновской летописи⁴⁰. Под 6898 г. читается рассмотренный

³⁸ Там же. С. 126.

³⁹ Так считает Б. М. Клосс (см.: *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 146, примеч. 32).

⁴⁰ В Тверском сборнике дублирующего сообщения нет.

выше рассказ, а следующая статья — под 6899 г. — содержит сообщение о тех же событиях: «Того же лѣта князь великий Михаило Александровичь отъя владычество отъ своего епископа Еуфимия, нарицаемаго Висляне, изрину его изъ епископии его и отънудь не въсхотѣ его»⁴¹. А затем после рассказа о поездке митрополита Киприана в Новгород следует известие о поставлении Арсения: «Того же лѣта Киприанъ митрополить приеха на Тфѣрь о Спасовѣ дни и постави Арсения епископом Тфѣри граду»⁴². Если в статье 6898 г. преобладают известия мартовского стиля летоисчисления⁴³, то в статье 6899 г. — ультрамартовские известия. В частности, как ультрамартовские определяет Н. Г. Гришина и рассматриваемые сообщения о Евфимии и Арсениии⁴⁴. Что же касается рассказа о поездке Киприана в Новгород, то он помещен здесь ошибочно. Новгородская IV летопись называет дату его приезда — 11 февраля, и, как показано Н. Г. Гришиной, через полтора года⁴⁵.

На первый взгляд, похожий текст обнаруживается в ряде летописей: Московском своде конца XV в., Ермолинской, Своде 1497 г. и Уваровской, Типографской (в более поздней редакции⁴⁶), Воскресенской и Львовской⁴⁷; однако без вклинивающегося между

⁴¹ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 161.

⁴² Там же. Стб. 161–162. На «механический составной характер» статьи 6899 г. указывал В. А. Кучкин (см.: *Кучкин В. А.* Сергей Радонежский и «филофеевский крест» // *Древнерусское искусство. Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV–XV вв.* СПб., 1998. С. 22.

⁴³ *Гришина Н. Г.* Хронология Рогожского летописца. С. 25.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ См.: *Гришина Н. Г.* Хронология Рогожского летописца. Диссертация на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 2003. С. 626–627.

⁴⁶ Сводчик добавил известные ему сведения относительно дальнейшей судьбы Евфимия: «Онъ же иде на Москву и, живъ оу Чюда, представи, тоу и положень бысть» (ПСРЛ. Пг., 1921. Т. XXIV. С. 158).

⁴⁷ Во Владимирском летописце о том, что митрополит Киприан поставил Арсения епископом в Тверь, сообщается под 6891 г. Однако этому не стоит предавать серьезного значения, поскольку почему-то именно под этим годом составитель летописи решил перечислить всех поставленных Киприаном епископов: «Киприан митрополит епископа Арсения Тферскаго постави, да Феодосия епископа Полоцку, да Григория епископа Росто-

двумя взаимосвязанными известиями о тверских нестроениях рассказа о новгородской поездке митрополита: «Князь Михаило Александрович Тверьски отъят владычество от епископа своего Ефимья Висленя, он же иде на Москву. Киприянь митрополить иде на Тферь, а с ним два митрополита Гречина Матфьи и Никандрь, да Михаило епископ Смоленьскы, Стефань Храпль епископ Пермьскыи, Данило епископ Звенигородскы, и постави на Тфери епископа им Арсения августа 8 на Успение Богородицы»⁴⁸.

Однако сходство дублирующего известия в Рогожском летописце и Симеоновской летописи с летописями, восходящими к великокняжескому летописанию 70-х гг. XV в., по всей вероятности, не означает их родства. Характерно, например, что митрополит Киприан в этих летописях ставит епископа «им» (т. е. тверичам). Хотя тексты этого сообщения в Московском своде и Ермолинской летописи имеют существенные различия, перечень иерархов есть в обоих. Сводчик же протографа Рогожского летописца и Симеоновской летописи не фиксирует эту подробность. Не называется в Рогожском летописце и Симеоновской летописи и день поставления Арсения. Летописец говорит лишь о времени прибытия Киприана в Тверь, обозначая его приблизительно: «о Спасовѣ дни», что не противоречит датам подробного рассказа. В общерусских летописях, как уже говорилось, упоминается 15 августа или просто Успение Богородицы. Данная дата может быть объяснена тем, что летописец имел лишь приблизительные сведения об этих событиях и их времени и отнес их к ближайшему значительному церковному празднику.

ву, а Конана епископа Смоленску, Исаия епископом Перми, Тимофия Сарая, попа Гогоя епископа постави Володимирю» (ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 128). В других летописных памятниках сообщается о поставлении Киприаном Феодосия — под 6900 г., Григория — под 6904 г., Насона (видимо, по ошибке назван Конаном) — под 6904 г., Исакия — под 6905 г., Тимофея — под 6912 г., попа Гоголя (Иоанна) — под 6913 г.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. XXV. С. 219. Во всех летописях, содержащих этот текст, кроме Московского свода, читается не 8 (что, скорее всего, является ошибкой переписчика), а 15 августа, слова «на Успение Богородицы» есть также в Воскресенской летописи. Типографская летопись не содержит даты вообще.

Известия о рассматриваемых событиях отсутствуют в летописях новгородско-софийского круга, зависимых от них Никаноровской и Вологодско-Пермской летописях, а также Сокращенных сводах. Нет следов этого материала в ростовском Летописном своде XV в. Роль Киприана в текстах общерусских летописей весьма преуменьшена: Евфимия отстранил тверской князь, а митрополит лишь поставил Арсения. Это мешает отнести известие к митрополитичьему летописанию начала XV в. и заставляет оставить вопрос о происхождении этого текста открытым.

Краткое дублирующее сообщения в Рогожском летописце и Симеоновской летописи, скорее всего, было изначально присуще летописной статье, используемой их общим протографом⁴⁹ (в отличие от пространного рассказа, являющегося вставкой). В свою очередь, «новгородский сюжет» был более поздним включением.

Возвращаясь к тексту редакции рассказа в Никоновской и ГАТО, можно с уверенностью говорить, что версия о двух поездках Киприана в Тверь, а стало быть, и о двух поставлениях Арсения во епископа⁵⁰, возникла в результате попытки осмысления двух сообщений в источниках сводчика — пространного рассказа и краткого сообщения. Нежелание Арсения принять сан, возвращение его с Киприаном в Москву, повторная хиротония — все это, скорее всего, домысливания

⁴⁹ А. Н. Насонов возводил это известие к тверскому источнику (см.: *Насонов А. Н. Летописные памятники Тверского княжества. С. 758*).

⁵⁰ Э. Ключ, пытаясь разрешить это противоречие, сделал предположение, что «акт смещения Евфимия был неправомочен», и именно связанных с этим последствий страшился Арсений (См.: *Ключ Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). С. 227*). Как версия эта точка зрения существовала уже во второй половине XVIII в. в позднем Житии Арсения, написанном архимандритом Макарием, где Евфимий «дерзну еще вопреки глаголати, яко неправедно собрашеса на нь, ибо епископа судити не может никто, кроме Вселенскаго Собора» (ГИМ. Собр. Щук. № 196. Л. 11 об.). Ему отвечают, однако, что для отсечения гнилого уда необязательно собирать всю Вселенную. Тем не менее, если видеть причины в характере суда, трудно объяснить, почему повторным явился не суд, а поставление, которое, насколько можно судить по источникам, никакого нарушения не содержало.

летописца, пытающегося объяснить разницу в датах, которую он видел в текстах, имевшихся в его распоряжении⁵¹. Такое же домысливание допускает составитель Никоновской, переходя к рассказу о поездке Киприана в Новгород. Для того чтобы придать статье связность единого повествования, он смело добавляет связку: «И отгуду иде Киприанъ митрополить изо Твери въ Новъградъ Великій...»⁵², хотя, как было показано выше, Киприан ездил в Новгород зимой другого года.

Дважды ставить на епископию не позволяло каноническое право (68-е апостольское правило). Так, в Мазуринской Кормчей⁵³ читаем: «Дваци поставлены, съ поставльшимъ его да извржет сѧ. Аще не бждетъ тькмо еретичьска ржка пръваа»⁵⁴. При поставлении, когда избранному объявляют о жребии, он произносит слова: «...благодарю и приимаю и нимала въпреки глаголю»⁵⁵, т. е. рукоположение невозможно без согласия избранного. Как можно видеть из толкования на 36-е апостольское правило, в случае невыполнения новопоставленным своих обязанностей ему также грозит отлучение: «Аще новопоставленъ еп̄п̄тъ бывъ или презвитеръ. не повинет сѧ поржченаго емоу попеченїа въсприати... да бждетъ шлжченъ дондеже исправит сѧ»⁵⁶.

Казалось бы, версии Устава и тверского летописного рассказа противоречат указание количества лет и месяцев, в течение кото-

⁵¹ Таким же домысливанием являются, скорее всего, и подробности относительно хода самого суда: первоначальное отстранение митрополитом Евфимия от священства («дондеже, еще истязавъ, розмыслить») вполне обычный шаг высшего иерарха на подобном суде.

⁵² ПСРЛ. Т. XI. С. 126.

⁵³ Ее появление на Руси Е. В. Белякова считает возможным связывать с деятельностью митрополита Киприана (см.: *Белякова Е. В.* Мазуринская редакция как памятник права и культуры на Руси // Мазуринская Кормчая. Памятник межславянских культурных связей XIV–XVI вв. Исследование. Тексты / Изд. подгот. Е. В. Белякова, К. Илиевская, О. А. Князевская, Е. И. Соколова, И. П. Старостина, Я. Н. Щапов. М., 2002. С. 55–56).

⁵⁴ Там же. С. 144 (и далее).

⁵⁵ Чин избрания и поставления в епископы. Стб. 445.

⁵⁶ Мазуринская Кормчая. С. 218.

рых Арсений занимал епископскую кафедру, содержащееся в ряде памятников. Такое указание есть в Повести о преставлении тверского владыки, сохранившейся в Новгородской IV летописи, Летописи Авраамки и Никоновской летописи, а также в Проложном житии Арсения и одном списке ранней редакции Минейного его жития⁵⁷. Во всех перечисленных текстах говорится, что Арсений был на епископской кафедре 19 лет и 6 месяцев, и только в списке Минейного жития ГАТО № 1554 читается 19 лет и 7 месяцев. Расчеты, проведенные И. А. Виноградовым, показали, что на самом деле неверны обе цифры: Арсений был епископом 18 лет и 7 месяцев⁵⁸. Понятно, что ошибка в годе — это результат различных датировок тех или иных событий в летописях, которыми мог пользоваться автор текста. С количеством месяцев сложнее. Очевидно, что 7 месяцев точнее отражают срок пребывания Арсения на епископии и более соответствуют тому, что святитель был поставлен в июле, а не августе. Обе традиции — считать, что он был епископом 19 лет и 6 месяцев и 19 лет и 7 месяцев — фиксируются в тверских письменных памятниках. Те же 19 лет и 7 месяцев читаются в Похвальном слове святителю, сопровождающем поздние редакции Жития, а также, судя по сохранившейся копии, читались на сени над ракой Арсения: «Сей великий Святитель Христов Арсений Епископ Тверской чудотворец бысть в лето от воплощения Бога Слова 1390 пас Церковь Божию во граде Твери 19 лет и 7 месяцев...» Рассказ о преставлении владыки изначально, скорее всего, имел нелетописное происхождение. Текст о количестве лет в двух редакциях рассказа (Новгородской IV и Никоновской летописей) располагается в разных его местах. Это может означать, что в их протографе он был приписан дополнительно — в конце рассказа или на полях. Проложное житие, составлявшееся, судя по грубейшим фактическим ошибкам, не в Твери, очевидно, заимствовало соответствующее указание из летописного рассказа. Рукопись же ГАТО. № 1554 имеет тверское происхождение⁵⁹. Переписчик Ми-

⁵⁷ Он содержится в рукописи, включающей и летописную подборку (ГАТО. № 1554), но располагается в другой, более ранней части кофволота.

⁵⁸ См.: Виноградов И. А. Святой Арсений, епископ Тверской. С. 32–33.

⁵⁹ См.: Кучкин В. А. О тверском летописном материале в составе двух

нейного жития осуществил некоторую правку текста по Проложному житию (включая добавления этой хронологической выкладки), но количество месяцев счел необходимым указать другое.

Таким образом, текстологическое исследование дает возможность заключить, что наиболее ранний рассказ о суде над Евфимием и поставлении Арсения с различного рода сокращениями и неточностями в передаче текста отразился в тексте на бумажной вклейке в Устав, Рогожском летописце и Симеоновской летописи, а также в Тверском сборнике. Рассказ составлен тверичем из окружения великого князя.

Краткое сообщение о конфликте Михаила Александровича с Евфимием, который привел к отстранению последнего и поставлению на епископию Арсения, читается в летописях, восходящих к великокняжескому летописанию 70-х гг. XV в. Указанная там другая, более поздняя дата заставила сводчика Никоновской летописи посчитать это известие сообщением о новом визите митрополита в Тверь. Результатом переработки и переосмысления двух рассказов стала версия развития рассматриваемых событий, дошедшая до нас в сборниках ГАТО и Никоновской летописи.

В заключение следует попытаться выдвинуть предположение о сути конфликта между князем и владыкой, который и повлек за собой всё последующее.

В рассказе о суде Устава и летописей говорится о мятеже церковном (в Никоновской и ГАТО — «о мятежи и роздорѣ церковном»). Защитительной речи Евфимия автор рассказа отказывает в правдивости. Таким образом, текст рассказа не проясняет сути конфликта и дает возможность для самых различных трактовок.

И. Д. Беляев истоки конфликта усматривал в несовершенстве правовых установлений: «...относительно так называемого церковного суда и доходов границы прав епископских решительно были неопределены»⁶⁰. Однако при довольно вольном додумывании обстоятельств и деталей конфликта в рассуждениях И. Д. Беляева ценно то, что он обратил внимание на «юридический» характер

рукописных сборников // Проблемы источниковедения. М., 1961. Вып. IX. С. 342–343, примеч. 3.

⁶⁰ Беляев И. Михаил Александрович, великий князь Тверский. С. 27.

решения Михаилом Александровичем конфликта. И. Д. Беляев отмечает, что тверской князь «не прибегает к насилию, как прежде дельвали другие русские князья»⁶¹, сравнивая его поведение с поведением русских князей в их конфликтах с епископами в XII в. Изменения действительно налицо, что характеризует эволюцию «правового сознания» русских князей. При этом И. Д. Беляев отметил политическую мудрость Михаила Александровича, которую он проявил, добываясь нужного ему исхода дела.

Э. Клюг, повторив одну из гипотез А. И. Клибанова — о политических мотивах распри (ибо тверской владыка «был гарантом того, что крестное целование Твери Москве сохранит свою силу» — мир 1375 г.), — тем не менее допускает и другие причины: «А может быть, — пишет ученый, — Евфимий стал неугоден и не из-за ереси, и не по политическим мотивам, а в связи с его личными „причудами“ — высокомерием, заносчивостью?»⁶².

Что же касается возможных еретических заблуждений Евфимия, которые рассматривались в качестве основной версии А. И. Клибановым, то им нет серьезных подтверждений. Вменяет в вину Евфимию ересь только Житие Арсения. Здесь Евфимий объявляется еретиком, который «поощаетъ же многыхъ во градѣ по своимъ похотемъ ходити⁶³...; вскоу в себѣ ересь носациоу, и тѣмъ воздвизаетъ во граде Твери матежь и воюрю на ц(є)ркви»⁶⁴, обличается он собором в «моудрествиныхъ, иже не приємлетъ соборнаа и апостольскаа ц(є)рковнѣ»⁶⁵. Упоминаются в Житии и некие единомышленники Евфимия. Однако абстрактность обвинений и сравнение его с различными еретиками: Арием, Оригеном и Севиром — не дают возможности сказать о его заблуждениях что-либо определенное.

Как уже отмечалось, Евфимий за два с половиной года до этих событий был вынужден уйти в монастырь (из которого в свое вре-

⁶¹ Там же. С. 30.

⁶² Клюг Э. Княжество Тверское. С. 226.

⁶³ Ср. 2-е Послание Петра: «Сіе преже вѣдаціе, такъ прїдѣтъ въ послѣдній рѣгателе, по своимъ похотехъ ходацие» (3: 3).

⁶⁴ Житие св. Арсения епископа Тверского. С. 75

⁶⁵ Там же. С. 77.

мя и пришел на епископскую кафедру). За эти годы о его епископской деятельности нет никаких известий. Можно предположить, что одно лишь фактическое отсутствие владыки было достаточным основанием для просьбы Михаила Александровича к митрополиту о вмешательстве в дела епархии. С другой стороны, возможные попытки Евфимия настроить часть духовенства в свою пользу и были названы «мятежом церковным».

РЕЦЕНЗИИ

В. И. Матузова, Е. Л. Назарова. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. Тексты, перевод, комментарии. М.: Индрик, 2002. 448 с.

Труд, подготовленный В. И. Матузовой и Е. Л. Назаровой, сводит под одной обложкой большой комплекс источников, публикации которых до сей поры были разбросаны во множестве изданий. Издания эти разновременны, некоторые из них труднодоступны для российских читателей; наконец, различен их научный уровень. Публикация всех имеющих отношение к теме взаимоотношений Руси и крестоносцев в течение первого столетия после появления представителей рыцарских орденов у пределов русских земель сведений в одной книге осуществлена впервые в науке. При этом некоторые из помещенных в томе документальных и нарративных текстов прежде на русский язык не переводились.

Составители рассматривают проблему отношений Руси и крестоносцев на фоне истории крестовых походов, как это принято в новейшей историографии. Часть I — «Крестоносцы на Востоке Балтики», подготовленная Е. Л. Назаровой, начинается с обзора ситуации в восточноприбалтийских землях накануне начала крестоносной экспансии. Далее следует общая характеристика источников — «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского, «Старшей рифмованной хроники», актового материала. Собственно публикация разбита на три раздела: первый охватывает 1184–1198 гг., второй — 1198–1227 гг., третий — период с конца 20-х гг. XIII в. до 1270 г. В Приложении помещены (также в разделении по трем периодам) выдержки из русских источников — Новгородской первой летописи старшего извода и Жития Александра Невского — содержащие сведения об отношениях Руси с крестоносцами. Возможно, издание выиграло бы (в плане удобства для читателей), если бы русские известия приводились в качестве приложений к каждому из разделов, а не ко всей части I вместе.

Часть II, подготовленная В. И. Матузовой, называется «Крестоносцы и Галицко-Волынская Русь». Публикуемые здесь материалы охватывают 30–60-е гг. XIII столетия. Западные источники представлены актовым материалом. В качестве приложения даются относящиеся к теме выдержки из Галицко-Волынской летописи.

Составители сборника являются ведущими специалистами по проблеме взаимоотношений Руси с рыцарскими орденами, соответственно все части работы — подготовка оригинальных текстов, переводы и комментарии — выполнены на высоком профессиональном уровне. Комментаторы стараются иметь в виду все существующие в историографии точки зрения по тому или иному вопросу, свои собственные суждения поданы достаточно сдержанно. Отдельную ценность представляет библиографический раздел, содержащий сведения о почти пятистах отечественных и зарубежных публикациях по теме, в том числе о более ста изданиях источников.

В издании можно отметить ряд неточностей конкретного характера. Наибольшее количество их в части I относится к Приложению, где помещены тексты русских источников.

На с. 301 упоминается участие новгородцев в 1228 г. в войне киевского князя Владимира с Даниилом Галицким, из-за которого Новгород не был готов начинать войну с немцами. Но данная война имела место не в 1228, а в 1229 г., и участвовали в ней (в составе войск черниговского князя Михаила Всеволодича) «новгородцы» из другого Новгорода — Северского¹.

Князь Ярослав Всеволодич назван в Новгородской первой летописи старшего извода под 1233 г. «великим» скорее всего не потому, что в 1238 г. он стал великим князем владимирским (с. 303), а в противоположность другому упомянутому в той же статье Ярославу — Владимировичу (напавшему в 1233 г. с немцами на Изборск).

Неточно утверждение, что псковский боярин Твердило, перешедший на сторону немцев в 1240 г., не известен по другим источникам, кроме рассказа Новгородской первой летописи (с. 320). Псковский посадник с таким именем упоминается вместе с князем

¹ ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 753; Паушто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 208.

Александром в одной псковской грамоте² (другое дело, что не все исследователи уверены, что это тот самый Твердило и тот самый Александр — Невский).

На с. 334 со ссылкой на Ю. К. Бегунова утверждается, что князю Дмитрию Александровичу во время похода на Юрьев 1262 г. было 9 лет. Однако это не более чем версия. Если ее принять, придется считать, что в январе 1268 г. новгородскими войсками в битве под Раковором командовал и превосходно себя проявил (что признавала и стремившаяся представить итоги сражения в выгодном для себя свете немецкая сторона, см. с. 249 рецензируемого издания) 14-летний отрок. Более вероятно, что Дмитрий родился около середины 1240-х гг. и походом на Юрьев командовал уже во вполне сознательном возрасте³.

Юрий Андреевич не являлся в 1267–1268 гг. новгородским князем, равно как не приглашался новгородцами на княжение в это время Дмитрий Александрович (с. 339) и не сменял Дмитрия после Раковорской битвы на новгородском княжении Ярослав Ярославич. Великий князь владимирский Ярослав Ярославич все это время считался новгородским князем; Юрий был его наместником в Новгороде, а Дмитрия новгородцы пригласили для похода на Раковор в качестве военачальника.

На с. 341 об участнике битвы под Раковором 1268 г. сыне великого князя Ярослава Ярославича Михаиле сказано, что он был убит в Орде в 1318 г. На самом деле в Орде погиб другой сын Ярослава, носивший то же имя Михаил и родившийся в 1271 г.

Встречаются неточности и в части II. Так, неверно утверждение, что Тевтонский Орден и Галицко-Волынскую Русь отделяли друг от друга территории Ливонии, Литвы и Польши (с. 349), поскольку Ливония лежала к северу от Литвы и с Волынью не граничила.

В 1247 г. у Даниила Романовича Галицкого было не двое сыновей (Роман и Лев), как утверждается на с. 357, а четверо: Лев, Роман, Мстислав и Шварн.

² Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 348. С. 337–338.

³ См.: Горский А. А. Князь Дмитрий Александрович // Родина. 1999. № 3.

Приведенные в Приложении к части II выдержки из Галицко-Волынской летописи сопровождаются датами, содержащимися в Ипатьевском списке, без необходимой оговорки, что даты эти неточны (ошибки иногда достигают нескольких лет), и без их исправления (давно осуществленного в историографии).

В целом же рецензируемая книга являет собой фундаментальное издание, без которого не сможет обойтись ни один исследователь международных отношений в Восточной Европе XIII столетия. В то же время составителям удалось так подать материал, что публикация годится не только для исследовательской работы: она может быть использована в вузовском обучении, а также представлять интерес для широкого читателя.

А. А. Горский

В тоске по утраченному времени ¹

Перед нами — объемистый том трудов неизвестно кем восстановленного Русского Исторического общества, авторитетного до-революционного научного издания, публиковавшего исключительно источники, относящиеся к истории России и ее соседей. Однако в этом томе тщетно искать документы, летописи и пр. Он посвящен «животрепещущим» (исключительно с точки зрения редколлегии и авторов) вопросам исторической науки.

Итак, новорожденный том Сборника РИО тематически ничего общего не имеет со своим ученым предшественником и, следовательно, — не вправе называться подобным образом. Зачем же его создатели прибегли к камуфляжу? Вероятнее всего, для придания «научности» написанному, которой, как читатель убедится далее, ему, ох как не хватает.

Основная часть рецензируемого мною издания носит название «Антинорманизм» — это слово написано на обложке в кавычках. Вначале я расценил эти кавычки как свидетельство некоторой неловкости создателей, вознамерившихся ворошить давно потерявшие актуальность проблемы более чем двухсотлетней давности. Однако в содержании тома слово антинорманизм кавычки уже потеряло, что свидетельствует об исключительно серьезном воспри-

¹ Сборник Русского исторического общества / Редколлегия: В. В. Дегоев, В. А. Захаров, А. Г. Кузьмин, И. А. Настенко, О. М. Рапов, В. В. Фомин, Ю. В. Яшнев. М., 2003. № 8. 340 с.

ятии авторами и редколлекгией этого понятия применительно к современной науке. А также — об их желании сокрушить химеру «норманизма», в действительности мирно скончавшуюся своей смертью более ста лет назад.

Это коллективное сочинение вначале вызывает недоумение, которое затем, в процессе знакомства, перерастает в удивление и, наконец, в возмущение. Мне казалось, что подобное невозможно в наши дни. Оказалось, еще как возможно! У меня возникло ощущение, что на какой-то бесовской машине времени я перенесся более чем на полстолетия назад, в начало 1950-х гг. В 1951 г. я поступал в Киевский университет, и на собеседовании меня придиричиво расспрашивали о тех, кто преклоняется перед иностранщиной, не отстаивает отечественные приоритеты и пр. Мне было тогда неловко, поскольку я недостаточно отчетливо представлял себе смысл этих вопросов. Ну, а затем последовала «борьба с космополитизмом» в Киевском университете и репрессии в отношении профессорско-евреев... Вспоминаешь об этом как о страшном и, казалось, безвозвратном сне. И вот теперь на моем столе лежит чудовищное по своей злобности и нетерпимости коллективное сочинение, имеющее целью изничтожить своих «врагов».

В те недобрые годы партией и властью (что было, впрочем, одно и то же) поощрялась и культивировалась ненависть ко всему «заграничному». Ошибался тот, кто эту ненависть опрометчиво счел безвозвратно ушедшей, оставшейся в том зловещем времени. Вспоминаю одного из героев популярной в 1950-е гг. в нашей стране пьесы украинского драматурга В. Минко «Не называя фамилий», который с гордостью писал в анкете: никаких иностранных языков не знаю. К подобным людям относятся авторы рецензируемого тома, постоянно ругающие тех, кто языки знает и пользуется иноземными источниками, без знания которых сегодня невозможно представить ученого, тем более — медиевиста.

Не приходится доказывать, что в данном случае мы имеем дело со средневекового толка обскурантизмом, гордиться которым, как делают представленные в том люди, право же, не стоит. Еще хуже то, что этот обскурантизм носит демонстративный характер: глядите, люди хорошие, какие мы истинные патриоты, ничем заграничным не запятнанные. Подобный «патриотизм» русский библиограф XIX в. Иконников называл «квасным», «охотнорядческим».

Весь этот удивительный и абсурдный — с позиций современной науки — сборник пронизан тоской по утраченному сталинскому времени, когда в науке не было дискуссий, а были правые — патриоты и неправые — непатриоты. И напрасно в своей статье А. Н. Сахаров демонстративно возмущается словами крупных российских ученых Д. С. Раевского и В. Я. Петрухина, которые «борьбу с норманизмом» отождествляют «с известной сталинской кампанией против космополитизма и с возрождением автохтонистских мифов» (с. 13). Как тут не вспомнить гоголевскую унтер-офицерскую вдову, которая, по уверениям Городничего, «сама себя высекла»!

Авторский коллектив этого тома весьма пестр по составу. В нем наряду с докторами наук В. В. Дегоевым, А. Г. Кузьминым и А. Д. Сахаровым представлены не обремененные степенями Ю. В. Колинченко и В. И. Меркулов, а также несколько кандидатов наук. Главной ударной силой новоявленных «антинорманистов» является доцент Липецкого университета В. В. Фомин, умудрившийся поместить в столичном издании сразу три своих статьи. Но при кажущейся разнородности этого «ученого» собрания нельзя избавиться от впечатления, что одним и тем же автором сочинены все без исключения статьи (несколько выделяется в лучшую сторону — вот ведь парадокс! — разве что статья нашей бывшей соотечественницы, а ныне шведской предпринимательницы, занявшейся русской историей в порядке ностальгии или хобби, Лидии Грот, видимо по недоразумению — или по незнакомству с ней? — названной «шведским ученым», который «убедительно показал», «пришел к выводу» и т. д. — именно так, в мужском роде! на с. 178 и «профессором-славистом» на с. 341). Потому что всем им присущ удручающе низкий уровень написанного (который трудно назвать научным), примитивная «опровергательная» методика, грубость и ругань, желание оскорбить научных «врагов», наконец, — приписывание им взглядов, которые те не высказывали.

Приведу характерный и красноречивый пример подобной недобросовестности составителей тома. Подзаголовок раздела «Антинорманизм» носит название «Критика норманистской версии происхождения русской государственности». Однако в работах «норманистов», как величают многих крупных российских ученых-медиевистов А. Н. Сахаров и К^о, нет ни слова о том, будто норман-

ны (варяги) создали Древнерусское государство или хотя бы сыграли ведущую роль в становлении русской государственности. Наоборот, в трудах Е. А. Мельниковой и других историков, уличенных ими в «норманизме», проводится глубоко научная и оказавшаяся исследовательски перспективной мысль (высказанная в свое время В. Т. Пашуто и развитая его учениками), что норманны застали уже складывавшиеся формы государственности на севере Руси и в Поднепровье, а утверждение Рюрика в Ладоге стало результатом его договора (ряда) со славянской племенной верхушкой.

Об основополагающей роли варягов в создании государственности на Руси действительно писали некоторые историки и филологи в XVIII–XIX вв., но в наше время подобные взгляды не разделяет почти никто из специалистов — ни в России, ни за рубежом. Перед нами сознательное и недобросовестное искажение взглядов научных оппонентов, произведенное для того, чтобы в дальнейшем выглядеть истинными патриотами, борющимися с теми, кто будто бы «принижает и унижает» свой народ.

Впрочем, слово «оппонент» сочинителям сборника незнакомо. Они для них — враги не на жизнь, а на смерть, соответственно, и критика ведется в грубой, площадной форме. Вероятно, иной они не знают, им близки и понятны лишь подобные методы, это их обычный язык. Поэтому трудно удержаться от того, чтобы не ответить «антинорманистам» в понятной им форме. У меня нет личных причин для плохого отношения к авторам сборника. Я не был уличен ими в «норманизме», что, впрочем, является явным недосмотром со стороны этих патриотов, поскольку разделяю основные положения мировой и отечественной науки о роли варягов в истории Руси и неоднократно высказывал их в собственных книгах и статьях.

Просмотрев статьи, представленные в сборнике, я составил далеко не полный список «норманистов», по которым проходятся критической дубиной А. Н. Сахаров и К°. Среди них оказались члены Российской Академии наук академик В. Л. Янин и член-корреспондент Е. Н. Носов, доктора наук с мировым именем А. В. Назаренко, Е. А. Мельникова, А. Н. Кирпичников и многие другие. Да что там они, когда «норманистом» в сборнике объявлен покойный академик Д. С. Лихачев, в «норманизме» уличен Н. М. Ка-

рамзин, а не отрицавший скандинавское происхождение Рюриковичей академик Российской Академии наук А. А. Шахматов пренебрежительно назван «плохим источниковедом»! (с. 225). И это говорится об основоположнике важнейшей области источниковедения древнерусских памятников письменности — летописеведения! Короче говоря, «норманистами» сочинители сборника объявляют всех, кто признает скандинавское происхождение варягов и их роль в истории Руси, т. е. — практически всех российских историков и археологов, за исключением нескольких лиц, подавших свои статьи в этот том.

Квинтэссенция (да простят меня авторы сборника за иностранное ученое слово!) этого тома изложена во введении, на с. 2. Подписавший его от редколлегии И. А. Настенко (что-то не припомню такого историка Киевской Руси или вообще медиевиста) сокрушается по поводу того, что на конференции в Калининграде осенью 2002 г. на 20 с лишним докладов «норманистов» пришлось всего три доклада «антинорманистов». Выходит, борцы с вредными взглядами остались в ничтожном меньшинстве. Здесь же жалоба (точнее — сигнал наверх) на журнал «Родина», сотрудники которого в номере конца 2002 г., посвященном Древней Руси, почти не уделили внимания «антинорманистам». А «ведь учредителями журнала „Родина“ являются отнюдь не частные организации», — возмущенно пишет И. А. Настенко. Вот оно! Действительно, учредители «Родины» — Администрация Президента и Правительство Российской Федерации. Следовательно, они не были достаточно бдительны. «Куда смотрит начальство?» — этот горестный вопль пронизывает введение, да и большинство статей.

Все эти моления нельзя квалифицировать иначе, как просьбу к власти навести порядок в ее собственном издании, а еще лучше бы — в российской исторической науке. По-своему, их можно понять — без действенной поддержки сильных мира сего, в честном научном соперничестве с учеными других взглядов «антинорманистам» не устоять. Уж поистине, по Козьме Пруткову: амбиции у них превыше амуниции.

Задаёт тон всему последующему — грубый и оскорбительный (впрочем, снизойдут ли оскорбиться критикуемые? — вряд ли) — статья А. Н. Сахарова «Рюрик, варяги и судьбы российской государственности». Признанная мировой наукой (и не только в

Скандинавии) мысль о нескольких волнах скандинавского проникновения на Русь в VIII–IX вв. называется «галиматьей» (с. 13). Подобные выражения вызывают недоумение и гадливость, присущую каждому здоровому человеку. С самого начала автором проводится тезис о том, что версия «норманистов» о будто бы норманском происхождении русской государственности строится исключительно на признании Рюрика «выходцем из германских либо шведских земель». Пусть даже утверждение о «главном доказательстве» было бы справедливым — а на самом деле аргументация «норманистов» базируется на бесчисленных данных археологии, нумизматики, источниковедения, лингвистики и т. д., — ну и что? Откуда бы ни пришел Рюрик (с братьями или без них), это ни в коем случае не означает, что он и варяги в целом создали государственность на Руси.

Основное возмущение А. Н. Сахарова вызывает то, что его научные оппоненты-враги, оказывается, хорошо образованны: они «долгие годы работали со шведскими, немецкими, исландскими, восточными источниками и сделали эти источники по существу наиболее важными свидетельствами по истории древних славян» (с. 12). «Вот и молодцы — открыли новые материалы по отечественной истории!» — сказал бы другой. А здесь приходится объяснять члену-корреспонденту РАН (!) элементарную истину, что подлинная наука не знает деления источников на более или менее важные. Ясно, что сам А. Н. Сахаров перечисленных им источников не знает и читать их не умеет. К тому же он не назвал два важнейших языка, на которых написано большинство иностранных источников по истории Древней Руси: латыни и греческого.

Но как же тогда быть с его роскошно изданной в 1980 г. — он тогда был одним из важных чиновников Комиздата, зловещего органа, с полицейским рвением следившего за советскими учеными, давившего любую свободную мысль, — «Дипломатией Древней Руси»? Ведь эта книга почти целиком построена именно на зарубежных, столь нелюбимых сегодня А. Н. Сахаровым источниках! Так, раздел «Поход на Константинополь в 860 г.» основывается не столько на кратком, лишенном реалий сообщении Повести временных лет, сколько на свидетельствах патриарха Фотия и папы Николая I (современников событий), Продолжателя хроники Феофана,

исторических сочинениях Симеона Логофета, Иоанна Скилицы, Иоанна Зонары и многих-многих других византийских авторов, чьи сведения обильно приводятся автором в тексте.

Возникает далеко не праздный вопрос: как попали эти вредные иноземные источники в патриотическое сочинение А. Н. Сахарова, иначе говоря — кто помог не знающему языков и, тем более, иностранных источников сочинителю, выполнить работу, которую обязан самолично делать исследователь?!

Но — вернемся к оппонентам А. Н. Сахарова, которых он называет «вчерашними филологами-переводчиками» (следуя его логике, самого автора следовало бы называть «вчерашним партийным функционером», что полностью соответствовало бы истине). Он упрекает своих научных врагов в сговоре с археологами и историками, изучающими «другие регионы», прежде всего Скандинавию. Оказывается, враги-«норманисты» «слабо разбираются в русских источниках», не знают древнерусского языка и пр. (Это академик Янин-то не знает древнерусского языка?!). Между тем и В. Л. Янину, и А. В. Назаренко, и В. Я. Петрухину, и Е. А. Мельниковой и многим другим, столь нелюбимым А. Н. Сахаровым знатокам иноземных языков, принадлежат важные работы по русскому летописанию, высоко ценимые в мировой науке.

Грубость и злобное отношение к знатокам иностранных источников, осмеливающимся писать не так, как ему хочется, вообще пронизывает статью А. Н. Сахарова. Крупнейших из них он называет «яростными и невежественными защитниками норманистских концепций», особую ненависть среди них вызывает доктор исторических наук Е. А. Мельникова, руководитель Центра «Восточная Европа в древности и средневековье» Института всеобщей истории РАН, член шведской Академии Густава-Адольфа, создатель научной школы, достойно продолжающей дело В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнина и многих других корифеев отечественной науки.

Но действительно наивными и невежественными выглядят в этой и других статьях А. Н. Сахарова попытки вести научную полемику с Е. А. Мельниковой и другими знатоками чужеземных языков и источников по поводу происхождения и значения термина «русь». Лингвистические изыскания А. Н. Сахарова производят комическое впечатление, — если бы не агрессивная и ядовитая злоба, сквозящая в каждом слове. Позволю себе остановиться на

существо дела, — собственно говоря, научное сообщество с ними давно знакомо. Это делается мною для бедных читателей этого тома Сборника РИО, могущих, чего доброго, подумать, что имеют дело с наукой.

Итак, полемические потуги А. Н. Сахарова сводятся к следующим пунктам. 1. Он с негодованием отвергает господствующую в современной науке концепцию скандинавского происхождения слова «русь»², однако даже не пытается противопоставить подобной этимологии иную, ибо теории славянского, равно как кельтского, иранского и пр. происхождения термина «русь» давно уже скомпрометированы лингвистами. 2. Варяги — не скандинавы, а «славянский этнический элемент», точнее — «южно-балтийские славяне», а варяги-русь — «славянский государственный анклав на южном берегу Балтики» (с. 13–16). Это утверждение основано на вышедшей еще в 1870-е гг. и столь любимой нынешними антинорманистами книге С. И. Гедеонова, отвергнутой наукой конца XIX в.! И хорошо бы пояснить, что это за анклав такой, да еще государственный — в IX-то веке! 3. Сам Рюрик и варяги — чистые славяне. При этом автор даже ссылается на летопись, говорящую как раз об обратном. Слава Богу, так думает лишь А. Н. Сахаров и небольшая кучка его малообразованных сторонников, собранных в этом томе под ветхими знаменами антинорманизма XVIII–XIX вв.

С удивлением отмечу, что все эти рассуждения, страдающие отсутствием научной логики и доказательств, почти не подкрепляются свидетельствами источников — лишь четыре ссылки сделаны на Повесть временных лет, да и эти тексты интерпретируются примитивно-тенденциозно. И дело не только в источниковедческой беспомощности члена-корреспондента, но и в невозможности доказать с помощью источников недоказуемое — славянство варягов.

Между тем Повесть временных лет, главный и, в сущности, единственный древнерусский источник по норманской проблеме, как раз ставит русь в один ряд с другими скандинавскими этносами. Рассказывая о призвании варягов, Нестор пишет, что послы от славян «идоша за море къ варягомь, к руси. Сице бо ся зваху ты

² Ее разделяют многие авторитетные лингвисты разных стран, как российские (А. И. Попов, Г. А. Хабургаев), так и зарубежные (Г. Шрам).

варязи русь, яко се друзии зьвуться свие, друзии же урмане...»³. Так же и в описании Европы во Введении к Повести — русь перечислена среди варяжских (скандинавских) народов.

В западноевропейских источниках скандинавы выступают под именем норманнов. Византийские памятники IX–X вв. также знают варягов исключительно как скандинавов и уверенно отождествляют последних с русью (росами). В труде Константина Багрянородного «Об управлении империей» скандинавы-росы противопоставляются славянам. В этом источнике росы — князь с дружиной, собирающие дань-полюдь с подвластных им земель восточных славян⁴. Действительно, на Руси варяги первоначально появились в качестве князей, купцов и воинов, но постепенно их социально-этническое название «русь» распространилось на полян, а затем и прочих восточных славян. Так считает современная мировая наука.

Попытка вырвать варягов из контекста общеевропейской истории делается для того, чтобы опровергнуть неопровержимое мнение об их скандинавском происхождении. А, между тем, появление варягов в Восточной Европе в VIII–IX вв. синхронно их оседанию во многих европейских странах: Англии и Франции, Италии и Византии. И всюду они появляются в качестве купцов и воинов, а на севере Франции и в центре Англии даже создают собственные государства. Единство материальной культуры — вооружение, украшения, одежда и пр. — объединяет норманнов западноевропейских источников с русскими варягами. Это — один и тот же народ. Важно отметить, что все эти вещи найдены не только на поселениях, но и в погребениях. Ведь погребальный инвентарь неопровержимо свидетельствует в данном случае о скандинавской принадлежности умерших.

Не владея археологическим материалом, А. Н. Сахаров отрицает доказательность находок скандинавских вещей на Руси как свидетельства присутствия здесь варягов — мол, все они появи-

³ Повесть временных лет / Подгот. текста, перевод, статьи и коммент. Д. С. Лихачева. 2-е изд. СПб., 1999. С. 13.

⁴ *Константин Багрянородный. Об управлении империей.* Текст. Перевод. Комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989. С. 50–51.

лись исключительно благодаря торговле. Однако во многих случаях такие находки неопровержимо доказывают наличие скандинавского, варяжского населения — вспомним Тимерево, Гнёздово, Шестовицы, на городищах и в погребениях которых находят множество скандинавских вещей. Особенно очевиден случай со Старой Ладогой. Поселение здесь появилось в середине VIII в., и основано оно не славянами, а скандинавами — древнейший археологический материал является скандинавским. И лишь через несколько десятилетий в Ладого появляются славяне и, соответственно, славянские вещи.

Наконец, обратимся к данным лингвистики, науки вовсе не политизированной. Уже давно доказано, что имена большинства слов князя Игоря, заключивших мир с Византией в 944 г., скандинавские: Ивар, Вуефаст, Шихъберн, Фудри, Улеб и др. Бесспорно скандинавские и имена первых русских князей: Рюрик, Олег, Игорь (Ингвар), Ольга. А приведенные Константином Багрянородным «росские» названия днепровских порогов имеют очевидное скандинавское происхождение, что доказано в трудах современных лингвистов.

Завершается удивительная, мягко говоря, статья А. Н. Сахарова полюбившимся ему антинаучным утверждением о славянском происхождении варягов на «древней славянской земле» — нынешней Калининградской области. Сказать здесь нечего. Разве что автор отождествил — в традициях XV–XVI вв. — пруссов (балтские племена, населявшие эту территорию все I-е и начало II-го тыс. н. э.) с русскими?

Все остальные статьи в этом томе и вовсе не представляют научного интереса. Их авторы демонстрируют преданность «антинорманизму» и своему вдохновителю, буквально повторяя все тезисы Сахарова. Приходится еще раз отметить крайнюю малочисленность и научную некачественность авторского коллектива. Кроме А. Н. Сахарова и ныне покойного А. Г. Кузьмина, все остальные авторы этого сборника не известны ни мне, ни моим коллегам-русистам.

Если коротко охарактеризовать смысл раздела «антинорманизм», то не найти более точного определения: это политический донос, призывающий власти к решительным мерам против «норманистов»!

Хочется думать, что решительные меры не последуют. Иначе к чему были все трудности, через которые прошла Россия и ее наука за последние 15 лет, к чему постоянно повторяемые властью утверждения о свободе слова?! А в нашем случае речь идет о свободе научной мысли. Тем более что идущая не в ногу со временем и мировым научным сообществом кучка яростных «антинорманистов» на какую бы то ни было научную мысль не способна.

Н. Ф. Котляр

Список сокращений

- АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV — начала XVI в. М., 1952–1958. Т. 1–3.
- ВЕДС — Восточная Европа в древности и средневековье: Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Мат-лы конф. М.
- ГАТО — Государственный архив Тверской области
- ГИМ — Государственный исторический музей
- ДГ — Древнейшие государства на территории СССР (с 1991 г. — Древнейшие государства Восточной Европы): Материалы и исследования. М.
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М., 1950.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
- ИЗ — Исторические записки. М.
- ЛХ — Летописи и хроники. М.
- МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- ОИ — Отечественная история. М.
- ОИДР — Общество истории и древностей российских
- ОР — Отдел рукописей
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

- РГБ — Российская государственная библиотека
- РИБ — Русская историческая библиотека
- ТС — Тюркологический сборник. Баку
- УІЗ — Український історичний збірник. Київ
- ВНВ — Byzantinisches Handbuch
- BMGS — Byzantine and Modern Greek Studies. Birmingham
- BSI — Byzantinoslavica. Praha
- BZ — Byzantinische Zeitschrift. München
- FBRG — Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte. Frankfurt/M.
- FM — Fontes minores. Frankfurt/M.
- FS — Festschrift
- EI² — The Encyclopaedia of Islam. New ed. Leiden; London
- Grumel / Darrouzès* — Les Regestes des actes du patriarcat de Constantinople. Paris, 1989. Vol. 1: Les actes des patriarches. Fasc. 2–3: Les registes de 715 à 1206 / Par V. Grumel; 2e éd. par J. Darrouzès
- HBAW — Handbuch der Altertumswissenschaft
- HUS — Harvard Ukrainian Studies. Cambridge (Mass.)
- Jaffé*. BRG — Bibliotheca rerum Germanicarum / Ed. Ph. Jaffé. Berlin, 1864–1873. Bd. 1–6.
- LdMA — Lexikon des Mittelalters. München; Zürich
- Mansi* — *Mansi J. B. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio*. Florentiae; Venetiae, 1759–1769. T. 1–31.
- MGH — Monumenta Germaniae Historica
- MGH DD — MGH Diplomata
- MG SS — MGH Scriptores (in folio)
- PG — Patrologiae cursus completus. Series Graeca / Ed. J.-P. Migne. Paris, 1857–1866. T. 1–161.
- PL — Patrologie cursus completus. Series Latina / Ed. J.-P. Migne. Paris, 1844–1864. T. 1–221.

-
- QuEBG NF — Quellen und Erörterungen zur bayerischen Geschichte. Neue Folge
- REB — Revue des études byzantines. Paris
- Rhallès / Potlès* — *Ραλλής Γ. Α., Ποτλής Μ.* Σύνταγμα των θείων και ιερών κανόνων των τε αγίων πανευφημών αποστολών και των ιερών οικουμενικών και τοπικών συνόδων και των κατά μέρος αγίων πατέρων. Αθηνησιν, 1852–1859. Τ. 1–6.
- RIS NS — Rerum Italicarum scriptores — Raccoltà degli storici italiani del cinquecento al millecinquecento / Ordinata da L. A. Muratori, nova edizione riveduta, ampliata et corretta
- ZBLG — Zeitschrift für bayerische Landesgeschichte. München

Содержание

Предисловие	3
-------------------	---

Статьи

<i>Коновалова И. Г.</i> Вхождение Руси в систему политических отношений Хазарии, Халифата и Византии (IX в.)	7
<i>Лукин П. В.</i> Зачем Изяслав Ярославич «възгна торгъ на гору»? К вопросу о месте проведения вечевых собраний в средневековом Киеве	31
<i>Азбелев С. Н.</i> Походы русских князей на Херсонес в былинной интерпретации	56
<i>Назаренко А. В.</i> Владимир Мономах и Вельфы в конце XI в.	71
<i>Стефанович П. С.</i> Отношения князя и знати в Галицком и Волынском княжествах до конца XII в.	120
<i>Толочко А. П.</i> Известен ли год рождения Даниила Романовича Галицкого?	221
<i>Чернов С. З.</i> Микрорегиональные исследования исторических территорий средневековой Руси: Новые возможности, проблемы, перспективы	237
<i>Кучкин В. А.</i> Последний договор Дмитрия Донского	275
<i>Конявская Е. Л.</i> Суд над тверским епископом Евфимием и поставление на епископскую кафедру Арсения	317

Рецензии

<i>В. И. Матузова, Е. Л. Назарова.</i> Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. Тексты, перевод, комментарии. М.: Индрик, 2002. 448 с. (<i>А. А. Горский</i>)	339
В тоске по утраченному времени (<i>Н. Ф. Котляр</i>)	343
Список сокращений	354

Научное издание

СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ

Выпуск 7

Издательство «Индрик»

Корректор *М. В. Архиреев*
Оригинал-макет *И. В. Заика*

Исключительное право оптовой реализации книг издательства «Индрик»
принадлежит книжной галерее «Нина»
www.kniginina.ru
тел./факс: (495) 959-21-03

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia
and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by
e-mail: nina_dom@mtu-net.ru
or by tel./fax: +7 495 959-21-03

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.

Формат 60×84¹/₁₆. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
22,5 п. л. Тираж 800 экз. Заказ № 1010

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ППП «Типография „Наука“».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 6

